

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ

А вѣдь русскій то фибринъ или це-
ребринъ еще сыроватъ—оттого мы и
не умѣемъ ничего довести до конца.
Это вина не личности, а расы и ея
возраста.

А. Герценъ.

La Russie en est au règne des appa-
rences, qui en toutes choses est le
grand obstacle à ses progrès.

A. Leroy-Beaulieu.

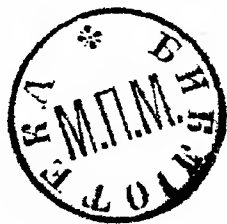
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

ОЧЕРКИ

НАШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ТОМЪ П.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1890

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

	СТР.
ГЛАВА XIV. Сепаратизмъ и инородцы. Украинофильство.— Польскія иллюзіи.—Роль нѣмцевъ въ Россіи.—Прибалтійскій край и Дерптскій университетъ.—Иностранцы.—Армяне.— Туркестанъ	1
ГЛАВА XV. Евреи. Еврейскій вопросъ.— Расовыя черты евре- евъ.—Евреи въ Англіи.—Положеніе евреевъ въ Россіи, ихъ плодовитость.—Евреи по отношенію къ воинской повинности, торговлѣ, питейному промыслу.—Мѣропріятія императора Николая I	34
ГЛАВА XVI. Мѣры для разрѣшенія еврейскаго вопроса въ Рос- сіи.— Полемика по поводу предложенныхъ мѣръ.—Эмиграція евреевъ.—Брошюра Демидова Санъ-Донато.—Майскіе за- коны	60
ГЛАВА XVII. Финансы. Значеніе для финансовъ общественнаго контроля.— Вліяніе народнаго характера.—Исторія нашихъ финансовъ.—Изобрѣтательность по части налоговъ.—Госу- дарственные расходы и бережливость.—Курьезы бюджета.— Спеціальныя капиталы и депозиты	88
ГЛАВА XVIII. Статистика, сѣзды и комиссіи. Наша офи- ціальная статистика: населенія, сельскаго хозяйства, про- мышленности и торговли.— Сѣзды, комиссіи и изслѣдова- нія: податная комиссія, комиссіи графа Валуева и г. Плеве, железнодорожная комиссія графа Баранова.—Земскіе экс- перты	121
ГЛАВА XIX. Народное здоровіе. Эпидеміи въ Россіи.— Гигіе- ническія мѣропріятія, карантинны.—Борьба съ пьянствомъ.— Аптеки.—Охраненіе жизни и здоровія фабричныхъ рабо- чихъ и малолѣтнихъ	152
ГЛАВА XX. Судъ. Основы суда и правовыи порядокъ.— Не- достатки стараго судоустройства.—Судебная реформа.—Судъ и печать.—Безобразія адвокатуры.—Смертная казнь	184

	СТР
ГЛАВА XXI. Школа. Потребности нашей школы.—Объ умствен- номъ пролетаріатѣ.—Новый университетскій уставъ.—Тѣлес- ныя наказанія въ школѣ.— Женское образованіе	214
ГЛАВА XXII. Вліяніе успѣховъ техники.— Положеніе у насъ техническаго образованія.— Технологическій институтъ.— Сельскохозяйственное образованіе.— Коммерческое учили- ще.—Театральные курсы.	237
ГЛАВА XXIII. Печать. Печать въ Россіи, вліяніе иностранной литературы.— Законъ о печати, его послѣднія измѣненія.— Подсудность печати.— Право служащихъ выражать свои мнѣнія печатно.— Малая и провинціальная печать.— Губер- нскія вѣдомости	260
ГЛАВА XXIV. Наука и искусство. Положеніе въ Россіи геогра- фіи и астрономіи.— Сѣзды естествоиспытателей.— Исслѣдо- ваніе окраинъ.— Мода въ наукѣ.— Политическая экономія.— Живопись и скульптура.— Положеніе писателей.— Музыка .	286
ГЛАВА XXV. Театръ. Историческій очеркъ.— Паденіе казен- ныхъ театровъ.— Монополія и свобода театровъ.— Зрѣлища въ посту.— Театръ въ Москвѣ и въ провинціи.— Развлеченія толпы	316
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	355

ГЛАВА XIV.

Сепаратизмъ и инородцы.

Украинофильство.—Польскія иллюзіи.—Роль нѣмцевъ въ Россіи.—Прибалтійскій край и Дерптскій университетъ.—Иностранцы.—Армяне.—Туркестанъ.

Россія болѣе двухсотъ лѣтъ ведетъ завоевательную политику,—неудивительно, что вопросъ о сепаратизмѣ нѣкоторыхъ не совсѣмъ еще крѣпко сплотившихся частей Имперіи и объ инородцахъ весьма важенъ. Ему одному слѣдовало бы посвятить не главу, а цѣлую книгу, да и въ книгѣ не исчерпать всего обширнаго вопроса.

О ненормальномъ положеніи Финляндіи, созданномъ милостью Александра I, мы говорили. Достаточно сказать, что шведской культурѣ была отдана земля, гдѣ еще въ XIV столѣтіи была учреждена православная корельская епархія. Изъ другихъ присоединеній Россіи Малороссія считалась самымъ прочнымъ, пока такъ называемые украинофилы (созданіе нашей же дурной школы) не подняли вновь вопроса объ этомъ соединеніи.

8-го января 1654 г., послѣ продолжительныхъ переговоровъ, гдѣ всегда осторожное московское правительство высказывало гораздо менѣе охоты принимать въ свое подданство казаковъ, нежели казаки показали стремленія подчиниться Москвѣ, торжественно и добровольно свершился актъ соединенія Малороссіи съ Великороссіей; увѣко-

вѣченный теперь прекраснымъ памятникомъ, воздвигнутымъ въ Кіевѣ. Невольно представляется вопросъ: измѣнилось ли положеніе вещей, которое двѣсти тридцать пять лѣтъ назадъ значительную часть малорусскаго племени заставило искать спасенія въ тѣсномъ сближеніи съ Государствомъ Московскимъ? Затѣмъ, проиграла или выиграла та земля, что могла назваться тогда полунезависимой Малороссіей — готовая, впрочемъ, отдаться съ отчаянія татарскому хану — отъ соединенія съ Великороссіей, и, наконецъ, жива ли еще идея Богдана Хмельницкаго какъ политическая сила?

За двѣсти лѣтъ Польша утратила свою независимость и военно-аристократическая республика, державшая въ своихъ рукахъ милліоны русскаго и литовскаго народа, перешла въ область исторіи, но далеко польщизна и іезуитскій духъ не утратили своего значенія и еще въ 1863 г. серьезно подымался вопросъ о пожертвованіи для нихъ значительной части Западной Россіи. Мы не говоримъ уже о малороссахъ Захолмской Руси, которые и до сихъ поръ офиціально включены въ Царство Польское и пользуются, безъ всякаго съ ихъ стороны желанія, тѣми остатками старопольской государственности, которые сберегаются еще въ губерніяхъ привислянскихъ.

Но если и считать Польшу окончателью исключенною изъ политическихъ факторовъ, которые могутъ передѣлывать карту средней Европы, то и въ такомъ случаѣ *raison d'être* сліянія Руси южной и сѣверной нисколько не потерялъ своего значенія. Самая Польша и составная часть ея, Литва, при посредствѣ которой малороссы и попали въ подданство поляковъ, собралась во-едино и укрѣпилась, какъ военное орудіе противъ напора германцевъ, начавшихъ съ X и XI вѣка быстро распространяться на Востокъ. Политическія обстоятельства, въ особенности религіозныя смуты, ослабили одно время давленіе германскаго племени, но, во второй половинѣ XIX столѣтія, мы явились свидѣтелями новаго разцвѣта нѣмецкихъ силъ. Германія заняла такое прочное и могущественное положеніе въ срединѣ Европы, имѣетъ такой избытокъ свободныхъ

рукъ, что никакое второстепенное славянское государство не удержится противъ нея, какъ не удержались въ свое время противъ напора нѣмцемъ западныхъ славянскія монархіи. Короче говоря, малороссы, какъ и поляки, если желаютъ сохранить свою славянскую фізіономію, если не хотятъ, чтобы ихъ постигла прискорбная участь славянъ полабскихъ и прибалтійскихъ, совершенно онѣмеченныхъ, то имъ ничего не остается, какъ и впредь крѣпко держаться „царя восточнаго, православнаго“. Таковъ роковой законъ исторіи, и малѣйшая рознь будетъ гибельна для отщепенцевъ.

Вопросъ о выгодахъ и потеряхъ малороссійскаго племени отъ соединенія съ Москвою — вопросъ весьма деликатный и сложный. Вырывая отдѣльные факты можно, конечно, всегда доказывать, что та или другая часть государства въ данную минуту играетъ роль пріемыша въ семьѣ; мы ежедневно читаемъ, напримѣръ, жалобы окраинъ, что ихъ забываютъ въ Петербургѣ, а рядомъ такія же жалобы, что у насъ слишкомъ много хлопочутъ объ окраинахъ, а не видятъ того, что творится въ двухъ шагахъ отъ столицы. Несомнѣнно, что и по отношенію къ Малороссіи можно, держась подобной системы, наговорить не мало жалкихъ словъ. „Украинофилы“ занимались этимъ съ усердіемъ и все, что, напримѣръ, писано было о введеніи Екатериною II въ Малороссіи крѣпостного права не лишено основанія.

Но, въ исторіи народа за двѣсти лѣтъ, надобно брать не отдѣльныя явленія, а общія черты и смотрѣть на окончательные результаты. По ходу исторіи самостоятельнымъ малороссійское племя быть не могло и даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно имѣло quasi-самобытность, высшіе классы его немедленно измѣняли народу и тянули къ Литвѣ, Польшѣ и Турціи; думать, поэтому, что малороссійское племя создало бы какую-то новую цивилизацію, явилось бы замѣтнымъ культурнымъ элементомъ въ ряду европейскихъ народовъ, значитъ фантазировать. Въ реальномъ же отношеніи не можетъ быть никакого сомнѣнія, что малороссійскій народъ выигралъ отъ сліянія съ Москвою.

Россія освободила огромную массу малороссовъ отъ рабства въ бывшихъ польскихъ воеводствахъ юго-западной Россіи, затѣмъ своими побѣдами надъ турками и татарами Россія не только успокоила навсегда бывшую Украину отъ военныхъ тревогъ, но и открыла для малороссовъ огромную новую область: Новороссійскій край и Кавказъ сѣверный и сѣверо-западный колонизированы главнымъ образомъ малороссами. Въ экономическомъ отношеніи земледѣльческая Малороссія очень выиграла отъ тѣсной связи съ промышленною и торговою Великороссіей. Это прекрасно разъяснено въ замѣчательной книгѣ Ивана Аксакова объ украинскихъ ярмаркахъ. Насколько возможно, Россія поддерживала и самостоятельную промышленность Малороссіи, на примѣръ, свекло-сахарную. Въ культурномъ отношеніи Малороссія также не проиграла. Три университета устроены среди территоріи, населенной малороссами, и столько же ихъ для всей остальной Россіи, не считая Царства Польскаго и Прибалтійскаго края. Гоголь, конечно, приобрѣлъ крупное значеніе и даже европейскую извѣстность, потому, что сталъ писателемъ русскимъ, а не мѣстнымъ. Множество другихъ писателей и ученыхъ малороссійскаго происхожденія съ честью подвизались въ русской литературѣ и наукѣ и принесли этимъ попутно не малую пользу своей родинѣ. Церковь наша всегда имѣла множество высшихъ представителей малороссійскаго происхожденія. Въ XVIII вѣкѣ, благодаря вліянію придворныхъ духовниковъ, малороссы имѣли даже почти монополію занятія высшихъ духовныхъ должностей, монополію, которой завидовало прочее русское духовенство. На гражданскомъ поприщѣ множество малороссовъ достигло самаго высокаго officialнаго положенія: Безбородки, Кочубеи, Разумовскіе, Трощинскіе, Паскевичи, Дурново, Вронченки, Завадовскіе, и т. д., и т. д. занимали первостепенные посты. Въ гражданской службѣ огромное число чиновниковъ — изъ малороссовъ, и они также, временами, монополизировали свое положеніе. Въ арміи нашей число унтеръ офицеровъ изъ „хохловъ“ всегда, пропорціонально, болѣе числа представителей другихъ населяющихъ Россію племенъ.

Конечно, малороссы обязаны этимъ положеніемъ своимъ природнымъ способностямъ: серьезности своего характера, настойчивости, соединенной съ тонкостью ума, добродушію съ отѣнкомъ юмора, храбрости на войнѣ, но это показываетъ, что никакихъ причинъ они жаловаться не имѣютъ и что желаніе переяславльской рады быть „все едино“ вполне осуществилось: никакой разницы въ правахъ для малороссовъ въ обще-русской семьѣ нѣтъ. Напротивъ, въ гражданскихъ законахъ сохранены даже для жителей бывшей Малороссіи Хмельницкаго нѣкоторыя особенности и привилегіи, весьма, впрочемъ, незначительныя.

На послѣдній изъ поставленныхъ нами вопросовъ—отвѣтъ также нетруденъ. До сихъ поръ три милліона малороссовъ, населяющіе Червонную Русь, оторваны отъ общаго отечества и лишены даже своего имени, чтобы носить какія-то фантастическія клички рутеновъ или руссиновъ. Эта интересная часть малорусскаго народа ждетъ еще своего Богдана Хмельницкаго и своего Выговскаго; заря освобожденія ея не занималась, а до того она вынуждена отстаивать самобытность и православную вѣру отъ дружнаго напора культуры нѣмецкой и польско-іезуитской. И полудикіе мадьяры, и молдаване, и тѣ имѣютъ претензію—часть прикарпатскихъ малороссовъ уловить въ нѣдра своей фантастической цивилизаціи. Правда, на этой отрасли малороссійскаго народа, подъ видомъ интеллигенціи, образовался уже легкій налетъ измѣнниковъ славянству, но такое явленіе не ново; на него указывалъ уже Самаринъ въ своемъ отвѣтѣ Кулишу въ то время, когда послѣдній еще былъ столпомъ украинофильства. Волна событій смоетъ эту легкую пѣну и сознаніе благъ единенія славяно-русскихъ племенъ переживетъ вѣка.

Гораздо сложнѣе и затруднительнѣе для разрѣшенія вопросъ польскій. Если есть люди, къ которымъ всецѣло прилагается изрѣченіе Наполеона о тѣхъ, которые „ничего не забыли и ничему не научились“, то это именно поляки. Ничего откровенно-циничнѣе по этой части трудно найти чтобы приближалось къ открытому письму маркиза Велепольскаго къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей“, на-

печатанному подъ видомъ защиты польскаго народа въ потворствѣ злодѣянію 1-го марта.

Свои „права“ на торжественное обращеніе къ русской публикѣ маркизъ Велепольскій основывалъ на покушеніяхъ, которымъ подвергался его отецъ. Это упоминаніе о чловѣкѣ, котораго близорукая двуличная политика принесла Россіи и Польшѣ неисчислимыя бѣдствія, мы считаемъ совершенно неумѣстнымъ. Польскіе революціонеры въ своемъ бѣшенномъ отчаяніи покушались одинаково и на тѣхъ, которые въ сущности дѣйствовали имъ въ руку (таковые, къ несчастью, были и между русскими администраторами), и на тѣхъ, которые мѣшали ихъ кознямъ. Что же это доказываетъ, кромѣ легкомыслія, свойственнаго полякамъ?

Русское общественное мнѣніе и русская исторія давно разобрали правыхъ отъ виноватыхъ; когда нибудь и польская исторія оцѣнитъ, кто принесъ болѣе вреда Польшѣ: тѣ, кто, подвергая свою жизнь опасности, лѣзли на висѣлицу, или же тѣ, кто съ доктринерскимъ іезуитизмомъ подготовляли порядокъ вещей, не дававшій другого выхода, кромѣ рѣзни и казней. Такимъ образомъ, маркизу Велепольскому именно изъ уваженія къ памяти его отца, одного изъ главныхъ виновниковъ возстанія, менѣе чѣмъ кому либо приличествовало говорить о прискорбныхъ событіяхъ начала 60-хъ годовъ. Посмотримъ, однако, насколько умудрили маркиза, типичнаго представителя поляковъ, эти событія.

Начать съ того, что авторъ письма спѣшилъ доказывать, будто возстаніе 1863 года было дѣломъ только кружка революціонеровъ отчасти международныхъ, а по преимуществу воспитанныхъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ! Это увѣреніе возмутило даже польскій патріотизмъ газеты, напечатавшей письмо маркиза Велепольскаго, и она на другой день замѣтила, что въ возстаніи участвовала „масса польскаго населенія“, вѣрнѣе бы слѣдовало сказать: масса шляхты и городского населенія, т. е. той же шляхты, духовенства, ремесленниковъ и евреевъ.

Обвинять русскія школы въ подготовленіи къ возстанію 1863 г. не совѣмъ основательно. Правда, большинство

крупныхъ революціонныхъ дѣятелей вышло изъ брестскаго корпуса и изъ университетовъ (петербургскаго, кievскаго и московскаго), но первый былъ почти исключительно наполненъ дѣтьми польской шляхты, а въ послѣднихъ польскіе студенты всегда составляли совершенно особые кружки и корпораціи, недоступныя для русскихъ, кружки, жившіе въ отдѣльномъ мірѣ понятій и мечтаній. Очень можетъ быть, что въ эти кружки улавливались и болѣе слабоумныя изъ русской молодежи, но несомнѣнно, что взаимно русское вліяніе на польскіе кружки было совершенно ничтожно.

Между тѣмъ маркизъ Велепольскій дѣлаетъ смѣлое заключеніе, что „винить однихъ поляковъ за 1863 годъ было бы и несправедливо, и невѣрно“. Но еслибы и допустить противное, то, спрашиваетъ маркизъ: „прилично ли побѣдителя истязать такимъ образомъ морально и издѣваться надъ побѣжденными? Въ правѣ ли владыка жаловаться на невольника за ту дешевую отраву, которую ему, будто бы, преподносилъ сей послѣдній?“... „Не мое, конечно, дѣло, продолжаетъ маркизъ, разсуждать, не кроется ли въ существѣ отношеній, основанныхъ на рабствѣ, зло—одинаково убійственное и для господина, и для раба; но имѣю основаніе утверждать, что еслибы позднее потомство стало возсоздавать исторію XIX вѣка, то оно бы вывело, конечно, то заключеніе, что поляки должно быть сильно угнетали русскихъ, коль скоро сіи послѣдніе питаютъ къ нимъ такую страшную ненависть“.

Оставляя въ сторонѣ фразы о „рабствѣ“ поляковъ и положеніи ихъ, схожемъ съ положеніемъ „невольниковъ“, не помѣшавшемъ однако—замѣтимъ въ скобкахъ—автору письма безъ труда дослужиться до чина тайнаго совѣтника и до высокихъ должностей и придворныхъ званій въ той же Россіи, нельзя не подивиться наивности вопроса объ угнетеніи русскихъ поляками. Да что же такое вся польская исторія, съ XVI вѣка до освобожденія крестьянъ во второй половинѣ XIX вѣка, какъ не исторія угнетенія польскимъ меньшинствомъ съ его западными культурой и религіей русскаго большинства, его культуры и его религіи? Неужели распаденіе Польши объясняется только интри-

гами Россіи, или какъ презрительно называетъ маркизъ „великаго княжества московскаго?“ Даже польскіе историки не фальсифицируютъ уже подобнымъ образомъ своей исторіи и откровенно сознаются въ грѣхахъ своихъ предковъ противъ казаковъ, низшихъ сословій и православной вѣры. Кто же это виноватъ, что польской націи давно не существовало? Народъ есть организованное тѣло, гдѣ дворянство голова, среднія сословія корпусъ, низшія сословія конечности. Въ Польшѣ жида замѣняли среднія сословія и раздѣляли дворянство отъ крестьянъ, голову отъ органовъ.

Дѣло еще не въ опѣнѣхъ польской исторіи вообще и исторіи возстанія 1863 г. въ частности. Авторъ письма, подъ видомъ разбора будущей русской политики въ Польшѣ, пояснялъ, что желать этой политики значитъ жаждать новаго кровопролитія, новыхъ конфискацій, новой наживы русскимъ чиновникамъ и жалѣть даже той доли воздуха, которая все-таки осталась за поляками. И послѣ такого недобросовѣстнаго упрека реформамъ 1864—66 годовъ, понимать и цѣнить которыя начинаютъ уже и иностранцы, маркизъ Велепольскій заявлялъ, что его путь прямой и что въ средѣ русскаго народа непременно найдутся люди благонамѣренныя, которые подадутъ ему руку и съ которыми онъ и его единомышленники сойдутся въ идеѣ общаго блага!

Да, это путь прямой... къ новому возстанію. Само собою, что маркизъ Велепольскій и его товарищи не думаютъ о революціяхъ, даже вѣроятно проклиная ихъ въ душѣ, но иллюзіи, возбуждаемыя подобными рѣчами въ шаткой польской интеллигенціи, логическимъ послѣдствіемъ имѣли до сихъ поръ возстанія. Трудно примирить и успокоить человѣка, доказывая ему, что онъ находится въ тягостномъ рабствѣ и горькой неволѣ.

Есть, однако, несомнѣнные признаки, что въ средѣ польскаго общества, подъ впечатлѣніемъ грубой германской политики, подъ вліяніемъ систематическаго русскаго воспитанія и въ виду явной выгоды для поляковъ отъ соединенія съ Россіей въ экономическомъ отношеніи, яви-

лась уже по отношенію къ намъ реакція. Въ былое время ни одинъ журналистъ не смѣлъ произнести имя Россіи, теперь явилась возможность въ самой Варшавѣ создаться органу, проповѣдывавшему если не соединеніе, то сближеніе съ Россіей. Служба въ Россіи, артистическая карьера въ Россіи представляется для поляковъ чѣмъ-то нормальнымъ и желательнымъ. Сами русскіе встрѣчаютъ въ Варшавѣ другой приѣмъ, чѣмъ прежде. Не лишенъ значенія былъ и поданный во время послѣдней войны всеподданнѣйшій адресъ обывателей города Варшавы, подписанный восьмьюстами вліятельнѣйшими представителями мѣстныхъ аристократіи, духовенства, биржи, суда, либеральныхъ профессій и пр. Мысль объ этомъ адресѣ возникла совершенно самостоятельно въ средѣ польскаго общества. Значеніе его было важно съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, какъ первое непосредственное отношеніе представителей польскаго народа къ престолу послѣ слишкомъ пятнадцатилѣтняго перерыва, полного грустныхъ и тягостныхъ недоразумѣній. Во-вторыхъ, какъ рѣшительный отвѣтъ на упрекъ, высказанный въ отношеніи къ полякамъ, за ихъ равнодушіе во время войны къ общимъ интересамъ славянъ, за ихъ политическую и соціальную обособленность и за слишкомъ спокойное отношеніе къ страданіямъ своихъ братьевъ подъ игомъ турокъ, борьба съ которыми составляетъ блистательнѣйшую страницу польской исторіи и важнѣйшую заслугу поляковъ для цивилизаціи. Обыватели Варшавы отвѣчали на подозрѣнія торжественнымъ заявленіемъ, что, какъ „члены одной славянской семьи“, они „готовы ко всѣмъ пожертвованіямъ для улучшенія участи своихъ братьевъ на югѣ“.

Эти благородныя слова, высказанныя въ такую минуту, когда исконные враги готовы были пользоваться всѣми средствами для укрѣпленія внутренняго раздора и зависти въ нашемъ отечествѣ и когда энергія всѣхъ славянскихъ сыновъ должна была единодушно направляться къ одной общей цѣли, безъ сомнѣнія встрѣтили сочувственный отголосокъ во всѣхъ концахъ Россіи. Но, не смотря на успокоительные признаки, въ общемъ русскіе и поляки

не перестаютъ еще находиться другъ къ другу въ положеніи воюющихъ сторонъ, если не во всей массѣ, то, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нѣкоторымъ сословіямъ. На нашу бѣду эта война поддерживается близорукой и коварной политикой Австро-Венгріи, которая изъ Галиціи, гдѣ три пятыхъ населенія русскаго, создала очагъ польскихъ притязаній. Связь съ Галиціей сильнѣе всего у крупнаго дворянства, которое, съ его многочисленными прихлебателями, наиболѣе, конечно, недовольно существующимъ порядкомъ вещей. Политически роль шляхты и магнатовъ сведена, впрочемъ, къ нулю и въ общественной жизни участіе ихъ слабое. Единственно, въ чемъ проявляется существованіе польской аристократіи въ общерусской жизни, то это участіи на скачкахъ. Послѣ помѣщиковъ, въ числѣ элементовъ, наиболѣе враждебныхъ Россіи, надобно считать извѣстную долю польской интеллигенціи: журналистовъ, литераторовъ, художниковъ и часть той арміи „эмеритовъ“—отставныхъ чиновниковъ, которая осталась отъ бывшихъ варшавскихъ правительственныхъ комиссій, т. е. министерствъ.

Затѣмъ намъ остается, конечно, очень враждебнымъ католическое духовенство. Оно имѣетъ огромное вліяніе черезъ женщинъ и всегда отличалось фанатизмомъ и узкостью воззрѣній. Послѣ новаго соглашенія съ папою и замѣщенія вакантныхъ епископскихъ кафедръ, оно сильно подняло голову. А что администрація дѣйствуетъ не довольно настойчиво и послѣдовательно, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что законъ, столь ясный и категорическій, о закрытіи монастырей въ Царствѣ Польскомъ до сихъ поръ окончательно не приведенъ въ исполненіе. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1884 г. помѣщены любопытныя свѣдѣнія о тайной католической пропагандѣ, чрезвычайно дѣятельно ведущейся въ нашей западной окраинѣ, съ цѣлью поддержать остатки польскаго вліянія.

Буржуазія, сословіе отсутствующее въ старинной Польшѣ, быстро развивается въ Царствѣ Польскомъ подъ вліяніемъ индустріализма, притягивая къ себѣ элементы изъ другихъ

сословія, а также ассимилируя въ польскую культуру евреевъ и нѣмцевъ. Среднее сословіе — наиболѣе вліятельный теперь, быть можетъ, политическій элементъ въ краѣ, во всякомъ случаѣ онъ будетъ такимъ — не сегодня, завтра. Въ немъ-то, по нашему мнѣнію, и заключается центръ тяжести для созданія *modus vivendi*, который, рано или поздно, долженъ непременно установиться въ нашихъ отношеніяхъ къ полякамъ или, вѣрнѣе, въ ихъ отношеніяхъ къ намъ.

Этому среднему сословію положительно выгодно соединеніе съ Россіей и, наоборотъ, автономія Царства Польскаго, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, напимѣръ, въ Финляндіи, была бы крайне разорительною. Интересы, связывающіе это сословіе съ Россіей, различны. Прежде всего Царство Польское сдѣлалось фабрично-заводскимъ райономъ, который не можетъ жить безъ обширнаго рынка, какъ Россія; русскіе продукты на польскіе рынки являются мало, польскіе же широко распространяются по Россіи. Затѣмъ Россія служитъ поприщемъ для службы и наживы людямъ изъ польскаго средняго сословія. При развитіи образованія, они на своей маленькой территоріи задохлись бы отъ конкуренціи. Взвѣсивъ это, можно думать, что въ средѣ польскаго средняго сословія, если существуетъ ненависть къ Россіи, то болѣе на словахъ, по привычкѣ и модѣ. Въ душѣ представители этого сословія начинаютъ сознавать, что настоящее положеніе вещей для нихъ самое выгодное и что не надобно его разрушать во имя смутныхъ фантазій.

Крестьянство считается важнѣйшимъ оплотомъ русскаго вліянія въ Царствѣ Польскомъ и для пріобрѣтенія его расположенія приняты были энергическія мѣры. Петербургскіе канцелярскіе демократы смотрѣли на Царство, какъ на чистое поле, и реформу провели прямо въ пользу крестьянъ. Крестьянская земля въ Царствѣ Польскомъ неприкосновенна, какъ вакуфы въ мусульманскихъ странахъ; наоборотъ, сервитуты въ пользу крестьянъ тщательно сохранены и изъ обычая обращены, гдѣ возможно, въ фактическое право. Можно ли считать, однако, крестьянъ окончательными пріобрѣтенными въ нашу пользу? На это существуютъ разныя воззрѣнія. Одни находятъ, что и здѣсь иллюзіями не

слѣдуетъ увлекаться. Реформа совершилась двадцать лѣтъ назадъ, старики-свидѣтели прежнихъ тягостей вымираютъ, а новое поколѣніе крестьянъ выросло уже въ томъ представленіи, что оно какъ бы всегда пользовалось настоящимъ благополучіемъ и естественно не находитъ своего положенія ужъ очень розовымъ, а желаетъ лучшаго.

Оптимисты на это возражаютъ, что мнѣнія крестьянской массы никто знать не можетъ, хотя она всегда была въ Польшѣ спокойнѣе и консервативнѣе, чѣмъ шляхта. Зѣвать, впрочемъ, не нужно, ибо, вслѣдствіе всеобщей воинской повинности, въ средѣ сельскаго сословія имѣется тысячь сто обученныхъ военному ремеслу людей, т. е. такой контингентъ для національной арміи, котораго никогда не имѣли прежнія возстанія.

„Благодаря газетамъ, говоритъ графъ П. А. Валуевъ въ своемъ романѣ „Лоринъ“, всякая желчь теперь можетъ дѣлаться чернилами“. Какъ бы въ подтвержденіе этого афоризма, какой-то „остзейскій баронъ“, желчь котораго была возбуждена парижскою рѣчью Скобелева о нѣмцахъ въ Россіи, обратилъ эту желчь въ чернила, при помощи которыхъ написалъ въ „Голосѣ“ длинный фельетонъ съ цѣлью доказать, что „ненависть русскихъ къ нѣмцамъ есть искусственное произведеніе славянофильскихъ теоретиковъ“ и что „ненависть эта—дѣланная, воображаемая и относится къ нѣмцу отвлеченному, фиктивному. Ненависть дѣланная и незаслуженная, потому что нѣмцы дурного вліянія на Россію не имѣли“. Напротивъ, во всѣхъ-де сферахъ нѣмцы оказали будто бы великія услуги Россіи.

Если же обвиненіе противъ нѣмцевъ повторяются и все больше и больше укрѣпляются въ общественномъ сознаніи, то это имѣетъ, по мнѣнію г. барона, всѣ характерные признаки мифа. „Подобно всѣмъ мифамъ, и этотъ мифъ имѣетъ историческое зерно или начало; въ этомъ случаѣ зерномъ служить деспотизмъ Бирона. Имя этого свирѣпаго временщика приводится постоянно съ явною тенденціозностью, какъ типичный образчикъ нѣмца, захватившаго власть въ Россіи, тогда какъ память его особенно ненавистна именно

русскимъ нѣмцамъ, которыхъ онъ опозорилъ. Впрочемъ, прибавлялъ г. баронъ, свергнулъ его другой нѣмецъ, Минихъ. Наконецъ, это — „дѣла давно минувшихъ дней“, и мы едва ли въ чемъ нибудь ощущаемъ теперь послѣдствія этого печальнаго періода нашей исторіи“. И такъ, не будь Бирона, кромѣ любви къ нѣмцамъ, ничего у насъ не было бы. Мы, признаться, это заключеніе считаемъ издѣвательствомъ надъ русской исторіей, опровергаемымъ фактами всѣмъ извѣстными и бьющими въ глаза.

Заблужденія г. остзейскаго барона, какъ всѣхъ его единомышленниковъ, и русскихъ и иностранныхъ, зиждутся главнымъ образомъ на представленіи, будто бы Россія въ XVII вѣкѣ представляла хаосъ, мерзость запустѣнія, въ которыхъ Петръ, при помощи нѣмцевъ, водворилъ культуру. Такъ, дѣйствительно, думали и русскіе въ наивномъ преклоненіи передъ пудрою и башмаками съ пряжками въ половинѣ XVIII вѣка, а въ XIX вѣкѣ Ѳаддей Булгаринъ, бывшій уланскій офицеръ наполеоновской арміи, предлагалъ Россію переименовать въ Петровію, а русскихъ въ петровцевъ; но не такъ было на самомъ дѣлѣ.

Россія и до Петра имѣла бюрократію, регулярную армію, искусно вела дипломатическія сношенія, имѣла сводъ законовъ, сочиненный не въ канцеляріи, а на земскомъ соборѣ, имѣла даже театральное училище. Многіе военные и дипломаты, которые прославили царствованіе Петра Великаго, получили свое воспитаніе не у нѣмцевъ, а при дворѣ царей Алексѣя и Ѳеодора. То же самое и въ промышленномъ отношеніи: первые купеческіе корабли строилъ при Петрѣ Баженовъ, первый каналъ проводилъ Сердюковъ, горные заводы устраивалъ Демидовъ и т. д. Нѣмцы играли, конечно, роль, но эта роль буквально та, которую иностранцы играютъ теперь въ Японіи. Роль отчасти полезная для страны, но въ значительной степени и эксплуататорская. Было бы страннымъ приписывать, однако, возрожденіе Японіи нѣмцамъ или какимъ либо другимъ иностранцамъ.

Другая ошибка г. остзейскаго барона состояла въ томъ, что онъ, обозрѣвая русскую исторію за два послѣдніе вѣка,

повсюду встрѣчалъ русскихъ, нѣмцевъ же лишь въ качествѣ исполнителей, и то не во всѣ царствованія. Но было бы странно, еслибы русская исторія могла обойтись безъ русскихъ! Дѣло не въ томъ, что и русскимъ „позволено“ также играть роль въ русской исторіи, а въ той удивительной пропорціи, которая существовала въ Россіи, начиная съ XVIII вѣка, между числомъ выдающихся особъ нѣмецкаго и русскаго происхожденія. Вѣдь не надобно забывать, что число чисто нѣмецкаго населенія, игравшаго роль въ судьбахъ Россіи, т. е. остзейскаго дворянства и заѣзжихъ авантюристовъ (нѣмецкіе колонисты въ счетъ не идутъ), совершенно ничтожно, сравнительно съ массою русскаго населенія, но такова ли пропорція, когда посмотришь адресъ-календари, списки высшихъ чиновъ и ознакомишься съ событіями нашей государственной и военной жизни.

Въ придворной сферѣ, всегда вліятельной въ монархическомъ государствѣ, число нѣмцевъ у насъ было весьма значительно, ослабѣвъ лишь въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ, когда русскому элементу вообще данъ болѣе широкій просторъ и болѣе значеніе. Не повторяя довольно извѣстныхъ историческихъ фактовъ, стоитъ пересчитать нѣмецкія фамиліи первыхъ чиновъ двора со времени переименованія стольниковъ, кравчихъ, конюшихъ въ оберъ-гофмаршалы, оберъ-шенки и оберъ-шталмейстеры.

Въ дипломатіи хотя нѣтъ, какъ мы говорили, народа болѣе одареннаго на этотъ счетъ какъ русскіе,—хотя дипломаты съ чисторусскими именами только и оказывались вполне надежными и дѣйствительно принесли услуги, нѣмцы всегда преобладали. Важны еще не столько имена, сколько духъ. Наши дипломатическія воззрѣнія были твердо установлены нѣмцемъ Остерманомъ въ смыслѣ преклоненія передъ Австріей, да такъ и замерли до конца 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, получивъ высшее свое выраженіе въ политикѣ Нессельроде, который хотя происходилъ изъ португальскихъ евреевъ, но по воспитанію и тенденціямъ былъ чистокровнымъ нѣмцемъ.

То же самое въ военной части. Идеи Фридриха Великаго, не смотря на опытъ французской революціи и Напо-

леона I, не смотря на собственный опытъ Суворова и друг., оставались у насъ въ великой чести до конца Крымской войны. Субординація, механическое исполненіе обязанностей, взглядъ на солдата, какъ на фигуранта и автомата, предположеніе, что одна голова можетъ думать за всѣхъ,—словомъ, фридриховскія, нѣмецкія идеи могли лучше всего осуществляться тѣми же нѣмцами, и мы видимъ, какъ нѣмцы заполонили русскую армію. Даже въ нынѣшнемъ столѣтіи иностранные нѣмцы Бенигсенъ и Дибичъ стояли во главѣ русской арміи. Затѣмъ, кто не знаетъ исторіи штаба Барклая-де-Толли, гдѣ Ермоловъ тщетно искалъ человѣка „понимающаго по-русски“, походовъ всѣхъ этихъ Буксгевденовъ, Витгенштейновъ, Сакеновъ, Винценгероде и т. д. Достаточно прочесть хотя строго цензурные солдатскіе рассказы покойнаго Скобелева (отца), чтобы сообразить, какую роль играло тогда нѣмецкое начальство. Настала Восточная война 1853—56 года и на Дунаѣ, въ арміи, снова оказалось столько начальствующихъ нѣмцевъ, что появилась военная обличительная литература съ цѣлью противодѣйствія.

Въ знаменитой брошюрѣ Менькова о нѣмцахъ на Дунаѣ доказывалось тогда, что каждый нѣмецъ въ Россіи родится съ петлей съ одной стороны и крючкомъ съ другой, почему, невидимо, одинъ нѣмецъ на службѣ зацѣпляетъ другого и тянетъ его вверхъ. Это не шутка. Въ „Военномъ Сборникѣ“, 60-хъ годовъ, были напечатаны официальные данныя, изъ которыхъ оказалось, что лютеранъ, т. е. нѣмцевъ, въ прапорщичьихъ чинахъ у насъ 20 проц. всего числа офицеровъ, а въ генеральскихъ—болѣе 70 проц., т. е., другими словами, нѣмцы попадали въ генералы среднимъ числомъ въ три съ половиною раза быстрѣе, нежели русскіе! Это ли не краснорѣчивыя цифры, г. остзейскій баронъ? И причемъ тутъ Биронъ и „дѣла минувшихъ дней“.

На гражданскую часть русскіе нѣмцы не могли также никогда пожаловаться. Не даромъ остроумный поэтъ когда-то сказалъ, говоря о „русскомъ Богѣ“:

Богъ разныхъ иноземцевъ,
Переступившихъ нашъ порогъ,
Богъ въ особенности нѣмцевъ,

Масса должностей, весьма вліятельныхъ и важныхъ, была у нихъ въ рукахъ, были цѣлыя вѣдомства, гдѣ нѣмцы занимали всѣ выдающіеся мѣста и катались, какъ сыръ въ маслѣ. Намъ скажутъ, что нѣмцы дали Россіи для гражданской службы графовъ Сиверса, Канкрина; мы поблагодаримъ за это, но напомнимъ, что нѣмцамъ же мы обязаны государственными людьми въ родѣ графа Клейнмихеля, графа Бенкендорфа, графа Берга и мн. др.

Важны еще, повторяемъ, какъ говорили о дипломатіи и военномъ дѣлѣ, не имена, а идеи. А кому же, какъ не нѣмцамъ обязана наша бюрократія прискорбнымъ воззрѣніемъ, что народъ грубая масса, изъ которой, по произволу, можно сдѣлать что угодно. Русская бюрократія XVI и XVII вѣка, очевидно, не такъ смотрѣла на вещи. Наоборотъ, какойнибудь графъ Аракчеевъ—этотъ геній бездушнаго педантизма, хотя и направленнаго къ благу отвлеченнаго государства—развѣ не прототипъ русскаго нѣмца, развѣ не плодъ долготѣнихъ нѣмецкихъ попеченій о Россіи?

Въ Аракчеевѣ именно воплощенъ нѣмецкій военный человѣкъ половины XVIII вѣка. Извѣстно, что тому, что называется „фронтомъ“, до Фридриха Великаго военные люди не придавали особаго значенія. До Морица Саксонскаго солдаты не ходили даже „въ ногу“. Пруссакіи первые начали отъ солдатъ требовать точности балетныхъ артистовъ. Фридрихъ II придавалъ стройности построеній такое важное значеніе, что у него цѣлыя отдѣльныя части маршировали развернутымъ фронтомъ, держа „глаза направо“ и сохраняя строгое равненіе. Побѣды Фридриха заставили всю тактику перестроить на фронтовомъ началѣ; подражателей явилось множество. Извѣстно, какое обожаніе существовало къ идеямъ Фридриха у насъ при Петрѣ III и въ концѣ прошлаго столѣтія: изъ-за фрунтовыхъ идей былъ удаленъ Суворовъ, но за то онѣ были на руку такимъ ограниченнымъ людямъ, какъ Аракчеевъ, который игралъ видную роль уже тогда и смолodu всосалъ въ себя нѣмецкія военныя идеи и остался вѣренъ имъ до конца жизни.

Нѣмецкая наука въ Россіи лучше всего изображается петербургской Академіей Наукъ. Извѣстно, что это учре-

жденіе положило начало въ Россіи взгляду на науку какъ на источникъ „кормленія“. Нѣмецкіе ученые передавали свои мѣста и кафедрѣ по наслѣдству, вѣря ранѣе Дарвина въ наслѣдственность талантовъ, мало того, считая, что эти таланты передаются даже отъ тестя къ зятю! Фуссъ, напримѣръ, получилъ такимъ образомъ мѣсто въ Академіи, а не прошло нѣсколькихъ лѣтъ и въ той же Академіи оказалось уже четыре Фуссы, что и заставило одного остряка того времени дать Академіи прозвище „Vierfüssige Akademie“. Таковою осталась она и по нынѣшній день.

Что сказать объ устроенныхъ въ Россіи нѣмцами фабрикахъ, банкахъ, страховыхъ обществахъ, на которые ссылался съ гордостью г. остзейскій баронъ. Кому неизвѣстно, что эти учрежденія главнымъ образомъ были направлены къ эксплуатаціи Россіи. Въ каждомъ изъ подобныхъ учрежденій на всѣхъ мало-мальски выдающихся мѣстахъ сидятъ нѣмцы и нѣмцами погоняютъ, пишутъ по-нѣмецки и разговариваютъ по-нѣмецки, книги такъ же ведутъ по-нѣмецки, а наживъ русскія деньги, или передаютъ дѣло другому нѣмцу, или уѣзжаютъ за границу...

Въ одномъ мы, впрочемъ, согласны съ г. остзейскимъ барономъ—это, что въ послѣднія двадцать пять лѣтъ произошла значительная реакція. Нѣмецкая партія хотя и существуетъ въ высшихъ сферахъ, но вліяніе ея съ каждымъ днемъ уменьшается. Партія эта, правда, состояла не изъ однихъ нѣмцевъ, но число и настоящихъ нѣмцевъ и русскихъ нѣмецкой партіи быстро уменьшается за смертью (Мейендорфъ, князь Павелъ Ливень, князь Суворовъ, графъ Литке и другіе), новыхъ же видныхъ дѣятелей на смѣну не является. Добрый знакъ! Съ преобразованіемъ Прибалтійскаго края—этой важнѣйшей нѣмецкой твердыни—и въ особенности съ реформой Дерптскаго университета, вліяніе котораго на возрожденіе нѣмецкой силы въ Россіи еще недостаточно оцѣнено—роль русскихъ нѣмцевъ, по всей вѣроятности, еще болѣе съужится.

Относительно обрусѣнія Прибалтійскаго края мы считаемъ совершенно излишнимъ разбирать запоздавшій на два вѣка протестъ балтійцевъ по существу. Еще Екатерина II—

нѣмка, замѣтимъ, по рожденію—сказала, что она не лифляндская герцогиня, а всероссійская императрица. Такое отношеніе верховной власти къ остзейскимъ претензіямъ еще болѣе имѣетъ мѣста въ настоящее время пробужденія русскаго народнаго сознанія.

Господамъ балтійцамъ давно пора забыть, какъ они были подъ началомъ своего епископа, который, въ свою очередь, былъ вассаломъ гротмейстера тевтонскаго ордена въ Маріенбургѣ, а этотъ въ подчиненіи у Польши и т. д. Три вѣка прошли съ тѣхъ поръ, польское и шведское владычество смѣнило владычество нѣмецкихъ рыцарей, а теперь Россія имѣетъ свои права, поважнѣе правъ, основанныхъ на буллахъ римскихъ папъ и на капитуляціяхъ, подписанныхъ сто восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ русскими генералами. Остзейскіе патріоты любятъ толковать объ „утраченномъ величіи“ Прибалтійскаго края, но величіе это едва ли не существуетъ только въ воображеніи вышеозначенныхъ патріотовъ. По крайней мѣрѣ при поступленіи Риги въ русское владычество, даже послѣ продолжительнаго шведскаго подданства, вся вывозная торговля Риги состояла изъ 5,520 пудовъ хлѣба и 562,560 пудовъ льняного сѣмени и еще въ концѣ прошлаго столѣтія число жителей не превосходило тамъ 15,000, что же было во время пресловутаго „процвѣтанія“ ливонскаго ордена? Въ цѣломъ краѣ буквально не существовало тогда ни одной школы. Теперь Рига, не смотря на свое „угнетеніе“, имѣетъ до 150,000 жителей и торговый районъ ея, вмѣсто нѣсколькихъ уѣздовъ, представляетъ громадный клинъ, прорѣзывающій всю Россію по направленію на Витебскъ, Смоленскъ, Орелъ до Царицына.

Спросите любого балтійскаго нѣмца, желаетъ ли онъ, чтобы Германія держалась постановленій Вѣнскаго конгресса? Онъ въ ужасѣ замашетъ руками. Между тѣмъ, тотъ же нѣмецъ требуетъ, чтобы Россія чтила, какъ святыню, каждую букву Ништадскаго мира, заключеннаго сто лѣтъ ранѣе, забывъ, что послѣ того Россія три раза побѣдоносно воевала со Швеціей.

Да и много ли нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ? Если кровныхъ германцевъ тамъ нѣтъ и пяти процентовъ, то

при такомъ отношеніи татары съ большимъ правомъ могли бы требовать, чтобы дѣлопроизводство въ Сенатѣ и министерствахъ велось у насъ не на русскомъ, а на татарскомъ языкѣ.

Не безъ удовольствія, конечно, всё, кому дорого достоинство Россіи, видятъ теперь, что правительство, оставивъ свою политику долготерпѣнія по отношенію къ прибалтійской окраинѣ, рѣшилось, наконецъ, поддержать тамъ значеніе государственнаго языка и ввести русскую полицію, русскій судъ и русскую школу. Надобно желать только, чтобы означенная рѣшимость была поддерживаема и впредь съ должною настойчивостью, чему, къ сожалѣнію, прошедшая исторія отношеній къ Прибалтійскому краю примѣровъ почти не представляла. За исключеніемъ времени Екатерины II и ея генераль-губернатора Броуна, можно сказать, что нѣмецкая культура развивалась и укрѣплялась на эсто-латышской окраинѣ съ благословенія правительства и при его содѣйствіи. Апогея своего подобная анти-русская политика достигла при управленіи князя Суворова, послѣ котораго естественно возникла реакція, ибо больше идти ужъ было некуда, оставалось развѣ просить о включеніи Эстѣ-, Ливѣ- и Курѣ-ляндіи въ составъ пресловутаго „германскаго союза“.

Вопросъ о введеніи русскаго языка въ „дѣлопроизводство“ прибалтійскихъ губерній, какъ извѣстно, вопросъ не новый. Онъ предрѣшенъ былъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, но принятія тогда рѣшенія только нынче приводятся въ исполненіе. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, со временъ генерала Тимашева, въ этомъ дѣлѣ шло совершенно послѣдовательно и неуклонно и въ этомъ его историческая заслуга; не прибѣгая къ рѣзкимъ мѣрамъ, могущимъ вызывать недоразумѣнія и неудобства для народностей, населяющихъ край, оно потребовало на первое время употребленія обще-государственнаго русскаго языка только тамъ, гдѣ это необходимо и практически исполнимо, т. е., гдѣ онъ является языкомъ офиціальнымъ, дѣловымъ. Напомнимъ, что нѣмцы, забравъ въ 1871 году Эльзасъ-Лотарингію, по внутреннему управленію немедленно ввели нѣ-

мецкій языкъ, какъ офиціальный, съ нѣкоторыми только изъятіями для чисто-французскаго населенія въ лотарингскихъ округахъ.

У насъ выставляли всѣхъ жителей Прибалтійскаго края поголовно враждебными судебной реформѣ. На дѣлѣ это не такъ. Городскія сословія, даже онѣмеченныя, очень были не прочь отъ реформы допотопнаго остзейскаго судопроизводства, основаннаго на „первомъ рыцарскомъ“, „среднемъ рыцарскомъ“ и „исправленномъ рыцарскомъ правѣ“. Одинъ весьма почтенный и богатый представитель Либавы, жалуюсь намъ на невозможность въ Прибалтійскомъ краѣ взысканій по всѣмъ документамъ, кромѣ векселей,—изъ чего видно, что вышеозначенныя „рыцарскія права“ состояли главнымъ образомъ въ правѣ не платить своихъ долговъ,—прибавилъ:

— Помилуйте, какой у насъ здѣсь судъ? Въ краѣ сложился обычай, что дворянство, въ рукахъ котораго выборы на всѣ судебныя должности, свои имѣнія отдаетъ въ майоратъ старшимъ сыновьямъ, а младшихъ для прокормленія опредѣляютъ въ суды: въ гофгерихты, ландсгерихты, гауптмангерихты и т. д. Мало того, при склонности нашего рыцарства къ военной службѣ, въ судьи поступаютъ только тѣ молодые люди, которые не были въ силахъ выдержать экзамена армейскаго юнкера...

Нѣтъ сомнѣнія, что и остальные реформы, при всемъ противодѣйствіи гг. балтійцевъ, особенно бароновъ, удастся осуществить безъ большихъ замѣшательствъ, не забывая, что въ онѣмеченіи края виноваты были болѣе всего мы сами. Такъ Курляндія ранѣе не граничила съ Пруссіей, но, въ 1819 году, остзейскіе патріоты испросили присоединеніе къ Курляндіи пространства земли отъ Гейлитентъ-Аа до Полангена; такимъ образомъ Прибалтійскій край пришелъ въ соприкосновеніе съ прусскою границей, отъ которой онъ былъ отдѣленъ прежде частью тогдашней Виленской губерніи. Наиболѣе рѣшительный шагъ къ онѣмеченію былъ сдѣланъ не потомками бременскихъ купцовъ и рыцарей, которые съ величайшимъ трудомъ удерживали свое владычество и вліяніе, тѣснимое со всѣхъ сторонъ русскими, литовцами, по-

ляками, датчанами и шведами, а основаніемъ въ царствованіе Александра I въ Дерптѣ германскаго университета. Устроить центръ нѣмецкой цивилизаціи въ городѣ, основанномъ Ярославомъ Мудрымъ, въ двухъ шагахъ отъ Пскова, было по истинѣ геніальнымъ маневромъ петербургскихъ германофиловъ, и съ тѣхъ поръ успѣхъ онѣмечиванія прибалтійской окраины пошелъ гигантскими шагами впередъ.

То, чего сдѣлать купцы, обсчитывая туземную массу, или рыцари, выколачивая изъ нея палками повинности, никакъ не могли, стало легкимъ и доступнымъ, когда наиболѣе смышленные представители этой массы, при помощи университета и его кафедръ, начали живо обращаться въ нѣмцевъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ настоящихъ германцевъ гораздо менѣе, чѣмъ на Волгѣ—въ Самарской и Саратовской губерніяхъ; но въ то время, когда безъ нѣмецкаго университета эти двѣ губерніи остаются чисто русскими, въ Прибалтійскомъ краѣ Дерптскій университетъ рѣшительно германизируетъ массу населенія. Это достигается созданіемъ промежуточнаго между немногочисленными потомками пришлыхъ рыцарей и купцовъ и миллионнымъ сельскимъ туземнымъ населеніемъ сословія изъ туземцевъ же, приобщившихся въ Дерптѣ нѣмецкой культуры. Сословіе, въ которое входятъ такіе вліятельные для народа элементы, какъ пасторы, учителя, журналисты, управители, мелкіе чиновники и т. д., служитъ отличнымъ проводникомъ германизаціи въ среду инородческаго населенія.

Пока будетъ существовать сила, ассимилирующая сначала въ нѣмецкую вѣру лучшія части эстовъ и латышей и затѣмъ, постепенно, при помощи этихъ прозелитовъ, распространяющая нѣмецкія воззрѣнія, вкусы и обычаи въ массу, до тѣхъ поръ всѣ разговоры о серьезномъ противодѣйствіи постепенному онѣмеченію Прибалтійскаго края совершенно напрасны. Безполезно общипывать листья огромнаго ядовитаго дерева, когда стволъ его цѣлъ, а корни, питаются совершенно свободно въ соотвѣтствующей почвѣ. Поэтому и всѣ административныя распоряженія о введеніи русскаго языка въ употребленіе останутся мертвою

буквою, или будутъ исполняться лишь до назначенія новыхъ, менѣе энергическихъ губернаторовъ, пока не устранится главный источникъ, который вынуждаетъ cadaго образованнаго прибалтійца русскимъ языкомъ пренебрегать, а нѣмецкій считать чѣмъ-то священнымъ, ибо онъ даетъ средство приобщиться къ высшимъ благамъ обще-европейской цивилизаціи.

Дѣйствительно, можетъ ли быть у жителей Прибалтійскаго края потребность изучать русскій языкъ, какъ извѣстно, не легкій, только для того, чтобы объясниться на немъ въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ. Пропагандировать этотъ языкъ должно поэтому не канцелярской только перепиской, а такимъ положеніемъ русскаго языка, чтобы только при его помощи жители края, особенно эсты и латыши, и могли достигать высшей культуры.

Для этого нѣтъ и не можетъ быть другого средства, кромѣ постепеннаго преобразованія Дерптскаго университета изъ нѣмецкаго въ русскій. Учрежденіе нѣмецкаго университета въ Дерптѣ оправдывалось тѣмъ соображеніемъ, что иначе прибалтійскіе нѣмцы ѣздили бы учиться въ заграничныя германскіе университеты и тамъ заражались бы вреднымъ для Россіи политическимъ духомъ. Но, въ-первыхъ, ѣздить учиться за границу стоитъ не дешево, да и теперь это средство не закрыто для богатыхъ людей. Затѣмъ, съ политической точки зрѣнія, вовсе не такъ опасно, что настоящіе рижскіе или ревельскіе нѣмцы получали высокое мнѣніе о Германіи, учась гдѣ либо въ Галле или въ Іенѣ, какъ онѣмечиваніе при помощи Дерптскаго университета всей массы эсто-латышскихъ юношей. А Дерптскій университетъ, если просмотрѣть списки его студентовъ, наполненъ не нѣмцами, а именно эстами, латышами, поляками и русскими; нѣмцы составляютъ въ общемъ итогѣ меньшинство.

Одно время, когда графъ Д. А. Толстой управлялъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, существовало предположеніе перевести Дерптскій университетъ въ Полоцкъ и сдѣлать его русскимъ университетомъ. Такая мѣра едва ли необходима и во всякомъ случаѣ обошлась бы очень дорого

въ финансовомъ отношеніи. Гораздо проще, дешевле и цѣлесообразнѣе, оставивъ университетъ въ Дерптѣ и, не трогая до времени его богословскаго факультета, который, со временемъ можетъ быть выдѣленъ въ особое высшее церковное училище, преобразовать остальные факультеты примѣнительно къ новому уставу русскихъ университетовъ. При этомъ, по примѣру преобразованія варшавской главной школы въ университетъ, чтеніе предметовъ на русскомъ языкѣ могло бы вводиться постепенно, или при замѣщеніи профессорскихъ кафедръ новыми профессорами *).

Выше мы говорили объ эксплуататорскихъ наклонностяхъ нѣмцевъ въ Россіи по отношенію къ промышленности и торговлѣ. Нельзя, однако, какъ теперь вошло въ моду, утверждать, что иностранный элементъ не принесъ намъ никакой пользы и что слѣдуетъ стремиться изгнать иностранцевъ даже изъ такихъ мѣстъ, гдѣ они намъ въ политическомъ и стратегическомъ отношеніи вовсе не угрожаютъ.

Кому извѣстна промышленная исторія Россіи, тотъ знаетъ, что иностранцамъ обязаны мы устройствомъ множества полезныхъ производствъ и ремеслъ. Иностранцы завели въ Россіи первые механическіе заводы, тонкорунное овцеводство, стеариновое производство, разныя химическія производства, мануфактуры набивныхъ тканей, стеклянное и фарфоровое производства, аптеки и множество другихъ второстепенныхъ отраслей промышленности. Россія никакъ не разорилась, а обогатилась отъ этихъ производствъ и, конечно, потеряла бы болѣе, если бы еще десятки лѣтъ дожидалась, пока до необходимости означенныхъ отраслей промышленности дошелъ бы въ Россіи кто либо своимъ умомъ.

Нѣ слѣдуетъ думать также, будто бы введеніе новыхъ производствъ при посредствѣ иностранцевъ есть какое-то присущее одной Россіи явленіе. Оно повторялось повсе-

*) По выходѣ перваго изданія этой книги состоялось уже рѣшеніе правительства ввести на юридическомъ факультетѣ Дерптскаго университета преподаваніе на русскомъ языкѣ. Мы можемъ только при-
вѣтствовать этотъ первый шагъ.

мѣстно. Англичане устроили и развили важное для Франціи производство виноградныхъ водокъ (коньяка), англичанинъ Кокериль первый ввелъ въ Бельгіи механическое дѣло въ большомъ видѣ (ту же роль у насъ игралъ англичанинъ Бердъ); Пруссія обязана французамъ множествомъ отраслей промышленности; французы завели шелковыя фабрики въ Англіи и почти повсюду въ Европѣ, хотя у нихъ самихъ шелковое производство устроено итальянцами; французы распространили винодѣліе даже на мысѣ Доброй Надежды; нѣмецъ завелъ въ Америкѣ фабрикацію швейныхъ машинъ, принявшую такіе грандіозные размѣры. Очень часто также разные народы имѣютъ особыя способности къ извѣстной дѣятельности: такъ, повсемѣстно, банкиры—евреи, механики—англичане, а греки владѣютъ хлѣбной торговлей не только у насъ, но въ Италіи, Франціи и даже въ Лондонѣ.

Въ Англіи, Франціи и Сѣверной Америкѣ нѣтъ, правда, иностранныхъ акціонерныхъ обществъ, а имѣются они только въ Турціи, Испаніи, Австріи, Италіи, Португаліи, Египтѣ, во всѣхъ колоніяхъ, въ Остѣ-Индіи, въ Южной Америкѣ и въ Россіи; но явленіе это вовсе не грустное, а какъ нельзя болѣе естественное. Акціонерное общество есть только способъ реализаціи капиталовъ. Гдѣ же ихъ собирать какъ не тамъ, гдѣ капиталы дешевы, гдѣ ихъ изобиліе? Понятно, что въ Англіи, гдѣ деньги приносятъ 2 проц., ихъ охотно дадутъ для Испаніи, гдѣ они приносятъ безъ труда 10 проц., или для Россіи, гдѣ они даютъ 8 проц. Но какой бы имѣло смыслъ собирать въ Италіи и Австріи дорогіе капиталы для Англіи, чтобы помѣстить ихъ изъ 3—4 проц. Отчего же капиталы такъ изобильны именно въ Англіи, Голландіи и Франціи, то на это отвѣчаетъ исторія и нельзя же намъ патріотизма ради отказываться отъ дешеваго орудія производства только потому, что мы выступили на промышленное поприще двѣсти лѣтъ позже и не стали еще прочно на ноги.

Затѣмъ рядомъ съ предпріятіями, эксплуатировавшими Россію, многіе иностранцы капиталисты довѣрчиво присылали въ Россію милліоны и никогда ихъ болѣе не видали.

Такова исторія почти всѣхъ крупныхъ иностранныхъ предприятий послѣдняго десятилѣтія; въ особенности теряли французы, какъ имѣвшіе менѣе связей въ нашей странѣ и потому болѣе рисковавшіе.

Даже для иностранцевъ, прямо эксплуатировавшихъ Россію, надобно сдѣлать маленькую оговорку. Если разобратъ безпристрастно ихъ исторію, то легко убѣдиться, что ихъ эксплуатація основывалась не столько на томъ, что они были иностранцами, а на томъ, что лица эти находились въ сдѣлкахъ съ чиновниками, ихъ призвавшими и развязавшими имъ руки для наживы. Вотъ объ этихъ-то рабахъ, лѣнивыхъ и лукавыхъ, не берегшихъ достоинства своего господина, и слѣдовало бы позаботиться ранѣе, чѣмъ объ ограниченіи прилива иностранныхъ капитала и труда въ Россію.

Между инородцами, вредными для Россіи, въ смыслѣ эксплуатаціи, первое мѣсто занимаютъ евреи, о которыхъ мы ниже говоримъ подробно въ особой главѣ, и армяне. Армянъ въ Россіи около двухъ милліоновъ, но большая часть ихъ мирное земледѣльческое населеніе, вредны собственно армяне-торговцы и особенно армянская интеллигенція, явно враждебная Россіи, хотя и воспитывающаяся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Отъ временъ Екатерины II и Александра I, когда иностранцы и даже инородцы считались существами высшей породы и всячески снабжались привилегіями, сохранился въ Россіи курьезный остатокъ маленькой армянской республики среди сплошного моря русскаго населенія—автономія города Нахичевани. Нахичеванъ въ Россіи извѣстенъ только по своему „университету“, т. е. по фабрикѣ фальшивыхъ ассигнацій, которая тутъ долгое время мирно процвѣтала подъ сѣнью жалованныхъ грамотъ и армянскаго самоуправленія. И до сихъ поръ многіе не знаютъ, что есть такой курьезный городъ въ Россіи, который живетъ въ разрывѣ съ общими интересами русской торговли и русскаго населенія.

De facto армянскій Нахичеванъ и русскій Ростовъ-на-Дону, лежащіе по сосѣдству, подошли другъ къ другу по-

стройками и совершенно слились по берегу рѣки Дона; если они не сливаются выше, то удерживаются отъ этого искусственно. Нахичеванъ заселяется и застраивается въ послѣднее время русскими, преимущественно изъ Ростова; собственно армянское его населеніе прироста не даетъ. Всякая часть любого города, раздѣленная отъ другой части, напримѣръ, рѣкою, съ гораздо большимъ основаніемъ можетъ быть признана отдѣльнымъ городомъ, чѣмъ Нахичеванъ, который не имѣетъ даже естественной границы и раздѣленъ межою.

Слитые во-едино въ географическомъ отношеніи, Ростовъ и Нахичеванъ составляютъ одно цѣлое и въ экономическомъ смыслѣ; разница только въ томъ, что Нахичеванъ, какъ меньшая величина, естественно тяготеетъ къ Ростову, какъ величинѣ крупнѣйшей, одаренной сильною жизненностью и задатками развитія, въ чемъ безспорно свидѣтельствуетъ внѣшній видъ обоихъ городовъ и ихъ бюджеты за послѣднія 25 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Нахичеванъ, не смотря на упорное сопротивленіе нѣсколькихъ семействъ, распоряжающихся наслѣдственно его самоуправленіемъ, настолько поглощается Ростовомъ, что онъ сталъ частью Ростова. Это ясно слѣдуетъ изъ того, напримѣръ, что въ Ростовѣ можно насчитать массу промышленныхъ и торговыхъ заведеній, принадлежащихъ лицамъ, имѣющимъ осѣдлость въ Нахичевани. Коренные жители Нахичевани—армяне строятъ дома въ Ростовѣ и торговлю ведутъ въ немъ. Обратнаго явленія замѣчается. Значитъ Нахичеванъ самъ по себѣ, при существованіи рядомъ съ нимъ Ростова, не представляетъ условій для обособленнаго существованія, такъ какъ добрая часть его населенія своему труду и капиталу ищетъ помѣщенія въ Ростовѣ, а крупнѣйшіе капиталисты Нахичевани, исконные его обыватели, обзавелись и обзаводятся домами въ Ростовѣ и становятся его гражданами.

Армянскія привилегіи Нахичевани быть можетъ имѣли свой смыслъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія — хотя мы въ этомъ сомнѣваемся, — но сто лѣтъ спустя не имѣется никакихъ основаній поддерживать отдѣльное

существованіе, рядомъ, бокъ-о-бокъ, двухъ городовъ, которые составляютъ одно цѣлое, но разнь которыхъ обусловлена лишь различіемъ національности вліятельной части горожанъ одного изъ нихъ и стремленіемъ къ замкнутости и обособленію. Привилегіи были даны армянамъ очевидно въ интересахъ развитія края, но онѣ обратили ихъ только къ собственному обогащенію и края не развили; дѣло доходило до того, что Нахичеванъ отказывался продолжать шоссе, доведенное до границъ города, только бы оставаться обособленнымъ!

Одновременно съ армянскою республикою въ Нахичевани была основана подобная же греческая республика въ Мариуполѣ. Ее, однако, преспокойно уничтожили и никакого вреда отъ того, даже для самихъ грековъ, не произошло. Ничего другого не остается сдѣлать и для Нахичевани.

Мы говорили объ иностранцахъ и инородцахъ вредныхъ *). Затѣмъ, въ Россіи еще множество инородцевъ, среди которыхъ мы вносимъ цивилизацію и которая могутъ быть опасны только при полномъ съ нашей стороны неумѣнн сь ними обращаться. Таково большинство инородцевъ въ Сибири, по Волгѣ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ. Быстрое упроченіе нашего владычества въ Средней Азіи создало намъ, а особенно послѣ того какъ г. Анненковъ провезъ по своей желѣзной дорогѣ французскихъ корреспондентовъ, репутацію великихъ искусниковъ въ обращеніи съ инородцами. Хотя, надобно признаться, что далеко гг. ташкентцы не всегда были такъ безупречны. Достаточно припомнить шумъ, надѣланный депешей американскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ г. Скайлера, помѣщенной въ Красной Книгѣ, представляемой ежегодно президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Конгрессу, за 1874 г. Разоблаченія г. Скайлера, съѣздившаго въ Турке-

*) Выше ничего не сказано еще объ одномъ вредномъ инородческомъ элементѣ — китайцахъ въ Приамурскомъ краѣ. Подробно этотъ вопросъ разобранъ гг. Крестовскимъ, Скальковскимъ и др. изслѣдователями торговли Приморской области.

станъ, нѣкоторыхъ недостатковъ тамошней администраціи показались многимъ защитникамъ канцелярской тайны до такой степени рѣзкими, что они въ фактѣ ихъ обнародованія готовы были видѣть чуть ли не повтореніе извѣстнаго дѣла г. Катакази. Намъ кажется, однако, что въ этихъ двухъ случаяхъ была неизмѣримая разница, и если, дѣйствительно, нѣкоторыя показанія г. Скайлера имѣли сильный отбѣнокъ мѣстныхъ недоброжелательныхъ сплетень, то многія изъ явленій, указанныхъ г. Скайлеромъ, не только извѣстны были всѣмъ и каждому по слухамъ изъ Ташкента, но и по личному опыту въ любой изъ внутреннихъ губерній.

Изложивъ вкратцѣ сущность дѣйствовавшей въ краѣ системы русскаго управленія, г. Скайлеръ говорилъ, что въ Туркестанѣ, равняющемся приблизительно Франціи и Италіи взятымъ вмѣстѣ, при внутреннихъ условіяхъ быта и малочисленности русскихъ войскъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно трудно установить правильный методъ управленія. Первые неудачи въ примѣненіи системы оказались вслѣдствіе незнанія въ началѣ ни страны, ни мѣстныхъ нарѣчій со стороны русскихъ чиновниковъ, которые назначались изъ военныхъ. Уже очень скоро обнаружилось, что положеніе, занятое ими, дало возможность обогащенія и удовлетворенія личныхъ вкусовъ насчетъ туземцевъ, за что, впрочемъ, и не взыскивалось слишкомъ строго.

Подобное явленіе г. Скайлеръ объясняетъ тѣмъ, что уѣздное начальство удалено отъ глазъ и контроля центральной администраціи: по назначеніи на должность, офицеры вскорѣ вступали на путь азіятскихъ порядковъ, злоупотребляли своею властью, считая себя почти внѣ всякой отвѣтственности. Поразительный тому примѣръ былъ въ Кураминскомъ уѣздѣ, наиболѣе плодородномъ и гуще населенномъ изъ всего округа; начальникъ Кураминскаго уѣзда собралъ въ одинъ годъ 90,000 рублей разными незаконными налогами и всѣ ихъ прожилъ, кромѣ другихъ еще казенныхъ денегъ. Въ числѣ разныхъ нововведеній, въ виду благосостоянія края, открыты были сберегательныя кассы; но послѣдовавшимъ распоряженіемъ деньги эти

разрѣшено обратить на административныя пужды уѣзда. Фондъ, состоявшій приблизительно изъ 22,000 р., исчезъ при этомъ совершенно, и неизвѣстно куда; въ отчетѣ объ этой суммѣ упоминалась лишь отдѣлка дома мѣстнаго уѣзднаго начальника. Деньги, по словамъ г. Скайлера, выжимались у туземцевъ во всякое время и подъ всякими предлогами; такъ, напримѣръ, запрещено было переѣзжать черезъ Сыръ-Дарью въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, кромѣ указанныхъ. А указанные мѣста находились на землѣ пріятелей уѣзднаго начальника. Когда это дѣло слишкомъ огласилось, губернаторъ былъ вынужденъ обратить на него вниманіе и удалилъ начальника изъ уѣзда; но, вмѣсто всякаго взысканія, перевелъ его въ другую мѣстность. Начальникъ Перовскаго уѣзда былъ смѣщенъ за взятки и разнаго рода вымогательства, но переведенъ оттуда въ Аулие-Ата, а отсюда опять удаленъ за требованіе отъ туземцевъ денегъ, будто бы на заготовку верблюдовъ для хивинской экспедиціи. Такимъ образомъ, многіе были удаляемы съ постовъ за ихъ дѣйствія, но немедленно назначались на другія должности. Съ другой стороны, если кто либо пытался извѣстить публику о настоящемъ положеніи дѣлъ, того постигала неминуемая кара; такъ, начальникъ Уратюбскаго уѣзда былъ смѣненъ и высланъ изъ округа за отправку въ Петербургъ письма съ заявленіемъ о томъ, что безпорядки въ Ходжентѣ возникли вслѣдствіе чрезмѣрнаго повышенія налоговъ.

Замѣчателенъ еще такой случай. Офицеръ, имѣвшій въ рукахъ значительныя казенныя деньги, донесъ о похищеніи у него этой суммы киргизами. Ближайшіе къ мѣсту происшествія киргизы были вслѣдствіе этого арестованы и, послѣ долгаго допроса, нѣкоторые изъ нихъ сознались въ преступленіи. Пока продолжался допросъ, офицеръ застрѣлился, оставивъ письмо, которымъ заявлялъ, что онъ самъ прокутилъ казенныя деньги и сослался на киргизовъ лишь для того только, чтобъ выгородить себя. При этомъ возникъ вопросъ: почему же они сознались? По изслѣдованіи оказалось, что офицеръ, производившій допросы въ Вѣрномѣ, вынуждалъ у киргизъ сознание пыткой. Въ Копалѣ былъ

еще слѣдующій казусъ: мѣстный уѣздный начальникъ, не навидимый туземцами за его вымогательства, найденъ былъ израненнымъ и ограбленнымъ. До шестидесяти киргизовъ обвинялись въ этомъ преступленіи, и во главѣ ихъ султанъ Тезекъ, маіоръ русской арміи, у котораго нашли часть похищенныхъ вещей. На слѣдствіи одинъ изъ казаковъ сознался, что подбросилъ эти вещи въ палатку Тезека по приказанію самого судьи. Это было сдѣлано потому, что судья желалъ угодить высокопоставленному сановнику. При открытіи хивинской экспедиціи, понадобилось 14,000 верблюдовъ, т. е. 14% всего количества верблюдовъ, имѣющагося въ округѣ, и было условлено, что за cadaго павшаго верблюда заплатятъ по 50 р. Трудности экспедиціи были такъ велики, что всѣ почти верблюды пали въ пути, и приходилось выплатить туземцамъ до 700,000 р. Одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ, полагая, что представился случай доказать свое усердіе, заявилъ подвластному населенію, что правительство никогда имъ не заплатитъ за верблюдовъ, и что гораздо было бы лучше подарить ихъ. Онъ столько потратилъ при этомъ краснорѣчія, что туземцы согласились. Примѣру этого начальника послѣдовали другіе, въ большей части уѣздовъ; а въ результатѣ оказалось въ туземцахъ убѣжденіе, что правительство просто отняло у нихъ верблюдовъ.

Было бы, впрочемъ, вполне несправедливо, замѣчать г. Скайлера, винить во всѣхъ этихъ безпорядкахъ генералъ-губернаторовъ. Чиновники, отправлявшіеся въ Ташкентъ, составляли вообще такой плохой матеріалъ, изъ какого не могло и выработаться хорошаго орудія. Одни ѣхали въ Ташкентъ ради усиленнаго содержанія и сокращенныхъ сроковъ службы для полученія пенсіи; другіе — въ надеждѣ на скорую разживу. Въ большинствѣ случаевъ они пріѣзжали или присылались по причинѣ множества долговъ, или разнаго рода скандальныхъ происшествій, не дававшихъ имъ возможности жить въ иной мѣстности Имперіи. На Ташкентъ смотрѣли, словомъ, какъ на исправительное заведеніе.

Не взирая на плохую администрацію края, по мнѣнію

американскаго дипломата, населеніе, въ сущности довольно русскимъ владычествомъ, находя его гораздо лучшимъ, сравнительно съ тѣмъ, что было до тѣхъ поръ; неудовольствіе же его относилось преимущественно къ отдѣльнымъ личностямъ, которыя притѣсняли его. Очевидно, однако, что повтореніе подобныхъ злоупотребленій могло возбудить со временемъ общее недовѣріе къ администраціи. Когда русскіе вступили въ край, населеніемъ овладѣла безпредѣльная радость при мысли, что теперь жизнь cadaго станетъ считаться неотъемлемою его собственностью, а имущество ограждено будетъ отъ всякаго произвольнаго побора и захвата. Кромѣ того, громадный наплывъ производительнаго населенія усилилъ спросъ на трудъ, отчего мѣстныя цѣны поднялись; выгоды ощутили и землевладѣльцы и торговцы. Но постепенно, не видя значительной перемѣны къ лучшему, населеніе могло вспомнить магометанское владычество, такъ какъ оно уже начинаетъ забывать все, что терпѣло отъ хановъ, помышляя лишь о стѣсненіяхъ, какія выносить отъ русскихъ чиновниковъ.

Г. Скайлеръ разбиралъ послѣдовательно различныя стороны туркестанской администраціи. Въ отношеніи религіи туземцевъ, образъ дѣйствій русскихъ заслуживаетъ, по его мнѣнію, высшей степени одобренія. Свобода исповѣданія магометанской вѣры вполне предоставлена туземцамъ, лишь дервишамъ запрещено являться въ города, гдѣ они нарушаютъ общественное спокойствіе.

Для дѣла образованія русскими сдѣлано мало. Разъ или два было предлагаемо ввести обученіе русскому языку и преподаваніе наукъ въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ школахъ, но за отсутствіемъ инициативы со стороны властей, дѣло кончилось ничѣмъ. Это неудобно потому, что администрація постоянно нуждается въ переводчикахъ и употребляетъ для этой цѣли туземцевъ, плохо понимающихъ по-русски, или казаковъ, плохо знающихъ мѣстныя нарѣчія. Неточность перевода служить не только источникомъ большихъ затрудненій, но была уже причиною многихъ смѣшныхъ и вредныхъ для правительства ошибокъ.

Относительно матеріальныхъ интересовъ края, русскіе,

по словамъ г. Скайлера, заботливѣе, хотя ихъ старанія не всегда увѣнчиваются успѣхомъ. Дороги всюду исправляются (не смотря на то, что въ самой Россіи нѣтъ порядочныхъ дорогъ), чрезъ рѣки выстроены мосты, начаты работы по проведенію ирригаціонныхъ каналовъ. Русскимъ инженерамъ слѣдуетъ, однако, поучиться у туземцевъ дѣлу ирригаціи. Хотя жители Туркестана въ сущности гораздо болѣе зажиточны, чѣмъ жители многихъ изъ нашихъ губерній, особенно сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ, но платятъ налоговъ менѣе, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ, чѣмъ жители бѣднѣйшихъ русскихъ губерній. Для торговли и промышленности сравнительно сдѣлано немного. Торговые договоры заключены, правда, съ Бухарой, Кашгаромъ и Хивой; но администрація не всего настаивала на соблюденіи договоровъ въ силѣ. Былъ и такой случай. Г. Глуховскому пришло на мысль открыть въ Ташкентѣ большую ярмарку, на которую, какъ онъ увѣрялъ, хлынетъ вся Средняя Азія. Множество зданій было построено для этой цѣли. Когда же наступило открытіе ярмарки, на нее никто не явился; тогда послѣдовало предписаніе закрыть базаръ въ Ташкентѣ на время, предназначенное для ярмарки. Но и это не помогло. Тогда наложены были тяжелые штрафы на туземцевъ и прочихъ торговцевъ; не явившихся по предписанію даже препровождали туда съ конвоемъ. Русскіе купцы сами принялись ходатайствовать объ отмѣнѣ ярмарки, вслѣдствіе которой туземцы не могли торговать обычнымъ путемъ, почему не могли и уплатить занятыхъ ими денегъ.

Не смотря на рѣзкій тонъ и черезчуръ откровенное изложеніе нѣкоторыхъ подробностей, свойственное, впрочемъ, американской дипломатіи, какъ и американской журналистикѣ, г. Скайлеръ въ заключеніе своего отчета становился на сторону нашихъ интересовъ и признавалъ великую цивилизующую миссію Россіи въ Средней Азіи. Безъ сомнѣнія, многое изъ сообщеннаго имъ не совсѣмъ пріятно для нашего самолюбія, но не въ натурѣ русской обижаться обличеніями: достаточно указать на успѣхъ у насъ сочиненій Герберштейна, Кастера, Кюстина и др., содержа-

щихъ самую злую сатиру различныхъ эпохъ нашей исторической жизни; затѣмъ дѣла съ полудикими народностями такого рода, что мало кто, положа руку на сердце, признаетъ свою политику относительно ихъ образцовою: англичане въ Индіи, французы въ Алжирѣ и Индо-Китаѣ, голландцы на Суматрѣ и т. д. представляютъ примѣры неумѣлыхъ и часто недостойныхъ отношеній къ слабѣйшимъ. Въ дѣлѣ гуманности и нѣкотораго врожденнаго такта первенство, во всякомъ случаѣ, по этой части останется за русскими. Мы не говоримъ уже о соотечественникахъ г. Скайлера, американцахъ: они начали и систематически продолжаютъ самое грубое и безчеловѣчное истребленіе индѣйцевъ, хотя гораздо менѣе развитые испанцы съумѣли въ Южной и Средней Америкѣ болѣе десятка милліоновъ тѣхъ же индѣйцевъ привлечь къ европейской цивилизаціи.

ГЛАВА XV.

Еврейскій вопросъ.—Расовыя черты евреевъ.—Евреи въ Англіи.—Положеніе евреевъ въ Россіи, ихъ плодovitость.—Евреи по отношенію къ воинской повинности, торговлѣ, питейному промыслу.—Мѣропріятія императора Николая I.

„Бить или не бить“—таковъ гамлетовскій вопросъ, который задавало себѣ населеніе юго-западной Россіи въ 1880—1882 гг. по отношенію къ евреямъ. Для насъ отвѣтъ на подобный вопросъ не затруднителенъ. Мы понимаемъ, хотя не извиняемъ взрывы народнаго негодованія, отдѣльныя проявленія накипѣвшей злобы, но возможность открытаго грабежа въ большихъ городахъ, служащихъ средоточіемъ властей и войска, глубоко возмутительна. Подобныя явленія позорятъ насъ и низводятъ Россію на степень некультурнаго государства, гдѣ каждый, взявшій въ руку палку, становится сейчасъ же капраломъ.

Такимъ образомъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо сомнѣніяхъ въ дѣлѣ охраненія еврейскаго имущества и личной безопасности отъ насилія грубой толпы. Какими бы сантиментальными теоріями ни задаваться, но дозволеніе нарушать уличный порядокъ никогда не должно имѣть мѣста. Надобно даже удивляться, какъ генераль-губернаторы и губернаторы, облеченные широкими полномочіями извѣстнымъ закономъ 5 апрѣля 1879 г., не поспѣшили угрозою наказаніемъ за грабежъ и насиліе по военнымъ законамъ положить предѣлъ безпорядкамъ.

Репрессивными мѣрами, хотя бы и самыми строгими,

не достигается, однако, устраненіе зла въ самомъ его корнѣ. Успокоеніе разыгравшихся страстей возвращаетъ все къ прежнему положенію, т. е. къ порядку вещей, когда подъ потухшимъ снаружи пепломъ тлѣютъ искры, готовые разгорѣться въ удобный моментъ большимъ пожаромъ. Очевидно, что средство къ устраненію безпорядковъ въ будущемъ находится только въ разрѣшеніи еврейскаго вопроса. Мѣрами же административными, увеличеніемъ числа полицейскихъ, изданіемъ прокламацій, призывающихъ къ спокойствію, и собираніемъ кавалерійскихъ отрядовъ въ городахъ, гдѣ предполагаются народныя сборища, невозможно разрѣшить еврейскаго вопроса. Между тѣмъ оставлять послѣдній въ настоящемъ его положеніи неудобно. Для южныхъ и западныхъ губерній Россіи это настоящій вопросъ сфинкса: „Отгадай, или я проглочу тебя“.

Евреи имѣютъ своихъ панегиристовъ и своихъ порицателей. Справедливость требуетъ сознаться, что въ литературѣ до появленія извѣстныхъ книгъ Дрюмона и интересной книги Дюринга „Die Judenfrage“ было болѣе первыхъ, нежели послѣднихъ, въ народномъ же сознаніи—наоборотъ, и встрѣчается множество людей честныхъ и добрыхъ, которые по трудно исправимымъ предразсудкамъ воспитанія нисколько не возмущаются преслѣдованіемъ евреевъ и готовы снисходительно прощать поступки, которые по отношенію къ другимъ классамъ населенія вызвали бы энергическія порицанія. Юдофилы бываютъ двухъ сортовъ: одни, происходящіе преимущественно изъ евреевъ, вращаются на избитыхъ фразахъ о талантливости еврейскаго племени; апостолъ Павелъ, Спиноза, Мендельсонъ, Лассаль, Мейерберъ, Гейне, Бёрне, Галеви, Дизраэли, Кремьё, Оффенбахъ, Рашель и т. д. не сходятъ у нихъ съ языка и служатъ аргументами тому, что евреи не уклоняются отъ обще-европейской цивилизаціи. Другіе, представителемъ которыхъ можно назвать, между прочимъ, Маколей, стараются доказать, что извѣстные всѣмъ „жидовскія“ черты вовсе не присущи еврейскому племени, а созданы въ немъ чисто искусственно средневѣковыми преслѣдованіями. Еслибъ, говоритъ Маколей, начали во всей Европѣ преслѣдовать

рыжихъ людей, то несомнѣнно, что всѣ рыжіе изъ чувства самосохраненія сложились бы въ такія же узкія корпораціи и выработали бы такіе же специфическіе признаки, которые такъ осуждаются теперь въ евреяхъ.

Противники еврейскаго элемента представили съ своей стороны многочисленные аргументы, которые съ замѣчательнымъ искусствомъ сгруппированы были въ мнѣніи меньшинства румынской палаты депутатовъ по случаю перваго избіенія евреевъ въ разныхъ городахъ Молдавіи. Въ этомъ мнѣніи болѣе всего настаивалось на томъ, что евреи, вслѣдствіе своей религіи, которая есть въ то же время и ихъ гражданская конституція, образуютъ непремѣнно государство въ государствѣ, несовмѣстное съ современнымъ порядкомъ вещей въ Европѣ; вредъ отъ подобной двойственности не замѣчается только тамъ, гдѣ число евреевъ относительно невелико по сравненію съ прочимъ населеніемъ. При этомъ евреи говорятъ обыкновенно языкомъ чуждымъ той національности, среди которой живутъ, считаютъ оскверненіемъ (трефа) употребленіе стѣстныхъ припасовъ, покупаемыхъ отъ христіанъ, хотя сами монополизируютъ торговлю этими предметами и ставятъ христіанъ въ зависимость по снабженію предметами первой необходимости. Плодовитость еврейскаго племени изумительна и доказана положительно всѣми статистиками. Въ особенности же вредъ евреевъ проистекаетъ отъ склонности ихъ эксплуатировать менѣе развитыя расы. Въ странахъ, гдѣ евреи пользуются равноправностью и торговля процвѣтаетъ, евреевъ очень мало, и только денежные банкирскіе обороты находятся обыкновенно въ ихъ рукахъ; но, гдѣ населеніе простодушно, число евреевъ увеличивается непомѣрно, эксплуатація ихъ превосходитъ всѣ предѣлы и дѣлается для низшихъ классовъ совершенно невыносимою, отчего естественно рождается мысль о кровавыхъ репрессаліяхъ. Такъ, въ Румыніи въ какія нибудь десять лѣтъ число евреевъ съ 50,000 душъ поднялось до 500,000. Послѣ развитія вывоза хлѣба изъ дунайскихъ портовъ, при отношеніи одного еврея на четырехъ румынъ, положеніе Румыніи сдѣлалось отчаяннымъ; очень быстро все населеніе задолжало евреямъ,

а собственность городская и поземельная начали переходить въ еврейскія руки. Тѣ же явленія наблюдаются въ Австріи, Венгріи, Германіи и у насъ.

Ссылка панегиристовъ на геніевъ изъ евреевъ говоритъ скорѣе противъ послѣднихъ, нежели за нихъ. Только освободившись отъ тупого деспотизма кагала и узкаго религіознаго фанатизма и ставъ нѣмцами, французами, англичанами и т. д., эти евреи получили возможность сдѣлаться извѣстными. Наоборотъ, тамъ, гдѣ при многочисленности своей евреи были сложены въ болѣе плотныя корпораціи, какъ въ Россіи или Польшѣ, никакихъ геніевъ еврейское племя пока не произвело, а съ поконъ вѣка занималось исключительно эксплуатаціей неразвитаго населенія, давало деньги на проценты, торговало водкою и развратомъ, брало церкви на откупъ и проч. Еще менѣе убѣдительно мнѣніе Маколея, потому что оно противорѣчитъ исторіи, которая очень хорошо освѣтила теперь положеніе евреевъ. Евреи, какъ раса, совершенно чуждая индо-европейскимъ племенамъ, обладаютъ такими свойствами, которыя рѣшительно не дадутъ имъ возможности ассимилироваться, кромѣ, конечно, отдѣльныхъ случаевъ. Кто знакомъ съ исторіей и этнографіей, для того означенное явленіе весьма понятно.

Евреи вѣдь принадлежатъ къ тому же сирійскому племени, что финикійне и караагены, которые и въ древнемъ мірѣ занимались почти исключительно торговлей, являясь только посредниками между производителями и потребителями; уже въ глубокой древности евреи были разсѣяны по Европѣ, Азіи и Африкѣ, жили отдѣльными колоніями въ городахъ и занимались торговлей и банкирскими операціями. Такое положеніе еврейскаго племени, какъ извѣстно, много способствовало быстрому распространенію христіанства въ древнемъ мірѣ. Современные черты еврейскаго племени можно легко наблюдать и въ такомъ компетентномъ источникѣ, какъ Библія. Какъ хорошо, напримѣръ, обрисованъ еврейскій характеръ въ личности Якова, образчикъ терпѣнія, предусмотрительности и ловкости, свойственныхъ племени. Въ Библии евреи

вообще очерчены тѣми же качествами, которыя дѣлають ихъ ненавистными и нѣтъ. Еще Господь повелѣлъ Моисею: „скажи сынамъ израилевымъ: вы народъ жестоковѣрный“. Пророки Іезекиль, Исайя и др. называютъ евреевъ не иначе, какъ народомъ „мятежнымъ“, „съ липомъ жестокимъ“, „безсердечнымъ“, „непокорнымъ“, „съ каменнымъ сердцемъ“, „злымъ“, „съ мѣднымъ лбомъ“, „вѣроломнымъ“, „обманщикомъ, несправедливымъ, преступнымъ и вносящимъ смуту“, „легкомысленнымъ“, „неблагодарнымъ“, „распущеннымъ“. Въ словахъ этихъ нѣтъ никакой разницы съ тѣми упреками, которые теперь ежедневно обращаются противъ евреевъ въ русскихъ, нѣмецкихъ, румынскихъ и венгерскихъ газетахъ. „Пройдите по улицамъ, смотрите всюду, говоритъ Іеремія о Іерусалимѣ, глядите и ищите на площадяхъ! Если вы найдете хотя одного человѣка, одного только человѣка, который дѣлаетъ добро и ищетъ правды, я пощажу городъ!“ Такого человѣка, однако, не нашлось...

Въ 3-мъ томѣ своей замѣчательной „Histoire universelle“ Мариусъ Фонтанъ блестящимъ образомъ очертилъ еврейскій характеръ, какъ онъ проявился въ древней еврейской исторіи, писанной самими евреями. „Раса, къ которой принадлежитъ Авраамъ, говоритъ Фонтанъ, была азіатскою по преимуществу, приученною къ суровому климату и нездоровой мѣстности и настолько проникнутою болѣзнями, что послѣднія какъ бы застраховали еврейское тѣло отъ новыхъ недуговъ. Проказа сдѣлалась для нихъ чѣмъ-то въ родѣ оспопрививанія; она мучила ихъ постоянно, но и предохраняла; во всякомъ случаѣ евреи къ ней совершенно привыкли. Это внѣшнее возбужденіе какъ бы освобождало мозгъ еврея, который быстро схватывалъ вещи, тщательно вычислялъ послѣдствія и который глубоко обдумывалъ бы свои мысли, еслибы страсти не были для него опасны, вліяя на тѣло разгоряченное, нетерпѣливое и возбужденное“.

„Отличное орудіе размноженія, но самый дурной дѣятель, еврей никогда не знаетъ мѣры и его дѣянія превосходятъ, нерѣдко до оскорбленія здраваго смысла, пре-

дѣлы человѣческихъ чувствованій. Когда еврей господствуетъ, его начальствованіе всегда жестоко, какъ правитель—онъ дѣлается деспотомъ, какъ священникъ—его авторитетъ обращается въ тиранію, какъ пророкъ—проповѣдь его полна проклятій, какъ воинъ—его храбрость жестока, какъ философъ—его спокойствіе низость, какъ купецъ—его торговля обманъ. Семейство для него только ассоціація, любовь—одно чувственное наслажденіе“.

„Разсѣявшись по Европѣ послѣ своего пораженія, евреи, всюду ненавидимые, презираемые и отвергнутые, естественно выдѣлились въ группы и потеряли выгоды начавшагося скрещиванія ихъ расы. Они сохранили, однако, свойство своего тѣла сопротивляться эпидеміямъ и всякаго рода бѣдствіямъ. Необыкновенно повсюду живучіе, евреи менѣе подвержены смертности, чѣмъ арійскія племена Европы; они постоянно плодятся во всѣхъ странахъ и подъ всѣми климатами, поощряемые къ воспроизведенію и своимъ законодательствомъ, и требованіемъ своей плоти, вѣчно горящей и требующей движенія“.

Нравы евреевъ, совершенно азіятскіе и упорные, не допускали улучшенія расы. Въ этомъ случаѣ евреи похожи на другихъ азіатовъ. Даже физически они нисколько не измѣнились съ вѣками и Библія описываетъ ихъ такими же, какими они встрѣчаются теперь отъ Ирландіи до Китая—худыми, малокровными, страдающими отъ кожныхъ болѣзней или халдейской лихорадки. „Хитрые, скрытные, упрямые, мстительные,—говоритъ Фонтанъ,—евреи дѣлаются легко жестокими и склонными къ хищенію, клеветѣ и убійству. Легкомысленные и волнующіеся, они не въ состояніи управляться и образуютъ то непокорное племя, тотъ „родъ съ лицомъ суровымъ и каменнымъ сердцемъ“, который проклинаетъ Іезекииль.

„Страстно любящіе интриги и крайне неблагодарные“—„распущенные какъ обманчивая тетива“,—евреи никогда не подчиняются даже тѣмъ, кого власть добровольно примутъ; извѣстно, какъ они уклоняются и скрываются отъ всѣхъ законовъ, изданныхъ даже въ ихъ пользу. Имѣя отъ природы „великое усердіе къ дурному“, евреи привели

въ отчаяніе всѣхъ своихъ руководителей безъ исключенія. „Посмотри,—говоритъ Исаія, съ отчаяніемъ сознавая свое безсиліе,—я тебя сплавилъ въ горнѣ, но не получилъ серебра“. По собственному опыту великій пророкъ заявляетъ, что Израиль „ничего не стоитъ“...

Такова дѣйствительная, а не фантастическая исторія еврейскаго характера, обусловленнаго расовыми свойствами, а не преслѣдованіями. Ненависть къ труду была уже у библейскаго еврея. Трудъ представлялся ему наказаніемъ. „Благословеніе Божіе даетъ богатство, тяжелый трудъ не прибавляетъ ничего“, иронически гласитъ еврейская мудрость. Изъ Египта евреи ушли потому, что не хотѣли работать надъ постройкою укрѣпленій отъ иноземнаго нашествія, а „занимались пустыми рѣчами“. „И сдѣлали, гласитъ Исходъ (гл. 12, ст. 35), сыны Израилевы по слову Моисея и просили у египтянъ вещей серебряныхъ и вещей золотыхъ и одеждъ. Господь же далъ милость народу въ глазахъ египтянъ, и они давали ему, и обобралъ онъ египтянъ“. Такъ оставили евреи народъ, ихъ два вѣка кормившій.

Говоря объ этой наживѣ, юдофилы отрицаютъ, будто древніе евреи занимались ростовщичествомъ, и ссылаются на то, что въ еврейскомъ законѣ дозволеніе давать въ ростъ деньги сдѣлано только по отношенію къ иностранцамъ и то внѣ страны. Но извѣстно, что жизнь и законъ дѣло разное, и изъ различныхъ мѣстъ Библии легко усмотрѣть, что ростовщичество евреями отлично практиковалось. Въ притчахъ Соломона сказано: „кто увеличиваетъ свое состояніе высокими процентами, собираетъ, быть можетъ, для того, кто раздастъ его бѣднымъ“. Пророкъ Іеремія, жившій при царѣ Іоакимѣ, говорилъ: „никому не давалъ я въ ростъ и мнѣ никто не давалъ въ ростъ, а всѣ проклинали меня“.

Наши юдофилы говорятъ, что ни Цицеронъ, ни Тацитъ не обвиняютъ евреевъ въ ростовщичествѣ и другихъ порокахъ, приписываемыхъ евреямъ нынѣшними юдофобами. Они ненавидѣли-де евреевъ за ихъ религію, которую смѣшивали съ христіанскою. Но развѣ наши юдофилы

не знаютъ, что сотни другихъ мѣстъ у латинскихъ писателей свидѣтельствуютъ, что денежныя операціи, ростовщичество, равно какъ и продажа стараго платья, въ Римской имперіи были повсемѣстно въ рукахъ евреевъ. Аполлоніусъ Молонъ, краснорѣчивый учитель Цицерона и Цезаря, замѣтилъ, что „евреи никогда не изобрѣли ничего такого, что могло быть полезно для человѣчества“. И это вѣрно, ибо даже переводный вексель, изобрѣтеніе котораго долгое время приписывали евреямъ, уже былъ извѣстенъ древнимъ грекамъ.

Римляне ненавидѣли евреевъ, и какъ образчикъ того, какъ тепло относились римляне къ евреямъ, приводимъ отрывъ одного изъ лучшихъ римскихъ поэтовъ. Марціалъ, описывая „запахъ жида“, сравниваетъ его съ „сѣрными парами Albula, кафтаномъ стараго солдата, дымомъ потухающаго ночника, гнилью змѣинаго ложа, вонью лисицы“...

Если христіане встрѣчены были такъ недружелюбно римскимъ обществомъ и заслужили, между прочимъ, рѣзкій отрывъ Тацита, то именно потому, что римляне смѣшивали сначала христіанъ съ евреями, а къ послѣднимъ одинаково и чернь, и образованный людъ относились недружелюбно. Историки церкви справедливо находятъ, что окончательное разореніе Іерусалима Адрианомъ было счастливымъ событіемъ для христіанской церкви. Хотя отказъ евреевъ-христіанъ помогать своимъ соотечественникамъ вызвалъ со стороны послѣднихъ жестока преслѣдованія (Milman. Hist. of the Jews), но съ этого времени римляне стали различать обѣ религіи и дѣло христіанъ окончательно избавилось отъ вліянія евреевъ, а это вліяніе, независимо отъ возбужденія римлянъ, было вредно и по существу. Извѣстно изъ „Дѣяній апостольскихъ“ и апостольскихъ посланій, что съ первыхъ же шаговъ христіанства обращенные евреи желали непремѣнно господствовать въ церкви.

Отъ паденія Римской имперіи до нашего времени, самыя различныя народы, не имѣвшіе никакого отношенія къ латинскимъ взглядамъ и предразсудкамъ, были очень суровы къ евреямъ. Впрочемъ, и тамъ, гдѣ къ евреямъ

относились дружелюбно, какъ въ Польшѣ или въ Голландскихъ штатахъ, они рѣшительно отъ того лучше не дѣлались, а сохраняли всѣ свои національные пороки. Занимая въ Амстердамѣ среди чистоплотныхъ голландцевъ выдающееся положеніе, евреи за триста лѣтъ не успѣли умыться. Здѣсь не могло быть и рѣчи объ угнетеніи и неравноправности, но стоитъ зайти въ еврейскій кварталъ Амстердама, пройти по улицѣ Ioden Bree, чтобы рѣшительно не найти никакой разницы между амстердамскими евреями, прибывшими въ началѣ XVII столѣтія изъ Португаліи и родившими Спинозу, и жидами Елисаветграда или Митавы. Вольтеръ очень мѣтко замѣтилъ, что евреи признавали всегда только двѣ священныя обязанности: плодиться и наживать деньги. Этотъ великій защитникъ равноправности не сказалъ слова о равноправности евреевъ. Все, что пожелалъ онъ имъ—это, чтобы ихъ не жгли на кострахъ.

Юдофилы не задумываются, однако, утверждать, что во всѣ „лучшія историческія эпохи евреи были поддерживаемы и покровительствуемы“. Исторія это-де вполне подтверждаетъ: такіе государи, какъ египетскіе Птолемеи, Людовикъ Благочестивый, многіе выдающіеся папы покровительствовали евреямъ; на Востокѣ евреи; будто бы, почти никакимъ преслѣдованіямъ не подвергались; какъ восточные халифы, такъ и испанскіе также всегда относились къ нимъ любезно. Ненависть и преслѣдованія противъ евреевъ и въ Европѣ возбуждались лишь фанатическимъ католическимъ духовенствомъ.

Чтобы опровергнуть это вранье, надобно бы написать цѣлую книгу, не говоря уже о явномъ противорѣчii между словами о томъ, что ненависть возбуждало духовенство, а многіе папы покровительствовали евреямъ. Напомнимъ, что изъ Птолемеевъ Филадельфъ обязалъ клеймить евреевъ на кожѣ въ честь Бахуса изображеніемъ плющеваго листа. Калифы повелѣли евреямъ носить на одеждѣ кусокъ желтаго сукна (желтый цвѣтъ издревле считался презрительнымъ, что до сихъ поръ сохранилось въ такъ называемыхъ „желтыхъ билетахъ“ проститутокъ). Эту кокарду требовали

потомъ для евреевъ и въ Европѣ. Людовикъ Благочестивый приказалъ сжечь всѣ экземпляры Талмуда и указомъ 1254 года запретилъ жидамъ заниматься ростовщичествомъ, пригласивъ ихъ тщетно въ 1001 разъ заниматься честнымъ трудомъ. Считать его покровителемъ евреевъ возможно развѣ по сравненію съ Карломъ VI, который, въ 1394 г., изгналъ евреевъ изъ Франціи навсегда.

Ограниченія противъ евреевъ были отмѣнены въ Революцію, но уже при Имперіи были отчасти восстановлены. Юдофилы увѣряютъ, что Наполеонъ I только собирался принять строгія мѣры противъ евреевъ вслѣдствіе интригъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, опасавшихся конкуренціи, но вся агитація ни къ чему не привела. Въ дѣйствительности противъ евреевъ писали императору знаменитый генераль Келерманъ и не менѣе знаменитый юристъ Порталисъ. Наполеонъ I оцѣнилъ вредное вліяніе евреевъ и издалъ декреты 17-го марта и 20-го іюля 1808 года, которыми обязалъ евреевъ принять европейскія имена и не отлучаться отъ мѣста жительства, а для каждой торговли и промысла получать ежегодно возобновляемыя разрѣшенія; въ другіе департаменты еврей могъ ѣхать, лишь купивъ тамъ недвижимую собственность, для занятія земледѣліемъ, а не для занятія торговлею. Кромѣ того, у евреевъ было отнято право въ рекруты давать за себя замѣстителей. Только въ Реставрацію всѣ эти стѣсненія были отмѣнены.

Не менѣе ложно и завѣреніе нашихъ юдофиловъ, что „на Востокѣ евреи почти никакимъ преслѣдованіямъ не подвергались“. Каждый, кто бывалъ на Востокѣ, знаетъ, что до сихъ поръ, не говоря уже о прежнихъ вѣкахъ, нѣтъ болѣе жалкаго и безправнаго населенія, какъ именно евреи въ мусульманскихъ странахъ, хотя Коранъ съ уваженіемъ говоритъ и о Моисеѣ, и о Библии. Отъ Сѣверной Африки до Средней Азіи евреи въ полномъ смыслѣ слова паріи, повсюду также они неизмѣнно занимаются тамъ ростовщичествомъ. Извѣстно, что когда еврей Кремье воспользовался смутнымъ временемъ войны 1870 года, чтобы даровать равноправность алжирскимъ евреямъ, то это вызвало въ странѣ всеобщее негодованіе и было одною изъ при-

чинъ возстанія арабовъ. Для послѣднихъ жида не люди: никогда арабская женщина не закроетъ лица при жидѣ, а арабъ, убившій жида, считалъ бы себя навѣки обезпеченнымъ. А между тѣмъ арабы такіе же семиты, какъ и евреи.

Евреи ничѣмъ не отличаются на Востокѣ отъ своихъ собратій въ другихъ странахъ. Въ южной Аравіи есть евреи, которые вышли изъ Палестины съ незапамятныхъ временъ, быть можетъ до Рождества Христова, между тѣмъ они ничѣмъ существенно, кромѣ костюма, не отличаются отъ нашихъ литовскихъ жидовъ, замѣняя грязнымъ бурнусомъ лапсердакъ. Для кидофиловъ, утверждающихъ, что виною всему преслѣдованіе, также должно быть весьма поучительно изученіе того, что происходитъ нынѣ въ Англіи по отношенію къ еврейскому вопросу.

Какъ извѣстно, евреи были изгнаны изъ Англіи при Эдуардѣ I. Долгое время англичане и слышать не хотѣли объ этомъ „даровитомъ племени“. Въ первый разъ, и то по строгому выбору, евреи были вновь допущены въ Англію при Кромвелѣ. Съ тѣхъ поръ они мало-по-малу, втираясь всюду, добились, въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, полной эмансипаціи и достигли того, что главою правительства и лидеромъ консервативной аристократической партіи былъ еврей, хотя и крещенный—лордъ Биконсфильдъ. И въ настоящее время два англійскихъ министра, Гошенъ и баронъ Вормсъ, еврейскаго происхожденія.

Эмансипація хотя и сдѣлала евреевъ въ Англіи очень вліятельными, но не создала къ нимъ симпатій въ населеніи. Во всякомъ случаѣ на евреевъ не обращали большого вниманія, пока число ихъ не превосходило нѣсколько десятковъ тысячъ и англійскіе жида по костюму, манерамъ и образованію всячески старались не отличаться отъ массы англійскаго народа. Индеферентное у себя дома къ жидамъ, англійское правительство проявляло къ нимъ ужасную нѣжность въ другихъ странахъ. Кто не знаетъ дѣлъ Мортары, Пачифико и др.? А во время Берлинскаго конгресса жидофильство Англіи дошло даже до цинизма, граничащаго съ комизмомъ.

Когда послѣ безпорядковъ, вызванныхъ въ Австро-Венгрии, Германіи и Россіи жидовской эксплуатаціей, началась хотя и въ слабыхъ, къ несчастью, размѣрахъ эмиграція евреевъ, англійская печать стала громить „дикость и варварство“ русскихъ, угнетающихъ такую „полезную часть населенія“ и пр. Эти любезности продолжались, однако, недолго. Стоило нѣсколькимъ русскимъ евреямъ явиться въ Лондонъ и попробовать быть тамъ ремесленниками, какъ общественное мнѣніе въ Англіи совершенно измѣнило свое направленіе.

Въ официальномъ отчетѣ министерство торговли (Board of Trade) писало, что наплывъ русскихъ и нѣмецкихъ жидовъ до такой степени запруждаетъ лондонскій рынокъ, что заработная плата упала до minimum'a и тысячи англійскихъ рабочихъ дошли, вслѣдствіе того, до совершенной крайности. Благотворительное еврейское общество въ Лондонѣ—Jewish Board of Guardians объявило для ограниченія наплыва заграничныхъ жидовъ, что не будетъ давать пособій тѣмъ евреямъ, которые живутъ въ Лондонѣ менѣе 6-ти мѣсяцевъ. Правительство въ 1887 г. сдѣлало небольшое изслѣдованіе о численности жидовъ въ средѣ рабочаго населенія, для чего опросило 29,451 рабочихъ. Наконецъ, вмѣшалась въ дѣло палата лордовъ и назначила комиссію для изслѣдованія такъ называемой Sweating system.

Эта „система потѣнія“ состоитъ въ томъ, что для приготовления готоваго платья еврейскіе ремесленники нанимаютъ еврейскихъ же рабочихъ изъ бѣднѣйшихъ эмигрантовъ и, помѣщая ихъ у себя въ грязныхъ конурахъ и кормя впроголодь, заставляютъ работать по 18 часовъ въ сутки. Платье, приготовленное подобнымъ трудомъ, обходится, понятно, по цѣнамъ, съ которыми никогда не въ состояніи конкурировать, привычій къ извѣстному комфорту, англійскій рабочій.

Защитники евреевъ, напр., г. Рафаловичъ въ „Economete Français“, доказываютъ, что англичане должны быть рады, что имѣютъ такимъ образомъ дешевое платье; но еслибы англичане и радовались покупкѣ дряннаго жидовскаго платья, то это нисколько не сдѣлаетъ сытыми

тѣхъ тысячъ лондонскихъ рабочихъ, которые кормились до того отъ портняжнаго мастерства и содержали свои семейства. А переимѣнить профессію трудно вездѣ, въ Англіи же, при изобиліи рабочихъ рукъ, почти невозможно.

Комиссія палаты лордовъ уже представила предварительный отчетъ, она не сдѣлала пока заключенія, но нашла вопросъ о жидовской конкуренціи очень важнымъ и потребовала расширенія своихъ полномочій. Палата лордовъ немедленно удовлетворила желаніе комиссіи.

Что же такъ напугало англичанъ? А то, что въ 1885 году пріѣхало въ Лондонъ 2,348 евреевъ, въ 1886 году—3,089 евреевъ, въ 1887 году—1,856 евреевъ (на половину изъ Россіи, на половину изъ Германіи). Хотя въ это время еврейское благотворительное общество доставило возможность уѣхать изъ Лондона 4,038 жидамъ (въ томъ числѣ 40 проц. уѣхало совсѣмъ изъ Европы), но и остатокъ въ 3,155 жидовъ ужасаетъ англичанъ, между тѣмъ въ Лондонѣ болѣе 4 милліоновъ жителей.

Почему же англичане не ужасались ранѣе и не ужасаются положенію нашего Западнаго края, гдѣ живетъ отъ 5 до 6 милліоновъ жидовъ и гдѣ мѣстами послѣдніе составляютъ 70% населенія? Надобно еще замѣтить, что лондонскіе жида-эмигранты почти исключительно труженики-ремесленники: портные, кондитеры, башмачники и рабочіе на табачныхъ фабрикахъ. Евреи-тунеядцы за границу не уѣхали, а остались въ Россіи, ибо они отлично понимали, что ихъ ожидаетъ тамъ голодная смерть.

Примѣръ Англіи весьма поучителенъ*); онъ доказываетъ, что и ничтожное число евреевъ производитъ экономическія революціи. Это, впрочемъ, и безъ Лондона извѣстно у насъ на примѣрѣ Сибири, Нижегородской ярмарки,

*) Та же исторія и въ другихъ странахъ. „Kreuz-Zeitung“ предложилъ недавно въ Германіи объявить (подобно Румыніи) всѣхъ евреевъ иностранцами и соотвѣтственно съ этимъ ограничить ихъ гражданскія права, вознаградивъ евреевъ избавленіемъ отъ военной повинности и взимая съ нихъ только тѣ налоги, которые платятъ иностранцы. И въ Россіи отъ освобожденія евреевъ отъ воинской повинности армія бы скорѣе выиграла, но слѣдовало бы тогда установить особый высокій налогъ, возмѣщающій это освобожденіе.

Баку и даже Москвы, ибо наша Первопрестольная, по снисходительности мѣстной власти, стала въ послѣднее время однимъ изъ главныхъ центровъ жидовства и жидовской эксплуатаціи въ Россіи. Иностранный примѣръ только окончательно подтверждаетъ русскій опытъ.

Во всякомъ случаѣ еслибы юдофилы и были правы въ своихъ цитатахъ и дѣйствительно всѣ знаменитости міра и всѣ народы Востока и Запада, древняго и новаго времени обожали евреевъ, то это ни на волосъ не должно измѣнить нашей политики. Россія живетъ собственнымъ умомъ, еврей ей извѣстенъ съ первыхъ лѣтъ ея исторіи вовсе не теоретически, а на практикѣ. За послѣднія сто лѣтъ Россія испытала всѣ ужасы еврейской эксплуатаціи, теперь она видитъ нашествіе евреевъ въ такія профессіи, какъ литературная, адвокатская, судебно-административная, гдѣ семиты особенно могутъ быть вредны, а поэтому и должно принимать всѣ мѣры, указываемыя ей чувствомъ самосохраненія и здравымъ смысломъ.

Охранители еврейскихъ интересовъ въ Россіи въ числѣ первостепенныхъ своихъ аргументовъ противъ категорическаго разрѣшенія еврейскаго вопроса выставляютъ тотъ фактъ, что народъ у насъ эксплуатируется не одними евреями, но и собственными кулаками и міроѣдами; такимъ образомъ ненависть къ евреямъ основывается будто бы, главнымъ образомъ, на религіозной почвѣ, въ экономическомъ же отношеніи евреи составляютъ только частицу явленія, прочно водворившагося въ русскомъ строѣ общественной жизни. Въ весьма основательной статьѣ о евреяхъ — „Иудаизмъ въ Россіи“ — въ журналѣ „Югъ“ г. А. Умисса убѣдительно опровергъ этотъ аргументъ гг. юдофиловъ.

„Мы не знаемъ, говоритъ онъ, ни одного факта, который бы указалъ на возбужденіе народа, или хотя бы отдѣльнаго села, на кулаковъ и міроѣдовъ, между тѣмъ факты возбужденія народа противъ евреевъ у всѣхъ на глазахъ. Очевидно, что народъ дѣлаетъ какое-то различіе между кулаками съ одной стороны и евреями съ другой“. Это различіе дѣйствительно существуетъ. По словамъ г. Умиссы, оно и качественное, и количественное.

Народъ видитъ и знаетъ, что кулакъ есть продуктъ своей же среды: онъ воспитанъ тѣмъ же бытомъ, тѣми же нравами, какими воспитанъ и самъ народъ; кулакъ такъ же большею частью неграмотенъ, такъ же не любитъ судебного разбирательства, такъ же готовъ при случаѣ попятываться, такъ же дѣйствуетъ особнякомъ, какъ и всякій другой членъ общины, не имѣя никакихъ связей съ остальными кулаками; вслѣдствіе всего этого кулакъ и представляется въ глазахъ народа такимъ же членомъ общины, какъ и всѣ остальные, съ тою только разницею, что онъ, кулакъ, смысленнѣе всѣхъ и устойчивѣе, а потому и пользуется нуждою и слабостями своихъ собратьевъ. И народъ знаетъ, что для обузданія хищническихъ инстинктовъ кулака и для примиренія съ нимъ существуетъ своя, русская, народная почва. Эта почва удерживаетъ кулака въ извѣстныхъ границахъ его дѣятельности и на этой почвѣ кулаки нерѣдко измѣняютъ свой образъ дѣятельности и перестаютъ быть кулаками.

Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется народу еврей. Это прежде всего продуктъ чуждой ему среды; чуждѣе, воспитанный чуждыми ему нравами, религіей и привычками; онъ почти всегда грамотенъ и не только не боится судебного разбирательства, но, напротивъ, постоянно прибѣгаетъ къ нему; онъ никогда не въ состояніи увлечься съ народомъ и попировать съ нимъ; дѣйствуетъ онъ не особнякомъ, какъ всякій кулакъ, а имѣетъ неразрывныя связи со всѣми другими евреями, которые всегда и во всемъ помогаютъ ему. Въ силу этого онъ и представляется народу чѣмъ-то совершенно отдѣльнымъ отъ его общины, не имѣющимъ съ нею ничего общаго. Народу онъ представляется несравненно смысленнѣе, грамотнѣе и устойчивѣе своего родного кулака, и народъ знаетъ, что для обузданія его хищническихъ инстинктовъ и для примиренія съ нимъ не существуетъ никакой почвы, ибо еврей—это продуктъ совершенно другого міра; онъ поэтому, конечно, и не дорожитъ русской средой, ему нечего и страшиться оторваться отъ нея: у него есть своя среда, своя община, въ которой живетъ и питается весь его нравственный міръ.

Къ русской средѣ евреи относятся по стольку, по сколько среда эта обладаетъ имуществомъ и трудомъ; нѣтъ у нея ни того, ни другого—не существуетъ для нея и еврея, ибо еврей немедленно отплатывается отъ такой среды. Кулакъ же отплатиться не можетъ, ибо у него нѣтъ другого міра, кромѣ русской среды, въ которомъ онъ могъ бы жить и питаться. Не менѣе велико въ глазахъ народа и количественное различіе между кулакомъ съ одной стороны и евреемъ съ другой. Если взять статистическія цифры даже такой губерніи, какъ Херсонская, гдѣ наплывъ евреевъ дѣло сравнительно новое, то оказывается, что на каждые девять человѣкъ мѣстнаго коренного населенія приходится 1 еврей. Между тѣмъ, если мы примемъ во вниманіе, что не во всякомъ селѣ у насъ существуютъ кулаки и міроѣды, что иногда въ селѣ, состоящемъ изъ двухъ, трехъ тысячъ душъ, не насчитается и десяти кулаковъ, то различіе въ численности между кулаками съ одной стороны и евреями съ другой представляется въ глазахъ народа различіемъ громаднымъ.

Евреи, судя по лѣтописямъ, появляются въ Кіевѣ въ X вѣкѣ, а въ настоящее время въ одномъ юго-западномъ краѣ евреевъ насчитывается по официальнымъ, далеко неточнымъ исчисленіямъ, свыше 2.000,000 человѣкъ. Значеніе этой цифры легко оцѣнить изъ слѣдующихъ соображеній. Вся масса еврейскаго населенія, за исключеніемъ немногихъ ремесленниковъ, не принимаетъ участія въ производствѣ, а занимается исключительно посредничествомъ и торговлею. Не отвергая вовсе пользы посредничества, нужно замѣтить, что такого количества посредниковъ нашъ юго-западный край не требуетъ, потому что во Франціи, напри- мѣръ, въ ея прежнемъ объемѣ, при населеніи въ 40 милліоновъ, число лицъ, занимавшихся всѣми видами торговой дѣятельности, оказалось по переписи 1.800,000 чел., а можно ли сравнивать торговые обороты Франціи и юго-западныхъ губерній?

При этомъ евреи составляютъ элементъ весьма подвижный, который просто наводняетъ то тотъ, то другой пунктъ, смотря по надобности и по успѣху ихъ спекуляцій. Извѣстно,

напримѣръ, что въ Одессѣ наплывъ евреевъ принялъ угрожающіе размѣры недавно. Въ концѣ 60-хъ годовъ евреи стали являться туда цѣлыми полчищами. По переписи 1859 г. въ населеніи Одессы одинъ еврей приходился на 7,4 душъ не еврейскаго населенія, а перепись населенія 1873 года, опять-таки весьма неполная, открыла, что въ Одессѣ, не смотря на общее увеличеніе населенія слишкомъ на 50%, одинъ еврей приходится на 3,7 душъ не еврейскаго населенія. Во многихъ городахъ, какъ Вильно, Житомиръ, Каменецъ-Подольскъ и др., не говоря уже о Бердичевѣ, Шкловѣ и др., число евреевъ превосходитъ даже далеко число христіанъ, т. е. число эксплуататоровъ число эксплуатируемыхъ.

По закону Дарвина о борьбѣ за существованіе слабѣйшая раса уступаетъ постепенно мѣсто сильнѣйшей, которая имѣетъ болѣе средствъ приспособляться къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ этомъ случаѣ статистика, указывая на постепенное и быстрое усиленіе на западѣ и югѣ Россіи еврейскаго элемента, подтверждаетъ, что послѣдній находится тамъ, очевидно, въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для своего существованія, какъ бы противное ни утверждали кудобы.

Въ „Адресъ-Календарѣ Одесскаго градоначальства на 1882 годъ“, изданномъ мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ, была помѣщена весьма любопытная статья о движеніи одесскаго населенія въ 1880 году. Изъ цифровыхъ данныхъ этой статьи легко сдѣлать заключеніе насколько справедливы вопли о тягостномъ будто бы положеніи евреевъ въ чертѣ ихъ осѣдлости.

Извѣстно, что населеніе Одессы помимо прилива извнѣ постоянно возрастаетъ естественнымъ путемъ. Разсматривая совокупность данныхъ о смертности и рожденіяхъ за истекшій восьмилѣтній періодъ по вѣроисповѣднымъ группамъ, оказывается, что еврейское населеніе Одессы возрастаетъ гораздо быстрѣе населенія христіанскаго. Въ среднемъ выводѣ христіанское населеніе избыткомъ рожденій увеличивалось ежегодно на 78,2 душъ, еврейское—на 628,5 душъ! Приведенныя данныя показываютъ также, что еврейская

группа одесскаго населенія возростаетъ естественнымъ только путемъ въ *восемь разъ быстрее* христіанской группы населенія!

Изъ таблицы браковъ видно, что въ среднемъ выводѣ за истекшій восьмилѣтній періодъ изъ общаго числа заключенныхъ въ Одессѣ браковъ, 65,59% оныхъ заключено между христіанами и 34,41%—между евреями, но такъ какъ еврейская часть населенія составляла только четвертую часть общей населенности Одессы, то въ сущности на долю евреевъ приходилось значительно большее число браковъ, чѣмъ слѣдовало бы по среднему расчету, что показываетъ извѣстный уровень благосостоянія. Надобно принять затѣмъ во вниманіе, что на каждый заключенный христіанскій бракъ приходилось въ среднемъ, за восемь лѣтъ, выводѣ—4,54 рожденія, а на каждый еврейскій бракъ—4,63 рожденія, и что смертность дѣтей среди еврейскаго населенія составляла въ Одессѣ 37,13% умершихъ, а среди христіанскаго населенія—46,08%, т. е. почти на 9% болѣе. Другими словами, евреи имѣютъ болѣе средствъ воспитывать своихъ дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ.

Очевидно, что характерныя черты еврейскаго населенія (частые и ранніе браки, частые разводы, въ видахъ устраненія безплодныхъ браковъ, особое напряженіе солидарности въ борьбѣ съ окружающими элементами) создаютъ этой группѣ населенія особыя условія, благопріятствующія ея преуспѣянію. Извѣстный еврейскій писатель г. Богровъ въ письмѣ въ „Новое Время“ обвинялъ одесскій статистическій комитетъ, что онъ естественный приростъ еврейскаго населенія въ Одессѣ спутываетъ съ приливомъ евреевъ извнѣ. Между тѣмъ комитетъ очень тщательно различалъ оба эти фактора быстрого возростанія еврейскаго населенія. Скорѣе можно думать, что комитетъ слишкомъ еще умѣренно вычислялъ естественное приращеніе евреевъ, т. е. перевѣсъ рожденій надъ смертностью, ибо вещь общеизвѣстная русскимъ статистикамъ, что рожденія младенцевъ женскаго пола весьма неполно регистрируются раввинами. Слѣдовательно евреевъ всегда рождается болѣе нежели это видно изъ официальныхъ таблицъ.

Затѣмъ объясненіе г. Богрова, что естественный приростъ еврейскаго населенія зависитъ отъ библейскихъ добродѣтелей евреевъ, могъ лишь вызвать улыбку, — такъ наивно это заявленіе. Кому же неизвѣстно, что публичные дома не только южной и западной Россіи, но и всей Европы и дальняго Востока до Сингапура включительно переполнены еврейками. Едва ли дома терпимости такое могучее орудіе для укрѣпленія семейныхъ узъ. А кромѣ обитательницъ этихъ домовъ, какая еще масса еврейскихъ женщинъ промышленности развратомъ, какъ извѣстно каждому, кто бывалъ въ жидовскихъ городкахъ и мѣстечкахъ, въ чертѣ ихъ осѣдлости.

Послѣ плодовитости другая характерная черта евреевъ — это ихъ склонность къ торговымъ спекуляціямъ. Торговлю наиболѣе важными товарами Россія все болѣе и болѣе отдаетъ въ руки евреевъ-посредниковъ. А что такое посредничество евреевъ, видно, напр., изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ офиціальномъ „Вѣстн. промыш. и финансовъ“ о томъ, какъ ведется торговля хлѣбомъ изъ центральной Россіи черезъ Привислянскій край и далѣе въ Пруссію, гдѣ весь экспортъ поступаетъ цѣликомъ въ еврейскія руки.

Еврей-покупатели до того малоденежны, что часто не имѣютъ 10 р. на задатокъ подъ партію хлѣба. Еврей-маклеръ покупаетъ хлѣба для покупателя-еврея и получаетъ за это рубль съ вагона отъ продавца. На приѣмку въ амбаръ посылаются еврей-приѣмщикъ, получающій 50 коп. отъ cadaго принятаго вагона. На станцію товаръ поступаетъ къ еврею-товароотправителю, который за досмотръ при погрузкѣ и вышравку документовъ получаетъ по 30 к. съ вагона. Дубликатъ накладной погруженнаго товара передается продавцу, который вмѣстѣ съ покупателемъ идетъ въ ссудную еврейскую контору, выдающую ссуду подъ учетъ дубликата. Ссуда выдается въ полной стоимости товара и здѣсь же производится окончательный расчетъ съ продавцомъ. По ссудамъ въ еврейскихъ конторахъ взимается 1—1½% за 10 дней, то е. отъ 36% годовыхъ. Если взять во вниманіе, что и мѣшки еврей-экспортеръ покупаетъ у еврея же торговца мѣшками, то окажется, что отъ ка-

ждаго отправленнаго вагона хлѣба кормится цѣлый десятокъ еврейскихъ семей.

Безденежность экспортеровъ-евреевъ тѣмъ не выгодна для интересовъ нашей хлѣбной торговли, что весь хлѣбъ отправляется обремененнымъ подтоварной банковской ссудой и, по прибытіи на станцію назначенія, долженъ быть немедленно проданъ, не смотря на какой бы ни было уровень цѣны: никакая выдержка здѣсь немыслима и невозможна. Свою долю вліянія имѣетъ и тотъ начетъ по ссудамъ, который, въ видѣ 35—54% годовыхъ, въ данномъ случаѣ падаетъ на долю экспорта.

Добро бы дѣло ограничивалось этими накладными расходами, но къ нимъ надобно прибавить потери отъ еврейскихъ плутней. О характерѣ этихъ плутней очень часто упоминалось въ нашей печати *). Въ южныхъ портахъ нашихъ, напримѣръ, при приѣмѣ хлѣба въ магазины, обвѣсъ и обмѣръ — самое обыденное явленіе, выразившееся на мѣстѣ даже въ особомъ мѣстномъ жаргонѣ. Вотъ нѣкоторые изъ употребительнѣйшихъ словъ этого жаргона: „кашировать“ — значитъ дѣлать скидку съ цѣны, подъ предлогомъ несоотвѣтствія товара пробѣ; „ецкать“ — придирается къ продавцу, чтобы сбить цѣну; „положеніе на магазинъ“ — вычесть изъ общаго вѣса хлѣба и т. п. По нѣкоторымъ расчетамъ, потери продавцевъ хлѣба по этимъ только плутнямъ составляютъ болѣе 4%. Сколько же всего теряется такимъ образомъ понапрасно денегъ, которыя не достаются производителю землевладѣльцу и земледѣльцу.

Питейная торговля у насъ по преимуществу сосредоточена въ рукахъ евреевъ. Выясненіе вопроса о степени уча-

*) Въ любопытной, хотя и плохо написанной, брошюрѣ о евреяхъ, бессарабскій помѣщикъ г. Гриневичъ справедливо находилъ, что для борьбы съ евреями надобно помогать учрежденію провинціальныхъ органовъ гласности и дозволить, а не мѣшать послѣднимъ печатать статьи о кагалѣ и объ еврейскихъ продѣлкахъ. Съ другой стороны, для ознакомленія съ еврейскою изворотливостью и развращающимъ вліяніемъ на администрацію, г. Гриневичъ рекомендовалъ составленіе популярнаго свода наиболѣе интересныхъ дѣлъ, касающихся евреевъ и ихъ обычаевъ, по матеріаламъ, имѣющимся въ распоряженіи Министерствъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ.

стія ихъ въ торговлѣ питьями въ Россіи дѣло, впрочемъ, не легкое; это выясненіе имѣетъ практическое значеніе только при опредѣленіи размѣровъ „подъименной“ торговли, т. е. содержанія заводовъ для выдѣлки крѣпкихъ напитковъ и питейныхъ заведеній на имя подставныхъ лицъ не изъ евреевъ *).

Способовъ нарушать, или обходить мошенническимъ образомъ, ограниченія законнаго участія евреевъ въ питейной торговлѣ безчисленное множество. Наиболѣе практикуются слѣдующіе: открытіе заведенія на чужой землѣ, по соглашенію съ владѣльцемъ, на имя не-еврея и съ сидѣльцемъ изъ не-евреевъ; приобрѣтеніе отъ не-еврея довѣренности на надзоръ за питейною торговлею, съ правомъ веденія дѣлъ; открытіе заведенія въ арендованномъ чужомъ домѣ на имя квартиранта не-еврея; содержаніе заведенія на имя хозяевъ дома, причемъ дѣйствительные хозяева, евреи, живутъ при немъ въ качествѣ квартирантовъ; наконецъ, разные другіе приемы, въ которыхъ подставное лицо обыкновенно находится въ зависимости отъ еврея, или получаетъ отъ него гонораръ какъ за довѣренность, такъ и за выполненіе обязанностей хозяина или сидѣльца. Вообще дѣло подъименной торговли обставляется настолько „аккуратно“, что нѣтъ возможности разобраться въ немъ ни чинамъ акцизнаго, ни чинамъ прокурорскаго надзора.

Между тѣмъ дѣло это настолько производится явно и гласно, что для статистическихъ работъ евреи не считали даже нужнымъ скрываться. Благодаря подобной точности, мы знаемъ теперь, что противозаконно владѣли евреи въ

*) Для комиссіи, пересматривавшей дѣйствующіе о евреяхъ въ Имперіи законы, департаментъ неокладныхъ сборовъ, вмѣстѣ съ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, собралъ подробныя свѣдѣнія о размѣрахъ еврейской питейной торговли въ Россіи. Свѣдѣнія эти, обработанныя г. Аленицынымъ, изданы отдѣльною книгою, чрезвычайно роскошно, съ такою массою графическихъ изображеній, что, подумаешь, что они назначены не для ученыхъ членовъ комиссіи, а для людей, которые, какъ малыя дѣти, не могутъ мыслить отвлеченно, а вырабатываютъ понятія по картинкамъ, лежащимъ передъ глазами. Это замѣчаніе мы дѣлаемъ мимоходомъ; графическій способъ имѣетъ свои достоинства, но злоупотреблять имъ въ статистикѣ нечего.

чертъ осѣдлости 46 проц. общаго числа трактировъ и харчевень, 45 проц. корчемъ, 54 проц. кабаковъ, 40 проц. винныхъ погребовъ, 29 проц. ренсковыхъ погребовъ. Въ Привислянскихъ губерніяхъ процентъ противозаконной еврейской торговли доходилъ, на примѣръ, по владѣнію корчами до 89 проц.! А между тѣмъ гг. еврейскіе публицисты жалуются еще постоянно на притѣсненія еврейской торговли. Хороши притѣсненія, когда десять тысячъ евреевъ могутъ прямо и спокойно нарушать писанные для ихъ обузданія законы!

Для оцѣнки собственно статистическихъ цифръ, надобно имѣть въ виду, что черта еврейской осѣдлости обнимаетъ въ Россіи, кромѣ Привислянскаго края, только 15 губерній, въ прочихъ губерніяхъ евреи составляютъ еще, слава Богу! элементъ случайный. Теперь вотъ главные выводы г. Аленицына. Во всѣхъ обследованныхъ частяхъ Россіи евреямъ принадлежало болѣе четверти всѣхъ питейныхъ заведеній, въ томъ числѣ въ Европейской Россіи нѣсколько менѣе трети, а въ Азіатской Россіи 4,1 проц. Совсѣмъ другія отношенія являются, если взять одну черту еврейской осѣдлости. Здѣсь евреи содержатъ только нѣсколько менѣе двухъ третей всѣхъ заведеній, а въ привислянскихъ губерніяхъ почти половину. Наибольшихъ размѣровъ достигаетъ еврейская питейная торговля въ губерніяхъ: Гродненской, Могилевской, Минской, Ковенской и Виленской, а именно отъ 85 до 90 проц. общаго числа заведеній.

Въ частности мы оставимъ безъ вниманія прочія губерніи Россіи, гдѣ евреевъ мало, слѣдовательно, и еврейскихъ заводовъ и кабаковъ не много, и обратимся къ чертѣ еврейской осѣдлости. Въ этомъ то еврейскомъ царствѣ, гдѣ евреевъ въ десять разъ больше, чѣмъ ихъ было въ Іудеѣ во времена величайшей славы Давида и Соломона, евреямъ принадлежало *болѣе половины* всѣхъ винокуренныхъ заводовъ, *почти три четверти* пивоваренныхъ, *семь восьмыхъ* оптовыхъ складовъ спирта, *немного менѣе половины* трактировъ и харчевень, *свыше двухъ третей* корчемъ, *около двухъ третей* шинковъ и питейныхъ домовъ, *два пятыхъ*

винныхъ погребовъ и почти *половина* ренсковыхъ погребовъ и штофныхъ лавокъ.

Но это еще далеко не полная картина размѣровъ еврейской питейной торговли, ибо во избѣжаніе слишкомъ сложной работы не были собраны свѣдѣнія объ участіи евреевъ въ содержаніи водочныхъ и медоваренныхъ заводовъ, пивныхъ и портерныхъ лавокъ, временныхъ питейныхъ заведеній и т. п. А понятно, что и въ этого рода промышленности и въ торговлѣ участіе евреевъ должно быть не меньшее.

Можно указать очень мало мѣропріятій, которыя существенно повліяли до сихъ поръ на сближеніе евреевъ съ русскимъ населеніемъ. Самое жесткое изъ нихъ — рекрутская повинность — всячески избѣгается евреями. Въ то время, когда не только русское, но и инородческое населеніе Имперіи на столько проникнуто сознаніемъ обязанности защищать свое отечество, что уклоненія отъ воинской повинности составляютъ ничтожный процентъ, который бы еще понизился, еслибы разобрать строго, на сколько въ извѣстныхъ случаяхъ препятствовала лицу, подлежащему призыву, явиться трудность сообщеній, неизвѣстность необходимыхъ формальностей и т. п., — еврейское населеніе чуть не поголовно уклоняется отъ рекрутчины. Вѣдомость о выполненіи призыва къ отправленію воинской повинности въ 1876 году показала, напримѣръ, что принятыя передъ тѣмъ очень строгія мѣры къ привлеченію евреевъ къ отбыванію ненавистой для нихъ повинности все-таки не принесли существенной пользы; даже возстановленіе прежняго правила, чтобы недоимка по недобору изъ евреевъ непремѣнно пополнялась евреями и ни въ какомъ случаѣ не падала на христіанъ, повидимому, осталась безсильною. Насколько велико уклоненіе евреевъ отъ воинской повинности, явствовало изъ слѣдующихъ данныхъ. Общее число лицъ, подлежащихъ вынутаю жеребья, составляло въ 1876 году 673,259, въ томъ числѣ евреевъ 28,372. Изъ означеннаго числа не явилось къ приему 18,798, въ томъ числѣ евреевъ 5,875, т. е. евреевъ не явилось болѣе 20%, а другихъ сословій около 3%. Затѣмъ изъ числа назначенныхъ къ поступле-

нію на службу по разверсткѣ дѣйствительно принято, не считая евреевъ, 189,482, а недобрано 270 человекъ, евреевъ же слѣдовало къ поступленію 6,181, а недобрано 2,488, т. е. 40%. Въ 1878 году крестьянъ было недобрано 268, а евреевъ 2,666 или 87% всего недобора. Такое количество недобора евреевъ показываетъ, что изъ явившихся къ призыву множество евреевъ было освобождено по болѣзненному состоянію или семейнымъ льготамъ, которыя евреи довольно искусно готовятъ заранѣе особою діетою и подѣлкою документовъ.

Въ царствованіе Императора Николая Павловича по отношенію къ еврейской военной повинности и вообще по отношенію къ евреямъ былъ изданъ рядъ замѣчательныхъ узаконеній, имѣвшихъ цѣлью урегулированіе положенія этой части нашего народонаселенія. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ означенныхъ узаконеній были потомъ отмѣнены, другія же хотя остались въ Сводѣ законовъ, но, какъ теперь выяснилось, не исполнялись администраціей по слабости надзора со стороны тѣхъ лицъ, которыя обязаны были наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ, а также отъ необыкновеннаго искусства евреевъ обходить законы.

Взглядъ покойнаго Государя на евреевъ хорошо виденъ изъ записокъ бывшаго генералъ-губернатора Сѣверо-западнаго края Мирковича, отрывокъ которыхъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“. Мирковичъ—замѣтимъ, человекъ весьма просвѣщенный: онъ былъ директоромъ кадетскаго корпуса и помощникомъ Киселева въ Придунайскихъ княжествахъ—въ 1840 году жаловался Николаю Павловичу, что будь Минская губернія въ рукахъ другихъ жителей, она была бы богата. „Но нынѣ, говорилъ онъ, во всѣхъ городахъ бѣдность, населеніе еврейское совершенно одолѣло христіанъ и, кромѣ мелочной обманной ихъ торговли, никакой другой нѣтъ. Помѣщики хотя и занимаются своими имѣніями и фабриками сами, но всѣ ихъ произведенія попадаютъ въ руки жалкихъ евреевъ“. Пинскъ обратилъ на себя особенное вниманіе Мирковича: „это лучший уѣздный городъ Минской губерніи, говорилъ онъ, но большая часть населенія—еврейское“.

— „Ихъ надо бы выжить и водворить тамъ русскихъ купцовъ, замѣтилъ Императоръ.—Обдумай, какъ бы это сдѣлать; можно дать нашимъ привилегіи, которыя бы ихъ пріохотили селиться“.

Осматривая брестъ-литовскую крѣпость, Государь увидѣлъ огромную толпу евреевъ, слѣдовавшихъ внизу за нимъ, остановился и спросилъ Мирковича:

— „Чѣмъ они живутъ? Надо непременно придумать, что съ ними дѣлать, и этимъ тунеядцамъ дать работу. Мнѣ надо ихъ выжить отсюда. Послѣдній разъ, когда я былъ въ Одессѣ, встрѣтилъ я тамъ толпы шатающихся безъ дѣла цыганъ въ совершенной нищетѣ, нагіе, дѣвки восемнадцати лѣтъ голыя. Безобразіе и позоръ. Я говорю Воронцову: что ты ихъ не приведешь въ порядокъ? Онъ мнѣ отвѣчаетъ: мнѣ съ ними не сладить. Всѣ мѣры, которыя я принималъ, остались безъ успѣха.—Такъ постой, я съ ними слажу. Всѣхъ бродягъ и негодяевъ приказалъ брать, за опредѣленную поденную плату, на работу. Черезъ мѣсяцъ все исчезло. Можно бы и съ этими подобнымъ образомъ поступить. Подумай-ка, какъ бы изъ нихъ составить рабочія роты для крѣпостныхъ работъ“.

Проходя въ комиссаріатъ, Государь опять увидѣлъ толпу евреевъ и сказалъ, обращаясь къ Мирковичу:

— „Voyez, voyez donc votre bon peuple. A tous les coeurs bien nés que la patrie est chère!“

Послѣднею фразою Государь, очевидно, намекалъ на то, что у евреевъ нѣтъ отечества. Въ арсеналѣ Государь обратилъ вниманіе фельдмаршала Паскевича на то, что на домахъ числа, опредѣляющія сроки ихъ сломки, не отвѣчаютъ дѣйствительной прочности зданій, и прибавилъ:

— „Это надо передѣлать, тутъ виденъ явный подкупъ. Эти жидаы кого не подкупаютъ...“

Можно пожалѣть, что настойчивый и послѣдовательный въ своихъ дѣйствіяхъ Императоръ Николай не довелъ своихъ предположеній относительно евреевъ до конца. И до сихъ поръ каждому, кто проѣзжаетъ по городамъ и мѣстечкамъ или желѣзнодорожнымъ станціямъ Западнаго края, невольно бросается въ глаза огромная толпа тунеяд-

цевъ-евреевъ, снующихъ взадъ и впередъ. Подобнаго движенія нѣтъ въ самыхъ густо-населенныхъ мѣстахъ Западной Европы, но вся эта суета—одинъ обманъ глазъ и можетъ быть по справедливости приравнена къ работѣ пустой мельницы. Между тѣмъ вся эта нахальная толпа бездѣльниковъ одѣта, обута и накормлена насчетъ немногихъ оборванныхъ крестьянъ, робко поглядывающихъ на пришедшій къ станціи поѣздъ.

Вопросъ объ утилизаціи этого вреднѣйшаго пролетаріата остается на первой очереди, но едва ли у какой либо петербургской комиссіи, состоящей изъ полулиберальныхъ чиновниковъ, можетъ хватить достаточно смѣлости предложить мѣры практическія и строгія, которыя съ такой проникательностью и рѣшительностью истинно государственнаго человѣка высказывалъ Императоръ Николай.

ГЛАВА XVI.

Евреи.

Мѣры для разрѣшенія еврейскаго вопроса въ Россіи. — Полемика по поводу предложенныхъ мѣръ. — Эмиграція евреевъ. — Брошюра Демидова Сантъ-Донатю. — Майскіе законы.

Еврейскій вопросъ достался Россіи по наслѣдству отъ Польши. Лѣнивая и развращенная шляхта, жившая эксплуатацией сельскаго населенія, неспособная къ труду и промышленности, охотно приняла себѣ въ пособники по эксплуатации евреевъ. Такимъ образомъ, земли Рѣчи Посполитой сдѣлались пріютомъ, куда собрались со всѣхъ концовъ Европы евреи. Присоединивъ послѣ 1772 г. часть польскихъ областей, мы не могли продолжать прежней политики игнорированія евреевъ. Отъ послѣднихъ нельзя уже было отрешиваться, какъ дѣлали Петръ Великій и Елисавета Петровна, объясняя первый, что у него и своихъ русскихъ плутовъ довольно, вторая — что не желаетъ отъ враговъ Христовыхъ интересной прибыли; пришлось съ евреями серьезно считаться.

Правительство наше, сознавая, что присутствіе большого числа евреевъ зло, взяло за образецъ медиковъ, которые не заботятся о части тѣла, пораженной извѣстной язвой, а стараются лишь воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію болѣзни и зараженію здоровыхъ частей организма. Поэтому правительство не желало бороться съ евреями въ тѣхъ областяхъ, гдѣ они вѣками сидѣли уже на шеѣ мѣст-

наго населенія, оно открыло даже еврейской предприимчивости, пустынный тогда, Новороссійскій край, но затѣмъ тщательно продолжало охранять остальные области Россіи отъ вторженія еврейской эксплуатаціи.

Заставы, однако, дѣлались все менѣе и менѣе строгими и теперь, обходя законъ, а еще чаще обходя администрацію, евреи разсыпались мало-по-малу по землѣ русской, повсюду возбуждая буквально тѣ же самыя жалобы, которыя они возбуждали въ западной Россіи.

Въ послѣдней положеніе вещей сдѣлалось почти невыносимымъ, какимъ оно было въ половинѣ XVII столѣтія, въ моментъ полнаго торжества шляхты въ средѣ русскаго населенія. Что же предлагаютъ юдофилы для устраненія подобнаго прискорбнаго состоянія? А ничего болѣе, какъ распространеніе еврейства по всей Россіи, уничтоженіемъ всѣхъ легальныхъ ограниченій и полнымъ приравненіемъ евреевъ къ коренному русскому населенію. По мнѣнію „Порядка“, „Голоса“, „Новостей“ и др. еврействующихъ органовъ, стоитъ снять карантинныя преграды и евреи, разсыропливаясь, такъ сказать, въ массѣ русскаго населенія, потеряютъ свои несимпатическія національныя черты и сдѣлаются полезною частью русскаго населенія.

Увы! Это весьма печальное заблужденіе. Разселеніе евреевъ по Россіи имѣло бы значеніе, еслибы извѣстная ихъ способность къ торговлѣ могла бы быть приложена съ выгодною, но торговый классъ, въ особенности по отраслямъ комиссіонерской и банкирской, къ которымъ, несомнѣнно, евреи имѣютъ блистательныя и рѣдкія способности, чтобы приносить пользу, не долженъ, какъ мы говорили, составлять болѣе извѣстнаго, весьма малаго процента всего населенія. Чѣмъ народъ бѣднѣе, некультурнѣе, малопромышленнѣе, тѣмъ классъ посредниковъ долженъ быть относительно менѣе. Поэтому вопросъ разрѣшался бы очень просто, еслибъ евреевъ въ Россіи было сто, двѣсти тысячъ. Тогда, пожалуй, отъ нихъ можно бы ждать пользы, за извѣстными неизбѣжными исключеніями. Но евреевъ въ Россіи нѣсколько милліоновъ, да если эмансипировать ихъ вполнѣ, то еще прибавится густая масса евреевъ изъ Румыніи, Австріи и

Германіи. Что же дѣлать съ этими милліонами посредниковъ и комиссіонеровъ? Вѣдь они, не внося ничего въ народную производительность, лишь высосутъ въ нѣсколько лѣтъ всю непочатую еще часть Россіи.

Мало того, если евреи и при нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ плодятся, какъ несомнѣнно доказываетъ статистика, несравненно быстрѣе христіанскаго населенія въ южной и западной Россіи, то какъ быстро начнутъ плодиться они, получивъ возможность жить насчетъ цѣлой Россіи. Очень вѣроятно, что еврейское населеніе въ Россіи дойдетъ тогда до десяти милліоновъ. Цифра, о которой страшно и подумать, особенно принимая въ расчетъ свѣдѣнія нашей официальной статистики, изъ которой видно, что къ уголовнымъ преступленіямъ и къ психическимъ болѣзнямъ евреи имѣютъ въ 5 и 6 разъ болѣе склонности, чѣмъ русское населеніе.

Медицина давно установила фактъ, что нѣкоторые организмы не выносятъ присутствія извѣстныхъ веществъ, хотя бы невинныхъ, напр., земляники, раковъ, даже въ самомъ маломъ количествѣ. Это свойство называется идіосинкразіей. Бороться противъ него невозможно и насиліе надъ подобнымъ организмомъ производитъ только судороги и страданія. Относительно евреевъ нашъ народный организмъ находится отчасти въ состояніи идіосинкразіи. Какъ бы нѣкоторые наивные публицисты ни доказывали благъ еврейской цивилизаціи и талантливости племени, создавшаго Гейне и Мейербергера, но народъ русскій, подобно венграмъ и румынамъ, отрешивается отъ этой цивилизаціи и отъ еврейскихъ талантовъ.

Безпорядки въ Ростовѣ-на-Дону, Екатеринославѣ и Нижнемъ-Новгородѣ отлично подтверждаютъ лживость теоріи, никогда не раздѣлявшейся нашимъ правительствомъ, будто бы расселеніе по всей Россіи евреевъ малыми порціями, другими словами, упраздненіе „черты осѣдлости“, есть наилучшее рѣшеніе еврейскаго вопроса. Въ вышеозначенныхъ городахъ евреевъ, сравнительно съ числомъ евреевъ въ юго и сѣверо-западномъ краѣ и въ Бессарабіи, немного, а сравнительно съ массою русскаго населенія даже и очень мало,

между тѣмъ безпорядки показали, что и этого количества евреевъ переварить не можетъ тамошній народный организмъ.

Это подтверждается и другими примѣрами. Изъ officialнаго отчета г. Августиневича, напечатаннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, видно, что на Сахалинѣ колонизація шла спокойно и тайной торговли спиртомъ не было, пока въ числѣ ссыльно-каторжныхъ не появилось случайно нѣсколько евреевъ. Съ прибытіемъ ихъ все измѣнилось. Спиртъ, не смотря на строжайшее преслѣдованіе, сталъ привозиться тайно, зашитый въ шкурки животныхъ, и продаваться по три рубля стаканъ, а затѣмъ, окончившіе свои сроки и обратившіеся въ поселенцевъ, ссыльно-каторжные стали быстро пропивать данное имъ казною обзаведеніе, евреи же также быстро сколачиваютъ себѣ капиталчики. Ни одинъ почти еврей не подвергается тяжелымъ работамъ, пишетъ г. Августиневичъ. Средства даютъ имъ возможность всегда нанимать вмѣсто себя другихъ каторжныхъ для выполненія рабочихъ уроковъ, а сами они въ то же время занимаются контрабандною продажей спиртныхъ напитковъ между ссыльно-каторжными, у которыхъ они, подобно пиявкамъ, высасываютъ послѣднюю заработанную копѣйку и выманиваютъ всю одежду.

Закаспійская область также не относится къ мѣстностямъ, гдѣ разрѣшена еврейская оскѣдность, между тѣмъ вотъ что писали въ „Новое Обозрѣніе“ изъ форта Александровскаго: „Разрушенію правильнаго и спокойнаго, установившагося многими годами, порядка нашей жизни очень усердно помогаютъ ни вѣсть откуда явившіеся евреи. Пронырливые, не останавливающіеся ни передъ какими средствами для выцѣживанія изъ стени всевозможныхъ соковъ, сыны Израиля не мало содѣйствуютъ порчѣ отношеній степняковъ къ русскимъ. Пользуясь тѣмъ, что кредитъ степняковъ у мѣстныхъ торговцевъ упалъ, евреи забрали киргизовъ въ свои руки, не опустивъ, конечно, случая поставить должникамъ самыя обременительныя условія“.

Фортъ Александровскій (Тюбъ-Караганъ) на Каспійскомъ морѣ — одна изъ самыхъ глухихъ мѣстностей не только

Россіи, но и всего цивилизованнаго міра. Если здѣсь евреи успѣли установить монополію, то что должно дѣлаться въ мѣстахъ болѣе населенныхъ? Если десятокъ евреевъ дѣлаетъ такой переворотъ въ цѣломъ краѣ, то что произошло бы съ Россіей, еслибы исполнилась мечта гг. Бакста, Мандельштама, Гинцбурга, Драбкина и комп. и евреямъ предоставили бы свободно *культивировать* всѣ русскія губерніи внѣ черты постоянной осѣдлости.

Сильные беспорядки, уже не первые, въ Венгріи по поводу евреевъ доказываютъ, что и политическая эмансипація вовсе не разрѣшаетъ еврейскаго вопроса. Въ Венгріи евреи вполне равноправны съ христіанами, но это не измѣнило свойствъ ихъ расы и нисколько не уменьшило недоброжелательныхъ къ нимъ отношеній мѣстнаго не еврейскаго населенія. Мы ни на минуту не сомнѣваемся, что равноправность евреевъ поведетъ въ Россіи къ худшему злу противъ нынѣшняго. Она равносильна поступку того человѣка, который, испугавшись дождя, кинулся въ воду. Уже если хлопотать о чемъ либо въ настоящую минуту, если думать о коренномъ разрѣшеніи еврейскаго вопроса, то надобно заботиться вовсе не о равноправности, т. е. о прививкѣ еврейства ко всей Россіи, а напротивъ о возможномъ искорененіи его и изъ той части послѣдней, гдѣ евреи укрѣпились въ силу историческихъ условій.

Но если равноправность и расселеніе не суть врачующія средства, то должны же быть другіе какіе нибудь пути для разрѣшенія еврейскаго вопроса. Они дѣйствительно существуютъ. Ихъ и держится Румынія, систематически измѣнившая свое законодательство въ смыслѣ наилучшей постановки еврейскаго вопроса. Ограничительныя мѣры румынскаго законодательства, распространенныя сначала на села, затѣмъ на города и особенно на питейную торговлю, имѣли самыя благодѣтельныя послѣдствія: около половины евреевъ выселились въ Австрію, отчего, конечно, должна была оживиться мѣстная торговля въ Румыніи, угнетаемая эксплуатаціей.

Какъ и отъ всякой хронической болѣзни, излечиться отъ еврейства нельзя. Слишкомъ радикальное леченіе можетъ

повредить организму еще болѣе, чѣмъ самая болѣзнь. Но облегчить страданія возможно. Задача здѣсь одна: надобно добиваться не того только, чтобы евреи не могли эксплуатировать христіанское населеніе, что достигается различными ограниченіями, а чтобы еврейское населеніе всячески сокращалось въ Россіи, тогда какъ теперь оно растетъ очень быстро. Мы совершенно убѣждены, что пересмотромъ нашего законодательства можно въ значительной мѣрѣ добиться этого. Все сводится къ тому, чтобы для евреевъ сдѣлать болѣе выгодною эксплуатацію западной Европы и Америки, нежели Россіи. Еслибы при этомъ ежегодно ассигновалось изъ государственнаго казначейства нѣсколько милліоновъ для облегченія эмиграціи еврейскаго пролетаріата, то этотъ переворотъ обошелся бы также благополучно, какъ обошелся онъ въ Ирландіи, во время великаго „исхода“ 1848—51 гг.

Евреи, какъ извѣстно, космополиты, они живутъ не на своей землѣ и не въ средѣ имъ почему либо сочувственной, а гдѣ имъ выгоднѣе, по теоріи: *ubi bene, ibi patria*. Сдѣлалось имъ выгоднѣе въ концѣ 50-хъ годовъ жить въ Румыніи и въ южной Россіи и въ нѣсколько лѣтъ число евреевъ въ этой странѣ удесятирилось наплывомъ изъ всей Европы, къ глубокому отчаянію мѣстнаго населенія. Возможны, слѣдовательно, и обратныя явленія. Сдѣлайте еврею жизнь невыгодною, пребываніе неудобнымъ, онъ переселится туда, гдѣ ему покажется прибыльнѣе. Изъ Россіи не мало евреевъ отправляется ежегодно въ Америку. Въмѣсто расселенія евреевъ по Россіи постарайтесь расселить ихъ въ западной Европѣ и Америкѣ; тамъ на триста милліоновъ населенія евреевъ не наберется и милліона, т. е. и полпроцента, у насъ на девяносто милліоновъ ихъ пять милліоновъ, т. е. шесть процентовъ. Пожертвуемъ же Западу избытокъ этого способнаго племени. Оно и пригоднѣе тамъ, гдѣ капиталовъ больше, ремесленность очень развита, торговля гигантская и нужда въ посредничествѣ постоянная. Такимъ образомъ мы окажемъ даже быть можетъ Европѣ и Соединеннымъ Штатамъ нѣкоторую услугу.

Для подобной услуги вовсе не надобно никакихъ насиль-

ственныхъ мѣръ; ни избивать, ни продавать въ рабство евреевъ не требуется, все это приемы допотопные, столько же возмутительные, сколько и бесполезные. Достаточно выработать такого рода постановленія о евреяхъ, которыя не только не давали бы приманки къ притоку новыхъ еврейскихъ силъ изъ-за границы, но всячески тянули бы евреевъ къ отъѣзду за границу и къ приложенію тамъ своихъ коммерческихъ способностей. Здѣсь недостаточно легко-обходимыхъ воспрещеній содержать кабаки, или не ѣздить по Россіи. Надобно придумать цѣлый рядъ узаконеній, которыми воспрещались бы евреямъ пребываніе въ деревняхъ и всѣ такіе виды торговли, которые прямо или косвенно ведутъ къ эксплуатаціи низшей братіи; о покупкѣ или арендѣ земель евреями само собою не можетъ быть и рѣчи. Еврейское населеніе должно быть переписано и отдано подъ ближайшее наблюденіе особаго класса мировыхъ посредниковъ; школы для евреевъ должны быть учреждены повсемѣстно въ чисто русскомъ духѣ, смѣшанные браки евреевъ съ православными и католиками позволены, а для евреевъ даже и внутри Россіи, вѣтъ черты постоянной еврейской осѣдлости. Положимъ, что отъ получающихся такимъ образомъ „метисовъ“ пользы будетъ сначала немного, но надобно замѣтить, что, благодаря незаконнымъ рожденіямъ, и теперь Россія, имѣющая миллионное еврейское населеніе, не можетъ избавиться отъ скрещиванія двухъ расъ, арійской и семитской. Разница, однако, будетъ та, что при разрѣшеніи смѣшанныхъ браковъ (для чего надобно будетъ соборное постановленіе), получающіеся ублюдки будутъ воспитываться не еврейскимъ семействомъ и не будутъ исповѣдывать столь опасный для нихъ Моисеевъ законъ. Затѣмъ, хотя часть нажитаго евреями добра будетъ возвращаться въ христіанскія руки помощью приданого, дарственныхъ записей и т. п.

Вѣнцомъ всему должно служить, однако, учрежденіе, облегчающее еврейскія выселенія изъ Россіи. Графъ Н. П. Игнатьевъ прекрасно охарактеризовалъ значеніе этой мѣры, сказавъ депутатамъ „Еврейскаго всемірнаго союза“, что евреи люди въ Россіи совершенно свободные, ибо для нихъ

всегда широко открыта... западная граница. Вопросъ только въ томъ, что для серьезной эмиграціи нужны деньги, ибо само собою разумѣется, эмигрировать будутъ не богатые евреи, а бѣдняки, не имѣющіе куска хлѣба. Еслибы правительство ассигновало ежегодно хотя по 20 милл. рубл. на поощреніе еврейскаго выселенія, то это было бы истиннымъ благодѣяніемъ не только для евреевъ, но и для цѣлой Россіи.

Если кому эта сумма, въ виду состоянія нашихъ финансовъ, покажется значительною, то можно указать, пользуясь книгою Дрюмона, на источникъ для покрытія расходовъ, который будетъ вполне справедливъ. Извѣстно, что евреи наживаютъ ежегодно въ Россіи милліоны и десятки милліоновъ не трудясь, не избобрѣтая и вообще не занимаясь—за исключеніемъ небольшого числа еврейскихъ ремесленниковъ, совершенныхъ пролетаріевъ—никакимъ производительнымъ трудомъ. Слѣдовательно, если у евреевъ является капиталъ, то онъ несомнѣнно продуктъ эксплоатации и государство въ правѣ облагать подобный продуктъ соотвѣтственнымъ налогомъ на пользу общую, чтобы нѣсколько возстановить равновѣсіе.

Мы не предлагаемъ, однако, облагать евреевъ налогомъ въ пользу эксплоатируемыхъ христіанъ. При всей своей справедливости, — ибо ради евреевъ содержится гораздо болѣе полиціи, акцизныхъ чиновниковъ, судей, не говоря уже объ учебныхъ заведеніяхъ, — спеціальнѣйшій еврейскій налогъ сейчасъ бы вызвалъ жалобы на притѣсненіе. Ничто не мѣшаетъ, однако, обложить евреевъ сборомъ въ пользу ихъ меньшей братіи. Для этого надо бы взять за основаніе налогъ съ наслѣдства, который падаетъ исключительно на зажиточные классы населенія. Если къ этому налогу для евреевъ сдѣлать поправку въ томъ смыслѣ, что съ каждаго еврейскаго наслѣдства взимается прогрессивно, смотря по размѣру наслѣдства, отъ 5 до 50 проц. въ пользу еврейскаго переселенческаго фонда, то тѣ двадцать милліоновъ, о которыхъ сказано выше, напились бы безъ большого затрудненія. А на двадцать милліоновъ можно ежегодно содѣйствовать выселенію до 100,000 евреевъ, что

въ двадцать лѣтъ очистило бы значительно наши западныя и южныя губерніи отъ эксплуататорскаго населенія.

Затѣмъ, подражая Австраліи, мы можемъ допускать выѣздъ извѣстной категоріи евреевъ: купцовъ, ремесленниковъ, техниковъ, врачей, адвокатовъ, учителей и т. п. за черту осѣдлости, со взиманіемъ съ каждаго извѣстной профессиональной пошрины. Подобная пошрина могла бы доставить нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ, и также послужить для образованія фонда, необходимаго для выдачи пособій при выселеніи евреевъ изъ мѣстъ ихъ постоянной осѣдлости за границу.

Помощь бѣднымъ евреямъ на отѣздъ изъ Россіи должна, однако, дѣлаться подъ круговой отвѣтственностью, дабы еврей, получивъ казенную ссуду, не могъ снова вернуться въ Россію и взять, пожалуй, вторую ссуду. Лицо, разъ получившее субсидію на выѣздъ изъ Россіи, не имѣетъ права возвращаться. Всѣ формальности по оставленію евреями русскаго подданства должны быть упрощены и удешевлены до-нельзя, а для иностранцевъ еврейскаго вѣроисповѣданія выѣздъ въ Россію разъ навсегда безусловно запрещенъ, хотя бы на 24 часа, хотя бы въ составѣ дипломатическаго корпуса, или съ предложеніемъ отъ иностранныхъ капиталистовъ даромъ заплатить всѣ наши государственные долги.

Нѣтъ сомнѣнія, что можно указанныя выше мѣры дополнить еще многими, не менѣе существенными. Но и перечисленныхъ достаточно, чтобы при энергическомъ и честномъ ихъ приложеніи и при затратѣ суммы, вдесятеро меньшей той, что евреи нажили въ Россіи на однѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, черта осѣдлости очистилась бы отъ половины своего еврейскаго населенія. Уже это было бы огромнымъ шагомъ впередъ.

Въ нашей мысли нѣтъ ничего невѣроятнаго. Не говоря уже о библейскомъ исходѣ изъ Египта, мы напомнимъ еще разъ, что безъ малѣйшихъ насилій и потрясеній Ирландія въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ лишилась около трехъ милліоновъ тяготившаго ее избытка населенія. Напомнимъ о переселеніи изъ нашихъ предѣловъ крымскихъ

татаръ, ногайцевъ и кавказскихъ горцевъ. При новомъ „исходѣ“ евреевъ, гг. Гинцбургъ и другіе агенты „Всемирнаго еврейскаго союза“ въ Россіи могутъ взять на себя почетную роль вождей народа, которую играли нѣкогда Ааронъ и другіе поклонники золотого тельца.

Изложенный проектъ, напечатанный въ „Новомъ Времени“, очень не понравился евреямъ и русско-еврейской печати. Еще бы! Не для ихъ удовольствія онъ и былъ писанъ; цѣль его была болѣе серьезная—обсудить основательно и безъ фальшиваго лицемѣрія роковой для Россіи вопросъ. вмѣсто подробнаго обсужденія, юдофильскія газеты прибѣгли къ извращенію истины, приписывая намъ мнѣнія, которыхъ у насъ въ умѣ не было.

„Journal de St.-Petersbourg“ увѣрялъ, напримѣръ, что мы ставимъ вопросъ, слѣдуетъ ли бить или не бить евреевъ, и находилъ невѣроятнымъ оправданіе насилій; между тѣмъ, въ нашей статьѣ ясно было сказано, что подобный вопросъ задавала *толпа* на югѣ Россіи; мы же только удивлялись слабости мѣръ, принимаемыхъ противъ грабежа, поджога и насилій, а вовсе не оправдывали, а ужъ тѣмъ болѣе не одобряли послѣднихъ. Указывая на то, что прежде пытались устроить еврейскія земледѣльческія колоніи, но попытки эти не увѣнчались успѣхомъ, французская газета утверждала, что попытки эти не оправдали возлагавшихся на нихъ ожиданій, вслѣдствіе того, что у насъ привыкли слишкомъ нетерпѣливо ждать плодовъ, которые созрѣть могутъ только медленно. Она забыла, что въ Талмудѣ сказано: „нѣтъ хуже занятія какъ занятіе земледѣліемъ“.

„Голосъ“ еще рѣзче приписывалъ намъ проектъ изгнать евреевъ насильно изъ Россіи и съ пафосомъ восклицалъ: „Новое Время“ предлагаетъ русскому государству ни болѣе, ни менѣе, какъ низойти на степень древняго Египта, а русскому государю снизойти до египетскаго Фараона Рамзеса!“

Мы не станемъ разбирать удивительной исторической проницательности „Голоса“, такъ категорически опредѣлившаго Фараона, при которомъ произошелъ Исходъ—надъ чѣмъ тщетно ломала головы нѣмецкая критика. Но

напомнимъ, что и въ Библии нѣтъ рѣчи объ „изгнаніи“ евреевъ: рѣчь шла лишь, чтобы „отпустить“ ихъ. Дѣло, однако, не въ библейскихъ порядкахъ, а въ поощреніи эмиграціи. Въ этомъ рѣшительно нѣтъ ничего возмутительнаго или позорнаго для Россіи. Многія государства организуютъ эмиграцію своихъ подданныхъ за границу на широкихъ началахъ. Эмиграція идетъ дѣятельно изъ Англіи, Скандинавскихъ государствъ, Германіи, Португаліи и Сѣверной Италіи. Неужели все это страны азіятскія, какъ утверждалъ „Голосъ“, увѣрявшій, со словъ одного изъ писателей XVIII вѣка, что государство, гдѣ не благоденствуетъ каждый изъ гражданъ, есть только прикраса беззаконнаго самовластія.

Въ XVIII вѣкѣ могли забавляться подобными утопическими мечтаніями. Теперь думаютъ иначе и никто не видитъ бѣды, если ирландецъ или датчанинъ, тяготящій своихъ собратій избыткомъ предложенія рукъ, отправляется искать счастья въ другой странѣ, а не требуетъ *droit au travail* отъ своего государства. Евреевъ у насъ избытокъ. Въ этомъ все ихъ несчастье и вся суть еврейскаго вопроса*). Вмѣсто разселенія евреевъ по Волгѣ и Оби, мы рекомендовали мѣры содѣйствовать разселенію ихъ по Рейну, Сенѣ и Миссури. О насиліи тутъ нѣтъ рѣчи.

„Голосъ“ пугалъ насъ даже такимъ наивнымъ вопросомъ: „А что, если и нѣкоторыя другія племена, населяющія нынѣ Россію, усмотрятъ въ этой государственной организаціи выселенія евреевъ особую привилегію для еврейскаго племени и попросятъ объ организаціи такого же выселенія и для себя?“ Ну что же, и слава Богу, отвѣтимъ мы, пусть выселяются и другіе. Да здѣсь даже нѣтъ ничего новаго: изъ Россіи выселялись крымскіе татары трижды, выселялись кавказскіе горцы, выселялись нѣмецкіе коло-

*) Любопытно, что Лютеру та же мысль приходила въ голову слишкомъ триста лѣтъ назадъ: „Не знаешь, писалъ онъ, какой чортъ занесъ ихъ въ нашу страну, но не мы искали ихъ въ Іерусалимѣ. Никто ихъ, впрочемъ, не держитъ. Границы и дороги имъ открыты, они могутъ вернуться въ свою Палестину, если хотятъ; мы имъ даже сдѣлаемъ подарки на дорогу“.

нисты. Каждый изъ нихъ искалъ лучшаго и нелѣпо было бы препятствовать такому естественному стремленію.

„Порядокъ“ такъ взволновался нашимъ проектомъ, что даже полемизировавшая съ нимъ „Русь“ отложила свою бесѣду о евреяхъ до того времени, когда мысли „Порядка“ не придутъ, по словамъ Аксакова, въ *порядокъ*.

У „Порядка“ не имѣлось никакого плана разрѣшенія еврейскаго вопроса. Суть его статей состояла лишь въ отрицаніи или, вѣрнѣе, порицаніи проекта „Новаго Времени“, который какъ ни судить, но все-таки нельзя не признать единственнымъ, предложившимъ какое либо практическое разрѣшеніе еврейскаго вопроса въ Россіи. Не угодно ли сравнить его хоть съ тѣмъ, что предлагалъ въ „Порядкѣ“ покойный Кавелинъ, въ длинномъ, многорѣчивомъ фельетонѣ. По словамъ Кавелина „нужны умныя мѣры и умныя дѣла“. Чего, кажется, лучше. Въ чемъ же состояли эти умныя предложенія.

На это Кавелинъ дать, однако, отвѣтъ затруднялся. Онъ стоялъ за равноправность, потому что: „народный геній лежитъ, по его словамъ, въ идеалѣ всеобщаго добра и правды, который живетъ въ сердцахъ людей, носится передъ ними, какъ руководящій свѣточъ, въ самыя темныя и погибельныя времена, и потухаетъ тогда лишь, когда умираетъ народная психея“. Однако, не смотря на этотъ „свѣточъ“, человѣкъ сороковыхъ годовъ прибавлялъ: „Съ предразсудками, привычками, обстоятельствами надо считаться. Если теперешнее состояніе невѣжественныхъ еврейскихъ и крестьянскихъ массъ дѣлаетъ немедленное уравненіе въ правахъ тѣхъ и другихъ невозможнымъ, удержимъ тѣ или другія необходимѣйшія ограниченія, но будемъ на нихъ смотрѣть, какъ на неизбежное зло, которое, при первой же возможности, должно уступить мѣсто полной равноправности“.

Спрашивается, чѣмъ это мнѣніе отличается отъ нашего? Мы тоже ничего не имѣли бы противъ равноправности, еслибы евреевъ въ Россіи считалось сто тысячъ, но разъ ихъ въ 50 разъ болѣе, необходимыя ограниченія неизбежны.

Для разрѣшенія еврейскаго вопроса Кавелинъ предлагалъ еще: „отличные“ законы, которыхъ нельзя было бы обойти, „прекрасныхъ“ судей и полицейскихъ чиновниковъ, развитіе въ народѣ предпріимчивости, образованія и кредита. Но это вѣдь есть разрѣшеніе русскаго, а не еврейскаго вопроса. Въ томъ и штука, какъ добиться этой *идеальной* Россіи, гдѣ все будетъ хорошо и благоустроено. Разъ же это идеалъ, то не слѣдуетъ ли подумать о томъ, что же дѣлать въ ожиданіи идеала. Мы же увѣрены, что когда Россія начнетъ приближаться къ идеалу Кавелина, о евреяхъ заботиться не придется по той простой причинѣ, что они тогда разбѣгутся изъ Россіи. Извѣстно, что евреи терпѣть не могутъ идеальнаго порядка вещей и неохотно живутъ въ Англіи, Франціи, Швейцаріи и другихъ высоко-цивилизованныхъ странахъ. Напротивъ, ихъ геній влечетъ ихъ въ страны мало культурныя, въ Россію, славянскія земли Австріи, Румынію, сѣверную Африку, въ среду простодушную и непредпріимчивую; тамъ они готовы претерпѣвать какія угодно преслѣдованія, не соображая вовсе, умираетъ или не умираетъ „народная психея“, о которой говорилъ Кавелинъ, а просто—можно ли жить безъ труда на чужой счетъ, помощью незамысловатыхъ гешефтовъ.

Въ другомъ фельетонѣ „Порядка“ нѣкто г. К. В—нко старался разбить насъ помощью статистики и исторіи. Вся аргументація у него, какъ и у другихъ защитниковъ еврейской равноправности, вертѣлась на скученности, отъ которой-де гибнутъ евреи и поѣдаютъ своихъ сосѣдей. Неужели, однако, Поляковъ выстроилъ свои сѣверныя дороги, поглотившія десятки казенныхъ милліоновъ, Розенталь устроилъ Центральный банкъ, Коганъ, Малькіель и Варшавскій морили на Дунаѣ русскую армію, потому что отъ скученности имъ нечего было ѣсть?

Чѣмъ мы гарантированы, что равноправность не создастъ намъ тысячей новыхъ Поляковыхъ, Малькіелей и т. д.? Даже пропорціональное отношеніе евреевъ къ прочему населенію еще ничего не значитъ и не гарантируетъ отъ эксплуатаціи. Такъ, въ губерніяхъ Ковенской, Минской, Могилев-

ской и друг., гдѣ евреевъ пропорціонально общему населенію болѣе всего, не было большихъ безпорядковъ, а они были чрезвычайно жестоки въ Екатеринославской губерніи, гдѣ евреевъ много-много сорокъ тысячъ.

Правда, „Порядокъ“ объяснялъ еврейскіе безпорядки самими разнообразными посторонними причинами, даже какою-то „борьбою одного эксплуататорскаго племени противъ другого“. Фальшь очевидная. Приписывать безпорядки наущенію русскихъ купцовъ бессмысленно, потому что періодическія избиенія евреевъ на Украинѣ совершались задолго до появленія тамъ русскаго элемента или такъ называемыхъ „кадаповъ“. Это стихійное движеніе возбуждается на югѣ періодически, на почвѣ экономической и исторической. Исторія Украины полна подобными движеніями, а иногда они принимали колоссально-трагическіе размѣры. Вспомнимъ, напримѣръ, хотъ уманскую рѣзню 1768 г., когда въ одинъ день было вырѣзано товарищами Гонты и Желѣзняка все еврейское населеніе Умани, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Любопытенъ текстъ капитуляціи уманскаго замка: 1) казаки не будутъ рѣзать католиковъ, шляхту и поляковъ вообще, имѣнія ихъ не тронуть; 2) въ жидакъ и ихъ имѣнія вольны. Это писали не нигилисты, на участіе которыхъ въ безпорядкахъ намекалъ „Порядокъ“, а запорожскіе казаки.

Какъ ни краснорѣчивы эти факты, но ихъ не хотятъ знать наши юдофилы. Г. В—нко договаривался до нижеслѣдующей нелѣпости: „Еслибы даже евреи признаны были населеніемъ безусловно вреднымъ, то и тогда зло это, по справедливости, должно бы быть раздѣлено поровну между всѣми націями и провинціями Россіи, а не исключительно и искусственно сосредоточенно въ однѣхъ только западныхъ провинціяхъ“. Отличное понятіе о справедливости? У меня язва, положимъ, на рукѣ, такъ вмѣсто того, чтобы лечить руку, по справедливости я долженъ раздѣлить язвы поровну по всему своему тѣлу...

Далѣе этого остроумнаго положенія сотрудникъ „Порядка“ не шелъ, потому что нельзя же признать серьезнымъ маниловское предложеніе для разрѣшенія еврейскаго

вопроса: „внести новую мысль въ среду еврейскую“, для чего употребить школу, литературу и рабочія общества.

Стоить, впрочемъ, остановиться на нѣкоторыхъ статистическихъ и другихъ выводахъ г. В — нко. Публицистъ „Порядка“, между прочимъ, доказывалъ, что евреи вовсе не могутъ быть названы непроизводительнымъ классомъ. Для этого онъ ссылался на статистическіе выводы Чубинскаго въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край“. По этимъ выводамъ изъ 750,000 евреевъ въ юго-западномъ краѣ, т. е. въ трехъ губерніяхъ, имѣвшихъ около 6¹/₂ милл. населенія, приходилось раввиновъ, меламедовъ и учителей 60,000. Какая, подумаешь, ученая нація! Одинъ человѣкъ учить десять остальныхъ; вопросъ только, чему онъ учить?

На это отвѣтъ дають прочія цифры. По словамъ Чубинскаго, въ тѣхъ же трехъ губерніяхъ евреевъ-шинкарей 110,000. Другими словами, на каждые 60 человѣкъ русскаго населенія, включая женщинъ, грудныхъ дѣтей и старцевъ, приходилось по шинкарю. Великолѣпная пропорція! Тѣмъ болѣе замѣчательная, что по официальнымъ даннымъ (по числу выданныхъ патентовъ) въ юго-западномъ краѣ было не болѣе 12,000 питейныхъ домовъ, шинковъ, корчемъ, выставокъ и пр., и по закону 14-го мая 1874 года евреямъ въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости питейная торговля дозволяется не иначе, какъ въ собственныхъ домахъ, а сидѣльцы-евреи допускаются въ питейной торговлѣ лишь въ заведеніяхъ своихъ единовѣрцевъ.

Не смотря на эти существенныя съ виду ограниченія, на каждый шинокъ юго-западнаго края приходилось, среднимъ числомъ, по девяти евреевъ-шинкарей! Тутъ, очевидно, что-то не такъ. Или край переполненъ тайными шинками, уклоняющимися отъ акцизнаго надзора, или же цифры Чубинскаго далеки отъ того, чтобы ихъ считать непреложными и строить на нихъ симпатичные евреямъ выводы.

Отыскавъ въ той же статистикѣ Чубинскаго несчетное число евреевъ-ремесленниковъ, „Порядокъ“ серьезно доказывалъ, что выселеніе евреевъ по нашему плану было бы

равносильно лишенію цѣлаго края ремесленности—„вещь совершенно невозможная“, говорилъ онъ. Да кто же станетъ спорить противъ? Никогда не предлагали мы поголовнаго выселенія евреевъ, а тѣмъ болѣе полезныхъ элементовъ общества, какъ ремесленниковъ, техниковъ, врачей, художниковъ и т. д. Мы рекомендовали мѣры только противъ эксплуататоровъ, т. е. противъ посредниковъ. Зло именно въ невѣроятномъ избыткѣ послѣднихъ. Вѣдь положительно теперь на югѣ, а особенно на западѣ Россіи нельзя ни родиться, ни умереть, ни жениться, ни купить, ни продать, ни найти кредитъ, ни совершить какую бы то ни было гражданскую сдѣлку помимо еврея.

Возраженіе „Порядка“, что во всемъ свѣтѣ колонизація направляется изъ гуще населенныхъ странъ въ слабые населенныя, мы считаемъ пустымъ. Это справедливо лишь относительно земледѣльческой колонизаціи, ищущей свободной земли. Евреи же главнымъ образомъ торговцы, а торговля только и процвѣтаетъ тамъ, гдѣ населеніе очень густо. Наконецъ, вышеозначенному положенію противорѣчатъ всѣмъ извѣстные факты. Франція гуще населена, нежели Германія и Италія, между тѣмъ во Франціи масса нѣмецкихъ и итальянскихъ эмигрантовъ. Въ одномъ густо-населенномъ Парижѣ ихъ болѣе ста тысячъ. Англія гуще населена, нежели Ирландія, однако не англичане эмигрируютъ въ Ирландію, а ирландцы въ Англію и т. д. Стало быть расселеніе части русскихъ евреевъ по Западной Европѣ и Америкѣ вещь очень возможная и вѣроятная.

Катковъ, который къ евреямъ чувствовалъ, какъ извѣстно, весьма подозрительную нѣжность, также видѣлъ въ еврейскихъ побоищахъ „слѣды какой-то агитаціи“, и думалъ, что побоища были кѣмъ-то подготовлены. При этомъ одинъ изъ источниковъ безпорядковъ онъ усматривалъ въ томъ, что еврей у насъ находится „какъ бы внѣ закона“.

Противъ всѣхъ этихъ „какъ-бы“, „какой-то“ и „кѣмъ-то“ можно, однако, возразить указаніемъ на примѣръ Румыніи и Венгріи. Тамъ никакихъ нигилистовъ въ нашемъ смыслѣ нѣтъ, а евреевъ бьютъ преисправно, и въ пала-тахъ обѣихъ государствъ есть даже особы антисемитскія

партіи. Катковъ былъ согласенъ, что разъ у насъ есть еврейскій вопросъ, то нужно озаботиться его разрѣшеніемъ. Если тутъ встрѣчаются какія либо затрудненія, нужно разъяснить и такъ или иначе преодолѣть и уладить ихъ. „Нельзя, говорилъ онъ, всѣхъ евреевъ собрать въ одну шею, чтобы за-разъ отрубить имъ всѣмъ головы; нельзя также выгнать ихъ всѣхъ за нашу границу“.

Совершенно справедливо, но въ томъ и вопросъ, что сдѣлать? Вотъ „Новости“ и въ нижегородскомъ погромѣ видѣли только новый предлогъ къ эмансипаціи евреевъ. По поводу предположенія объ употребленіи евреями человѣческой крови „Новости“ повторяли нелѣпую сказку своихъ ученыхъ, будто подозрѣніе въ употребленіи человѣческой крови произошло отъ смѣшенія въ понятіяхъ древнихъ римлянъ евреевъ съ христіанами. Между тѣмъ несомнѣнно, что это подозрѣніе вытекло изъ факта человѣческихъ жертвъ, которыя евреи, подобно всѣмъ семитамъ, приносили, на что и въ Библии есть множество указаній. Приносятъ ли они ихъ теперь—также вопросъ, который далеко не выясненъ.

„Новости“ воспользовались въ защиту эмансипаціи даже тѣмъ аргументомъ, что въ Кунавинѣ жило немного евреевъ. Значить, говорила газета, все равно, много или мало евреевъ въ данной мѣстности, еврейскій-де вопросъ не въ этомъ. Но, во-первыхъ, неизвѣстно еще, сколько евреевъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, а особенно во время ярмарки. Мы убѣждены, что ихъ тьма тьмущая, хотя полиція можетъ быть того не знала или не хотѣла знать. Во-вторыхъ, то, что русскій народъ не перевариваетъ евреевъ даже въ малыхъ порціяхъ, вовсе, какъ мы уже говорили, не служитъ доводомъ въ пользу эмансипаціи, скорѣе наоборотъ.

Нелѣпо также объяснять движеніе толпы уже совершенно безъ всякихъ причинъ. „Били евреевъ, говорятъ „Новости“, потому, что кто нибудь закричалъ „бей“! Но вѣдь такіе крики раздаются ежедневно въ пьяной толпѣ, почему же гнѣвъ толпы не обрушивается на нѣмцевъ, армянъ, калмыковъ, молдаванъ, а именно на евреевъ, и при томъ въ такихъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, какъ

восточная Пруссія, Венгрія, Румынія, Варшава, Ростовъ-на-Дону и Нижній.

„Новости“ и на это находятъ объясненіе. Народъ-де въ Россіи знаетъ, что остальные племена съ нимъ равноправны, между тѣмъ, „законъ, ограничивающій право жительства евреевъ извѣстной полосой имперіи, невольно можетъ побуждать народъ смотрѣть на единичныхъ евреевъ, появляющихся за этой чертой, какъ на какихъ-то паріевъ и правонарушителей... Невѣжественной толпѣ, возбуждаемой суевѣріемъ, невольно кажется, что она наказываетъ правонарушителей, когда бьетъ и даже убиваетъ евреевъ“.

Что за вздоръ! Во-первыхъ, въ Германіи и Венгріи евреи равноправны, а анти-семитскія движенія существуютъ; во-вторыхъ, можно быть убѣжденнымъ, что изъ десяти тысячъ человѣкъ русскаго населенія едва ли одинъ знаетъ законы объ осѣдлости евреевъ и подозрѣваетъ, что права евреевъ чѣмъ либо ограничены въ Россіи. Напротивъ, въ глазахъ мужика еврей долженъ представляться, — да онъ такимъ и представляется, — совершенно свободнымъ и привилегированнымъ человѣкомъ, ибо еврей не подчиненъ круговой порука, не прикрѣпленъ къ общинѣ, не несетъ натуральныхъ [повинностей, не можетъ быть высѣченъ по прихоти сельскихъ властей и т. д. Во всякомъ случаѣ, еслибы народъ и зналъ, что права евреевъ чѣмъ-то ограничены, то забавно думать, что буйная чернь является какою-то возстановительницею нарушенныхъ евреями статей Свода Законовъ.

Предлагая поощрять смѣшанные браки евреевъ, мы, конечно, не мечтали, будто бы русскія графини станутъ выходить замужъ за еврейскихъ кабатчиковъ, но г. Богровъ выразилъ сомнѣніе, рѣшится ли кто либо изъ интеллигентокъ добровольно изъ С.-Петербурга уѣхать въ Бердичевъ. Ничего подобнаго мы не предлагали. И теперь уже имѣется много еврейской интеллигенціи съ русскимъ воспитаніемъ: адвокатовъ, купцовъ, врачей, артистовъ и т. д.; законъ запрещаетъ имъ браки съ христіанами; по нашему мнѣнію, нѣтъ необходимости настаивать на этомъ запрещеніи и, разъ оно будетъ снято, мы убѣждены, многія русскія, даже

аристократки, не побрезгаютъ выйти замужъ за евреевъ, какъ тому имѣются многочисленные примѣры на Западѣ, да имѣются и у насъ, съ тою разницею, что евреи вынуждены были мѣнять религію, что для взрослага человѣка всегда нѣсколько унизительно, даже и при извѣстной степени индифферентизма. Браки образованныхъ евреекъ съ христіанами будутъ еще чаще. Скорѣйшее же обрусѣніе еврейской интеллигенціи, конечно, важное орудіе ассимиляціи.

Затѣмъ, смѣшанные браки возможны и для массы евреевъ. Этимъ будутъ пользоваться свободно еврейскія женщины, т. е. половина еврейскаго населенія и, конечно, нѣтъ никакого препятствія дозволить еврейкѣ, вышедшей замужъ за христіанина, проживать гдѣ угодно. Гораздо рѣже будутъ встрѣчаться браки христіанокъ съ евреями не изъ интеллигентнаго слоя общества. Но это происходитъ не потому, что въ Одессѣ, Варшавѣ, Минскѣ, Митавѣ, Бердичевѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ евреямъ пребывать дозволено, жить хуже, нежели въ Вологдѣ, Пензѣ или Симбирскѣ, а потому, что еврейская темная масса живетъ замкнутою, своеобразною и неопрятною жизнью, съ которой очень трудно освоиться христіанкѣ. Но эта трудность будетъ въ началѣ. Когда же подобныхъ браковъ явится нѣсколько тысячъ и когда мало-по-малу подымется нравственный уровень еврейскаго населенія, когда оно хоть съ внѣшней стороны умоется и приберется, число браковъ христіанокъ съ евреями и въ массѣ народа возрастетъ. Явятся русско-еврейскіе метисы, чуждые предразсудковъ расы, и при ихъ помощи ассимиляція пойдетъ еще скорѣе, какъ идетъ, на примѣръ, смѣшеніе кавказской расы съ индѣйской въ Южной Америкѣ.

„Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка“... Эти слова изъ безсмертной комедіи Фонвизина пришли намъ на память при чтеніи направленной противъ нашего проекта брошюры подъ названіемъ „Еврейскій вопросъ въ Россіи“, которую подарилъ русской публикѣ покойный П. П. Демидовъ Санъ-Донато. Литературный талантъ у послѣдняго

явился поздно. Правда, Жанъ-Жакъ Руссо и Вальтеръ-Скоттъ начали писать, когда имъ перевалило за сорокъ лѣтъ; но это еще не значитъ, что стоитъ взяться за перо, когда стукнетъ четвертый десятокъ, чтобы сдѣлаться Руссо или Вальтеръ-Скоттомъ. Впрочемъ, еслибы соединить таланты обоихъ, то все-таки не хватило бы ихъ для защиты такого неправаго дѣла, объять которое смѣло взялся Демидовъ.

Да онъ и не далъ себѣ большого труда вникнуть въ сущность вопроса, а съ свойственною всѣмъ юдофильскимъ публицистамъ развязностью, ограничился общими фразами, не стѣсняясь въ обращеніи съ фактами изъ исторіи, изъ современной политической жизни и изъ науки государственнаго хозяйства. Мало того, въ защиту еврейской эксплуатаціи онъ цитировалъ даже Аксакова, который въ прекрасныхъ статьяхъ въ „Руси“ выказывалъ себя величайшимъ врагомъ еврейской эмансипаціи.

Игнорируя исторію, Демидовъ утверждалъ, напимѣръ, будто бы до крестовыхъ походовъ евреи пользовались „общимъ уваженіемъ, какъ хранители и распространители знаній классической древности“, и что только со времени крестовыхъ походовъ положеніе евреевъ совсѣмъ измѣнилось, въ чемъ-де виноваты были не евреи, а христіанскій фанатизмъ. „Только съ этого времени въ историческихъ памятникахъ начинаютъ появляться жалобы на эксплуатацію евреевъ!“

Обращаясь къ современности, Демидовъ не задумывался утверждать, будто антисемитское движеніе, проявившееся въ послѣднее время съ такою силою въ Австро-Венгріи и Германіи, „объясняется въ первой странѣ господствующей тамъ общею національною рознью, а во второй — борьбою политическихъ партій“. Еще оригинальнѣе завѣреніе, что „послѣ крестьянской реформы помѣщики, освободившіеся отъ своей безпечности, крестьяне отъ связывавшихъ ихъ крѣпостныхъ путъ, уже менѣе нуждаются въ услугахъ евреевъ, влѣдствіе чего послѣдніе лишились значительной доли заработковъ“. Быстрое развитіе желѣзныхъ дорогъ и пароходства также будто бы значительно сократило источники

пропитанія для нашихъ евреевъ! Демидовъ Сантъ-Донато подтверждалъ бѣдность евреевъ тѣмъ, что „содержаніе еврея не велико: утромъ онъ ѣстъ рѣдьку, лукъ, чеснокъ или селедку съ хлѣбомъ, зажиточные пьютъ чай, въ обѣдъ супъ съ кореньями, рыбой или говядиной, вечеромъ тоже“.

Меню для члена яхтъ-клуба, конечно, не роскошное, но, очевидно, Демидовъ не подозрѣвалъ, что $\frac{2}{3}$ русскаго населенія видятъ на своемъ столѣ мясо два раза въ годъ, а не по два раза день.

Наконецъ, какъ Monsieur Jourdain говорилъ прозою того не подозрѣвая, такъ Демидовъ per Judaei gloriam маіоремъ становился, ничего не подозрѣвая, социалистомъ. Довольно странно, наприимѣръ, изъ устъ сего архи-милліонера было слышать, что „хищническая эксплуатація народнаго труда есть *явленіе общее* въ современномъ экономическомъ строѣ народной жизни, а причины его коренятся въ самыхъ *основахъ народнаго хозяйства*“, или что „торговая дѣятельность сама по себѣ не можетъ считаться производительной“.

Оставляя Демидова въ сторонѣ, какъ socialiste malgré lui, нельзя не остановиться на его незнаніи того, что 3,500 лѣтъ тому назадъ евреи были, буквально, таковыми же, какіе они теперь. Ни для кого не секретъ, что *недостатки* еврейскаго племени совершенно неискоренимы, ибо они составляютъ ихъ расовыя отличія и надѣются на ихъ измѣненіе такъ же безумно, какъ мечтать, что негры будутъ когда либо имѣть прямые волосы, а краснокожіе индѣйцы—черный цвѣтъ кожи. Затѣмъ *достоинства* евреевъ краснорѣчиво описаны въ „La France Juive“, которая и на Западѣ открыла многимъ глаза, а въ Россіи положительно должна бы быть издана на казенный счетъ въ руководство философамъ въ родѣ Демидова Сантъ-Донато. Затѣмъ даже безспорныя достоинства евреевъ: ихъ склонность къ семейной жизни и происходящая отсюда плодовитость, выносливость и бережливость, способность къ финансовымъ комбинаціямъ и т. д., обращаются, какъ извѣстно, во вредъ христіанскому населенію, почему не могутъ служить какимъ либо аргументомъ въ пользу расширенія правъ.

Нашъ историческій опытъ нисколько не опровергъ та-

кого возрѣнія на еврейскую природу и потому неудивительно, что русское законодательство, гуманное ко всѣмъ чувашамъ и пшаво-хевсурамъ, не задумавшееся и для дикихъ ахаль-текинцевъ не устанавливать никакихъ ограничительныхъ правилъ о границахъ осѣдлости и т. п., издавна признало евреевъ „болѣе вредными, нежели полезными для государства“. „Евреи, говорится въ одномъ указѣ, не могутъ приносить существенной пользы государству, и самыя мѣры, которыя принимало правительство къ извлеченію изъ сего племени пользы для государства, не могли имѣть желаемого успѣха“. Онѣ никогда и не будутъ имѣть успѣха, если въ своей политикѣ по еврейскому вопросу мы будемъ держаться той шаткости, которая видна изъ перечисленія мѣропріятій, сдѣланнаго Демидовымъ. Изъ его книги видно, что всѣ серьезныя, рѣшительныя мѣры черезъ четыре или пять лѣтъ смягчались, или же разныя вѣдомства не стѣснялись параллельно издавать законы, парализовавшіе примѣненіе коренного закона о евреяхъ. Въ особенности мирволило у насъ послѣднимъ Министерство Финансовъ.

Евреи, понятно, пользовались такимъ положеніемъ вещей. Въ 1830 г. состоялось распоряженіе объ отдачѣ въ нѣкоторыхъ обществахъ евреевъ въ военную службу за недоимки въ податяхъ. Оправдывая такую мѣру, указъ иронически говорилъ: „казна не получаетъ почти ничего съ евреевъ, между тѣмъ какъ они, безпрестанно обращаясь съ просьбами о взысканіи съ нихъ, вмѣсто рекрутъ въ натурѣ, денегъ, показываютъ, что должны быть въ состояніи платить подати, еслибы не уклонялись отъ сего“. Демидовъ наивно и этотъ замѣчательный указъ приводилъ не къ обвиненію евреевъ, а къ обвиненію правительства!

За проповѣдь эмиграціи еврейскіе органы печати предлагали казнить насъ, ссылаясь на законъ, карающій подговоръ подданныхъ какого либо государства къ выселенію, но еврейскіе публицисты забыли, что идея эмиграціи относительно евреевъ поднята у насъ самимъ правительствомъ. Именно въ царствованіе Павла была предоставлена евреямъ „свобода по заплатѣ трехлѣтней двойной подати выѣхать

изъ Имперіи, а которые изъ нихъ по точному изслѣдованію не въ состояніи были заплатить трехгодичной подати, таковыхъ повелѣвалось высылать за границу и безъ онаго платежа". Послѣднее въ 1800 году было замѣнено отправленіемъ евреевъ „на работы въ казенные рудокопные заводы". Мы болѣе гуманны и не желаемъ ни насильной высылки евреевъ, ни ссылки ихъ на рудокопные заводы.

Демидовъ Санъ-Донато въ своей книгѣ предлагалъ прямо противоположное, а именно, полную свободу повсемѣстнаго жительства для евреевъ, дабы дать имъ возможность распространиться по всей Россіи. Нелѣпость такого предложенія доказана выше и мы не считаемъ нужнымъ къ нему возвращаться, какъ не понимаемъ цѣли писать книгу, чтобы повторить подобное не новое и вовсе не остроумное предложеніе. Вообще мы не понимаемъ цѣли для русскаго барина, къ тому же еще такъ поверхностно знакомаго съ русскою жизнью, изучившаго и еврейскій вопросъ, повидимому, по оперѣ „Жидовка", сдѣлаться адвокатомъ еврейскаго размноженія. Для этого и среди жидковъ нашлось бы достаточно отважныхъ публицистовъ. Если же Демидову Санъ-Донато захотѣлось отъ скуки пооригинальничать, то онъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы, по примѣру своего знаменитаго предка, принялся своими руками ковать желѣзо въ кузницѣ, нежели издавать на роскошной бумагѣ книжки въ защиту такого дурного дѣла.

Еврейскіе беспорядки не остались безъ результата. Графъ Н. П. Игнатьевъ имѣлъ достаточно смѣлости, чтобы заняться еврейскимъ вопросомъ. Предварительно вопросъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе земскихъ комиссій въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ живутъ евреи. Большинство гласныхъ энергически доказывали необходимость ограниченія во что бы то ни стало еврейской эксплуатаціи. Они находили, что шинокъ и земля должны быть совершенно изъяты изъ области дѣятельности евреевъ, какъ единственное средство предотвратить обнищаніе крестьянскаго населенія. Нѣкоторые предлагали закономъ опредѣлить извѣстный процентъ еврейскаго населенія, далѣе котораго наплывъ евреевъ и въ города, и въ села долженъ быть прекращенъ. Другіе гласные

шли далѣе и, поставляя на видъ, что свободная экономическая борьба сельскаго населенія, при преимуществахъ евреевъ въ образованіи и богатствѣ, а также при развращенности у насъ сельскихъ властей, немислима, доказывали, что еврей долженъ быть изгнанъ изъ села, гдѣ до сихъ поръ онъ, кромѣ вреда, ничего не дѣлалъ. Право на покупку земель, которое, по мнѣнію гг. юдофиловъ, якобы даровано евреямъ верховною властью, по мнѣнію земства было не болѣе какъ кодификаціонною ошибкою, растолкованною либеральными судами и нотариусами въ пользу евреевъ.

Гласный полтавскаго земства Квитка, вполнѣ сочувствуя стѣснительнымъ мѣрамъ для права постоянного жительства евреевъ въ селахъ, весьма остроумно затруднялся понять, какихъ это *правъ* добиваются еще евреи; при извѣстной послѣдовательности, сравнивая евреевъ съ русскимъ сельскимъ населеніемъ, слѣдовало бы на нихъ распространить право сельскаго обывателя быть посаженнымъ подъ арестъ волостнымъ старшиной, быть сосланнымъ въ Сибирь по приговору общества и, наконецъ, быть высѣченному 20-ю ударами розогъ по приговору волостного суда. Онъ находилъ, что права евреевъ и въ настоящее время достаточно широки, и ничѣмъ не оправдываются; напримѣръ, право на даровое воспитаніе въ гимназіяхъ, переполненныхъ въ южномъ краѣ евреями; между тѣмъ гимназіи содержатся на средства крестьянъ и землевладѣльцевъ, а евреи, какъ торговый классъ, почти не участвуютъ въ расходахъ по государственному и земскому бюджету. Вообще, по мнѣнію г. Квитки, расширение правъ, котораго добиваются евреи, до сихъ поръ ими не заслужено ни характеромъ ихъ дѣятельности, ни исполненіемъ обязанностей хорошихъ гражданъ. Расширеніе правъ евреевъ могло бы имѣть мѣсто лишь при добросовѣстномъ исполненіи ими обязанностей, а одно уклоненіе отъ воинской повинности евреевъ, обнаруживающееся постоянно, не даетъ евреямъ права требовать уравнинія своего положенія съ кореннымъ населеніемъ Имперіи. Принятіе мѣръ противъ кагальнѣй организациі еврейскихъ общинъ является необходимостью. Независимо сего, въ виду того, что значительная часть

евреевъ принадлежитъ къ талмудистамъ, необходимо выяснить сущность этого ученія, содержащаго догматы, противные существованію всякаго нееврейскаго гражданскаго общества. Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на часть талмуда подъ названіемъ трактатъ „объ идолослуженіи“. Изученіе этого трактата привело г. Квитку къ убѣжденію, что еврейство почти недоступно ни христіанской пропагандѣ, ни сліянію на поприщѣ уравниенія правъ. Единственно, что въ этомъ отношеніи возможно сдѣлать, это допущеніе смѣшанныхъ браковъ съ христіанами. Приобрѣтеніе же земель должно быть, по словамъ г. Квитки, навсегда закрыто евреямъ, во-первыхъ, по существу правъ, сопряженныхъ съ землевладѣніемъ; во-вторыхъ, существующее мѣстами малоземелье крестьянъ требуетъ направленія мобилизаціи земель въ руки дѣйствительныхъ земледѣльцевъ. Наконецъ, сохраненіе земли въ рукахъ коренныхъ жителей даетъ навсегда прочное орудіе для экономической борьбы съ евреями.

Само собою разумѣется, что евреи при одномъ слухѣ объ отнятіи у нихъ способовъ эксплуатировать русское населеніе закричали гвалтъ. Юдофильствующія газеты серьезно утверждали, будто всѣ упреки евреямъ въ дурныхъ качествахъ—клевета, выдуманная губернскими еврейскими комиссіями! На эти крики обращено вниманія не было и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ выработало новыя узаконенія о евреяхъ. Эти предложенія, внесенныя въ Комитетъ Министровъ, можно было упрекнуть развѣ въ чрезвычайной умѣренности. Въ нихъ далеко еще до радикальнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса. Во всякомъ случаѣ это былъ минимумъ требованій, безъ котораго нельзя было успокоить югъ Россіи. Министерство полагало, во-первыхъ, воспретить евреямъ осѣдлость, водвореніе и жительство внѣ городовъ и мѣстечекъ въ предѣлахъ черты еврейской осѣдлости; во-вторыхъ, предоставить сельскимъ обществамъ выселять по приговорамъ, по простому большинству голосовъ, евреямъ, пребываніе коихъ въ ихъ селахъ имъ нежелательно; въ-третьихъ, воспретить евреямъ приобрѣтать недвижимыя имущества внѣ черты городовъ и мѣстечекъ и, въ-

четвертыхъ, воспретить евреямъ торговлю спиртными напитками и виномъ, оптомъ и въ розницу, внѣ черты городовъ и мѣстечекъ.

Каждая изъ этихъ мѣръ вызвала возраженія юдофиловъ, но Господи, что это за возраженія! Ограниченіе пребыванія евреевъ въ селахъ заставитъ будто бы евреевъ откупаться отъ выселенія, другими словами, обложить евреевъ налогомъ въ пользу крестьянскаго общества. Что-жъ, тѣмъ лучше! Если допускать евреевъ обирать крестьянъ, то непонятно, почему несправедливо желать, чтобы тѣ же евреи отдали хотя что нибудь въ пользу крестьянъ.

Противъ запрещенія приобрѣтать земли выставлялся аргументъ, будто всего въ пользованіи евреевъ находится нынѣ въ 15-ти губерніяхъ „съ небольшимъ полтора милліона десятинъ, т. е. для Россіи капля въ морѣ“. Но повольте, гг. юдофилы, это и для Россіи не капля. Полтора милліона десятинъ площадь порядочной губерніи, а если включить казенные и горнозаводскіе лѣса, пески, степи и тундры, т. е. болѣе половины Европейской Россіи, то эта площадь и теперь будетъ замѣтна, что же станетъ, когда евреямъ дадутъ возможность жить не въ 15, а въ 90 губерніяхъ.

Еще удивительнѣе были аргументы противъ воспрещенія заниматься питейной торговлей. Отымая кабакъ у евреевъ, говорили защитники евреевъ, заставляютъ заниматься этою грязною, антипатичною профессіею русскихъ, слѣдовательно русскій народъ въ нравственномъ отношеніи потеряетъ. Какая, подумаешь, нѣжная заботливость о нашемъ народѣ! Но, во-первыхъ, представляется вопросъ: нужно ли еще все то число кабаковъ, которое существуетъ теперь и гдѣ подъ видомъ питейной торговли производится множество другихъ темныхъ промысловъ; во-вторыхъ, если извѣстное число росіянъ и обратится вновь къ кабацкому ремеслу, то все-таки для народа выигрышъ будетъ не малый. Если не матеріальными, то хоть нравственными узами русскій сидѣлецъ связанъ съ русскимъ народомъ, тогда какъ еврей всегда останется чужимъ, пришлымъ, эксплуататоромъ, ко-

торый и, родившись въ Россіи, говорить на иностранномъ жаргонѣ.

Въ окончательной формѣ закона новыя ограниченія евреевъ, проектированныя графомъ Н. П. Игнатьевымъ, еще сократились. Кто знаетъ, какъ велика еврейская сила на всемірныхъ торжищахъ, какъ умѣетъ она улавливать въ свои сѣти самыя разнообразныя элементы, къ чьему только содѣйствію она не прибѣгаетъ, начиная отъ американскихъ радикаловъ и кончая русскими журналистами, тотъ пойметъ, съ какимъ затрудненіемъ связано проведеніе какихъ бы то ни было серьезныхъ мѣропріятій, направленныхъ противъ еврейской эксплуатаціи коренного населенія. Временныя правила 1882 г. не заключали поэтому даже тѣхъ скромныхъ предположеній, которыя ожидались на основаніи слуховъ о трудахъ губернскихъ земскихъ еврейскихъ комитетовъ. Такъ, во временныхъ правилахъ не было ни слова о правѣ сельскихъ обществъ выселять большинствомъ голосовъ евреевъ, дѣятельность которыхъ признана будетъ вредною, хотя тѣ же общества своихъ сочленовъ, русскихъ крестьянъ, могутъ не только выселять изъ своихъ селеній, но даже преспокойно ссылатъ на житье въ Сибирь. Въ правилахъ не было и воспрещенія евреямъ заниматься питейной торговлей, хотя кабакъ, по отзыву всѣхъ земскихъ людей, и служить главнымъ средствомъ еврейской эксплуатаціи.

Затѣмъ оставлены вовсе безъ разрѣшенія не менѣ важные вопросы объ организаціи и облегченіи еврейской эмиграціи и объ уничтоженіи самостоятельности еврейскихъ обществъ, поддерживаемой особыми спеціальными еврейскими налогами.

Одновременно съ временными правилами о евреяхъ опубликованы были два сенатскихъ указа: одинъ—о твердомъ рѣшеніи правительства преслѣдовать всякія насилія надъ личностью и имуществомъ евреевъ и другой, что чиновники, небрежные въ предупрежденіи насилій надъ евреями, будутъ устраняемы отъ должностей. Это заявленіе правительства имѣло цѣлью предупредить всякія попытки иностранныхъ державъ вступаться за нашихъ ев-

реевъ и вторгаться въ наши внутреннія дѣла, такъ какъ не могло быть сомнѣнія, чтобы правительство на минуту задумалось передъ преслѣдованіемъ насилій надъ личностью и собственностью. Равнымъ образомъ чиновники, небрежные въ исполненіи своихъ обязанностей, должны на основаніи существующихъ въ Россіи законовъ, устраняться отъ должностей, касается ли эта небрежность евреевъ или чего другого.

Замѣчательно, что одновременно съ Россіей и Финляндія, подъ видомъ пересмотра правъ евреевъ, ограничила послѣднія, а именно финляндскій сеймъ предлагалъ уничтожить прежнее неограниченное право отставныхъ нижнихъ чиновъ изъ евреевъ селиться повсемѣстно въ Финляндіи. Въ Россіи, какъ извѣстно, подобнаго ограниченія долго не существовало.

Все, что игнатъевскій законъ не разрѣшилъ, надѣялись разобрать въ высшей еврейской комиссіи, образованной подъ предсѣдательствомъ графа Палена. Къ сожалѣнію, большинство въ этой комиссіи оказалось юдофильскимъ, поэтому комиссію пришлось закрыть до окончанія ея трудовъ. Этому закрытію можно только порадоваться, хотя еврейскій вопросъ продолжаетъ оставаться открытымъ.

ГЛАВА XVII.

Финансы.

Значеніе для финансовъ общественнаго контроля.— Вліяніе народнаго характера.— Исторія нашихъ финансовъ.— Изобрѣтательность по части налоговъ.— Государственные расходы и бережливость.— Курьезы бюджета.— Специальные капиталы и депозиты.

Ежемѣсячный журналъ „Наблюдатель“, разбирая дурное состояніе нашихъ городскихъ финансовъ, между прочимъ писалъ: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что лишь только явятся дѣйствительные общественные представители, во всеоружіи приличествующей имъ власти и правъ,— само собою сдѣлается невозможнымъ взиманіе какихъ бы то ни было платежей несообразно доходу населенія, какъ невозможно будетъ и расходованіе этихъ платежей несоотвѣтственно дѣйствительнымъ потребностямъ“.

Такъ, дѣйствительно, учить доктрина. Но весьма большой вопросъ: на самомъ ли дѣлѣ финансы улучшаются и расходы сокращаются, сообразно съ расширеніемъ общественнаго самоуправленія? На этотъ счетъ очень любопытныя указанія можно найти въ книгѣ, изданной клубомъ Кобдена въ Лондонѣ въ 1876 г. о бюджетахъ европейскихъ и американскихъ государствъ. Клубъ этотъ, представляющій ученое и экономическое общество, нарочно собиралъ свѣдѣнія относительно возможности учрежденія болѣе серьезнаго контроля надъ расходами.

Въ своихъ письмахъ къ знаменитѣйшимъ экономистамъ

и финансистамъ разныхъ государствъ клубъ поставилъ въ программу вопросъ: „доказалъ ли опытъ, что способы, употребляемые законодательною властью для разсмотрѣнія бюджета, уменьшили расходы или ограничили административныя злоупотребленія?“ Въ большинствѣ отвѣтовъ, полученныхъ клубомъ Кюбдена, было высказано то мнѣніе, что парламентское разсмотрѣніе бюджетовъ безсильно противъ постояннаго возрастанія государственныхъ расходовъ. Морисъ Блокъ, въ своемъ отвѣтѣ, разбирающемъ не одни только французскіе финансы, говоритъ, что изслѣдованія привели его къ заключенію, что во всѣхъ странахъ, безъ изъятія, расходы увеличиваются, какъ отъ увеличенія населенія, такъ и отъ увеличенія государственныхъ потребностей. Но весьма вѣроятно, что бюджеты возрастаютъ быстрѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Относительно же злоупотребленій, повсемѣстно на этотъ счетъ встрѣчающихся, то ихъ можно развѣ уменьшить, но не уничтожить вовсе, ибо размѣръ каждаго расхода дѣло гадательное и вызываетъ всегда много доводовъ за и противъ, а краснорѣчивый министръ найдетъ безъ труда большинство въ палатѣ для одобренія того, чего онъ проситъ.

Утвердительно высказался въ пользу парламентскаго контроля, въ смыслѣ ограниченія расходовъ, членъ рейхсрата баронъ Кюбекъ. Онъ подтверждаетъ, что и въ Австріи и въ Венгріи за десять послѣднихъ лѣтъ палаты, а равно делегации уменьшали размѣры расходовъ, проектированныхъ правительствомъ. Копенгагенскій профессоръ Фредериксенъ и директоръ банка Шпонекъ также заявляютъ, что датскія палаты скромны, вѣрнѣе даже скупы на расходы, но объясняютъ это явленіе тѣмъ, что господствующая партія крестьянъ находится въ оппозиціи; дѣло пошло бы иначе, еслибы въ Даніи не было постояннаго конфликта и министерство представляло бы большинство палаты. Теперь же послѣдняя отказывается въ каждомъ новомъ расходѣ, а министерство въ каждой реформѣ. Въ нейтральномъ, повидимому, положеніи находится Швеція; тамъ государственные расходы растутъ, но они покрываются исключительно отъ нормальнаго прироста доходовъ,

ибо размѣръ налоговъ не только не увеличивался, но постоянно уменьшался.

Профессоръ Нассе говоритъ, что въ Германіи, сравнивая нынѣшнее финансовое положеніе съ тѣмъ, что было до 1848 г. при абсолютизмѣ, нельзя не признать послѣдняго гораздо болѣе экономнымъ. Абсолютная монархія въ Пруссіи боялась повышенія налоговъ и крайне осторожна была въ расходахъ. По мнѣнію профессора, если абсолютизмъ такъ долго просуществовалъ въ Пруссіи, то единственно благодаря своему превосходному финансовому управленію. Представительство нѣсколько вліяетъ на ограниченіе въ Германіи военныхъ расходовъ, но съ другой стороны оно само увлекаетъ правительство въ новые расходы, а администрація, заручившись разъ согласіемъ палаты, не вынуждена уже, какъ прежде, считаться съ общественнымъ мнѣніемъ.

Во Франціи, по словамъ Франкевиля, Леона Сея и др., палаты вовсе не думаютъ о сокращеніи расходовъ, или объ уничтоженіи административныхъ злоупотребленій; напротивъ того, такъ какъ во Франціи каждый членъ палаты можетъ предложить новый расходъ, не спрашивая предварительно согласія правительства, то французскій бюджетъ находится постоянно въ опасности со стороны людей, которые обязаны были бы прежде всѣхъ останавливать государство на наклонной плоскости увеличенія издержекъ. Палаты, говоритъ Леонъ Сей, не только не удерживаютъ правительство республики, но поощряютъ его къ увеличенію суммы расходовъ.

Не лучше идутъ дѣла въ республикѣ американской. По свидѣтельству Форстера и Уэльса, расходы всѣхъ вѣдомствъ растутъ въ Америкѣ съ 1861 г. и представительство безсильно водворить экономію: это касается одинаково и федеральнаго бюджета, и бюджетовъ отдѣльных штатовъ и городовъ. „Все становится въ Соединенныхъ Штатахъ дешевле, говорятъ названные финансисты, кромѣ правительства“.

Если и были сдѣланы, по заявленію Фиганьера, на памяти его, какія либо сокращенія въ расходахъ въ Пор-

тугаліи, то единственно по инициативѣ правительства. Въ Италіи, по мнѣнію депутата Брольо, бывшаго министра Мингетти и др., и правительство, и палаты довольно экономны (скупость, замѣтимъ, въ итальянскомъ характерѣ), но Брольо сожалѣетъ, что итальянскіе депутаты, подобно французскимъ, имѣютъ по конституціи право предлагать новые расходы, яко бы на полезныя цѣли; депутаты южныхъ провинцій въ особенности часто злоупотребляютъ этимъ правомъ.

Самое удивительное, что даже въ государствахъ, почитаемыхъ за идеаль отличнаго финансоваго хозяйства, въ Голландіи и Бельгіи, раздаются жалобы на представительство. Въ Голландіи, говоритъ профессоръ Фишерингъ, палаты были безсильны сократить расходы и по военной, и по гражданской части. Только проценты по государственному долгу уменьшились отъ погашенія послѣдняго. Еще рѣзче нападаетъ на представительство членъ бельгійской палаты и профессоръ Легарди де-Болье. По его словамъ, ни въ Бельгіи, ни въ Англіи въ палатахъ идея экономіи не могла никогда восторжествовать. На это, кромѣ политики и угодливости интересамъ партій, вліяетъ болѣе всего современная тенденція возлагать на государство множество такихъ функцій, которыя прежде подлежали частной дѣятельности. Тенденція эта въ наукѣ, какъ извѣстно, называется „государственнымъ социализмомъ“.

Объ Англіи нѣтъ ничего въ книгѣ клуба Кобдена. Для дополненія ея картины замѣтимъ, на основаніи свидѣтельства Эрскинъ Мая и другихъ специалистовъ, что на обсужденіе бюджета въ англійскомъ парламентѣ употребляется самое небольшое количество времени, иногда одинъ день, и затѣмъ сокращенія, дѣлаемые палатой общинъ, совершенно ничтожны; рѣдко достигаютъ они 150 тысячъ рублей, а одинъ годъ всѣ урѣзки, сдѣланныя палатой, ограничились исключеніемъ жалованья одному сторожу въ Британскомъ музеѣ! Сравнительно съ этимъ крупныя сокращенія нашего департамента экономіи Государственнаго Совѣта въ росписи, которыя иногда достигали до 70 милл. рублей, покажутся огромными.

Въ английской палатѣ общинъ только одно правительство имѣетъ право предлагать новыя расходы, или вообще увеличеніе финансовой тягости народа; отдѣльные члены лишены права инициативы на этотъ счетъ. Парламентъ смотритъ на означенное ограниченіе такъ строго, что безъ милосердія вычеркиваетъ изъ новыхъ законовъ всѣ постановленія или измѣненія, которыя могли бы хотя косвенно вызвать новыя расходы или новыя платежи. Изъ-за этого уже происходило нѣсколько столкновеній палаты общинъ съ палатою лордовъ. Всѣ серьезные финансовые писатели очень одобряютъ подобное ограниченіе въ английской конституціи.

Во всякомъ случаѣ, возвращаясь къ формулированному „Наблюдателемъ“ вопросу, мы видимъ изъ обзорѣнія финансовъ почти всѣхъ образованныхъ государствъ, что система представительства, а тѣмъ болѣе самый способъ его избранія—не вліяютъ прямо на экономію въ финансовомъ дѣлѣ. Историческія привычки, характеръ народа, вкусы и нравы образованнаго общества, распространеніе экономическихъ познаній, политическія тенденціи, административная практика имѣютъ тутъ несравненно болѣе существенное значеніе. Государственное хозяйство есть сумма частныхъ хозяйствъ, и гдѣ народъ лѣнивъ и бѣденъ, тамъ и правительство будетъ всегда бѣдно, хотя по наружности дѣла его и будутъ идти хорошо.

Финансы маленькихъ итальянскихъ деспотовъ были прекрасны, дефицита въ бюджетѣ не было, фонды стояли высоко, но зато въ Италіи не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни портовъ, ни школъ, ни честнаго суда и порядочную армію замѣняли услужливые австрійцы. Духъ свободы, повѣявшій съ 1859 года, снабдилъ Италію недостававшими ей плодами современной цивилизаціи, но тутъ-то и сказалось, что страна эта не въ состояніи расплатиться за нихъ и финансовая исторія ея сдѣлалась рядомъ дефицитовъ, покрываемыхъ не всегда благовидными средствами.

Чтобы убѣдиться, какъ важенъ народный характеръ въ дѣлѣ финансовъ, достаточно взглянуть на карту. Народы германской расы: нѣмцы, англичане, шведы, голландцы

имѣютъ всѣ очень хорошіе финансы, страны съ населеніемъ романскимъ и славянскимъ: Италія, Испанія, Россія, отчасти Австрія и Турція плохо сводятъ концы съ концами. Англійскія колоніи окупаютъ сами себя, голландскія до 1869 года приносили даже барышъ, французскія колоніи, испанскія республики не могутъ совладать съ финансовой неурядицей.

„Каковы ни были бы недостатки прусской финансовой администраціи, говоритъ Гиллебрантъ, но нельзя отрицать, что послѣ арміи она болѣе всего способствовала къ удержанію Пруссіей ея почетнаго положенія въ Европѣ и позволила государству, сравнительно небольшому и бѣдному, сохранить въ теченіе сорока лѣтъ положеніе великой державы, не только не истощая экономическихъ силъ страны, но, наоборотъ, развивая ихъ всячески. Порядокъ и бережливость никогда не переставали господствовать въ этой администраціи, честной и аккуратной, которая, не смотря на столько разнообразныхъ требованій, успѣвала погашать государственный долгъ и по окончаніи разорительной войны нашла нѣсколько милліоновъ для прибавки жалованья бѣдныхъ чиновниковъ и учителей и возможность сократить наиболѣе отяготительные для народа налоги, напр. соляной. Передъ такимъ результатомъ можно только преклоняться, оставляя слово публичному кредиту, который говоритъ цифрами краснорѣчивѣе всѣхъ“. Понять настоящее политическое положеніе Пруссіи возможно, только прослѣдивъ финансовую исторію Пруссіи, какимъ образомъ это государство терпѣливымъ и настойчивымъ трудомъ увеличило цѣнность и доходность своей бѣднѣйшей территоріи.

Въ русскихъ финансахъ также сказался характеръ русскаго народа. По нашему мнѣнію, изъ прежнихъ русскихъ дѣятелей только трое заслуживаютъ вниманія по своимъ оригинальнымъ экономическимъ взглядамъ: Петръ Великій, Посошковъ и Карамзинъ. Въ администраціи всего прошлаго столѣтія едва ли можно прослѣдить какіе либо строго проведенные экономическіе принципы. Финансами управляли „какъ кому Богъ на душу положилъ“. Нужно было доходовъ — размножали подати (конечно, на низшія сословія) до невѣроятности, выпускали низкопробную монету и т. д.;

попросить заводчики — налагаютъ запрещеніе на привозъ желѣза, попросить англичане — допускаютъ англійскіе товары чуть не беспошлинно. При этомъ бюджетъ былъ запутанъ, контроля никакого, а гласности еще менѣе. Половина сборовъ не достигала казначейства. Народъ страдалъ не столько отъ налоговъ, сколько отъ поборовъ. Поощреніе промышленности выражалось въ припискѣ душъ: людей приписывали тысячами къ печамъ, молотамъ и веретенамъ.

При Екатеринѣ Великой сдѣлали опытъ выпуска ассигнацій. Приливъ капиталовъ, созданныхъ такимъ образомъ искусственно, сильно оживилъ производительность. Народъ въ простотѣ думалъ, что настала золотой вѣкъ и роскошь вышихъ сословій дошла до крайнихъ предѣловъ. Съ тѣхъ поръ другіе народы десятки лѣтъ покровительствовали промышленности, улучшали пути сообщенія, заводили торговыя связи, дѣлали реформы въ законодательствѣ, освобождали трудъ; у насъ только выпускали ассигнаціи, пока рубль не сталъ четвертакомъ, и тогдашніе финансисты поняли, что это невинное занятіе влечетъ за собою страшную революцію имущественныхъ отношеній, обогащая однихъ и приводя въ нищету другихъ.

Спокойствіе, водворившееся послѣ 1815 года, приведя въ нормальное положеніе бюджетъ, позволило заняться кое-какими опытами для улучшенія нашего денежнаго обращенія. Инициатива въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ преобразованіяхъ того времени, принадлежала Сперанскому. Методъ Сперанскаго въ настоящее время уже достаточно изслѣдованъ. По его мнѣнію не могло быть противорѣчія между теоріею и практикою, и все, что хорошо укладывалось въ гладко-составленномъ канцелярскомъ докладѣ, казалось еще легче должно было приложиться къ безмолвной сорока милліонной массѣ русскаго населенія. Послѣдствія показали однако, что и у этой массы были въ головѣ кое-какія идеи, шедшіе въ разрѣзъ канцелярской мудрости; но на это не обратили сначала вниманія.

Ученіе Смита, пока было писано по-англійски, мало распространялось на континентѣ, но когда Ж. Б. Сей изложилъ его легко и понятно, то и въ Россіи начали по-

являться экономисты. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Шторхъ писалъ у насъ по-французски сочиненія, для своего времени не лишенныя значенія; Тургеневъ издалъ въ либеральномъ духѣ теорію налоговъ. Модныя идеи, распространяясь въ русской публикѣ, повліяли и на администрацію. Подъ вліяніемъ этихъ идей былъ изданъ извѣстный манифестъ 2-го февраля 1810 года, гдѣ, къ великому скандалу публики, ассигнаціи признавались долгомъ правительства и заявлена была необходимость прекратить ихъ выпуски и сдѣлать обсужденіе бюджета гласнымъ. Конечно, послѣднее не было исполнено, но смутная идея о вредѣ ассигнацій осталась въ народѣ.

Между тѣмъ правительство было въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что вскорѣ, опять увеличивъ безгранично выпускъ ассигнацій, оно принуждено было, вмѣсто государственнаго банкротства, указомъ 9-го апрѣля 1812 года переложить весь счетъ съ серебрянаго рубля на ассигнаціонный. Такая великодушная мѣра противорѣчила уже окончательно всякой теоріи. Здравый смыслъ видитъ въ денежной единицѣ (валютѣ) мѣрило цѣнности, но сдѣлать мѣриломъ такое отвлеченное и неуловимое понятіе, какъ ассигнаціонный рубль, цѣна котораго мѣнялась ежедневно на каждой биржѣ, по прихоти мѣнялъ и банкировъ, было черезчуръ ужъ смѣло. Однако, къ величайшему удивленію, народъ нашъ принялъ это утопическое преобразование, и до сихъ поръ еще мѣстами ведетъ счетъ на ассигнаціи.

Съ водвореніемъ мира, практическіе дѣятели потеряли свою прелесть и выступили на сцену финансисты-теоретики. Министерство Гурьева предприняло рядъ реформъ. Какого рода эти мѣропріятія, всѣмъ извѣстно, по близкимъ къ намъ примѣрамъ, а именно: *поддержка курса, заграничный заемъ для извлеченія ассигнацій помощью размыта и либеральный тарифъ*. Результатъ вышелъ во всѣхъ отношеніяхъ неудачный: курсъ не поднялся; ассигнаціи жгли по напрасну; внѣшніе займы обременили казначейство, а либеральный тарифъ, по всенародному заявленію правительства (циркуляръ Нессельроде), только разорилъ фабрики и уменьшилъ нашъ отпускъ. Все заранѣе было пред-

сказано нашимъ купечествомъ въ обстоятельной запискѣ, не потерявшей своей цѣны и до сихъ поръ. Теоретики были пристыжены и до такой степени замолчали, что уже черезъ тридцать лѣтъ, какъ увидимъ ниже, объ ихъ неудачныхъ проектахъ вовсе и забыли.

Взамѣнъ Гурьева, по рекомендаціи Аракчеева, министромъ финансовъ сталъ Канкринъ. Канкринъ былъ великій министръ, но министръ практикъ. Онъ написалъ, правда, нѣсколько темныхъ сочиненій по-нѣмецки, но всякій гимназистъ, пробѣжавшій современный учебникъ политической экономіи, найдетъ бы въ нихъ много ошибокъ; но гимназисты наши по-нѣмецки не читаютъ, потому этотъ трудъ взялъ на себя академикъ Безобразовъ, доказавшій въ длинной рѣчи *), изданной на разныхъ языкахъ, что не было хуже министра какъ Канкринъ, и если Россія при немъ обогатилась, то эта заслуга ничтожна, сравнительно съ его преступленіями противъ теоріи.

Канкринъ, повторяемъ, былъ плохой теоретикъ, да и не любилъ идеологовъ. Система его была очень незамысловата, но дѣйствительна. Онъ зналъ, что ненужные государственные расходы вредны, потому сократилъ бюджетъ; онъ зналъ, что выпускъ ассигнацій вещь опасная, и не выпустилъ ни одной ассигнаціи и тѣмъ снова установилъ у насъ правильное денежное обращеніе. Онъ зналъ, что русская промышленность нуждается въ поощреніи, потому установилъ такой тарифъ, который и некрасивъ казался тогдашнимъ либрѣ-эшанжистамъ, но который создалъ въ Россіи тысячъ шесть новыхъ фабрикъ и заводовъ и, утроивъ таможенные доходы, далъ возможность нашему правительству содержать на страхъ европейской революціи миллионъ войска, да ссужать еще деньгами французское правительство въ 1847 г.

При Канкринѣ, какъ извѣстно, и въ Европѣ англійская теорія колебалась: блистательное сочиненіе Листа и практическіе результаты германскаго таможеннаго союза

*) W. Besobrasoff. De l'influence de la science économique sur la vie de l'Europe moderne.

подорвали довѣріе многихъ къ непогрѣшимости ученія Смита. Со смертію Канкринна, началась реакція и въ нашей финансовой администраціи, и въ нашей экономической литературѣ. Блистательный успѣхъ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ въ Англіи, которымъ англичане умѣли затуманить множество недалководидныхъ экономистовъ, и благородный характеръ борьбы манчестерской лиги, представлявшей интересы массы противъ монополій, привлекъ въ лагерь либръ-эшанжа двухъ сильныхъ бойцовъ: Бастіа и Мишеля Шевалье. Ихъ усиліями новая школа приобрѣла много поклонниковъ и у насъ въ Россіи; хотя въ то же время Кэри и Либихъ дали сильное научное оружіе въ руки протекціонистовъ. Въ этотъ же періодъ во Франціи и Германіи появилась многочисленная школа социалистовъ, которая надѣлала много шума, благодаря практическимъ попыткамъ приложить свое ученіе, чему тревожное положеніе дѣлъ въ Европѣ около 1848 года давало удобный случай. Россіи, однако, въ то время социализмъ почти не коснулся, и нашелъ лишь весьма слабый отголосокъ въ нѣкоторыхъ писателяхъ.

Либръ-эшанжъ распространялся преимущественно чрезъ университетское преподаваніе; тысячи молодыхъ людей принимали на вѣру слова читателей, что экономическая наука сказала свое послѣднее слово, и готовы были вносить это неправильное убѣжденіе въ дѣйствительность. Этому способствовало въ Россіи отсутствіе порядочныхъ сочиненій по политической экономіи. Тѣмъ же путемъ идеи проникали и въ нашу администрацію. Наиболѣе горячимъ ихъ приверженцемъ явился молодой Тенгоборскій, бывший тогда консуломъ въ Даніи; переведенный въ Вѣну, онъ обратилъ на себя вниманіе правительства книгою объ австрійскихъ финансахъ. Своимъ же сочиненіемъ „*Les forces productives de la Russie*“ онъ сталъ оракуломъ петербургскаго кружка полуофіціальныхъ экономистовъ. Сочиненіе это, представляющее довольно гладкое изложеніе весьма сомнительныхъ цифръ офіціальной статистики, имѣло цѣлью доказать, что Россія есть государство земледѣльческое и промышленность можно поддерживать въ ней исключительно

искусственными средствами. Благодаря разнымъ обстоятельствамъ и прекрасному французскому языку, оно было прославлено образцовымъ и заслужило одобреніе въ иностранныхъ литературахъ, хотя достаточно самой поверхностной критики, чтобы видѣть всѣ недостатки этой тенденціозной книги. Около Тенгоборскаго образовалась цѣлая группа его учениковъ, которымъ представился случай играть потомъ значительную роль.

Подъ вліяніемъ фритредерской пропаганды правительство понизило, вопреки желанію даже финансоваго управленія, руководимаго Вронченко, который всѣмъ экономистамъ на свѣтѣ предпочиталъ Кокорева, тарифъ въ 1850 году, но уже въ 1853 году начавшаяся война заставила опять позабыть теоріи и приняться за дѣло практически. Насталъ 1856 годъ. Россія выдержала страшную борьбу, но ассигнацій возрасло въ обращеніи до 700 милліоновъ, и на денежномъ рынкѣ чувствовалось кое-какое замѣшательство. Правительство задумало послѣ войны рядъ реформъ; реформы всегда стоятъ денегъ, а такія, которыя глубоко затрогиваютъ народную жизнь, обходятся и очень дорого. Сдѣлалось ясно, что финансовый вопросъ выступаетъ на первый планъ; практическіе приемы Брока не могли имѣть болѣе мѣста. Нужно было чего-то другого.

Въ это время какъ нарочно всѣ журналы говорили въ одинъ голосъ, что вся наша отсталость происходила отъ неуваженія въ европейской наукѣ. Теоретики торжествовали. Къ нимъ и обратились за совѣтами. Школа Тенгоборскаго получила такимъ образомъ огромный вѣсъ. От нея зависѣла участь множества полезныхъ начинаній правительства. Планъ новой реформы, совершенно согласный съ теоріей, былъ составленъ, но сочинители, роясь въ иностранныхъ книжкахъ, позабыли справиться, не была ли Россія уже когда либо въ подобномъ же положеніи и не предпринималось ли какихъ либо мѣръ для того, чтобы изъ него выйти.

Послѣдовательность плана экономистовъ видна изъ слѣдующей постепенности. Прежде всего понизили тарифъ: многія промышленныя предпріятія закрылись; тогда пони-

женіемъ банковыхъ процентовъ заставили капиталы обратиться именно къ промышленности, сдѣлавшейся уже невыгодною. Собрали огромные капиталы, извлекли изъ обращенія и сожгли на 70 милл. кредитныхъ билетовъ, затѣмъ немедленно выпустили новыхъ на 100 м. р., употребили большіе капиталы на поддержку курса, который, конечно, не поддерживался, но закрыли по мысли Гагемейстера казенный поземельный кредитъ, какъ разъ въ то время, когда наступила эмансипація и потребность помѣщиковъ въ деньгахъ, сдѣлалась крайне настоятельною. Обсужденіе вопроса о поземельномъ кредитѣ ограничилось трудами одной комиссіи, душею которой былъ г. Безобразовъ. Затѣмъ появился знаменитый проектъ г. Ламанскаго, сущность котораго состояла въ томъ, что курсъ упалъ будто бы на 20 процент. отъ избытка бумажекъ, слѣдовательно, извлекая избытокъ на 20 проц., курсъ сдѣлается альпари и все придетъ въ нормальное положеніе. Заняли 100 новыхъ милліоновъ и начался размѣнъ; не успѣли еще размѣнять этихъ денегъ, а курсъ уже упалъ на 25 проц. Тутъ-то вспомнили, что въ 20 годахъ уже дѣлали подобные опыты и также безъ всякаго успѣха. Послѣ такого пораженія теоретики передали дѣла финансовыя въ руки практиковъ, которые хотя финансовъ много не улучшили, но снабдили Россію сѣтью желѣзныхъ дорогъ и банковыхъ учреждений. Рядомъ съ чѣмъ, какъ ядовитое дерево, быстро выросъ биржевой ажіотажъ.

Что же дѣлала въ это время остальная часть нашей экономической литературы? Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что если слышались голоса, предостерегавшіе теоретиковъ отъ ихъ увлеченія, то остальная публика и особенно молодежь очень мало всѣмъ этимъ интересовалась. Вниманіе ея было поглощено проповѣдью двухъ или трехъ публицистовъ, что всѣ экономисты невѣжды и негодяи, и что спасеніе Россіи и цѣлаго міра находится въ социализмѣ и особенно въ организаціи труда по системѣ Луи Блана. Какимъ образомъ социалистическія идеи проникли въ наше общество въ концѣ 50 годовъ и почему именно система Луи Блана, давно поконченная и забытая, отъ которой от-

казался даже самъ ея остроумный авторъ, могла обратить на себя вниманіе нашихъ публицистовъ, понять трудно. Тѣмъ не менѣе соціалистическая пропаганда длилась много лѣтъ безостановочно, окончательно спутывая слабыя экономическія понятія нашего общества. Нѣсколько голосовъ пробовали было возражать соціалистамъ, доказывая, что ихъ разглагольствованія стары и что въ Россіи, гдѣ земля ищетъ человѣка, ровно никакого смысла не имѣютъ, но безъ успѣха.

Только съ 1880 года начинается, вмѣстѣ съ нашимъ политическимъ перерожденіемъ и болѣе толковый взглядъ на экономическія потребности. Стало очевидно, что государство, столь обширное и разнообразное по своимъ условіямъ, не можетъ руководиться правилами, сочиненными гдѣ-то совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ. Поученія какого нибудь де-Молинари или Луи Блана, можетъ быть и очень мудрыя для Бельгіи и Парижа, вовсе не идутъ къ Россіи. Въ то же время и правительство заявило открыто, что намѣрено держаться „самостоятельной торговой политики“ и не слѣдовать внушеніямъ всегда готовыхъ на совѣты иностранцевъ.

Первымъ министромъ финансовъ, серьезно взглянувшимъ на наше экономическое положеніе дѣлѣ, былъ А. А. Абаза. Г. Бунге, хотя и профессоръ политической экономіи, также стоялъ уже на болѣе практической почвѣ. Относительно финансовыхъ реформъ при г. Бунге и косвенно г. Абазѣ, возникла весьма любопытная въ своемъ родѣ полемика въ видѣ брошюръ, напечатанныхъ и розданныхъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Явленіе это не новое: государственные люди и прежде писали и подавали у насъ въ трудныя минуты записки о финансовомъ положеніи государства, и въ Россіи, гдѣ нѣтъ единодушнаго партійнаго кабинета, подобная форма обмѣна мыслей весьма полезна, даже безусловно въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходима.

Весь вопросъ, кромѣ отдѣльныхъ указаній по второстепеннымъ вопросамъ, сводился къ тому, что было причиною новаго, замѣтнаго ухудшенія положенія нашихъ финансовъ? Г. Смирновъ видѣлъ въ этомъ прямой резуль-

татъ неудачной финансовой политики послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, недостатки которой финансовое управленіе г. Бунге хотя и признавало, но вполне отрѣшиться отъ которой не могло. Г. Бунге доказывалъ, что вся бѣда—въ политикѣ, въ войнахъ, въ которыя была вовлечена Россія, въ обширныхъ вооруженіяхъ и непосильныхъ для такой бѣдной страны расходахъ на военное и морское вѣдомства. Онъ признавалъ многія ошибки финансоваго управленія, но объяснялъ ихъ необходимостью и неизбежностью, частью вліяніемъ заблужденій дореформеннаго финансоваго управленія.

Можно, кажется, безошибочно сказать, что обѣ стороны были правы и неправы; доля истины заключалась и въ томъ, и въ другомъ объясненіи, ибо государственная жизнь настолько сложна, что трудно подводить ея многосторонніе фазисы къ одному какому либо рѣшенію. Политика и экономія шли постоянно рядомъ на пути ухудшенія нашего финансоваго положенія.

Отрицать, что войны Крымская и Восточная, польское возстаніе, экспедиціи кавказскія, туркестанскія, туркменскія, столкновенія съ Китаемъ, замѣшательства изъ-за Афганистана и нѣкоторыя другія частныя мобилизаціи имѣли вліяніе на увеличеніе нашего государственнаго долга, на выпускъ кредитныхъ билетовъ и на повышеніе курса, а слѣдовательно и на увеличеніе почти на треть нашего расходнаго бюджета, — значило бы добровольно закрывать глаза. Но, и помимо экстраординарныхъ военныхъ расходовъ, одно желаніе, чтобы Россія имѣла боевыя силы, стоящія на одномъ техническомъ уровнѣ съ другими великими державами, неизбежно должно было удвоить нашъ военный бюджетъ. Образованіе огромнаго резерва, перевооруженіе арміи новыми пушками, ружьями, патронами, снарядами, постройка крѣпостей, броненосный, крейсерскій и миноносный флоты — все это потребовало огромныхъ затратъ, препятствовать которымъ никакой министръ финансовъ не былъ бы въ силахъ.

Равнымъ образомъ ни одинъ министръ финансовъ не могъ устоять противъ того, чтобы были преобразованы наши

суды, увеличено число гимназій и школъ, построены телеграфы, улучшены почты, увеличено нищенское содержаніе чиновниковъ, заведенъ контроль расходовъ и т. п. Если въ этомъ случаѣ нѣкоторыя затраты были сдѣланы неправильно и непроизводительно, то не надобно забывать, что остается еще въ дѣлѣ улучшенія нашей гражданской администраціи — еслибы ее захотѣли, какъ армію, держать на европейскомъ уровнѣ — по крайней мѣрѣ половина недо-дѣланнаго. А на эту додѣлку понадобятся новыя средства.

Политика играла роль и въ другихъ отношеніяхъ. Г. Смирновъ обвинялъ въ разореніи дворянства финансовое управленіе, зачѣмъ-де оно ликвидировало старые казенные банки въ моментъ крестьянской реформы и зачѣмъ допустило Общество взаимнаго поземельнаго кредита съ его металлической валютою? И то и другое было несомнѣнно крупными ошибками, но въ этихъ ли двухъ мѣропріятіяхъ корень обѣднѣнія дворянства? Дворянство обѣднѣло потому, что за право владѣнія крѣпостными, право, при которомъ оно жило въ довольствѣ, оно не получило ни копѣйки вознагражденія. Это была мѣра политическая, и финансовое управленіе тутъ ровно не причесть. Съ другой стороны, правительство недолго оставляло помѣщиковъ совсѣмъ безъ помощи. Хотя старые банки не давали ссудъ, но зато съ помѣщиковъ переведены на крестьянъ всѣ долги прежнимъ кредитнымъ установленіямъ, а это составило до 300 милліоновъ рублей; зачѣмъ еще около 500 милліоновъ рублей помѣщики получили въ видѣ выкупныхъ за земли, которыми крестьяне отчасти испоконъ вѣка пользовались, отчасти въ которыхъ — какъ въ сѣверной полосѣ Россіи — вовсе не нуждались. На этой операціи правительство несло ежегодно 10 милл. руб. убытка. Если же эти 800 милліоновъ помѣщики въ нѣсколько лѣтъ промотали и прожили, то виною ужъ тутъ и не финансовое управленіе, и не правительство вообще, а само дворянство, его воспитаніе, привычки, складъ жизни.

Скажутъ, что правительство знало недостатки нашей помѣщичьей натуры и должно было принять ограничительныя мѣры. Но какъ-то странно было ждать, что въ

моментъ, когда правительство даже крестьянъ хотѣло обратить въ исполнѣ свободныхъ и полноправныхъ гражданъ, оно вздумало бы закрѣпощать въ извѣстномъ смыслѣ дворянъ, эмансипированныхъ еще въ 1762 году. Въ послѣднее время финансовое управленіе стало внимательнѣе къ интересамъ дворянъ: и Дворянскій банкъ, и даже Крестьянскій — прямо созданы въ ихъ пользу, правительство ссудило ихъ нѣсколькими милліонами рублей безъ процентовъ; начинаютъ помѣщики жаловаться на взаимный поземельный кредитъ, правительство готово выкупить обязательства помѣщиковъ и, чтобы еще болѣе усилить свою щедрость, отсрочиваетъ исполненіе указовъ о погашеніи кредитныхъ билетовъ, рискуя скомпрометировать свой собственный кредитъ.

Но если ни вліянія политики иностранной и внутренней, ни вліянія народнаго характера и исторически усвоенныхъ дурныхъ привычекъ на наше финансовое положеніе нельзя отрицать, то въ одинаковой степени неразумно было бы отрицать и того, что всѣ подобныя дурныя вліянія были усугубляемы легкомысленною доктринерскою экономическою политикою, господствовавшею съ Крымской войны до 1880 года.

Никакими софизмами невозможно доказать, что для Россіи не принесли неисчислимаго вреда: пониженіе банковыхъ процентовъ, закрытіе государственнаго земельного кредита въ моментъ освобожденія крестьянъ, двукратное пониженіе таможеннаго тарифа въ 1857 и 1868 гг., постройка желѣзныхъ дорогъ изъ иностранныхъ матеріаловъ и подрывъ отъ того собственнаго горнаго и механическаго дѣла, дѣятельность Государственнаго банка для поощренія биржевой игры, несвоевременная попытка размѣна, постоянная игра на повышеніе вексельнаго курса на биржѣ, заведеннаго еще барономъ Штиглицомъ, который былъ двадцать лѣтъ диктаторомъ биржи, беззаботные выпуски кредитныхъ билетовъ даже въ мирное время, совершенно противоположныя тому скупка золота и созданіе массы обязательствъ въ металлической валютѣ, расхищеніе части государственныхъ имуществъ, неосторожное введеніе питейно-акцизной системы и развитіе отъ того пьянства и т. д.,

и т. д. Этотъ списокъ можно бы очень распространить, не говоря уже о грѣхахъ пассивныхъ, о томъ, что не было ничего предпринято для распространенія русской отпускной торговли, созданія торговаго флота, устройства на прочныхъ началахъ колонизаціи, пресѣченія желѣзнодорожныхъ вакханалій въ видѣ воровства на постройкѣ и игры провозными тарифами и т. д.

Съ отставкою Грейга финансовое управленіе въ значительной мѣрѣ стало на путь исправленія: таможенная политика сдѣлалась покровительственною, желѣзныя дороги строятся по возможности изъ своихъ матеріаловъ, за дѣятельностью ихъ устраивается контроль, Государственный банкъ пересталъ быть вмѣстилищемъ разныхъ беззаконій и источниковъ ажіотажа, сдѣланы попытки переложенія податной тягости на болѣе зажиточныя сословія, прекращенъ произвольный выпускъ кредитныхъ билетовъ и т. д. Но старая закваска еще дѣйствуетъ, многія изъ этихъ мѣръ исполнялись лицами, которыя сочиняли въ прежній періодъ мѣры противоположныя, почему мѣры на бумагѣ, какъ будто задуманныя въ извѣстномъ направленіи — что вышло, напр., съ питейными правилами — оказывались нерѣдко сдѣланными въ прямо противоположномъ.

Затѣмъ нельзя не упомянуть, что новая эпоха финансового управленія, рядомъ съ недостаточно внимательнымъ отношеніемъ къ важнѣйшему вопросу о денежномъ курсѣ, имѣла еще другой недостатокъ — изобрѣтеніе множества мелкихъ налоговъ.

Стремленіе фиска обложить все, что попадаетъ на глаза, весьма древне. Св. Іустинъ Александрійскій пишетъ, что „одного священника на таможи спросили о багажѣ; тотъ отвѣчалъ, что имѣетъ при себѣ только вѣру, благочестіе, справедливость и воздержаніе. Таможенный чиновникъ сейчасъ же потребовалъ оплатить эти четыре предмета“ *).

*) До какой степени люди бываютъ беззащитны при проведеніи новыхъ налоговъ, можно видѣть изъ мотивовъ, приведенныхъ министромъ финансовъ Гуляромъ, во время утвержденія во Франціи Национальнымъ Собраніемъ монополіи на выдѣлку фосфорныхъ спичекъ. Базенная монополія, говорилось въ докладѣ министра, допускается съ

У насъ еще ни вѣра, ни надежда, ни даже любовь не обложены (кромѣ какъ въ видѣ бенефисныхъ подношеній), но налоги на предметы самой первой необходимости изобрѣтались непрерывно и безъ большихъ споровъ проходили, давая результаты совершенно противоположныя ожидаемымъ.

Образчикомъ на этотъ счетъ можетъ послужить исторія налога на дрожжи, который пропустила безъ вниманія печать, хотя при его помощи съ публики собираютъ не меньше 2¹/₂ миллионовъ руб. въ годъ. Какіе-то крупные нѣмецкіе заводчики въ Прибалтійскомъ краѣ, желая устранить иностранную конкуренцію и убить мелкіе русскіе заводы, просили объ установленіи налога на дрожжи. Акцизное вѣдомство, мѣропріятія котораго по питейному и табачному акцизамъ не увеличивали, а уменьшали доходы, съ радостью ухватывалось за мысль найти новый источникъ обложенія. Собрана была комиссія, въ которой оказалось—какъ потомъ въ нефтяной комиссіи—что никакихъ данныхъ о дрожжевомъ дѣлѣ у акцизнаго вѣдомства нѣтъ и никакого проекта оно заранѣе не приготовило! Не смотря на это, налогъ вотированъ съ разными отступленіями и оговорками противъ предположенія хитроумныхъ нѣмцевъ. Въ результатѣ вышелъ курьезъ—новое примѣненіе извѣстной поговорки: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть“. Пострадали отъ налога именно тѣ крупные прибалтійскіе заводы, которые въ пользу своего кармана налогъ выдумали! Ихъ производство сократилось втрое и вчетверо, а взамѣнъ того, для наживы на счетъ казначейства, устроилось нѣсколько новыхъ дрожжевыхъ заводовъ средняго размѣра внутри Россіи.

Увѣряютъ, будто за послѣднее время введено въ Рос-

цѣлю обезпечить интересы потребителя отъ неправильныхъ цѣнъ на спички и особенно потому, что статистика страховыхъ обществъ доказала, что спички подвержены самовозгаранію, отчего удешевилось число пожаровъ. Кромѣ того, бѣлый фосфоръ, входящій въ спички, служитъ часто отравою... И что-жъ, французскій министръ убѣдилъ палату, что казенныя спички загораться не будутъ и казенный фосфоръ потеряетъ всѣ ядовитыя свойства!

сиі шестьдесятъ новыхъ налоговъ. Это, конечно, преувеличено, но, и сокращая цифру вдвое, нельзя не удивиться ей, особенно сравнительно съ дѣятельностью прежнихъ министровъ финансовъ. При всемъ ихъ эмпиризмѣ они ужасно берегли податныя силы и потому за десятки лѣтъ финансовой исторіи Россіи мы видимъ самыя незначительныя измѣненія въ податной системѣ. Только при Петрѣ Великомъ, когда Россія стала вдругъ жить несвойственной ей западно-европейской жизнью, для добыванія денегъ облагали все и всѣхъ, отъ вѣнниковъ въ баняхъ и дуги извозчиковъ до вѣнчиковъ, возлагаемыхъ въ гробу на голову покойниковъ.

Мы уже говорили, что у насъ очень любятъ на словахъ и въ газетахъ печаловаться объ участи бѣднаго народа, о его податныхъ тягостяхъ и т. п., но какъ только заходила рѣчь, чтобы немного этихъ тягостей переложить съ плечъ мужика на плечи барина, такъ картина мѣнялась: о мужикѣ забывали и начинались упреки правительству, не умѣющему-де устроить финансы. Въ концѣ концовъ проходили только косвенные налоги и при томъ рассчитанные на потребленіе низшихъ классовъ населенія; напримѣръ, кофе, который пьетъ баринъ, платитъ 15—20% съ цѣны, а чай, который пьетъ мужикъ, отъ 50 до 100% и т. п.

Какой нибудь налогъ съ безмезднаго перехода имущества, не дающій и трехъ милліоновъ, долгіе годы подвергался переработкамъ и исправленіямъ, пока не былъ приведенъ въ такое состояніе, что отъ него осталась идея, ожидаемый же доходъ испарился. Слухъ о маленькомъ прогрессивномъ налогѣ на пребываніе за границу привелъ въ ярость извѣстную часть нашего общества, а одновременно предположено было взимать новые 3¹/₂ милл. съ бѣднѣйшей части населенія помощью увеличенія гербоваго сбора, 9 милліоновъ лишніихъ съ массы курильщиковъ, въ томъ числѣ на 50 проц. увеличить цѣну махорки—этого единственнаго утѣшенія хохла и солдата, сдѣлать дороже на 25 проц. необходимое въ повседневномъ быту желѣзо и т. д. Никому до означенныхъ повышеній

дѣла не было, точно всѣ были въ убѣжденіи, что мужику это, кромѣ удовольствія, ничего не доставить.

Говорить о государственной росписи доходовъ и расходовъ—значить повторять въ сотый разъ давно извѣстныя истины, тѣмъ не менѣе подобное повтореніе, можно сказать, обязательно, потому что ни въ какомъ другомъ вопросѣ нововведенія не принимаются съ такимъ трудомъ, какъ въ финансахъ; съ другой стороны, никакой вопросъ не затрагиваетъ такъ близко всѣхъ интересовъ,—по знаменитому англійскому афоризму, что „умирать и платить налоги долженъ каждый“,—какъ вопросъ о бюджетѣ. Въ послѣднее время государственная роспись является у насъ въ формѣ довольно соблазнительной. Доходы равняются расходамъ, что казалось бы и требовалось доказать; наружное благополучіе не должно, однако, останавливать критику. Даже, при дѣйствительномъ перевѣсѣ въ доходахъ, обязанность публицистовъ указывать мѣры къ измѣненію системы, потому что государство уплачиваетъ налогами только извѣстныя необходимыя ему услуги, и никакихъ затѣмъ прибылей отъ первыхъ имѣть не должно.

Двѣ причины обуславливаютъ нѣкоторое недовѣріе къ результатамъ нашего финансоваго положенія: одна изъ нихъ лежитъ въ сознаніи неудовлетворительности нашего доходнаго бюджета, основаннаго на началахъ устарѣлыхъ; другая—въ непрочности бюджета расходовъ, расширение котораго съ трудомъ можетъ быть приостановлено.

Мнѣнія извѣстнаго Мордвинова, критиковавшаго въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ нашу систему доходовъ за неудовлетворительность, могутъ быть повторены почти цѣликомъ и теперь. Главною тяжестью лежитъ она на низшемъ классѣ, а еще въ началѣ настоящаго столѣтія благородный дворянинъ россійскій, Николай Тургеневъ, писалъ, что правительство обязано стараться отклонять, сколь возможно, тяжесть налоговъ отъ простого народа. Какъ много времени прошло съ той минуты и какъ мало сдѣлано въ этомъ отношеніи, не смотря на всѣ наши либеральныя начинанія и реформы. Какъ и во время крѣпостного права,

главная тяжесть бюджета лежит не на имуществѣ, а на трудѣ, да еще вдобавокъ трудѣ мало вознаграждаемомъ, на трудѣ мускульномъ. Само правительство давно уже сознало неудовлетворительность податной системы и предприняло реформированіе ея, но въ какомъ направленіи совершалась эта реформа? Подушный и соляной налоги уничтожены, но ихъ смѣнило повышеніе косвенныхъ налоговъ, которые въ сущности падаютъ на тѣ же классы общества. Относительно государственныхъ расходовъ нужно замѣтить, что они опережаютъ приращеніе доходовъ, почему и вызываютъ созданіе налоговъ. Мы не безусловные противники расширенія бюджета и согласны съ мнѣніемъ Маня, что искусство расходовать состоитъ не въ томъ, чтобъ расходовать мало, а въ томъ, чтобъ расходовать производительно, но нельзя не признать, что въ порядокъ составленія смѣтъ разныхъ вѣдомствъ у насъ вкралась порядочная рутина. Каждый департаментъ заботится лишь о томъ, чтобы доходовъ въ предположеніи было не меньше прошлогодняго, для чего выводить доходы или по послѣднему поступленію, или по средней сложности, какъ выгоднѣе; въ расходахъ же одна забота—не просить слишкомъ много противъ предыдущаго года. Требуется, однако, обыкновенно нѣсколько болѣе, но это *la part du feu*, та часть, которая оставляется для удовлетворенія требованій о сокращеніи расходовъ Министерства Финансовъ, Государственного Контроля и департамента государственной экономіи Государственного Совѣта. Требованіе какъ будто бы удовлетворяется, дѣлается сокращеніе, но въ дѣйствительности расходъ остается прежній; а такъ какъ нѣкоторые новые расходы неизбѣжны, то въ результатѣ получается постоянное возростаніе изъ года въ годъ бюджета.

Этому возростанію думали положить предѣлъ учрежденіемъ особой комиссіи о сокращеніи расходовъ. Комиссія умерла сама собою, да ей ничего и не оставалось болѣе дѣлать, ибо расходы можно уменьшить, лишь зная близко дѣло и разбирая происхожденіе въ смѣтахъ каждой копѣйки. И отдѣльными вѣдомства не всегда въ силахъ производить у себя сокращенія, особенно когда дѣло касается

отдаленныхъ областей, откуда не дождешься объясненій, или разныхъ техническихъ операцій, гдѣ своя рука владыка. Что же могла сдѣлать комиссія при одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій изъ нѣсколькихъ чиновниковъ не-спеціалистовъ, работавшая, въ придачу, негласно. Какая была бы польза, еслибы комиссія указала, положимъ, на сокращеніе разныхъ должностей на 20,000 рублей въ годъ, когда достаточно не совсѣмъ вѣрно, на нѣсколько копѣекъ, вычислить цѣну пуда сѣна, чтобы увеличить государственные расходы на миллионъ и болѣе.

Впрочемъ, и о мелочной бережливости въ послѣднее время позабыли. Увольнялся ли какойнибудь директоръ департамента, пробывшій полгода въ своей должности, ему оставляли нѣсколько тысячъ содержанія; переѣзжалъ ли вновь назначенный губернаторъ изъ одного города въ другой, отстоящій по желѣзной дорогѣ въ 5-ти часахъ пути, ему давали столько же тысячъ на подъемъ; придетъ губернатору охота, вмѣсто оранжевыхъ погоновъ, дать своимъ полицейскимъ чинамъ голубые и вмѣсто черныхъ мундировъ облечь ихъ въ сѣрые, ему охотно отпускали на эту прихоть десятокъ тысячъ. Подобныхъ случаевъ можно насчитать сколько угодно. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности объяснялся, вѣроятно, хорошими даже побужденіями, каждый соотвѣтствовалъ установившейся издавна административной практикѣ, но въ общемъ итогъ они-то и составляютъ то неэкономное распоряженіе податными грошами, которое въ концѣ концовъ ведетъ къ дефицитамъ и составляетъ глубокіе министерскіе умы, по безсмертному выраженію Федотова, „выжимать изъ камней сокъ“.

Само собою разумѣется, что экономіей въ административныхъ издержкахъ не достигается еще порядка въ финансахъ. Можно сколько угодно урѣзывать жалованье чиновникамъ, можно вовсе лишить ихъ наградъ и пособій, это все-таки очень немного поправить наше финансовое положеніе, принимая даже, что вышеозначенныя урѣзки не разрушаютъ административной машины и не убьютъ въ служащихъ необходимой энергіи.

Мы указываемъ на экономію въ административныхъ

издержкахъ лишь какъ на проявленіе извѣстной системы. Кто не бережливъ въ малыхъ суммахъ, обыкновенно бываетъ еще менѣе бережливъ въ крупныхъ, тѣмъ болѣе, что ассигнованіе послѣднихъ легко оправдывается громкими фразами въ родѣ: „поддержать достоинство передъ Европой“, „обезпечить безопасность государства“, „развить торговлю“, „прикрѣпить окраины“ и т. д. Между тѣмъ, лишь дѣйствуя съ достаточной энергіей на эти крупныя издержки, можно достигнуть сколько нибудь осязательныхъ результатовъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ неустройствѣ нашихъ финансовъ виноваты отчасти и кризисъ, охватившій многія отрасли народнаго хозяйства какъ въ Россіи, такъ и въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы. Вызванный у насъ, главнымъ образомъ, упадкомъ хлѣбныхъ цѣнъ, сопровождавшимся значительнымъ уменьшеніемъ доходовъ и помѣщиковъ, и крестьянъ, а слѣдовательно и общимъ безденежьемъ, кризисъ этотъ естественно привелъ къ ослабленію спроса на произведенія промышленности, къ сокращенію потребленія и къ задержкѣ въ поступленіи косвенныхъ налоговъ: питейнаго, табачнаго и таможеннаго. Но, кромѣ кризиса, виновато наше желаніе въ государственномъ, какъ и въ частномъ быту, жить не по средствамъ.

Вмѣсто чего либо существеннаго для поправленія финансовъ у насъ ограничивались жалобами на министра финансовъ, который, точно какой-то докторъ-волшебникъ, обязанъ былъ возстановлять мгновенно здоровье больного организма, истощеннаго продолжительными излишествами. При этомъ отъ министра финансовъ требовали не только, чтобы онъ сводилъ въ росписи концы съ концами, но появлялся и благодѣтелемъ на счетъ казеннаго сундука всѣхъ отраслей промышленности, которыя почему либо находятся въ стѣсненномъ положеніи. А такъ какъ въ Россіи чуть не всѣ отрасли производительности находятся въ стѣсненномъ положеніи, то это желаніе равносильно ихъ общему поступленію на казенное содержаніе. Вопросъ только, гдѣ же взять средства для подобнаго общаго благодѣлствованія?

Г. Бунге, когда былъ министромъ финансовъ, весьма резонно возсталъ противъ такого своеобразнаго государственнаго социализма. Онъ напоминалъ, что „государство должно содѣйствовать только тому, что требуется его ближайшими интересами и представляетъ достаточныя ручательства въ успѣхѣ, а равно, что государству слѣдуетъ предпринимать только то, что оно можетъ исполнить хорошо и безъ убытка для казначейства“.

Эти правила основаны и на экономическихъ, и на государственныхъ соображеніяхъ. Никакіе шарлатанскіе опыты въ государственномъ хозяйствѣ допущены быть не могутъ. Частныя лица, предпринимая что либо на счетъ казны, въ случаѣ неудачи, теряютъ очень мало, или даже ничего. Государство, когда оно вступаетъ въ хозяйственныя операціи, имѣетъ дѣло съ казеннымъ управленіемъ, состоящимъ изъ лицъ, матеріально ничѣмъ не рискующихъ, тогда какъ казначейство рискуетъ иногда очень многимъ. Кромѣ того, растроченныя бесплодно казенныя субсидіи и убыточное для финансовъ и для народа управленіе умалютъ довѣріе къ правительству, которое назначаетъ исполнителей своихъ предназначеній.

Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ толковать о серьезныхъ сокращеніяхъ расходовъ, надобно самыя смѣты составлять болѣе рационально, нежели это дѣлается нынѣ. Нашъ бюджетъ до преобразованій государственной росписи и системы разсмотрѣнія смѣтъ, сдѣланныхъ по инициативѣ покойнаго Татаринова, представлялъ сплошной курьезъ, столько въ немъ было путаницы и недомолвокъ. Теперь наша государственная роспись значительно исправилась, хотя и нынѣ открываются крупныя недоразумѣнія и роспись даетъ все-таки неточное понятіе о размѣрѣ расходовъ по извѣстнымъ отраслямъ управленія. Дѣйствительное положеніе доходовъ и расходовъ государства неизвѣстно хорошенько и самому Министерству Финансовъ. Это явствуетъ изъ замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ труда И. И. Кауфмана: „Статистика государственныхъ финансовъ Россіи“, изданнаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Когда были уничтожены экономическіе капиталы разныхъ вѣдомствъ, введено единство кассы, измѣненъ порядокъ составленія государственныхъ смѣтъ и преобразованъ Государственный Контроль, котораго содержаніе, съ 200 тысячъ въ началѣ 60-хъ годовъ, увеличилось теперь свыше 3 милл. руб., многіе полагали, что въ финансовой отчетности водворились у насъ совершенная ясность и послѣдовательность. Но далеко не то оказывается на дѣлѣ.

Не только въ теченіе 1860-хъ, но и въ теченіе 1870-хъ и даже 1880-хъ годовъ, невозможно, напримѣръ, на основаніи однихъ только отчетовъ объ исполненіи государственныхъ росписей составить полное и точное изложеніе суммъ по доходамъ и расходамъ изъ чрезвычайныхъ ресурсовъ. Совершенною точности данныхъ препятствуетъ то, что указываемые обороты составляли изъятіе изъ общаго порядка документальнаго контроля. Затѣмъ они представляли изъятіе и изъ общаго кассоваго порядка, такъ какъ для большей ихъ части (въ томъ числѣ для оборотовъ бывшаго желѣзнодорожнаго фонда, достигавшихъ по приходу и расходу до 2 миллиардовъ рублей) существовали какъ бы особыя кассы (въ Государственномъ банкѣ и у заграничныхъ банкировъ), неподчиненныя общимъ кассовымъ правиламъ.

Чрезвычайные расходы изъ желѣзнодорожнаго фонда (а передъ тѣмъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, такіе же расходы на усиленіе размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ, на попытку возобновленія ихъ размѣна на звонкую монету, на уплату долговъ казначейства бывшимъ кредитнымъ установленіемъ и т. д.) представляли исключеніе и изъ общаго смѣтнаго порядка, такъ какъ они производились не на основаніи кредитовъ, для нихъ ассигнованныхъ Государственнымъ Совѣтомъ, а вслѣдствіе распоряженій другихъ высшихъ государственныхъ установленій (Комитета Министровъ, комитета финансовъ и т. д.). Наконецъ, обороты суммъ чрезвычайныхъ ресурсовъ являлись изъятіемъ еще и въ томъ отношеніи, что счетоводство и отчетность по нимъ не получили окончательнаго устройства, а оттого по нѣкоторымъ изъ нихъ данныя отчетовъ Государственнаго Контроля не представляются въ надлежащей полнотѣ. Такъ,

неполнотою отличаются данныя о позаймствованіяхъ, которыя производились у Государственнаго банка въ 1876—1880 годахъ, для покрытія части чрезвычайныхъ расходовъ, какъ по военнымъ потребностямъ, такъ и вслѣдствіе истощенія желѣзнодорожнаго фонда, и для которыхъ Государственный банкъ производилъ временные выпуски кредитныхъ билетовъ.

Наконецъ, нѣкоторыя чрезвычайныя операціи (какъ, напримѣръ, по содѣйствію правительства въ выпуску земель бывшими помѣщичьими крестьянами, по покупке и продажѣ золота, размѣннаго фонда въ 1867—76 годахъ и по ликвидаціи бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій), оставались внѣ всякаго отношенія съ прочими финансовыми оборотами до конца 1884 года.

Такимъ образомъ начало единства не получило еще достаточнаго осуществленія въ нашей государственной отчетности. „Множественность бюджетовъ“ имѣла у насъ обширное примѣненіе, и, не смотря на эту множественность, различные бюджеты все-таки не исчерпывали и не обнимали всѣхъ оборотовъ государственныхъ финансовъ, и нѣкоторыя, иногда значительныя суммы поступленій и платежей, проходили внѣ всякаго бюджета. Единству суммъ государственныхъ финансовъ препятствовало не только то, что онѣ дробились между различными бюджетами, внутренне не соединенными, иногда вслѣдствіе того минуя совсѣмъ всякій контроль, но еще болѣе то, что многоразличные бюджеты не сопоставлялись въ такомъ видѣ, чтобы видно было, какъ они охватываютъ всю совокупность финансовыхъ ресурсовъ и платежей изъ нихъ. Поэтому министръ финансовъ былъ лишенъ у насъ возможности составить себѣ полную картину всѣхъ средствъ, имѣвшихся въ распоряженіи финансоваго управленія, всѣхъ расходовъ, которые требуютъ удовлетворенія, и результатовъ соотношенія между общими суммами всѣхъ доходовъ и расходовъ. Добыть такія данныя возможно было лишь путемъ весьма сложнаго изслѣдованія.

Неясность нашего государственнаго счетоводства оказалась при заключеніи смѣты на 1887 годъ, когда вы-

яснилось, что, одновременно съ дефицитомъ по смѣтѣ, у Министерства Финансовъ имѣлась огромная свободная наличность. Такихъ остатковъ, по исчисленіямъ г. Кауфмана, должно было состоять къ 1886 г. болѣе 84 милл. руб., къ 1885 г. болѣе даже 160 милл. руб.

Преобразованія, сдѣланныя г. Бунге уничтоженіемъ желѣзнодорожнаго фонда и ликвидаціоннаго счета бывшихъ кредитныхъ установленій и слитіемъ выкупной операциі съ бюджетомъ, въ значительной степени устранили бывшую путаницу, но остается еще сдѣлать многое для установленія дѣйствительнаго единства.

Необходимо сказать даже, что смѣты почти всѣхъ вѣдомствъ перепутаны между собою. Одно вѣдомство производитъ расходы, подходящіе скорѣе къ компетенціи другого, а иногда, наоборотъ, какъ бы уменьшаетъ свои расходы, оставляя часть ихъ по смѣтамъ совсѣмъ другихъ министерствъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что соотвѣтствующая перетасовка статей нашего бюджета такъ, чтобы было ясно видно, во что же, наконецъ, обходится извѣстная часть, а не вѣдомство, были бы дѣломъ чрезвычайно полезнымъ. Надобно только удивляться, отчего это давно не сдѣлано, потому что на приведеніе бюджета въ ясность не требуется ни расходовъ, ни какихъ либо необыкновенныхъ усилій ума.

Мы не говоримъ о мелкихъ или случайныхъ недосмотрахъ, нѣтъ, дѣло касается милліоновъ. Возьмемъ, наприкладъ, полицію. Казалось бы, что содержаніе ея, по крайней мѣрѣ, въ той части, которая не падаетъ на городскія и земскія средства, слѣдуетъ искать въ смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; нисколько: болѣе 2¹/₂ милл. руб. расходовъ по содержанію жандармскаго полицейскаго надзора включаются въ смѣту Военнаго Министерства, болѣе 200,000 рублей на промысловую полицію — въ смѣту Министерства Государственныхъ Имуществъ и т. д.

Точно также смѣта Военнаго Министерства вовсе не содержитъ въ себѣ всѣхъ расходовъ по военной части въ Россіи. Мѣстные военныя издержки въ Царствѣ Польскомъ на сумму свыше милліона рублей включены въ смѣту Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; въ смѣтѣ департамента го-

сударственнаго казначейства помѣщаются ежегодно нѣсколько милліоновъ на расходы по другимъ чисто военнымъ издержкамъ.

Въ 1883 году расходы Военнаго Министерства опредѣлились, напримѣръ, въ 201.564,621 р., но очень бы ошибся финансистъ, который эту цифру считъ бы предѣломъ военныхъ издержекъ Россіи. Цифра ихъ совсѣмъ другая, ибо сверхъ нея для нашей арміи, кромѣ расходовъ на пенсіи военныхъ (болѣе 10 милл. руб.), израсходовано Министерствомъ Финансовъ 4.050,408 р. на пособія нижнимъ чинамъ, 2.720,078 р. по рекрутскому набору, 1.009,843 р. на потерю на курсѣ финляндскихъ денегъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе содержанія русскихъ войскъ въ Финляндіи; были также расходы по военно-конской повинности и проч.; Министерство Внутреннихъ дѣлъ издержало на военныя потребности Царства Польскаго 2.100,935 руб. Складывая эти цифры, пришлось бы военныя издержки 1883 г. увеличить на 20 милл. рублей. Но и это опять невѣрно, такъ какъ по бюджету Военнаго Министерства въ разныхъ его параграфахъ и статьяхъ значатся, какъ мы сказали, расходы корпуса жандармовъ, а жандармы составляютъ часть полиціи, въ смѣтѣ же Министерства Военнаго, а не Внутреннихъ Дѣлъ, находились расходы на управленіе кавказскими горцами 32,955 р., на почтовую и телеграфную часть въ Закаспійскомъ краѣ 38,954 руб. и на гражданское управленіе Туркестанскимъ краемъ, стоящее 1.726,953 р.

Въ расходахъ Военнаго Министерства, а не въ смѣтѣ Министерства Путей Сообщенія значилось 1.017,003 руб. расходовъ по постройкѣ и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, именно дорогъ Пинско-Жабинской и Закаспійской. Результаты этой военной эксплуатаціи не лишены интереса. На Закаспійскую дорогу израсходовано въ 1883 г. 596,812 руб., доходу же выручено 36,665 руб.—дефицитъ 560,147 руб. Этакой выгодной эксплуатаціи не было, вѣроятно, ни на одной дорогѣ со дня изобрѣтенія паровоза.

Военно-учебныя заведенія по смѣтѣ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній показаны въ 5.743,015 р., но если прибавить расходы разныхъ академій и юнкер-

сихъ училищъ, то получится весьма внушительная цифра 7.755,988 руб., которая навѣрное въ пять, если не въ десять разъ, превосходитъ то, что тратитъ на свои военныя школы Германія, офицеры которой считаются самыми учеными въ мірѣ.

Министерство Путей Сообщенія, дороги котораго эксплуатируются военнымъ вѣдомствомъ, издержало въ 1883 г. 184,020 руб. на постройку таможи въ Батумѣ, тогда какъ таможенный департаментъ израсходовалъ 16,358 р. на карантинную стражу, которая его не касается, а подчинена Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, по смѣтѣ коего поступаютъ карантинные сборы. Министерство Путей Сообщенія, а не городъ Петербургъ, какъ оказывалось, содержитъ Николаевскій мостъ и памятникъ Екатерины II (это тоже, видно, путь сообщенія), но объ исправленіи забора около того же монумента заботилось Министерство Финансовъ, издержавшее на это 48,000 руб. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ видно изъ его смѣты, хлопотало объ изслѣдованіи р. Терекъ (между тѣмъ р. Аму изслѣдовало Министерство Путей Сообщенія), завѣдывало и эксплуатировало, вмѣсто лѣснаго департамента, лѣсами въ Семирѣченской области (расходъ 18,501 р.), производило ученое изслѣдованіе Тибета (—43,580 р.), (какъ будто Тибетъ относится къ „внутреннимъ дѣламъ“ Россіи) и выдавало субсидію въ 2,000 р. историческому журналу „Кіевская Старина“. Оно издержало также 417,283 р. на постройку и ремонтъ православныхъ церквей въ Западномъ краѣ, въ Ригѣ и въ столицахъ, о чемъ скорѣе слѣдовало бы пешихъ Святѣйшему Синоду. Наоборотъ, пособія отъ неурожая жителямъ Кавказа—46,594 р. были сдѣланы не по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ или гражданскаго управленія Закавказскаго края, а по смѣтѣ кредитной канцеляріи; врачебную помощь на Мурманѣ оказывалъ не медицинскій департаментъ, а департаментъ торговли и мануфактуръ, онъ же сдѣлалъ съемку въ Семирѣченской области, хотя съемки у насъ находятся въ вѣдѣніи главнаго штаба. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ истратило 17,548 р. на курьеровъ Государственной Канцеляріи и канцеляріи Комитета Мини-

стровъ. Оно же собирало доходы отъ котиковаго промысла въ Тихомъ океанѣ и отъ каменнаго угля на Сахалинѣ — мѣсто которымъ въ смѣтѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Въ то время, когда Министерство Внутреннихъ Дѣлъ поощряло науки, Министерство Финансовъ поддерживало искусства: департаментъ государственнаго казначейства давалъ субсидію въ 14,500 р. театру въ Гельсингфорсѣ, 3,000 р. рисовальной школѣ въ Одессѣ (рисованіе поощряютъ еще многія другія вѣдомства), 10,000 р. на изданіе „Вѣстника изящныхъ искусствъ“ и 1,042 р. на канцелярію начальника русскихъ художниковъ въ Римѣ (есть у насъ и такой чинъ), департаментъ торговли и мануфактуръ издержалъ 5,000 р. на изданіе сочиненія объ искусствѣ въ Средней Азіи.

Мы уже обращали вниманіе на чрезвычайную медленность законодательныхъ работъ и указывали, что медленность эта въ особенности велика, если по какому либо вопросу требуется заключеніе Министерства Юстиціи, между тѣмъ оказывается, что это министерство имѣетъ особую статью „на ускореніе законодательныхъ работъ вообще“ и въ 1883 г. по ней издержало 32,931 р. Хотя отъ этого кредита осталось неизрасходованными только 49 коп., но законодательныя работы не ускорились.

„Московскія Вѣдомости“, сличая между собою отчеты Государственнаго Контроля, нашли какъ-то, что около десяти милліоновъ рублей совершенно свободныхъ денегъ лежало въ казначействахъ совсѣмъ позабытые и не имѣющіе опредѣленнаго значенія. Сумма эта образовалась потому, что не всѣ вѣдомства истратили тѣ кредиты, которые подлежали имъ къ отпуску въ льготные сроки (4-хъ мѣсячный для обыкновенныхъ кредитовъ и двухлѣтній для строительныхъ) по окончаніи бюджетныхъ годовъ, между тѣмъ, оставшіеся кредиты не были вполнѣ закрыты или не употреблены Министерствомъ Финансовъ на расходы, относимые „на остатки отъ заключенныхъ смѣтъ“. Такое открытіе не составляло сюрприза для тѣхъ, кому знакомы наши финансовыя порядки, но не было пріятно для Государствен-

наго Контроля, который считалъ принятую у насъ систему счетоводства чуть не образцовою, а между тѣмъ допустилъ просмотры на миллионныя суммы, обличаемыя простымъ сложениемъ цифръ въ печатныхъ годовыхъ отчетахъ того же контроля. Но въдѣ еще въ Писаніи сказано: „Врачу, испѣлся самъ“.

Мы убѣждены, что еслибы пересмотрѣть повнимательнѣе депозитныя суммы всѣхъ вѣдомствъ и учреждений, то навѣрное нашлось бы еще нѣсколько „завалящихся“ миллионовъ рублей, которые совершенно свободно могли бы быть зачислены въ государственную казну на пополненіе текущихъ расходовъ. Огромныя суммы лежатъ часто непроизводительно въ ожиданіи кредиторовъ, которые не являются да и не могутъ явиться, ибо претензіи ихъ сгорѣли или уничтожились десятки лѣтъ тому назадъ. Не естественно ли подобные депозиты зачислить въ доходъ, а если, паче чаянія, явятся получатели, то удовлетворять ихъ изъ текущихъ расходовъ.

Другой источникъ, кромѣ депозитовъ, къ запутанности нашего государственнаго счетоводства представляютъ такъ называемыя „спеціальныя средства или капиталы“ разныхъ вѣдомствъ. Существованіе нѣкоторыхъ изъ этихъ средствъ вполне оправдывается. Капиталы для эмеритальныхъ кассъ или для выдачи стипендій не принадлежатъ, на примѣръ, правительству: они только ввѣрены распоряженію правительства третьими лицами. Но затѣмъ есть масса спеціальныхъ капиталовъ, гдѣ и доходы, и расходы находятся совершенно à discrétion правительственныхъ учреждений. Въ одномъ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ имѣется болѣе 40 милл. рублей подобныхъ капиталовъ. Существованіе этихъ спеціальныхъ средствъ ничѣмъ не оправдывается, кромѣ желанія производить изъ нихъ расходы по возможности безконтрольно и не подчиняясь ежегоднымъ урѣзкамъ при разсмотрѣніи государственной росписи.

Хотя смѣты доходовъ и расходовъ большинства нашихъ спеціальныхъ средствъ (именно большинства, а не всѣхъ) представляются въ Государственный Совѣтъ вмѣстѣ съ бюджетомъ, но это одна канцелярская формальность,

ибо эти смѣты почти не провѣряются, такъ какъ состояніе ихъ не можетъ повліять на балансъ государственной росписи, на сокращеніе или увеличеніе дефицита.

Вотъ примѣръ образчика безцѣльнаго существованія спеціального капитала. Въ Министерствѣ Финансовъ имѣется въ процентныхъ бумагахъ слишкомъ 35 милл. рубл. „капитала для постройки казармъ“, пополняемаго особымъ сборомъ; расходовать изъ этого капитала дѣлается очень мало, за невыработкою типа казармъ, и капиталъ растетъ. Самые расходы исключены изъ государственной росписи. Теперь спрашивается, какой смыслъ въ тотъ моментъ, когда правительство, ради дефицита, дѣлаетъ ежегодно долги, беречь подобный многомилліонный капиталъ? Не выгоднѣе ли было бы употребить его для покрытія дефицита, затѣмъ спеціальныя сборы въ капиталъ зачислить въ доходъ, а на постройку казармъ отпускать деньги Военному Министерству по его расходной смѣтѣ. Скажутъ, что на казармы можетъ понадобится потомъ сразу огромная сумма. Очень вѣроятно, но тогда, когда она понадобится, ее и можно занять; но затѣмъ правительству было занимать деньги, когда онѣ у него имѣлись на лицо подъ другимъ названіемъ. Тѣмъ болѣе, что занять со временемъ, быть можетъ, удастся на условіяхъ болѣе выгодныхъ. Подобныхъ спеціальныхъ капиталовъ можно указать десятки. Ихъ всѣ слѣдуетъ взять въ казну, какъ были взяты въ 1869 году „экономическіе“ капиталы разныхъ вѣдомствъ, что дало тогда возможность сократить число обращающихся кредитныхъ билетовъ.

Сколько мы знаемъ, Государственный Контроль еще со времени покойнаго Татаринова велъ войну противъ спеціальныхъ капиталовъ и спеціальныхъ средствъ, но отчасти по духу рутины, отчасти же, какъ мы сказали, изъ желанія освободиться отъ финансовой опеки, всѣ вѣдомства очень любятъ обзаводиться такими собственными деньжонками, которыхъ они полные хозяева, не обращая вниманія, что общая кормилица, матушка казна, страдаетъ малокровіемъ. Какой имѣетъ резонъ, однако, существованіе, положимъ, тюремнаго капитала, изъ котораго полмил-

ліона расходується на тюрмы, когда, кромѣ того, десять милліоновъ рублей ежегодно идетъ на тюремную часть по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ изъ общихъ расходовъ. Существованіе подобныхъ капиталовъ равносильно иммобилизації казенныхъ милліоновъ въ моментъ, когда государственное казначейство нуждается въ свободныхъ ресурсахъ.

Есть также спеціальныя средства, которыхъ существованіе нельзя себѣ и вовсе объяснить. Напримѣръ, „Правительственный Вѣстникъ“ и „Сельскій Вѣстникъ“ существуютъ на спеціальныя средства, изъ которыхъ болѣе 20,000 р. идетъ ежегодно въ пособія чиновникамъ. Можетъ быть это хорошо, но зачѣмъ же тогда множество другихъ казенныхъ журналовъ: „Морской Сборникъ“, „Указатель министерства финансовъ“, „Горный журналъ“ и пр. издаются не на спеціальныя средства, а прямо вносятся въ смѣты соответствующихъ департаментовъ? Между тѣмъ, издавайся „Правительственный Вѣстникъ“ не на спеціальныя средства, государственное казначейство имѣло бы отъ него 20,000 р. чистаго дохода, которые теперь расходятся въ видѣ наградъ, хотя для денежныхъ наградъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ имѣетъ навѣрное въ своей смѣтѣ соответствующій фондъ. Такихъ противорѣчій можно найти безъ конца; но всѣмъ имъ слѣдуетъ положить предѣлъ пересмотромъ спеціальныхъ капиталовъ и средствъ. При подобной ревизіи навѣрное окажется, что каждое министерство хранитъ еще много мелкихъ капиталовъ, о существованіи которыхъ оно само не подозрѣваетъ. Капиталы же эти въ итогѣ составляютъ солидныя суммы.

ГЛАВА XVIII.

Статистика, съѣзды и комиссіи.

Наша официальная статистика: населенія, сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.— Съѣзды.— Комиссіи и изслѣдованія: Податная комиссія, комиссіи графа Валуева и г. Плеве, желѣзнодорожная комиссія графа Баранова.— Земскіе эксперты.

Статистическія данныя далеко не такъ сухи, какъ кажутся инымъ съ перваго взгляда. Эти длинные ряды цифръ сами въ себѣ заключаютъ большой интересъ, независимо отъ неоцѣненныхъ услугъ, оказываемыхъ другимъ наукамъ. Когда статистика прилагается къ различнымъ фактамъ изъ нравственной и матеріальной жизни, то поучительность ея усиливается неожиданностью и убѣдительностью выводовъ. Въ особенности важенъ при этомъ методъ сравнительный, когда сближаются между собою результаты, выведенные изъ наблюденій въ разныхъ странахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ расширеніемъ кругозора, картина оживляется и дѣлается разнообразнѣе. То же относится и къ наблюденіямъ въ нравственной сферѣ.

Въ странѣ съ такимъ бюрократическимъ строемъ какъ Россія, при ничтожествѣ самоуправленія, правительство не можетъ обходиться безъ постоянного пособія статистики. Но нигдѣ, однако, французская пословица *le mieux est l'en-nemi du bien* не оправдывалась блистательнѣе, какъ на нашей официальной статистикѣ. Хотя теперь въ каждой губерніи имѣется губернскій комитетъ, не считая еще разныхъ

земскихъ и городскихъ статистическихъ бюро, а въ столицѣ имѣется совѣтъ и центральный комитетъ, но вся эта организація не дала ожидаемыхъ результатовъ*). Если одинъ бѣглый обзоръ содержанія напечатанныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ матеріаловъ показываетъ, какое значительное приращеніе нашей статистики сдѣлано этимъ изданіемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ приходится убѣдиться, что въ послѣднемъ не проведена одна какая нибудь строгая система. Каждый выпускъ представляетъ нѣчто особое: одинъ — начало громаднаго изслѣдованія, другой — учено-литературное произведеніе, третій — казенная вѣдомость, безъ малѣйшихъ объясненій, и т. д. Конечно, это не лишаетъ каждую часть извѣстнаго значенія, но не мѣшало бы поболѣе симметріи въ расположеніи, а еще болѣе въ хронологіи; а то въ однѣхъ частяхъ свѣдѣнія старыя, въ другихъ — новыя, въ однѣхъ — взятые за одинъ годъ, въ другихъ — за цѣлыя, болѣе или менѣе продолжительные, періоды. Такое разнообразіе ничѣмъ объяснено быть не можетъ и производитъ непріятное впечатлѣніе въ трудахъ, надъ которыми работало много лицъ специально образованныхъ и изданныхъ на казенный счетъ. Статистическіе труды, содержащіе въ себѣ цифровой матеріалъ, должны издаваться въ формахъ, столь ясныхъ и удобныхъ,

*) Та же исторія приключилась и съ изданіемъ „Международной статистики“, предложенной на международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Гаагѣ. Тогда различныя государства раздѣлили между собою трудъ по этому изданію. На долю Россіи достались статистики территорій, горнаго промысла и рѣчнаго судоходства. Для первой подобная работа сдѣлана г. Стрѣльбицинымъ. Для горной статистики хотя всѣ государства издають весьма обстоятельные статистическіе отчеты составленные лучшими спеціалистами, по горной части, но центральный комитетъ, вмѣсто простаго сведенія итоговъ, принялся за эту работу вновь и, побывавши напрасно, сейчасъ же бросилъ. Наконецъ по части рѣчнаго судоходства, хотя и явили пространный трудъ г. Звѣринскаго, но онъ касается только Россіи въ 1872 г., а до общей статистики рѣчнаго судоходства отъ этого труда еще далеко, къ тому же трудъ этотъ требуетъ значительныхъ дополненій. Мы не сомнѣваемся, что при быстротѣ, съ которой шли до сихъ поръ работы по изданію „Международной статистики“, осуществленія прекрасной и вовсе незамысловатой идеи Кетля не дождутся и наши потомки.

чтобы ими безъ затрудненія могли пользоваться и лица, очень мало знающія русскій языкъ.

Въ прежнее время въ Россіи были недостаточныя статистическія свѣдѣнія о населеніи, но все-таки были, народныя переписи хотя страдали неполнотою, но дѣлались аккуратно, по крайней мѣрѣ мы знали хотя минимумъ населенія Россіи. Совсѣмъ не то стало съ преобразованиемъ статистики на новыхъ основаніяхъ. Мы не имѣемъ уже общихъ свѣдѣній о населеніи: переписи не дѣлалось съ 1858 года и даже приблизительно неизвѣстно, сколько въ Россіи жителей. Говорятъ, что ихъ должно быть 120 милліоновъ, но очень возможно, что въ дѣйствительности жителей окажется милліоновъ на десять менѣе или—что вѣроятнѣе—болѣе этой цифры. Разница немаловажная, ибо десять милліоновъ, это—населеніе двухъ государствъ, какъ Бельгія и Голландія, или Швеція и Португалія.

Народныя переписи особаго затрудненія не представляютъ. Если ихъ могли дѣлать Моисей и царь Иродъ, то въ настоящее время подобныя операціи стали гораздо легче. Равнымъ образомъ и относительно Россіи исчисленіе населенія, конечно, значительно облегчилось теперь, благодаря грамотности и устройству путей сообщенія, противъ того, что было при Петрѣ Великомъ и Елисаветѣ Петровнѣ. Почему же, спрашивается, тридцать лѣтъ у насъ не могли приступить къ такой простой операціи?

Отвѣтомъ на это служитъ вышеприведенная французская пословица. Центральнѣйшій статистическій комитетъ находилъ, что повторять перепись въ XIX вѣкѣ съ нехитрыми приѣмами XVIII столѣтія неприлично, а необходимо сдѣлать перепись согласно всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ науки; удовлетвореніе же этимъ требованіямъ для страны, занимающей такое пространство, нелегко и особенно недешево. Извольте тутъ науку прилагать къ киргизамъ, перекочевывающимъ съ мѣста на мѣсто, или къ чукчамъ, которые даже ниже-колымскаго исправника, главнаго представителя цивилизаціи въ краѣ, никогда не видятъ въ глаза.

Что такое примѣненіе статистической науки обойдется недешево, видно изъ того, что, по слухамъ, новая перепись

должна стоить три милліона рублей и жителей предлагали даже обложить гербовымъ сборомъ за дачу о себѣ свѣдѣній, что прямо противорѣчитъ началамъ экономической науки. Налогъ, а наипаче гербовый, есть плата за услугу, оказываемую правительствомъ частному лицу; какую же, спрашивается, оказываетъ услугу администрація каждому лицу въ отдѣльности, занося его въ статистическія вѣдомости? Понятны взысканія за укрывательство, за уклоненіе отъ дачи показаній при переписи, но плата за внесеніе въ списки населенія рѣшительно необъяснима.

Мы не споримъ, что въ настоящее время нельзя сдѣлать переписи, какъ дѣлали ее при Моисей и Елизаветѣ Петровнѣ, но это опять не доказываетъ, что необходимы непремѣнно три милліона рублей. Можетъ быть перепись и не потребовала бы такой суммы. Все зависитъ отъ того, какими идеалами будутъ задаваться. Въ статистикѣ важно не столько разнообразіе, сколько точность свѣдѣній: лучше имѣть пять-шесть данныхъ безусловно точныхъ, нежели набрать массу цифръ невѣрныхъ и неполныхъ, изъ которыхъ, при всѣхъ теоретическихъ поправкахъ погрѣшностей, никакихъ выводовъ сдѣлать нельзя. Для общенародной переписи именно должна быть скромная программа, во-первыхъ, по невозможности порядочно исполнить программу болѣе широкую для многихъ мѣстностей Имперіи; во-вторыхъ, потому что обработка милліардовъ цифръ потребуетъ огромнаго труда, долгихъ лѣтъ и, запоздавъ значительно выходомъ въ свѣтъ, въ сущности принесетъ очень немного пользы, скорѣе даже вредъ, потому что задержитъ періодическое повтореніе переписи.

Въ маломъ видѣ это можно провѣрить на переписи Петербурга. Дѣлая ее, хотѣли отличиться болѣею полнотою и разнообразіемъ статистическихъ выводовъ, но при этомъ упустили изъ виду, что всякаго рода счетныя операціи въ средѣ мало развитого, малограмотнаго и въ придачу весьма подвижнаго населенія, должны встрѣтить почти непреодолимые затрудненія. Мы знаемъ очень образованныхъ людей, которые долго вертѣли въ рукахъ разосланную вопросную вѣдомость, величиною съ простыню, и длинное

къ ней объясненіе, прежде чѣмъ въ силахъ были вписать всѣ требовавшіеся отвѣты, и то по справкѣ съ разными документами. Каково же было давать отвѣты безграмотнымъ хозяевамъ извозчичьихъ дворовъ, квартиръ для рабочаго населенія, мелкихъ торговыхъ заведеній и т. п. учреждений, которыхъ въ Петербургѣ тысячи. Въ статистикѣ весьма важна своевременная обработка и публикація собраннаго матеріала. Свѣдѣнія устарѣвшія или съ пробѣлами, дополненными интерполяціей, имѣютъ весьма незначительную цѣнность. Одно вычисленіе вѣроятныхъ погрѣшностей занимаетъ продолжительное время. Между тѣмъ, производившіе перепись, сами создали себѣ затрудненіе, задавая петербургскому населенію вопросы ненужные или третьестепенной важности, или, наконецъ, такіе, которые было гораздо легче получить другимъ путемъ.

Прежде всего поражали въ вопросной вѣдомости своею бесполезностью вопросы о томъ: есть ли въ квартирѣ коридоры? Есть ли въ квартирѣ ванны? Какіе поучительные выводы для статистики можно сдѣлать изъ подобныхъ данныхъ? Особою подробностью отличались вопросы объ отопленіи. Непонятно даже, зачѣмъ собираются такіа подробности въ статистикѣ населенія. Если для исчисленія размѣра потребленія въ столицѣ топлива, то это гораздо проще можно узнать справкою въ Министерствѣ Путей Сообщенія о подвозѣ къ Петербургу по водянымъ и желѣзнымъ путямъ дровъ и угля.

Замѣчательно, что въ то время, когда всѣ системы отопленія должны были въ точности обозначаться, вопросная вѣдомость по статистикѣ образованія, болѣе кажется важнаго, нежели устройство печныхъ очаговъ, интересовалась знать только, умѣетъ ли отвѣтчикъ читать, а умѣетъ ли писать и вообще какого рода воспитаніе онъ получилъ, — не спрашивалось. А между тѣмъ вопросную вѣдомость сочинялъ профессоръ университета. Рядомъ съ такою неполнотою статистики образованія требовались мельчайшія подробности о статистикѣ уродливостей и физическихъ недостатковъ населенія, слѣдовало, напр., показывать безъ одной ли руки, или безъ обѣихъ субъектъ, даже съ какого именно

возраста онъ ослѣплъ! Не менѣе любопытно бы знать, съ какого возраста онъ „прозрѣлъ“, т. е. окончилъ курсъ ученія.

Относительно языка требовалось указаніе лишь на родной языкъ, хотя при дробности вопросовъ слѣдовало бы спрашивать о знаніи другихъ языковъ, что дало бы любопытный матеріалъ для выводовъ; во всякомъ случаѣ подобный вопросъ былъ бы полезенъ, чѣмъ спрашивать обязательно, какое мѣсто занимаетъ отвѣтчикъ въ государственной службѣ. Служебную статистику гораздо легче можно составить по официальному адресъ-календарю. Слѣдуетъ признать излишнею роскошью и показаніе родственныхъ отношеній каждаго члена семьи, живущей въ квартирѣ, къ главѣ семьи. Выводы изъ подобныхъ данныхъ собственно для городского населенія имѣютъ чисто второстепенное значеніе, между тѣмъ пополненіе этой графы требовало не мало времени. Излишенъ былъ и вопросъ: застраховано ли имущество, въ какомъ обществѣ и въ какую сумму? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ общихъ готовыхъ итогахъ гораздо проще получить справкою въ управленіяхъ страховыхъ обществъ. Равнымъ образомъ, отвѣты на всѣ вопросы о водопроводахъ и газовомъ освѣщеніи гораздо проще и скорѣе можно получать отъ обществъ водопроводовъ и газовыхъ, нежели распросомъ населенія. Къ тому же, отвѣты послѣднихъ будутъ точнѣе, нежели итоги цифръ, половина которыхъ навѣрное будетъ перевраана. Совсѣмъ уже бесполезенъ вопросъ о томъ, сколько платится страховой преміи? Гг. городскимъ статистикамъ неизвѣстно, что страховыя преміи взимаются по извѣстнымъ заранее установленнымъ таксамъ.

Городская управа издала нѣсколько огромныхъ томовъ результатовъ вышеозначенной переписи. Каждымъ томомъ можно убить быка, если сильно ударить его по лбу. Мы съ недоумѣніемъ разсматривали изданные управою безконечныя столбцы цифръ съ безчисленными изъ нихъ комбинаціями, и не могли сообразить, кто и когда будетъ дѣлать изъ этихъ цифръ практическое примѣненіе. Мы глубоко убѣждены, что никогда эти томы не только читаться, но

и развертываться не будутъ, а спокойно сгніють въ подвалахъ Думы или съѣдятся крысами въ архивахъ тѣхъ учреждений, куда они будутъ разосланы. Между тѣмъ, тѣ же данныя, конденсированныя толково въ одномъ томѣ различныхъ размѣровъ и убористаго приѣта, могли бы сдѣлаться настольною книгой каждаго интересующагося экономическою жизнью Петербурга. Тотъ же упрекъ слѣдуетъ сдѣлать и земскимъ статистическимъ изданіямъ: они печатали чуть не поименно списки мужиковъ и для отдѣльных уѣздовъ нагромодили десятки томовъ.

Статистическіе труды, чтобъ приносить пользу, не должны представлять только обширный матеріалъ въ сыромъ видѣ; такой матеріалъ интересенъ двумъ-тремъ спеціалистамъ-ислѣдователямъ, для которыхъ не составитъ большого труда обратиться и къ первоначальнымъ источникамъ. Для публики, не только образованной, но и ученой, статистическія изданія должны быть сколь возможно систематизированы и сжаты по объему. Въ томъ-то и состоитъ искусство статистика, чтобъ изъ милліона цифръ создать ясную картину того предмета, который описываешь. Безъ этого статистика обращается въ какое-то чудовищное нагроможденіе вѣдомостей, таблицъ и цифръ. Такая статистика не только не приноситъ пользы, но, вводя въ заблужденіе, можетъ принести часто и вредъ.

Правда, тотъ же внушительный объемъ въ статистическихъ изданіяхъ замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ; но примѣромъ противнаго можетъ служить Англія, гдѣ статистическія изданія являются всегда въ удобочитаемомъ видѣ. Заграницею можно еще оправдываться тѣмъ, что правительство издаетъ только сырые матеріалы, а частные статистики и издатели сконцентрировываютъ ихъ въ разныя книги, изданія, ежегодники и т. п. Въ Россіи нѣтъ и этой отговорки; потому-то любопытнѣйшіе матеріалы оставляются у насъ безъ вниманія, и казенныя изданія не находятъ себѣ покупателей и читателей.

Если для переписи одного города понадобилось изданіе подобнаго количества объемистыхъ фоліантовъ, то съ ужасомъ можно подумать, какую бібліотеку придется отпеча-

татъ для обработки результатовъ переписи всей Россіи. Еслибы мы могли еще удивлять Европу блестящимъ положеніемъ у насъ статистической науки, а то вѣдь все равно изданія на русскомъ языкѣ для европейской печати такъ же чужды, какъ на китайскомъ или грузинскомъ.

У насъ уже издревле каждое вѣдомство старалось жить особою жизнью и собирать отъ своихъ подчиненныхъ свѣдѣнія, которыя безъ труда можно бы имѣть, справившись въ лежащемъ по сосѣдству департаментѣ. Въ результатѣ получается масса излишней переписки, а частныя лица, которымъ надоѣдаютъ непрерывными запросами, и особенно полиція, къ которой въ концѣ концовъ всѣ эти запросы обращаются, стараются отвѣчать кое-какъ. Поэтому-то почти всѣ наши спеціальныя officialныя статистики и отличаются массою цифръ самаго сомнительнаго достоинства.

Извѣстный специалистъ по судебной медицинѣ, лейбъ-медикъ І. В. Бертенсонъ; изслѣдуя положеніе у насъ медицинско-санитарной статистики, нашелъ, что статистическій матеріалъ по этой части, представляемый врачами въ сыромъ, такъ сказать, видѣ, страдаетъ значительною неполнотою и несвоевременностью, а потому не можетъ служить основаніемъ къ непогрѣшительнымъ медико-статистическимъ выводамъ, на основаніи которыхъ получалась бы возможность вполнѣ ознакомиться съ санитарными условіями губерній и явленіями общественной жизни.

Подъ статистикой понимаютъ или простое исчисленіе различныхъ явленій, или соотвѣтствующее систематическое собраніе фактовъ, служащихъ основаніемъ къ качественной оцѣнкѣ цифровыхъ данныхъ. Для медицинской статистики послѣдній способъ безусловно необходимъ. Для этого слѣдовало бы имѣть, однако, не только цифры о числѣ больныхъ и о причинахъ заболѣваній, но какую либо увѣренность въ правильной регистраціи болѣзней, или, по крайней мѣрѣ, хотя бы фактическое число смертныхъ случаевъ, съ обозначеніемъ причины смерти. Къ сожалѣнію, при настоящихъ устарѣлыхъ условіяхъ организаціи врачебной части въ Имперіи, при отсутствіи какихъ либо, соотвѣтствующихъ потребностямъ времени, врачебныхъ узаконеній, при

неопредѣленныхъ отношенійхъ, въ которыхъ находятся врачи различныхъ вѣдомствъ къ центральнымъ врачевнымъ учрежденіямъ, при розни во взглядахъ на санитарное дѣло и, къ тому же, при какомъ-то искусственно созданномъ антагонизмѣ между врачевными органами различныхъ вѣдомствъ, — не представляется возможнымъ направлять общественную дѣятельность врачей въ смыслѣ, требуемомъ санитарными нуждами огромнаго населенія, не только всего государства или губерніи, но даже и любого уѣзда.

При этомъ для какихъ либо выводовъ въ отношеніи санитарныхъ вопросовъ первой важности, мы встрѣчаемся съ пробѣлами даже въ тѣхъ скудныхъ статистическихъ свѣдѣніяхъ, которыя собираются офиціальнымъ путемъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій д-ръ Гюбнеръ иронически указывалъ на Шлиссельбургскій уѣздъ, какъ на обѣтованную землю, гдѣ смертность въ 1876 г. представлялась въ пять разъ меньше противъ того, какъ она обыкновенно бываетъ въ благоустроенныхъ здоровыхъ городахъ. Всякому понятно, кто знакомъ съ значеніемъ медицинской статистики и съ условіями собиранія статистическихъ свѣдѣній у насъ, что представить цифры, которыя указывали бы на относительно частое заболѣваніе и смертность въ зависимости отъ характера болѣзней и отъ другихъ причинъ, въ цѣломъ населеніи и въ отдѣльныхъ классахъ его, вліяющихъ на здоровье, сообразно условіямъ общественной жизни, занятій и быта народонаселенія, невозможно. Это составляетъ, пока, идеальный трудъ, для котораго не существуетъ въ Россіи достаточно данныхъ, въ особенности непогрѣшительныхъ, не существуетъ даже должной номенклатуры болѣзней.

Въ 1876 году, въ засѣданіяхъ московской губернской комиссіи обсуждался вопросъ о томъ, какая номенклатура болѣзней должна быть принята въ земской медицинской практикѣ, какъ наиболѣе раціональная для собиранія свѣдѣній о болѣзненности населенія въ цѣляхъ санитарнаго изслѣдованія губерніи? При этомъ было признано, что всѣ извѣстныя номенклатуры, въ практическомъ отношеніи, представляютъ весьма важныя неудобства, препятствующія

правильной регистраціи болѣзней и даютъ поводъ къ болѣшимъ недоразумѣніямъ при составленіи свода свѣдѣній. Плодомъ трудовъ этой комиссіи явились 272 названія болѣзней для земскихъ врачей и 160 названій, вошедшихъ въ краткую номенклатуру болѣзней для земскихъ фельдшеровъ!

Долгое время особенно плохо была поставлена у насъ и сельскохозяйственная статистика, хотя ею занималось нѣсколько вѣдомствъ, даже Министерствомъ Финансовъ поручено было казеннымъ палатамъ доставлять департаменту окладныхъ сборовъ свѣдѣнія о видахъ на урожай хлѣбовъ и травъ по уѣздамъ. Свѣдѣнія эти будто были необходимы для того, чтобъ можно было заранѣе предвидѣть, насколько усиѣннаго сбора податей можно ожидать въ данный годъ, а также для наблюденія за тѣмъ, чтобъ и въ дѣйствительности поступленіе это соотвѣтствовало платежнымъ средствамъ сельскаго населенія. Эти свѣдѣнія казенныя палаты обязывались собирать чрезъ посредство своихъ чиновниковъ, командируемыхъ для провѣрки торговли, и казначеевъ, которые должны разспрашивать объ урожаяхъ прибывающихъ въ казначейства для вноса сборовъ сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей, волостныхъ старшинъ, арендаторовъ имѣній и другихъ сельскихъ обывателей.

Мы весьма сомнѣваемся, чтобы разговоры нашихъ казначеевъ съ сельскими старостами принесли бы какую бы то ни было пользу статистикѣ. Дѣло казначеевъ считать и не просчитывать казенныя деньги и глядѣть, чтобы не было подкоповъ подъ казначейства, а не заниматься разговорами, да и подобные разговоры не имѣютъ значенія, потому что въ статистическихъ данныхъ только извѣстный итогъ явленій даетъ возможность сдѣлать какой либо выводъ, отдѣльныя же субъективныя заявленія не имѣютъ ровно никакого значенія. Казначейамъ же, заваленнымъ своею работою, да и безъ малѣйшей подготовки къ оцѣнкѣ сельско-хозяйственныхъ явленій, рѣшительно нѣтъ времени обобщать и провѣрять собранныя при помощи „живого слова“ данныя.

Между тѣмъ у насъ имѣется департаментъ земледѣлія

Министерства Государственных Имуществъ, специально занимающійся статистикою земледѣлія, и департаментъ хозяйственный Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на обязанности котораго лежитъ народное продовольствіе и который обязанъ имѣть точныя свѣдѣнія объ урожаяхъ; такъ не проще ли департаменту окладныхъ сборовъ было получать копіи со свѣдѣній этихъ двухъ компетентныхъ учреждений, нежели обращаться своихъ казначеевъ въ импровизированныхъ статистиковъ.

Въ настоящее время, благодаря инициативѣ г. Ермолова, сельско-хозяйственная статистика у насъ организована въ довольно приличномъ видѣ по американскому образцу и печатаемые три раза въ годъ отчеты по свѣдѣніямъ, полученнымъ непосредственно отъ сельскихъ хозяевъ, имѣютъ дѣйствительную цѣнность.

Недурно у насъ была организована и юридическая статистика г. Утинымъ, но, къ сожалѣнію, ея отчеты страшно запаздываютъ въ печати.

Необходимость статистическихъ свѣдѣній о фабрикахъ и заводахъ признана была въ русскомъ законодательствѣ чуть ли не ранѣе, чѣмъ за границею, но въ то время, когда на Западѣ дѣло это организовано давно какъ слѣдуетъ, у насъ промышленная статистика, кромѣ статистики горной и производствъ, обложенныхъ акцизомъ, можно сказать, не существуетъ. Ибо нельзя же назвать статистикой безпорядочныя, не полныя, а подчасъ и безграмотныя вѣдомости, собираемыя становыми приставами и пересылаемыя безъ провѣрки губернаторами въ департаментъ торговли и мануфактуръ *). Показанія фабрикантовъ о числѣ рабочихъ и суммѣ производства не всегда бываютъ вѣрны или по недостатку вниманія къ дѣлу, или по непониманію вопросовъ, или, наконецъ, по болзни мнимыхъ фискальныхъ цѣлей. Обработка свѣдѣній ограничивалась тѣмъ, что кто либо изъ гг. чиновниковъ составлялъ изъ

*) Образчикомъ нашей промышленной статистики можетъ служить донесеніе полиціи нѣкого города, что одинъ заводчикъ *выдѣлываетъ кожу мѣстныхъ жителей.*

вѣдомостей небольшую табличку общихъ итоговъ, складывая вмѣстѣ свѣдѣнія вѣрныя съ завѣдомо неточными и невѣроятными.

Департаментъ не имѣлъ у себя статистическаго бюро, т. е. лицъ, которыя могли бы своевременно PROVĚRЯТЬ вѣдомости, возвращать ихъ для исправленія, или дополнять вѣдомости изъ другихъ источниковъ, исправляя показанія однихъ показаніями другихъ — какъ поступалъ, на примѣръ, горный ученый комитетъ для горной статистики. Поэтому случалось, что завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія получались изъ года въ годъ и чиновники только утѣшали себя тѣмъ, что и въ невѣрности этихъ показаній есть извѣстная постоянная пропорція, какъ бы *коэффициентъ еррора*, вычисленіемъ котораго можно добиться истины. Для статистики промышленности интереса же всего знать количество производства. Только подобныя свѣдѣнія могутъ быть подвергнуты критикѣ и принести практическую пользу. Разработка ихъ затруднительна и требуетъ отличнаго знанія технологіи, между тѣмъ у насъ лица, занимавшіяся промышленною статистикою, пренебрегали даже элементарными техническими знаніями.

Къ числу трудностей, которыя приходится побѣждать еще промышленной статистикѣ, слѣдуетъ указать и на невозможность во многихъ случаяхъ точнаго разграниченія фабрично-заводскаго производства отъ промышленности сельско-хозяйственной и ремесленной, почему общіе итоги легко могутъ быть увеличены или уменьшены по произволу. Между тѣмъ возможны ли какія либо сужденія о тарифахъ, о промышленномъ законодательствѣ и т. п., если нѣтъ даже приблизительно вѣрныхъ свѣдѣній, показывающихъ положеніе и періодическія измѣненія различныхъ отраслей нашей промышленности?

Будь у насъ хорошая фабричная статистика, развѣ можно было такъ долго игнорировать фактъ, что, подъ вліяніемъ повышенія пошлинъ въ 1876 году, у насъ развилось не внутреннее производство, а перенеслись черезъ прусскую границу десятки нѣмецкихъ фабрикъ, переработывавшихъ иностранное сырье иностранными рабочими, на

иностраннымъ топливъ и заставлявшихъ платить русскихъ потребителей въ три-дорога за свои произведенія!

Устройство хорошаго статистическаго бюро при департаментѣ торговли и мануфактуръ было вовсе незатруднительно. И г. Бунге положилъ ему начало, организовавъ для того особое отдѣленіе. Къ сожалѣнію, излишнее усердіе исполнителей повредило дѣлу.

Въ 1882 г., въ подражаніе Западной Европѣ, былъ изданъ у насъ законъ въ огражденіе труда малолѣтнихъ; законъ этотъ оставался мертвою буквою до 1884 года, когда онъ былъ видоизмѣненъ и учреждена фабричная инспекція для наблюденія за исполненіемъ правилъ. Инспекція эта, по примѣру г. Янжула, утонула въ статистическомъ матеріалѣ. Департаментомъ торговли и мануфактуръ напечатано было нѣсколько томовъ, составлявшихъ отчеты фабричныхъ инспекторовъ за 1885 годъ; каждый томъ заключалъ по отчету одного инспектора и, судя по этой пропорціи, черезъ нѣсколько лѣтъ не хватило бы человѣческой жизни только на то, чтобы ознакомиться съ одними рапортами фабричной инспекціи.

Такое изобиліе отчетности зависѣло, конечно, отъ того, что по новости дѣла на должности инспекторовъ попали люди, хотя весьма почтенные, но диллетанты изъ профессоровъ, докторовъ и т. п., для которыхъ всѣ впечатлѣнія на фабрикахъ были новы; инспектора поражались тѣмъ, что весьма само по себѣ естественно, отмѣчали какъ удивительныя явленія всѣмъ извѣстныя вещи и по поводу ихъ пускались въ длинныя сантиментально-гуманитарныя разсужденія на тему: „какъ бы хорошо было, еслибы и т. д.“. Такимъ образомъ отчеты обращались въ путевыя впечатлѣнія членовъ Пиквикскаго клуба. Становые пристава и исправники, сталкиваясь со всѣми явленіями русской народной жизни, могли бы написать удивительныя воспоминанія, но что случилось бы съ полиціей, еслибы каждый становой и исправникъ обязанъ былъ сочинять ежегодно по тому воспоминаній. Къ счастью, эти публикаціи не повторились.

Статистика нашей внѣшней торговли сдѣлала за послѣд-

нѣ годы несомнѣнные успѣхи, благодаря замѣчательному трудолюбію и знанію дѣла завѣдывающаго ею г. Штейна. Конечно, цифры этой статистики во многихъ случаяхъ далеки отъ точности, но этотъ недостатокъ общъ трудамъ подобнаго рода во всѣхъ государствахъ и лежитъ въ корнѣ вещей — въ невозможности заставить тысячи людей раскрывать свои торговыя операціи съ полною откровенностью и подробностью. Во всякомъ случаѣ, собираемый и публикуемый таможеннымъ вѣдомствомъ матеріалъ совершенно достаточенъ для той цѣли, для которой онъ собирается. Самое важное, чтобы опубликованіе его не запаздывало, а въ этомъ случаѣ надобно признать, что наша таможенная статистика опережаетъ всѣ другіе официальные отчеты въ Россіи.

Въ настоящее время Германія, Австро-Венгрія, Италія, Франція и Бельгія признали возможнымъ отказаться отъ собиранія свѣдѣній о цѣнахъ товаровъ отъ провозителей, а взамѣнъ того установили особыя системы собиранія такъ называемыхъ торговыхъ цѣнъ. Для этого ежегодно приглашаются въ особыя комиссіи главнѣйшіе представители различныхъ отраслей торговли, которые, въ качествѣ экспертовъ, выводятъ среднія цѣны товаровъ для статистики внѣшней торговли. Оцѣнки эти выражаютъ среднія цѣны товаровъ на границѣ государства, т. е. для привозныхъ товаровъ — цѣну ихъ до уплаты ввозныхъ таможенныхъ пошлинъ и до доставки товара отъ границы къ мѣсту назначенія внутри страны; а для вывозимыхъ товаровъ — цѣну по доставкѣ на границу и со включеніемъ вывозной таможенной пошлины. Этотъ способъ, хотя и не даетъ безусловно точныхъ результатовъ, но, при его помощи, можно подойти ближе къ истинѣ, чѣмъ путемъ собиранія показаній отъ товаропровозителей.

Въ виду этого, департаментъ таможенныхъ сборовъ и сдѣлалъ попытку примѣненія способа торговыхъ цѣнъ къ статистикѣ внѣшней торговли Россіи, съ нѣкоторыми, однако, отступленіями отъ порядка, принятаго въ иностранныхъ государствахъ, а именно: при значительномъ протяженіи государственной границы Россіи и въ виду

существованія большой разницы въ цѣнахъ на различныхъ ея окраинахъ, департаментъ не нашелъ возможнымъ принимать одну цѣну товаровъ безразлично для всѣхъ частей границы, а полагалъ, что необходима особая оцѣнка товаровъ для каждаго изъ подраздѣленій государственной границы. Одобрѣя попытку департамента таможенныхъ сборовъ улучшить свою статистику, мы должны замѣтить, что полная успѣшность результатовъ этихъ попытокъ сомнительна. Извѣстно, что торговые цѣны существуютъ лишь на товары, притомъ различнаго сорта, въ „Обзорѣ внѣшней торговли“ же показываются не товары, а тарифныя статьи, соединяющія иногда товары весьма различной цѣнности. Затѣмъ какія могутъ быть торговые цѣны для машинъ, галантерейныхъ издѣлій, растений и множества другихъ товаровъ? Такимъ образомъ безъ купеческихъ и экспедиторскихъ показаній совершенно обойтись для статистики нельзя, а ошибки въ иныхъ случаяхъ будутъ менѣе, чѣмъ ошибки отъ неточнаго исчисленія торговыхъ цѣнъ. Какъ трудно имѣть истинныя свѣдѣнія о цѣнахъ, доказывается системою собиранія у насъ и такъ называемыхъ „справочныхъ цѣнъ“, всегда далекихъ отъ истины. Эти цѣны весьма важный матеріалъ между тѣмъ для статистики внутренней торговли.

Кромѣ собиранія статистическаго матеріала въ видѣ безчисленныхъ отчетовъ, правительство знакомится съ нуждами разныхъ частей Имперіи при помощи мѣстныхъ изслѣдованій (*enquêtes*), стѣздовъ и особыхъ комиссій съ участіемъ разнаго рода представителей мѣстныхъ интересовъ (собранія свѣдущихъ людей). Эти комиссіи не нужно смѣшивать съ безчисленными чисто чиновничьими комиссіями при разныхъ министерствахъ и другихъ учрежденіяхъ, между которыми особенно прославилась такъ называемая Податная комиссія, издавшая болѣе 40 томовъ своихъ трудовъ, гдѣ не мало разсужденій о налогахъ въ древней Индіи и Финикіи, но которая за 25 лѣтъ выработала лишь два или три второстепенныхъ проекта, въ томъ числѣ и проектъ новаго гербоваго устава, сразу оказавшіеся въ практикѣ не пригодными.

Съѣзды многочисленны и разнообразны; они распадаются на двѣ категоріи: на ученые, между которыми для администраціи важны съѣзды врачей, и практическіе-торгово-промышленные съѣзды. Послѣдніе съѣзды собираются обыкновенно во время выставокъ или съ цѣлью агитировать въ какомъ нибудь смыслѣ для направленія правительственныхъ мѣропріятій.

Мысль воспользоваться для устройства съѣздовъ выставками практиковалась уже: въ 1870 году, въ Петербургѣ, во время Всероссійской выставки, въ 1872 году, въ Москвѣ, во время Политехнической выставки, въ 1883 г., въ Москвѣ, во время Промышленно-художественной выставки. Кромѣ того происходили съѣздъ машиностроителей въ 1875 г., желѣзныхъ заводчиковъ въ 1885 г., льноводовъ, крахмальныхъ заводчиковъ и т. д. Всѣ эти съѣзды официально можно было признать состоявшимися: засѣданія ихъ происходили въ определенномъ заранѣе порядкѣ и вырабатывались разныя резолюціи, которыя потомъ поступили на заключеніе подлежащихъ министерствъ. Тѣмъ, однако, дѣло по большей части и кончалось, существенныхъ послѣдствій съѣзды имѣли немного. Такой ничтожный результатъ можно объяснить двояко: во-первыхъ, составомъ съѣздовъ, во-вторыхъ, ихъ организаціей.

Обыкновенно, если во главѣ съѣзда становится какая либо высокая особа, то на открытіе съѣзда является много участниковъ, но съ перваго же засѣданія, когда рѣчь заходитъ о дѣлѣ, число членовъ сокращается до minimum'a, даже считая за членовъ съѣзда лицъ, не имѣя никакой фабрики, „интересующихся отечественною промышленностью“. Пренія вращаются на общихъ мѣстахъ, которымъ мѣсто болѣе въ газетныхъ статьяхъ, и соотвѣтственно съ этимъ вырабатываются резолюціи, очень краткія и красивыя, но осуществленіе которыхъ требуетъ подробной разработки, которой никогда не дожидаться отъ департаментскихъ чиновниковъ.

Съѣздъ, положимъ, постановляетъ резолюцію, что „въ интересахъ нашего торговаго флота желательна поощреніе судоходства въ Ледовитомъ океанѣ“. Прекрасная мысль,

но что же дѣлать, когда совершенно убѣжденное въ такой же мысли наше правительство въ теченіе двухсотъ лѣтъ принимало десятки мѣръ, которыя одинаково остались безъ результата. Чѣмъ новая подобная резолюція подвинетъ дѣло? Полезнѣе было бы между тѣмъ указать на отмѣну какихъ либо хотя и очень мелочныхъ стѣсненій, уничтоженіе которыхъ хотя бы на 1 проц. подвинуло впередъ судоходство!

Пустословная ширина резолюцій зависитъ отъ дурно выработанныхъ предварительныхъ программъ съѣзда. У насъ любятъ всегда хватать широко и ставить по возможности крупные вопросы, при полномъ убѣжденіи въ недостаточности матеріаловъ для ихъ разрѣшенія. Не то что собранію гг. русскихъ технологовъ и купцовъ въ три недѣли, но и англійскому парламенту въ три года не справиться бы съ половиною вопросовъ, подлежащихъ обсужденію съѣздовъ. Какой имѣло, напримѣръ, смыслъ предлагать съѣзду фабрикантовъ вопросъ въ родѣ: „какая система таможенныхъ пошлинъ по внѣшней торговлѣ наиболѣе желательна для русской промышленности?“ Вѣдь это вопросъ всей науки политической экономіи, надъ которой триста лѣтъ ломаютъ головы экономисты и государственные люди. Какая будетъ польза, если съѣздъ порѣшитъ, положимъ, большинствомъ 65-ти голосовъ противъ 18-ти, что для насъ желательна система свободной торговли. Неужели такое рѣшеніе сколько нибудь разъяснитъ вопросъ?

Еще наивнѣе ставить вопросы, предложенные, напримѣръ, московскому съѣзду 1883 г.: „какія мѣры могли бы способствовать скорѣйшему водворенію металлическаго обращенія въ Россіи“? или „какая денежная единица и монетная система наиболѣе соотвѣтствуетъ народной денежной силѣ (1), экономическому развитію страны и цѣнности главныхъ предметовъ народной производительности“? Не дурень также вопросъ: „какого рода мѣры могутъ быть приняты, чтобы желѣзныя дороги удовлетворяли потребностямъ торговли и промышленности“? Въ этой программѣ недоставало только вопроса: „какія мѣры необходимы, чтобы Россія была такъ же свободна, какъ Соединенные Штаты, богата, какъ

Англія, образована какъ Франція, трудолюбива какъ Германия и имѣла такой изящный вкусъ какъ Италія“?

Понятно, что на вопросы, поставленные въ подобной формѣ, и отвѣты могутъ быть только въ очень общихъ, неопредѣленныхъ фразяхъ, причемъ эти фразы, исходя изъ собранія лицъ, представляющихъ, и то не по уполномочию, а по собственной охотѣ, интересы небольшихъ кружковъ купцовъ и фабрикантовъ, не могутъ имѣть какого либо существеннаго значенія. Заявленія какого нибудь московскаго чайнаго торговца, что консулъ въ Фучао или Ургѣ не исполняетъ своей обязанности, или одесскаго мыловара, что таможенная пошлина въ Болгаріи на мыло стѣснительна, имѣютъ свою цѣну, но какой вѣсь получаетъ резолюція, если эти лица порѣшаютъ, что необходимо, напримѣръ, выкупить всѣ наши желѣзныя дороги въ казну? Нѣкоторые вопросы редактируются такъ, что представляютъ не вопросъ, а уже готовую резолюцію, т. е. какъ бы отвѣтъ на вопросъ, Авторы программъ подсказываютъ съѣзду его рѣшенія. При такихъ порядкахъ изъ съѣздовъ въ результатъ получается много однообразной и скучной теоретической болтовни и очень мало практическихъ указаній.

Затѣмъ у насъ никогда не съумѣютъ для устройства какого нибудь общаго дѣла поладить какъ слѣдуетъ первоначально, и нигдѣ, какъ у насъ, съ такою необыкновенною легкостью не рѣшаются выпрашивать казенныхъ денегъ на предметы, которые по существу своему должны всецѣло принадлежать частной инициативѣ. Въ Москвѣ, по случаю выставки 1883 г., происходили два съѣзда: одинъ—собранный техническимъ обществомъ, другой—обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Какая была цѣль собирать второй съѣздъ изъ тѣхъ же лицъ, въ томъ же городѣ, два мѣсяца спустя? Если полагали, что резолюціи первоначальнаго съѣзда не будутъ настоящими желаніями нашего купечества и фабрикантовъ, а таковыя явятся только на второмъ съѣздѣ послѣ вторичнаго обсужденія вопросовъ, то тогда, значитъ, первый съѣздъ былъ не нуженъ. Слѣдовало также принять во вниманіе, что если фабриканты и торговцы пожелали бы участвовать на обоихъ съѣздахъ, то

имъ почти все лѣто пришлось бы безвыѣздно оставаться въ Москвѣ. Возможно ли было это въ разгаръ работъ, накануне Нижегородской ярмарки? Не проще ли было обоимъ обществамъ соединиться, выработать одну общую толковую программу и созвать одинъ съѣздъ. Участіе технического общества было бы тутъ тѣмъ полезнѣе, что оно привлекало на съѣздъ разныхъ специалистовъ-техниковъ, голоса которыхъ полезно выслушать при обсужденіи экономическихъ вопросовъ.

Еще менѣе извинительно обращеніе къ правительству съ выпрашиваніемъ денегъ. Правительство и безъ съѣздовъ имѣетъ возможность узнать нужды промышленности и торговли: въ его рукахъ статистика, земства, биржевые и мануфактурные комитеты; оно можетъ, наконецъ, созвать комиссіи свѣдущихъ людей. Если купцы и фабриканты находятъ все это недостаточнымъ и желаютъ собраться по собственной инициативѣ въ частномъ совѣщаніи и, потолковавъ о своихъ дѣлахъ, представить правительству петиціи—тѣмъ лучше; но купцы и фабриканты должны дѣлать это на свой собственный счетъ. Нельзя одновременно хлопотать о развитіи промышленности и торговли и нищенствовать. А какъ назвать иначе фактъ вымогательства казенныхъ денегъ на оплату расходовъ по подобнымъ частнымъ совѣщаніямъ? Очень характерно, что русскіе торговцы и фабриканты, ворочающіе сотнями милліоновъ и не останавливающіеся передъ затратами въ десятки тысячъ рублей на выдачу „промессы“ и на „проведеніе дѣлъ“, не въ состояніи найти нѣсколько рублей, чтобы заплатить за освѣщеніе въ засѣданіяхъ съѣзда, секретарямъ, или за напечатаніе стенограммъ своихъ преній, а вынуждены просить на это субсидій изъ казны!

Общіе желѣзнодорожные съѣзды въ ихъ нынѣшней организаціи учрежденіе очень потерявшее значеніе. Ни одного серьезнаго постановленія эти съѣзды осуществить не могли, и Министерство Путей Сообщенія еще въ 1877 г. сочло бесполезнымъ назначать въ эти съѣзды отъ себя предсѣдателя. Въ общіе желѣзнодорожные съѣзды входъ представителямъ печати строго воспрещенъ, а подъ видомъ пред-

ставителей торговли туда приглашаютъ изрѣдка по два или по три лица, служащихъ предметомъ остроумничанія для разжирѣвшихъ на казенныхъ хлѣбахъ желѣзнодорожниковъ. Только съ подчиненіемъ тарифовъ желѣзныхъ дорогъ правительственному руководительству желѣзно-дорожные стѣзды ожили и общають дѣлать оппозицію проектамъ г. Битте, направленнымъ къ полному подчиненію желѣзныхъ дорогъ Министерству Финансовъ.

Между комиссіями смѣшаннаго характера наиболѣе занимали и волновали наше общественное мнѣніе комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства, подъ предсѣдательствомъ графа Валуева и г. Плеве, окружные сельскохозяйственные стѣзды, проектированные свѣтлѣйшимъ княз. Ливеномъ, желѣзнодорожная комиссія графа Баранова и совѣщанія свѣдущихъ людей, собранныя графомъ Игнатьевымъ. Не мало было разговоровъ еще о двухъ комиссіяхъ: по устройству мѣстнаго управленія подъ предсѣдательствомъ г. Баханова и еврейской подъ предсѣдательствомъ графа Палена, но о дѣятельности этихъ комиссій распространяться не стоитъ, ибо онѣ закрылись, не окончивъ своихъ трудовъ.

Графъ Валуевъ, управляя Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, думалъ было одно время сдѣлать его спеціальнымъ министерствомъ сельскаго хозяйства. Въ этомъ смыслѣ ожидались два мѣропріятія: дополненіе совѣта министерства почетными членами изъ сельскихъ хозяевъ и назначеніе особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ министра, для изслѣдованія положенія сельской производительности. Первый проектъ не осуществился, а комиссія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи была учреждена въ 1872 году. Подобныя изслѣдованія давно были въ большомъ ходу въ Европѣ. Тамъ они обыкновенно предпринимаются тогда, когда текущія свѣдѣнія, собираемыя администраціей, дѣлаются недостаточными. Поэтому комиссіи — *enquêtes* стараются отдѣлится отъ администраціи и сдѣлать независимыми. Чаще всего назначаются эти комиссіи отъ законодательныхъ учреждений. Комиссія дѣйствуетъ затѣмъ, какъ

новое и самостоятельное учрежденіе, сносится со всѣми лицами и учрежденіями и спрашиваетъ всѣхъ, кого ей заблагоразсудится. По привычкѣ иностранцевъ къ гласности и публичному обсужденію важнѣйшихъ вопросовъ, при сознаніи, что комиссія—учрежденіе вполне независимое, спрашиваемые показываютъ по возможности правдиво, развѣ особые соображенія, денежныя или политическія, заставляютъ скрывать истину, что и обнаруживается перекрестнымъ допросомъ и повѣркою показаній сомнительныхъ съ несомнѣнно точными или тщательно проверенными.

Комиссія графа Валуева состояла изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, т. е. исключительно изъ административнаго элемента; сельскіе хозяева были въ ней въ качествѣ экспертовъ только. Авторитетность предполагалось придать ей назначеніемъ въ предсѣдатели самого министра; но едва ли министр, при многосложности своихъ занятій, могъ удѣлить достаточно времени, чтобъ работать въ комиссіи. Предсѣдательство министра, подобно предсѣдательству министра финансовъ въ Податной комиссіи, было болѣе почетнымъ. Всего комиссія имѣла 52 засѣданія, въ которыхъ принимали участіе 181 лицо, комиссія получила 3,303 письменныхъ и стенографированныхъ заявленій, издала нѣсколько огромныхъ томовъ трудовъ, содержащихъ драгоценныя указанія и совѣты, но большая часть означенныхъ матеріаловъ, а равно и окончательныхъ соображеній и заключеній комиссіи, касавшихся сельскаго хозяйства, обложенія земель, кустарной промышленности, крестьянскаго хозяйства, умственнаго и нравственнаго состоянія крестьянъ, разныхъ мѣръ поощренія крупныхъ и среднихъ хозяйствъ — мирно почили въ департаментскихъ архивахъ. Между тѣмъ, многія заявленія комиссіи, хотя бы, на примѣръ, о земельномъ обложеніи, имѣли насущный интересъ. Это зависѣло отъ того, что комиссія была при министерствѣ, которое прямого участія ни во внутренней, ни въ финансовой политикѣ не имѣетъ.

Между тѣмъ, вопросы, затронутые комиссіей, не могли оставаться безъ движенія. Быстро развивавшійся кризисъ въ хлѣбной торговлѣ побудилъ Общество для содѣйствія

русской промышленности и торговлѣ пригласить всѣ наши биржевые комитеты высказать свое мнѣніе. Нѣмцы, какъ народъ аккуратный, въ лицѣ рижскаго, ревельскаго и либавскаго комитетовъ, ранѣе другихъ отозвались на приглашеніе Общества. Въ ихъ запискахъ есть нѣсколько любопытныхъ указаній на мѣры, которыя болѣе всего содѣйствовали бы нашей хлѣбной торговлѣ въ конкуррированіи ея съ Сѣверной Америкой и Остѣ-Индіей, но комитеты для исполненія этихъ мѣръ рѣшительнымъ образомъ совѣтывали не учреждать новыя комиссіи, ибо учрежденіе комиссій было бы равносильно съ проволочкою дѣла, такъ какъ извѣстно изъ опытовъ, писалъ рижскій биржевой комитетъ, что „подобными комиссіями хотя собирается много „важныхъ матеріаловъ“, но не разрѣшаются самые вопросы, не терпящіе отлагательства“...

Не взирая на такой взглядъ на комиссіи, по просьбѣ нѣсколькихъ землевладѣльцевъ объ изысканіи мѣръ къ улучшенію нынѣшняго положенія землевладѣнія въ Россіи, въ 1888 г. вновь была образована при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ комиссія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ при участіи экспертовъ. Комиссія получила названіе комиссіи по поводу маденія цѣнъ на сельско-хозяйственные произведенія.

Это названіе должно вызвать нѣкоторое недоразумѣніе. Цѣны, какъ справедливо говорятъ купцы, „Богъ строитъ“, и едва ли какая либо комиссія въ состояніи своими протоколами измѣнить цѣны продуктовъ, устанавливаемые всемірною конкуренціею. Уже съ перваго же засѣданія комиссіи выяснилось, что кризисъ сельско-хозяйственный теперь повсемѣстенъ, что Россія потеряла свое прежнее выгодное положеніе единственной „житницы Европы“, поэтому и рѣчи не можетъ быть съ нашей стороны о поднятіи цѣнъ. Все, чего можно достигнуть—это уменьшенія издержекъ производства и измѣненія системы культуры. Но если поставить задачею комиссіи — указаніе мѣръ въ такомъ именно направленіи, то въ кругъ ея дѣятельности войдетъ безчисленное множество вопросовъ, можно сказать, почти

все русское законодательство, ибо что прямо или косвенно не вліяетъ на издержки производства?

Комиссія, впрочемъ, повидимому, такъ широко и понимаетъ свою задачу. Въ программу своихъ занятій она безъ протеста включила обсужденіе всѣхъ мѣръ къ поднятію доходности сельскихъ хозяйствъ пониженіемъ издержекъ производства и облегченіемъ сбыта произведеній. Для этого потребуются опредѣленіе соотношенія цѣнъ на хлѣбныя произведенія со стоимостью ихъ производства, и того значенія, какое въ расходахъ по сельскому хозяйству имѣютъ: ипотечная задолженность землевладѣнія, податное обложеніе земли, издержки страхованія сельскихъ построекъ и продуктовъ, дѣйствующія правила краткосрочнаго кредита (личнаго и подъ залогъ товаровъ) и ввозныя пошлины на сельско-хозяйственныя машины и орудія. Затѣмъ указаніе главныхъ основаній упорядоченія, въ интересахъ сельскаго хозяйства, тарифнаго дѣла и тѣхъ измѣненій, которыя желательны въ существующихъ узаконеніяхъ, правилахъ и условіяхъ, касающихся отношеній желѣзныхъ дорогъ къ грузохозяевамъ. Въ виду зависимости цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты внутри Имперіи отъ состоянія международнаго рынка, комиссія должна будетъ обсудить и мѣры для достиженія большей прибыльности экспорта земледѣльческихъ продуктовъ.

Независимо отъ этого на комиссію ляжетъ разсмотрѣніе различныхъ предположеній относительно упорядоченія нашего внутренняго рынка, какъ-то: улучшенія условій сбыта крестьянскаго хлѣба; устройства товарныхъ складовъ для хлѣбныхъ грузовъ; доставленія производителямъ возможности своевременно получать точныя свѣдѣнія о цѣнахъ на главные сельско-хозяйственные произведенія; мѣры поощренія сельскохозяйственныхъ винокуренныхъ заводовъ и другихъ производствъ для переработки на мѣстѣ земледѣльческихъ произведеній и устраненіе торговаго посредничества въ снабженіи военнаго вѣдомства нужными для него запасами провіанта и фуража.

Только по указаннымъ выше вопросамъ задача комиссіи представляется непосильною для какого угодно собра-

нія чиновниковъ и специалистовъ. Очевидно комиссія можетъ только слегка намѣтить эти вопросы, выяснить ихъ взаимное соотношеніе, опредѣлить важность и несостоятельность каждаго изъ нихъ; но разработку вопросовъ она должна предоставить подлежащимъ вѣдомствамъ.

Опасность для комиссій имѣть слишкомъ широкія программы доказала уже комиссія графа Валуева, поэтому нельзя — и не будучи скептикомъ — не выразить благочестиваго желанія, чтобы новая комиссія не тратила свое время и трудъ, если не получить увѣренности въ томъ, что заявленія ея не постигнетъ та же печальная участь. И безъ всякихъ комиссій, при помощи періодической печати, заявленій отдѣльныхъ лицъ, отчасти земскихъ собраний, нужды наши въ области сельскаго хозяйства достаточно выяснились. Недостаётъ не матеріаловъ въ подтвержденіе жалобъ, а людей, которые отнесли бы къ этимъ жалобамъ участливымъ образомъ и хотя бы одно мѣропріятіе, благопріятное для нашего землевладѣнія, довели до конца безъ всякихъ урѣзокъ и уступокъ гибельной доктринѣ.

Случалось, впрочемъ, что самое полученіе свѣдѣній было у насъ затруднено оппозиціей со стороны общества. Одинъ изъ подобныхъ казусовъ приключился съ извѣстнымъ проектомъ окружныхъ сельскохозяйственныхъ съѣздовъ, проведеннымъ княземъ Ливеномъ. Съѣзды эти предполагалось образовывать по районамъ изъ чиновниковъ и сельскихъ хозяевъ. Голосъ помѣщиковъ очень важенъ, конечно, въ разъясненіи вопросовъ, касающихся земледѣлія и сельской промышленности, но не всякій, однако, помѣщикъ можетъ съ достаточною компетентностью представлять нужды сельскаго хозяйства. По вопросамъ техническимъ еще не такъ трудно избрать помѣщиковъ-агрономовъ, хозяйство которыхъ извѣстно какъ образцовое; но интересы земледѣлія далеко еще не разрѣшаются вопросами спеціальными; вопросы финансовые и др. имѣютъ не меньшее значеніе для успѣховъ сельскаго хозяйства, а обсуждать подобные вопросы съ должною авторитетностью, заявлять о нуждахъ мѣстностей Россіи, предлагать совѣты, заслу-

живающіе серьезнаго вниманія, могутъ только лица, уполномоченныя другими землевладѣльцами. Способъ избранія подобныхъ лицъ представилъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ у насъ признавалось невозможнымъ устраивать какіе либо прямые выборы въ средѣ землевладѣльцевъ. Поэтому выборъ уполномоченныхъ на сѣзды былъ предоставленъ губернскимъ земскимъ собраніямъ и сельско-хозяйственнымъ обществамъ.

Въ сожалѣнію, законъ объ окружныхъ сѣздахъ вышелъ въ 1880 г., когда въ обществѣ бродили совсѣмъ другія идеи, поэтому сѣзды, представляя лишь легкій паллятивъ существующему порядку, были встрѣчены просто враждебно и печатью, и обществомъ. Земства и ученые общества не хотѣли выбирать уполномоченныхъ въ сѣзды. Даже С.-Петербургское собраніе сельскихъ хозяевъ, обыкновенно столь мирное и спокойное, какъ только занялось, по приглашенію министра государственныхъ имуществъ и с.-петербургскаго губернатора, вопросомъ о сѣздахъ, какъ немедленно обратилось въ арену горячихъ пререканій. Собранію предстояло разсмотрѣть составленную министерствомъ программу перваго очереднаго сѣзда и выбрать двухъ депутатовъ, на имѣвшій быть въ концѣ января 1881 года въ С.-Петербургѣ окружной сельско-хозяйственный сѣздъ для губерній Петербургской, Новгородской, Псковской и Эстляндской.

Прежде чѣмъ обсуждать программу и пополнять ее, согласно приглашенію министерства, какими либо новыми пунктами, нѣкоторые члены собранія полагали болѣе цѣлесообразнымъ, по примѣру Императорскаго Вольно-экономическаго общества, разсмотрѣть вопросъ: насколько удовлетворительна вообще организациі сѣздовъ и не слѣдуетъ ли, въ виду того, что правила о сѣздахъ „временныя“, просить объ ихъ скорѣйшемъ измѣненіи въ томъ смыслѣ, чтобы элементъ сельско-хозяйственный и учено-агрономическій на сѣздахъ былъ усиленъ сравнительно съ элементомъ административнымъ?

Это предложеніе подлило масла въ огонь. Значительная группа членовъ собранія поставила вопросъ рѣше и дока-

зывала, что до измѣненія организациі сельско-хозяйственныхъ сѣздовъ петербургское собраніе должно вовсе отказаться отъ какого либо участія въ нихъ. Главнымъ ораторомъ этой группы явился извѣстный нашъ позитивистъ, тверской землевладѣлецъ Е. В. де-Роберти де ла Серда. Авторъ „Соціологіи“ произносилъ рѣчи на тему *Виргиліева* стиха: *Timeo Danaos et dona ferentes!* Главнымъ защитникомъ министерскаго проекта явился не какой либо чиновникъ, а В. А. Кокоревъ, резонно находившій, что и при не исполнѣ совершенной организациі своей сѣзды могутъ принести посильную пользу сельскому хозяйству. Эти доводы не убѣдили протестантовъ, и вопросъ о желаніи общества принять участіе своими депутатами въ предстоящемъ сѣздѣ былъ рѣшенъ только закрытой баллотировкой.

Раздраженіе, съ которымъ во многихъ мѣстахъ, а также въ печати, была принята мысль о сѣздахъ—хотя въ этой оппозиціи было много искусственнаго или основаннаго на недоразумѣніи—привело къ тому, что сѣзды ни разу не собирались. Законъ о нихъ надобно признать мертворожденнымъ, хотя при нѣкоторыхъ въ немъ измѣненіяхъ онъ могъ бы принести пользу.

Насколько окружные сельско-хозяйственные сѣзды были непопулярны, настолько комиссія для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, учрежденная въ 1876 г. по мысли М. Н. Анненкова и состоявшая подъ предсѣдательствомъ графа Э. Т. Баранова, была во все время своей дѣятельности чрезвычайно популярною. Такою же популярностью пользовались и подкомиссіи, производившія изслѣдованія желѣзныхъ дорогъ на мѣстѣ.

Комиссія просуществовала около пяти лѣтъ, но изъ этого времени нужно исключить почти два года военного времени, когда комиссія невольно бездѣйствовала, собирая въ Россіи и за границей обширные матеріалы, вырабатывая программы и подыскивая подходящій для ея трудовъ персоналъ лицъ. Только съ 1879 года комиссія принялась энергически за свою задачу. Въ теченіе этого года всѣ наши желѣзныя дороги подверглись изслѣдованію черезъ особыя подкомиссіи изъ инженеровъ, экономистовъ и лицъ

торговаго сословія, объѣзжавшія дороги, распределенныя на группы. 1880 годъ прошелъ въ разработкѣ матеріала, собраннаго въ пути подкомиссіями, а въ 1881 г. былъ обработанъ проектъ желѣзнодорожнаго закона, который былъ рассмотрѣнъ на особомъ сѣздѣ желѣзно-дорожниковъ и представителей торговаго и промышленнаго сословія. Рядомъ съ этимъ комиссія получила болѣе шести тысячъ жалобъ на желѣзныя дороги! А это лучше всего доказывало, нуженъ или не нуженъ былъ новый желѣзнодорожный законъ, который всячески старались затормозить въ желѣзнодорожныхъ и административныхъ сферахъ.

Помимо исполненія этой своей главной задачи, комиссія графа Баранова принесла пользу уже самымъ фактомъ своего существованія, потому что желѣзнодорожное вѣдомство, отчасти подвигаемое комиссіей, отчасти изъ естественнаго чувства соперничества, пробудилось отъ продолжительнаго сна и принялось по мѣрѣ силъ за улучшеніе дѣла.

Какъ бы ни казались ужасными отдѣльныя катастрофы, въ родѣ кукуевской или въ Боркахъ, но нельзя по справедливости отрицать фактъ, что наша желѣзнодорожная эксплуатація значительно улучшилась въ общемъ итогѣ со времени восточной войны. Въ этомъ улучшеніи вліяніе Барановской комиссіи было весьма замѣтно. Правда, наше желѣзнодорожное хозяйство и организація попрежнему хромаютъ и находятся подчасъ въ весьма печальномъ положеніи, но, какъ извѣстно, вопросъ финансовой организаціи не входилъ въ кругъ дѣятельности комиссіи графа Баранова. Она съ самаго начала, согласно Высочайше утвержденной программѣ, ограничилась собственно эксплуатаціей желѣзныхъ дорогъ, сознавая вполне справедливо, что старыхъ ошибокъ, въ видѣ концессій, не поправишь и потеряннаго не возвратишь, между тѣмъ, поставивъ дорогамъ извѣстныя раціональныя нормы для эксплуатаціи, поневолѣ вынудишь дорогу или къ улучшенію ея внутренней организаціи и финансоваго хозяйства, или ликвидаціи, т. е. къ переходу въ руки казны.

Особенно важно установленіе твердыхъ юридическихъ отношеній между желѣзными дорогами съ одной стороны

и публикою, пассажирами и грузоотправителями—съ другой. До того всѣ отношенія публики къ желѣзнымъ дорогамъ и обратно регулировались распространительнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ весьма немногихъ статей закона, толкованіе которыхъ каждый судъ дѣлалъ по-своему, затѣмъ шли министерскіе циркуляры и, наконецъ, правила, изданныя самими дорогами,—правила, не имѣвшія въ глазахъ судовъ никакой законной силы, но которымъ публика невольно подчинялась. Подобное шаткое, запутанное, а подчасъ совершенно произвольное отношеніе дорогъ, частныхъ лицъ и судовъ, замѣнилось точнымъ и яснымъ законодательствомъ, важнѣйшая часть котораго заимствована изъ выдержавшихъ пробу на практикѣ иностранныхъ желѣзнодорожныхъ законодательствъ. Конечно, и въ новомъ законодательствѣ оказались недосмотры и пробѣлы, но эти частные недостатки, неизбежныя, легко могутъ быть исправлены послѣдующими узаконеніями. Во всякомъ случаѣ имѣть законъ хотя и не выполнѣ совершенный лучше, нежели не имѣть никакого.

Изъ комиссій, обратившихъ на себя особое вниманіе, слѣдуетъ упомянуть еще о собраніи свѣдущихъ людей, приглашенныхъ, по мысли графа Игнатьева, къ участию въ совѣщаніяхъ, на которыя возложено было распредѣленіе между губерніями девяти милліоновъ руб., назначенныхъ для пониженія выкупныхъ платежей въ нечерноземной полосѣ Россіи и упорядоченіе переселенческаго вопроса. Въ качествѣ экспертовъ было призвано двѣнадцать членовъ, въ томъ числѣ три предводителя дворянства, четыре предсѣдателя губернскихъ земскихъ управъ, два гласные губернскаго земскаго собранія, предсѣдатель московскаго общества сельскаго хозяйства и два землевладѣльца. Все это были лица болѣе или менѣе извѣстныя въ нашемъ земствѣ, такъ сказать цвѣтъ русскаго самоуправленія.

Роль *grand électeur*'а въ этомъ случаѣ игралъ, говорятъ, г. Воейковъ. Изъ списка экспертовъ нельзя было не видѣть, что представлены были оба направленія нашего дворянства; приглашеніе экспертовъ отъ крестьянскаго сословія было признано излишнимъ. Ближайшее знакомство

съ приглашенными лицами еще лучше укажетъ, какой именно оттѣнокъ мнѣнія преобладалъ въ собраніяхъ, гдѣ, кромѣ того, приняли регулирующее участіе три министра: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ.

Москва, какъ ей и подобало, была представлена широко—четырьмя экспертами. Всѣ они были строго консервативнаго оттѣнка. Это г. Наумовъ—весьма блѣдный, хотя и дѣятельный городской и земскій дѣятель Первопрестольной. Князь Щербатовъ, не совсѣмъ удачно дебютировавшій въ качествѣ саратовскаго губернскаго предводителя и московскаго городского головы, а затѣмъ предсѣдателя одной изъ желѣзнодорожныхъ подкомиссій, гдѣ его дублировалъ г. Чичеринъ. Князь, которому заранее можно было предсказать весьма скромную роль въ комиссіи, принадлежитъ къ числу лицъ, мечтающихъ о возможности создать на нашей почвѣ нѣчто въ родѣ англійскихъ порядковъ. Г. Д. Самаринъ долго былъ извѣстенъ лишь тѣмъ, что онъ братъ извѣстнаго Юрія Самарина, блестящаго публициста славянофильской школы и одного изъ творцовъ 19-го февраля и крестьянской реформы въ Польшѣ. Д. Самаринъ обратилъ на себя вниманіе, выступивъ противникомъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія, для чего онъ разгромилъ въ „Руси“ книжку профессора Янсона, сдѣлавшуюся Кораномъ газетныхъ сотрудниковъ, желающихъ потосковать въ передовыхъ статьяхъ объ участи мужичковъ. Четвертый представитель Москвы — по званію предсѣдателя тамошняго общества сельскаго хозяйства — г. Шатиловъ, скорѣе долженъ быть причисленъ къ представителямъ Тульской губерніи. Въ этой губерніи г. Шатиловъ имѣетъ имѣнія, управляемыя образцовымъ образомъ. Эти имѣнія служатъ удивленіемъ для нашихъ агрономовъ, хотя не даютъ дохода. Прогрессистъ въ сельскомъ хозяйствѣ, г. Шатиловъ далеко не слыветъ таковымъ въ политическихъ убѣжденіяхъ.

Югъ представлялся въ комиссіи покойнымъ Галаганомъ и Бекарюковымъ. Первый былъ тогда только попечителемъ Галагановской коллегіи въ Кіевѣ. Коллегія эта pendant

Катковскому лицу, который, въ свою очередь, слабая копія англійскихъ школъ. Черниговское земство, котораго Галаганъ былъ представителемъ, отличается очень радикальнымъ оттѣнкомъ, но Галаганъ не грѣшилъ по этой части даже въ юности своей. То же можно сказать и о Бекарюковѣ, весьма популярномъ въ Харьковѣ, а въ Петербургѣ извѣстномъ по весьма энергической дѣятельности по очищенію Общества взаимнаго поземельнаго кредита.

Къ восточнымъ представителямъ въ комиссіи могутъ быть отнесены покойный князь А. И. Васильчиковъ, важнѣйшія имѣнія котораго находились въ Тамбовской губерніи, г. Дмитріевъ, сызранскій помѣщикъ, и уфимскій помещецъ г. Дашковъ. Первые два очень хорошо извѣстны и слыли даже одно время корифеями либеральной партіи. Князь Васильчиковъ—авторъ нѣсколькихъ поверхностныхъ книгъ по вопросамъ народнаго хозяйства, имѣвшихъ большой успѣхъ. Въ комиссіи князь Васильчиковъ едва ли не былъ самымъ либеральнымъ дѣятелемъ. Къ числу такихъ г. Дмитріевъ былъ отнесенъ, въ свое время, по недоразумѣнію. Извѣстно, что вмѣстѣ съ г. Чичеринымъ онъ вздумалъ возстать въ совѣтѣ московскаго университета противъ покойнаго Леонтьева. Но грянулъ громъ изъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ и дерзкіе были повергнуты въ прахъ или, выражаясь офиціально, оставлены за штатомъ, стяжавъ, однако, нѣкоторую популярность въ публикѣ. В. Дашковъ не принадлежитъ къ числу новоявленныхъ уфимскихъ землевладѣльцевъ. Земли и заводы Дашковыхъ еще при Елисаветѣ Петровнѣ находились на тѣхъ же мѣстахъ, хотя выероены равномерно изъ башкирскихъ угодій. Г. Дашковъ человекъ умный и рѣчистый, пописывалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Современномъ Обозрѣніи“.

Сѣверные депутаты должны быть по существу наиболѣе прогрессивными, такъ какъ несомнѣнно, что землевладѣльцы изъ дворянъ, за немногими исключеніями, тѣмъ свободномысленнѣе, чѣмъ болѣе они потеряли отъ эмансипаціи, а дворяне во всѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ отъ Псковской до Пермской несомнѣнно понесли убытки. Для ярославскаго

эксперта г. Калачева, брата извѣстнаго археолога и юриста, экспертиза была ступенью въ губернаторы. Г. Оленина, тверского представителя, нельзя считать реакціонеромъ. Во всемъ тверскомъ земствѣ нѣтъ правой стороны, а однѣ лѣвыя стороны, отъ радикаловъ, пріѣзжающихъ въ красныхъ рубашкахъ и смазныхъ сапогахъ, до лѣваго центра. Г. Оленинъ именно изъ тверской лѣвой, человекъ ничѣмъ не выдающійся, но благонамѣренный. Г. Колюпановъ, давно представляющій Ветлужскій уѣздъ по довѣренности г. Лугинина, которому, кажется, принадлежитъ чуть не весь этотъ глухой край мха и морошки, хорошо извѣстенъ, какъ бывшій сотрудникъ „С-Петербургскихъ Вѣдомостей“, даже стяжавшій имъ первое изъ предостереженій, данное по новому закону о печати 1865 г. Фактъ этотъ не останется не замѣченнымъ въ исторіи нашей журналистики. Г. Колюпановъ причисляется къ той школѣ либеральныхъ народолюбивыхъ публицистовъ, которая ввела въ моду пріемъ съ одной стороны сознаться, а съ другой—признаваться. Трудамъ „свѣдущихъ людей“ пописывались панегирики въ нѣкоторыхъ газетахъ, но къ ихъ дѣятельности, оставившей, впрочемъ, нѣкоторый слѣдъ, публика отнеслась весьма скептически; мысль о дальнѣйшемъ расширеніи компетенціи „свѣдущихъ людей“, какъ извѣстно, успѣха не имѣла, хотя ихъ и собирали еще разъ для обсужденія мѣръ по урегулированію питейной торговли.

ГЛАВА XIX.

Народное здоровіе.

Эпидеміи въ Россіи. — Гигіеническія мѣропріятія, карантинны. — Борьба съ пьянствомъ. — Аптеки. — Охраненіе жизни и здоровія фабричныхъ рабочихъ и малолѣтокъ.

Къ здоровью населенія можетъ быть примѣненъ вполнѣ извѣстный экономическій принципъ: *se qu'on voit et se qu'on ne voit pas*. Въ то время, когда какіе нибудь выдающіеся факты, въ родѣ нѣсколькихъ случаевъ чумной заразы на окраинѣ государства, привлекали вниманіе и правительства, и общества, и печати, и отзывались на сношеніяхъ Россіи съ цѣлымъ міромъ, грозныя эпидеміи, цѣлые годы свирѣпствующія внутри страны и ежегодно похищающія десятки тысячъ жертвъ, остаются безъ всякаго вниманія и кажутся явленіями самыми обыкновенными. На этотъ счетъ весьма поучительныя и прискорбныя свѣдѣнія, хотя, конечно, еще весьма неполныя (такъ какъ у насъ одинъ гражданскій врачъ приходится слишкомъ на 12,000 населенія и регистрація болѣзней неудовлетворительна), представляютъ ежегодные отчеты медицинскаго департамента, оставляемые почему-то безъ разбора нашею печатью.

Оказывается, что оспа эпидемически свирѣпствуетъ у насъ во всѣхъ губерніяхъ, а цѣлыя губерніи не имѣли необходимой оспенной матеріи, въ иныхъ же мѣстностяхъ Россіи оспопрививаніе не производилось уже, по словамъ

департамента, пятнадцать лѣтъ. Мало того, по отчетамъ нѣкоторыхъ докторовъ, помощью оспопрививанія, особенно въ Москвѣ и Петербургѣ, прививалась дѣтямъ не оспа, а сифилисъ!! Скарлатина также наблюдалась во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Россіи, причемъ болѣзнь эта и смертность отъ нея постоянно усиливаются. Населеніе остается безъ всякихъ средствъ для противодѣйствія скарлатинной заразы. Бѣлье, одежда и другіе предметы, бывшіе въ соприкосновеніи съ зараженными, никогда не подвергаются дезинфекціи, даже въ большинствѣ больницъ. Дифтеритъ, еще въ 1877 г. наблюдавшійся только въ 15-ти губерніяхъ, теперь уже замѣченъ по всей Россіи, кромѣ Архангельской губерніи, Якутской и Ферганской областей. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ, въ Астраханской, смертность отъ дифтерита была пропорціонально выше чѣмъ отъ чумы. Раздаваніе одежды умершихъ отъ дифтерита продолжало служить однимъ изъ главныхъ средствъ распространенія болѣзни. Противъ дифтерита можно указать только на запрещеніе причащать и больныхъ, и здоровыхъ одною и тою же лжицей, сдѣланное въ одной епархіи, и на „строгое“ предписаніе сельскимъ урядникамъ наблюдать, чтобы здоровые не общались съ больными.

Число больныхъ корью быстро возрастаетъ, но населеніе во многихъ мѣстахъ не обращаетъ вниманія на эту болѣзнь, такъ что о существованіи ея медицинскія власти узнаютъ только въ случаѣ особой злокачественности припадковъ и сильнаго повального распространенія. Коклюшъ также распространяется эпидемически почти повсемѣстно. Всѣ попытки къ прекращенію эпидемическаго распространенія и усиленія его не привели къ практическимъ результатамъ.

Сыпной тифъ свирѣпствуетъ повсемѣстно. Для этой болѣзни особенно ужасенъ былъ 1881 г., когда число больныхъ сразу учетверилось. Главныя причины распространенія сыпного тифа—скученность рабочаго класса въ жилищахъ и переносъ болѣзни переселенцами и арестантскими партіями. Брюшной тифъ не наблюдался, въ 1886 году, только въ губ. Таврической и Эриванской. За восемь лѣтъ

эпидемія его постоянно усиливалась. Замѣчательно, что въ Варнавинскомъ уѣздѣ, Костромской губ., крестьяне сами учредили карантинъ противъ тифа. Главныя причины распространенія брюшного тифа—загрязненіе почвы и свалка нечистотъ въ рѣки. Неурожай былъ причиною, что процентъ смертности отъ тифа въ Вятской и Московской губерніяхъ въ 1877 г. дошелъ до 19 проц. Возвратный тифъ также быстро усиливался въ Россіи и замѣчался уже въ 67 губерніяхъ и областяхъ.

Кровавый поносъ наблюдался во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ. Въ 1882 г. заболѣло дизентеріей 107,940 и умерло 14,880. Болѣзнь эта поражаетъ преимущественно дѣтей въ концѣ лѣта и началѣ осени и обусловливается употребленіемъ незрѣлыхъ овощей и плодовъ и испорченной воды; вообще причина огромной смертности у насъ дѣтскаго возраста—скудное молоко и обильное всякими діететическими погрѣшностями питаніе дѣтей рабочаго населенія. Разстройство пищеваренія, сопровождающееся спазмодическими болями въ животѣ и криками, составляетъ у грудныхъ дѣтей самую распространенную болѣзнь и живописно именуется въ народѣ „грызью“. Заушница и рожа наблюдаются во всѣхъ губерніяхъ и число заболѣваній быстро увеличивается. Замѣчательно также повсемѣстное распространеніе гнойнаго воспаленія глазъ. Весьма печальны свѣдѣнія о распространеніи сифилиса. По приблизительно вѣрнымъ свѣдѣніямъ, зараженные сифилисомъ составляли въ 1856 году 0,04 проц. всего населенія Россіи и 7,7 проц. больныхъ, пользовавшихся въ больницахъ гражданскаго вѣдомства, а въ 1876 году они составляли уже 0,06 проц. всего населенія и 11,28 проц. всѣхъ больныхъ, пользовавшихся въ больницахъ гражданскаго вѣдомства. Развитіе этой опаснѣйшей по своимъ послѣдствіямъ болѣзни должно обратить вниманіе не только врачей, но и всего образованнаго общества. Въ 1886 г. отъ сифилиса пользовались 350,719, а всего отъ венерическихъ болѣзней 495,758, вновь заразилось въ отчетномъ году 31,319, въ томъ числѣ 21,003 женщины и 7,096 дѣтей.

Изъ эндемическихъ болѣзней первое мѣсто занимаетъ

малярія (болотная лихорадка), отъ нея заболѣло по всѣмъ губерніямъ Россіи 1.001,889; болѣзнь эта также почти удвоилась по числу заболѣваній за восемь лѣтъ. Цынга за семь лѣтъ утроилась по числу заболѣваній и наблюдалась повсемѣстно. Любопытны свѣдѣнія о проказѣ. Эта ужасная болѣзнь въ 1886 г. наблюдалась уже въ 22 губерніяхъ и областяхъ Россіи. Главные центры болѣзни—губ. Астраханская, Курляндская, Лифляндская и Новгородская. Вышеозначенныя свѣдѣнія еще не полны; въ Эстляндской губ. „проказа распространена по всей губерніи, говоритъ медицинскій департаментъ, и приняты мѣры къ выясненію числа больныхъ проказою въ этой губерніи, но *результаты* (въ 1889 г.) *еще неизвѣстны*“. Медицинскій департаментъ не считаетъ, повидимому, проказу заразительною: едва ли, однако, народное мнѣніе въ этомъ случаѣ не имѣетъ болѣе твердыхъ основаній. Хотя большинство больныхъ чesоткою, лечась домашними средствами и у знахарей, ускользало отъ врачебнаго наблюденія, но не лишено значенія, что число тѣхъ, которые обращались къ врачамъ, увеличилось съ 89,801—въ 1881 г. до 607,832—въ 1886 году!

Таковы лишь краткія черты изъ картины распространенія нашихъ эпидемій и эндемій. Что же дѣлается для борьбы съ этими народными бѣдствіями? А ничего, или почти ничего. Въ отчетахъ департамента бѣгло упомянуто нѣсколько распоряженій медицинскаго и духовнаго начальства и земства, распоряженій отрывочныхъ и случайныхъ, которыя были, конечно, каплею въ морѣ, сравнительно съ массою больныхъ и умершихъ, множество повальныхъ болѣзней спасались командировкой на счетъ земства нѣсколькихъ фельдшеровъ въ два-три уѣзда на цѣлую Россію, наконецъ сифилису долженъ былъ противодействовать циркуляръ департамента отъ 28 февраля 1878 г., за № 1,484, обязавшій губернаторовъ доставлять третныя свѣдѣнія о числѣ больныхъ.

Грязное содержаніе жилищъ, дворовъ, улицъ, площадей и разныхъ торговыхъ заведеній, накопленіе всякаго рода нечистотъ или несвоевременное удаленіе и обезвреживаніе ихъ, влекуція за собой загрязненіе почвы орга-

ническими веществами, порчу водъ и воздуха, констатируются во всѣхъ почти населенныхъ мѣстностяхъ. Особеннымъ косненіемъ въ привычкѣ жить при самой вредной противогигіенической обстановкѣ отличаются инородческія и преимущественно еврейское населенія, сообщающія городамъ, мѣстечкамъ или кварталамъ городовъ, занимаемыхъ ими, безобразный видъ. Евреи не только сами нигдѣ не обнаруживали почина къ оздоровленію населяемыхъ ими мѣстностей; напротивъ, при предъявленіи имъ санитарныхъ требованій со стороны администраціи или общественныхъ учреждений, уклоняясь отъ черной работы и, избѣгая денежныхъ расходовъ, изыскивали всевозможные способы, чтобы не исполнять постановленій. Въ придачу мировой судъ не считалъ нужнымъ настаивать на выполненіи санитарныхъ требованій, назначая за неисполненія послѣднихъ такія незначительныя взысканія, что привлекаемые къ отвѣтственности находятъ болѣе удобнымъ платить ничтожный штрафъ, нежели выполнить какую либо оздоровительную мѣру. Любопытно, насколько окажутся въ этомъ случаѣ энергичнѣе будущіе земскіе начальники. Санитарнымъ мѣрамъ противодѣйствуетъ даже Сенатъ. Въ областномъ гор. Вѣрномъ администраціей постановлено было свозить навозъ на указанное мѣсто, ниже города, и тамъ выдѣлывать изъ него кизякъ, что населеніе и исполняло. Но городская дума обжаловала такое постановленіе въ Сенатъ, который, отмѣнивъ распоряженіе администраціи, предоставилъ обывателямъ право — копить навозъ въ городѣ по дворамъ съ 15-го сентября по 15-е мая. Послѣдствія скопленія навоза обнаружились быстро: явилась масса заболѣвшихъ упорною перемежающеюся лихорадкой. Вотъ плоды слишкомъ либеральныхъ истолкованій закона.

Организованнаго санитарнаго надзора въ уѣздахъ внѣ городовъ нѣтъ никакого, да и въ большей части городовъ общественныя учрежденія не принимаютъ участія въ организаціи санитарнаго надзора, который ложится исключительно на мѣстныя полицейскія управленія. Безучастное отношеніе общественныхъ учреждений къ устройству санитарнаго надзора зависѣло частью отъ недостатка мате-

ріальнихъ средствъ, но, главное, отъ непониманія представителями этихъ учрежденій пользы санитарныхъ мѣропріятій.

Нѣтъ ни одного отчета по губерніямъ, въ которомъ не говорилось бы о загрязненіи воды самими обывателями вслѣдствіе небрежности, неряшливости и невѣжества, или фабриками и заводами ради экономическихъ цѣлей—избѣжанія расходовъ на фильтрацію спускаемыхъ въ рѣку жидкостей. Извѣстно, что и С.-Петербургъ до сихъ поръ не устроило у себя водосточовъ и нечистоты вывозятся изъ него въ открытыхъ экипажахъ и что фильтровать воду онъ сталъ только тридцать лѣтъ послѣ устройства водопроводовъ. Дѣятели Думы были въ главѣ противниковъ улучшеній по этой части.

Результаты осмотровъ фабрикъ и наблюденій за состояніемъ учебныхъ заведеній оказались далеко неутѣшительными. Въ громадномъ большинствѣ фабрики, особенно некрупные и имѣющіе столь излюбленный нашими публицистами характеръ кустарныхъ заведеній, или вовсе не снабжены никакими спеціальными гигиеническими приспособленіями, или же приспособленія эти устроены такъ несовершенно, что не достигаютъ цѣли. Изъ отчетовъ врачебныхъ инспекторовъ видно также, что произведено весьма мало улучшеній по санитарному состоянію всѣхъ вообще мѣстъ заключенія. Эти замѣчанія слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію главному тюремному управленію, недавно еще справившему десятилѣтіе своего коренного обновленія.

На медицинскую часть тратится у насъ до 18 милл. р. Сумма, очевидно, недостаточная. Ее, однако, нужно увеличивать на дѣло, а не на распложеніе новыхъ канцелярій; между тѣмъ сообщено уже о проектѣ какого-то медицинскаго совѣта для желѣзныхъ дорогъ при Министерствѣ Путей Сообщеній: точно есть путейская медицина, отличная отъ общечеловѣческой. Надобно еще замѣтить, что если медицинскія и санитарныя мѣропріятія имѣютъ огромное значеніе, то увлекаться ими также нѣтъ резона. Слова Петенкофера, что „дѣятельность каждаго народа въ санитарномъ отношеніи можно принять за масштабъ для опредѣленія того, насколько этотъ народъ способенъ играть

роль въ исторіи культуры“, являются крайне преувеличенными, ибо во многихъ случаяхъ, какъ справедливо утверждаетъ Гербертъ Спенсеръ, никакія даже инквизиціонныя гигиеническія мѣропріятія не могутъ устранить вредныя вліянія, коимъ подвергается человѣческій родъ. Эти вліянія можно только перемѣстить, но всегда, устраняя одно, мы замѣняемъ его создаемъ условія для возникновенія другого не менѣе вреднаго вліянія. Между тѣмъ гигиена теперь, по мѣткому выраженію доктора Мекензи „стала властительницей думъ современнаго общества: отводъ нечистотъ и канализація волнуютъ человѣчество болѣе, нежели вопросъ о темномъ будущемъ или о свободѣ воли; усовершенствованною системой вентиляціи клянутся какъ святыней, и изобрѣтатель новой машины для стирки бѣлья пользуется большимъ почетомъ, чѣмъ ученый, открывшій новую планету; даже туалеты дамъ разсматриваются исключительно съ точки зрѣнія научной физиологіи“...

Изъ примѣровъ, гдѣ санитарныя мѣропріятія приносили болѣе вреда, чѣмъ пользы, можно указать на карантинныя, вопросъ о которыхъ неоднократно возникалъ въ послѣднее время по случаю холеры въ Западной Европѣ. Строгость карантина одобряютъ люди трусливые, а такихъ не мало, судя по тому, что у насъ одна газета даже предлагала города, гдѣ явится холера, отрѣзывать на все продолженіе эпидеміи отъ всякихъ сообщеній, какъ осажденные (пріятное положеніе, если эпидемія будетъ семь лѣтъ продолжаться, какъ напр. холера въ Петербургѣ въ 1848—1855 годахъ!). На дѣлѣ карантинныя строгости, плохо соображенныя, вліяютъ вреднѣе, чѣмъ эпидемія.

Холера на югѣ Россіи въ Италіи и Франціи отзывалась очень тяжелымъ образомъ для населенія. Такъ какъ у насъ съ Турціей о мѣрахъ карантинныхъ соглашенія не имѣется и мы не засчитывали времени, проведеннаго въ турецкихъ карантинахъ, то суда, приходившія за хлѣбомъ и другими грузами въ Черное и Азовское моря, въ разгаръ навигаціи, теряли по мѣсяцу изъ-за карантинныхъ. Подобный порядокъ могъ быть терпимъ, когда судоходство было парусное и маленькія суда грузились въ портахъ по двѣ недѣли, теперь же

большой пароходъ разгружается и нагружается въ три дня, поэтому мѣсяцъ напрасной задержки, когда никакой эпидеміи вблизи не имѣется, время очень чувствительное. Оно и почувствовалось на русской шеѣ. Цѣны пшеницы падали чуть не вдвое, благодаря карантиннымъ стѣсненіямъ,—хотя въ Россіи и у ея сосѣдей было совершенно благополучно,—фрахты поднимались также вдвое. А зная, какъ тяжело ложатся расходы перевозки за границу на наши товары по отдаленности Россіи отъ рынковъ сбыта, легко сообразить удовольствіе, происходящее отъ увеличенія фрахтовъ на 100 процентовъ.

Мы не говоримъ уже о второстепенныхъ стѣсненіяхъ. Благодаря времени, теряемому въ карантинахъ, у обществъ срочнаго пароходства не хватаетъ пароходовъ для полного оборота по всѣмъ линіямъ; они уменьшаютъ вслѣдствіе того почтовое и пассажирское движеніе; ставятъ на линіи старыя, давно сгнившіе и опасные для плаванія пароходы; задерживаютъ грузы, наконецъ, просто отказываются принимать пассажировъ и товары, какъ дѣлало Русское Общество пароходства и торговли для линій Анатолійской и Александрійской. Другими словами, Константинополь, Малая Азія, Сирія и Египетъ, гдѣ никакой холеры нѣтъ, становились недоступны для русской торговли.

Не легче отъ карантинныхъ строгостей и для привозной торговли. Въ портахъ, вслѣдствіе карантинной обсерваціи, жидкіе товары, во время стоянокъ на рейдѣ, улетучивались изъ бочекъ, и, во избѣжаніе приплаты въ таможенныхъ акциденціи за недостающій противъ деклараціи товаръ, шкипера предпочитали бросать бочки съ масломъ и т. п. въ море. Въ то время, когда происходила подобная непроизводительная растрата товара, въ гаваняхъ сидѣло безъ дѣла много лицъ, кормящихся портовыми работами по выгрузкѣ и нагрузкѣ, и мѣстная администрація боялась беспорядковъ, происходящихъ отъ малаго заработка, недостаточнаго для прокормленія чернорабочаго населенія.

И добро бы еще карантины, дѣйствительно, предохраняли отъ холеры. Между тѣмъ во всѣ холерныя эпидеміи было замѣчено, что карантины холеры не задерживаютъ.

Это блистательно повторилось и въ послѣднюю эпидемію. Швейцарія, не смотря на близость къ центру заразы, ея не получила, не имѣя карантинновъ, а Италія и Испанія, оградившіяся карантинами даже до смѣшного, холеру получили. Еще труднѣе будетъ не получить ее намъ, когда наши карантины расположены почти внутри городовъ, а карантинные порядки устарѣли на сто лѣтъ.

Мы, впрочемъ, не высказываемся противъ карантинновъ въ принципѣ, какъ и вообще противъ санитарныхъ предосторожностей, но только требуемъ благоразумія и осмотрительности. Боже избави брать за образецъ константинопольское медицинское управленіе. У насъ вообще къ наукѣ слѣпая вѣра, не разбирая, какая это наука—точная ли, какъ астрономія, или вся основанная на гипотезахъ, какъ медицина. Можно ли издавать санитарные законы противъ холеры, когда нѣтъ двухъ докторовъ, согласныхъ между собою, и нѣтъ науки болѣе спорной, какъ эпидеміологія. А такъ какъ полужнаніе всегда претенціознѣе полного незнанія, то со стороны врачей надобно ожидать у насъ по поводу холеры самыхъ невозможныхъ требованій.

Это, впрочемъ, вопросъ будущаго, въ настоящемъ же надобно позаботиться объ интересахъ земледѣлія и торговли и попросить русскихъ дипломатовъ заняться, по соглашенію съ другими державами, выработкою такихъ международныхъ карантинныхъ правилъ, которыя дозволяли бы свободно плавать между незараженными портами и не ставили бы участь цѣлаго края въ зависимость отъ премудрости какого нибудь невѣжественнаго и самонадѣяннаго турецкаго эскулапа.

Другой примѣръ, гдѣ медики своими теоріями только смущали населеніе и отвлекали затраты правительства и земства не въ ту сторону, куда слѣдовало, является въ извѣстной исторіи съ пастеровскими прививками противъ бѣшенства, о которыхъ мы еще поговоримъ далѣе.

Собачье бѣшенствовало причиною и слѣдующаго курьеза, очень характернаго какъ образчикъ заботливости нѣкоторыхъ администраторовъ о мѣстныхъ „нуждахъ“. Гродненскій губернаторъ постановилъ: „Обязать сельскихъ жите-

лей привѣшивать своимъ собакамъ палки (къ ошейникамъ или прямо на веревкѣ), которыя, не лишая собаки способности бѣга, препятствовали бы быстротѣ его и тѣмъ давали бы возможность легкой поимки взбѣсившейся собаки. Длина и толщина палки должна сообразоваться съ величиною собаки, но во всякомъ случаѣ палка должна быть длиннѣе ширины груди собаки“.

Эта изобрѣтательность насчетъ земедленія слишкомъ быстрого бѣга собаки, повидимому, не понравилась жителямъ, а можетъ быть означенное распоряженіе не понравилось и выше. Только въ дополненіе къ изданному обязательному постановленію, губернаторъ постановилъ: „Вмѣсто привязыванія палки обязать сельскихъ жителей снабдить принадлежащихъ имъ собакъ кожаными или веревочными ошейниками, или обвязывать собакамъ вокругъ шеи веревку съ кускомъ тряпки, или вообще какимъ нибудь знакомъ, могущимъ служить указаніемъ принадлежности собаки тому или другому хозяину“.

Почему тряпка укажетъ на принадлежность собаки такому-то лицу—не совсѣмъ понятно. Еще менѣе ясно, отчего надѣваніе тряпокъ на шею уменьшить бѣшенство собакъ. Тайна сія не разъяснилась. Во всякомъ случаѣ первое распоряженіе мы находимъ болѣе остроумнымъ. При немъ каждая собака имѣла бы при себѣ палку, которою можно было бы бить ее въ случаѣ нужды. Но къ чему могла служить тряпка?

Гродненскій циркуляръ не единственный въ своемъ родѣ. У насъ, какъ извѣстно, администраторы, особенно новой формаціи, любятъ сочинять циркуляры въ предположеніи, что столичная печать отыщетъ эти документы на сѣрыхъ страницахъ губернскихъ вѣдомостей и придастъ имъ широкую гласность. Администраторъ вдругъ и выскочить изъ небытія своего, какъ нѣкоторый чародѣй, освѣтившій своими блистающими идеями мракъ губерніи. Очень часто, однако, дѣло ограничивается листами печатной бумаги, исполненіе же циркуляра заставляетъ ждать по годамъ, а иногда и вовсе не приходитъ, тѣмъ болѣе, что администраторы новой формаціи рѣдко остаются на

своихъ мѣстахъ продолжительное время, дабы имѣть возможность высмотрѣть, осуществлены ли въ дѣйствительности ихъ предложенія. Подобные администраторы считаютъ свое пребываніе въ губерніи чѣмъ-то въ родѣ почетной ссылки и, чувствуя въ себѣ „матерію государственныхъ людей“—какъ выражаются французы,—томятся въ ожиданіи момента, когда какой нибудь петербургскій департаментъ или канцелярія пріютитъ ихъ подъ свою гостеприимную кровлю и дастъ возможность угощать циркулярами въ родѣ вышеприведеннаго уже всю Россію, а не одну только губернію. —

Борьба съ пьянствомъ составляетъ важную часть охраненія народнаго здоровья. Въ странахъ, гдѣ пьютъ виноградное вино, пьянство всегда относительно менѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ странахъ, гдѣ пиво, портеръ и водка составляютъ обыкновенные напитки. Русскій или шведъ въ Италіи и Франціи удивляются трезвости народа; но не такъ, повидимому, относится общественное мнѣніе въ южныхъ странахъ къ вопросу о пьянствѣ. Во Франціи, на примѣръ, безъ большого затрудненія прошелъ законъ, налагавшій различныя взысканія на пьяницъ и содержателей кабаковъ, поощряющихъ пьянство.

Строгія постановленія противъ содержателей питейныхъ заведеній существуютъ во всѣхъ законодательствахъ, и въ русскихъ законахъ они, пожалуй, строже, чѣмъ во французскихъ, хотя исполняются на практикѣ довольно снисходительно. Наказаніе за пьянство, какъ порокъ, также не чуждо нашему законодательству. Оно подчинено юрисдикціи волостныхъ судовъ, имѣющихъ право наказывать крестьянъ, которые въ году болѣе дней пьяны, чѣмъ трезвы, разумѣя подъ этимъ развратную жизнь; но наказанія за пьянство, какъ за отдѣльный проступокъ, у насъ нѣтъ. Это нововведеніе повсюду вызывало серьезную оппозицію.

Противники наказаній представляютъ многочисленныя и довольно вѣскія возраженія. Они указываютъ, что никто не потрудился собрать и выяснить результаты дѣйствія

существующихъ мѣръ взысканія противъ пьянства, которыя особенно многочисленны въ военно-дисциплинарныхъ уставахъ и, повидимому, оказываются безсильными. Опре-
дѣленіе момента опьяненія положительно невозможно; преслѣдовать слѣдуетъ только буйство или скандалъ, а для опредѣленія показанія числа лѣтъ, съ котораго разрѣшается ходить въ кабаки, придется носить съ собою въ кабаки метрическое свидѣтельство. Пьянство, какъ порокъ физической организаціи, слѣдуетъ считать болѣзью; но никто до сихъ поръ не наказываетъ человѣка за его болѣзненное состояніе; въ этомъ случаѣ справедливѣе было бы наказывать за сифилисъ. Если преслѣдовать неумѣренное употребленіе жидкостей, то съ такимъ же правомъ слѣдуетъ взыскивать и за всякое неумѣренное употребленіе пици и т. п.; между тѣмъ очень трудно устанавливать какія либо взысканія за вредъ, приносимый человѣкомъ не другимъ, а только лично себѣ. Наказанію за пьянство подлежатъ только люди низшихъ классовъ, пьющіе въ кабакахъ, а кутилы высшихъ классовъ останутся безнаказанными. Самое опредѣленіе виновности въ большей части случаевъ возлагается на людей, которые нерѣдко и сами большіе охотники выпить и привыкли рѣшать всѣ дѣла у виноторговцевъ. Обращаясь къ исторіи, видно, что хотя пьянство и вредно, но оно не помѣшало многимъ пьяницамъ совершать и великія дѣла; софизмъ, конечно, болѣе остроумный, нежели убѣдительный. Важнѣе замѣчаніе, что въ образованныхъ и высшихъ классахъ въ Европѣ число пьяницъ замѣтно уменьшается, и пьянство постепенно становится удѣломъ только низшихъ классовъ. Причина этого отраднaго явленія не строгость уголовныхъ наказаній, а развитіе и образованіе. Помочь могутъ и различныя паллятивныя мѣры, какъ общества трезвости, публичныя чтенія и книги о вредѣ пьянства, госпитали для излеченія страдающихъ запоемъ. Пьяницы часто знаютъ, что порокъ влечетъ ихъ въ могилу, но не имѣютъ силы остановиться: неужели штрафъ въ 1 рубль подѣйствуетъ больше, нежели страхъ смерти? Въ Соединенныхъ Штатахъ было издано 537 законовъ, преслѣдующихъ пьянство; но ни

одинъ не принесъ пользы. Весьма существенное возраженіе было сдѣлано еще и въ томъ смыслѣ, что одиночныхъ камеръ пока такъ мало, что пьяницъ придется помѣщать въ общія тюрьмы, а совмѣстное пребываніе захмелѣвшихъ рабочихъ съ ворами и убійцами только сильнѣе развращаетъ низшія сословія, а безсовѣстные содержатели кабаковъ во время пребыванія въ тюрьмѣ только приобрѣтутъ новыя знакомства и практику въ средѣ порочнаго населенія.

На все это защитники наказаній возражаютъ, что пьянство не зависитъ только отъ климата и физической организациі, а составляетъ порокъ моральный, что наказаніе за пьянство — мѣра чисто демократическая, потому что принята въ Соединенныхъ Штатахъ; пьянству надобно приписать деморализацію солдатъ и ополченія во время войны 1870 г. и Коммуны. Нищенство и бродяжничество не составляютъ сами по себѣ преступленія; между тѣмъ противъ нихъ вооружаются всѣ законодательства; слѣдовательно, пьянство не можетъ оправдаться тѣмъ, что оно не имѣетъ характера преступленія. Трудность различать пьянаго отъ нетрезваго вовсе не такъ велика на практикѣ, чтобъ удерживать отъ строгаго примѣненія закона и вызывать жалобы. Если возражаютъ, что законъ не достигаетъ въполнѣ своей цѣли и оставляетъ безнаказанными многихъ пьяницъ, особенно изъ высшихъ сословій, то то же самое можно сказать и о всѣхъ законахъ. Далеко не всѣ убійцы и воры попадаютъ въ руки правосудія; однако никто не отрицаетъ пользы уголовного кодекса; если законъ и не въполнѣ удовлетворителенъ, то нельзя требовать, чтобы общество оставалось вовсе безучастнымъ, иначе не нужно никакихъ законовъ. Противъ замѣчанія, что даже страхъ смерти не удерживаетъ отъ пьянства, возражали, что это бываетъ съ пьющими запоемъ, а цѣль закона и состоитъ въ томъ, чтобъ, удерживая въ-время наказаніемъ людей, склонныхъ къ горячимъ напиткамъ, не давать доходить человѣку до подобнаго унижительнаго состоянія. Законъ можетъ, наконецъ, дѣйствовать и нравственнымъ путемъ; когда пьянство будетъ считаться уголовнымъ преступленіемъ, многіе воздержатся изъ опасенія и стыда повредить своей репутаціи;

останутся внѣ его вліянія только люди совершенно безнадежные къ исправленію, но ихъ меньшинство.

Таковы доводы pro и contra наказаній за пьянство. Оцѣнивая ихъ хладнокровно, нельзя не сознаться, что они имѣютъ только относительное значеніе, въ особенности доводы въ пользу репрессивныхъ мѣръ. По нашему мнѣнію, даже самый вопросъ о наказаніи за пьянство можетъ возникать только въ странѣ, какъ Франція, гдѣ пьянство въ городахъ и сѣверныхъ провинціяхъ, употребляющихъ сидръ и пиво, вмѣсто вина, является всегда какъ исключеніе или порокъ меньшинства. Въ такомъ ли положеніи Россія, гдѣ пьянство свирѣпствуетъ эпидемически? По недѣлямъ иногда въ селѣ не выпивается въ сложности и ведра водки, а вдругъ въ праздникъ все село поголовно пьяно. Бываютъ эпохи, когда, безъ преувеличенія можно сказать, что у насъ перебиваются цѣлыя губерніи, на примѣръ, въ Вятской губерніи, когда варятъ курмышку, или въ Вологодской — сурь. Если примѣнить у насъ французскій законъ, то всѣ жители губерніи должны будутъ сажать тогда другъ друга въ тюрьму и взаимно стеречь себя, а штрафы быстро превысятъ государственный бюджетъ. Если же исключить изъ круга дѣйствія закона сельское населеніе и оставить наказанія за пьянство для однихъ городовъ, то, кромѣ явной несправедливости, каждый, кто знакомъ съ печальною обстановкой нашихъ фабричныхъ рабочихъ, знаетъ и подтвердить, что кабакъ долженъ привлекать ихъ сильнѣе, нежели деревенскихъ жителей. Въ фабричныхъ мѣстностяхъ нѣтъ дома, гдѣ бы не было по одному или по два кабака; кабакъ преслѣдуетъ рабочаго какъ тѣнь, и жестоко взыскивать съ человѣка, которому не дается средствъ къ выходу и закрываются пути къ исправленію.

Единственное, чего въ правѣ требовать общественное благоустройство, это — ограниченіе публичнаго пьянства. Существуетъ русская поговорка: „хмѣль нужно выходить на ногахъ“; можетъ быть она и справедлива съ гигиенической точки зрѣнія, но слѣдуетъ признать, что нѣтъ ничего омерзительнѣе и болѣе развращающаго, чѣмъ видъ толпы пьяныхъ, блуждающихъ по нашимъ улицамъ въ празд-

нии, заходя изъ кабака въ кабакъ. Кромѣ болѣе строгихъ взысканій кабатчиковъ, благоразумно было бы предоставить полиціи право задерживать всѣхъ сильно пьяныхъ, а не ограничиваться подборкою только мертвецки налившихся. Подобное дозволеніе равносильно запрещенію ходить по улицамъ въ пьяномъ видѣ; оно можетъ встрѣтить затрудненіе только по неустройству нашихъ частныхъ домовъ.

Конечно, и подобная суровая мѣра, удовлетворяя справедливому требованію трезваго большинства городского населенія, не представляетъ ничего радикальнаго. Если пьянство не должно искореняться путемъ уголовнымъ, то нельзя также узаконивать его навѣки ссылкой на холодный климатъ, скудную почву, или историческое: „Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти“. Пьянство имѣетъ и другія болѣе глубокія причины, на которыя давно пора обратить серьезное вниманіе. „У меня, батюшка, столько кабаковъ, сколько у васъ батальоновъ“, сказалъ графъ Канкринъ графу Чернышеву, жаловавшемуся на спаиваніе солдатъ. Хотя въ Россіи кабаковъ теперь въ четыреста разъ болѣе, нежели батальоновъ, фраза эта имѣетъ особенное значеніе. Пока, главнымъ образомъ, государственный бюджетъ построенъ на питейномъ доходѣ, не можетъ быть и рѣчи о серьезныхъ мѣрахъ противъ пьянства; кабаки являются составною частью финансовой системы, ограниченіе ихъ всегда рисковано и можетъ повлечь за собою сокращеніе государственныхъ доходовъ, которыхъ хватаетъ только въ обрѣзъ на покрытіе издержекъ. Поэтому *sine qua* попъ всѣхъ мѣропріятій противъ пьянства — преобразование податной системы. Затѣмъ, хотя изъ мѣръ, противодействующихъ пьянству, лучшая все-таки — ограниченіе числа кабаковъ, но тѣ ограниченія, которыя сдѣланы уже въ Швеціи, Норвегіи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ и др. странахъ, оцѣниваются разными писателями различно: одни находятъ, что ограниченія принесли пользу; другіе — что остались безъ вліянія, и что причины пьянства, повсемѣстно усиливающаяся, не выяснены.

Enquête, сдѣланная комиссіей палаты лордовъ въ 1878 году, выказала плохіе результаты строгихъ законовъ

въ 1872 и 1874 годахъ въ Англіи; въ Норвичѣ кабаки свободны и пьяныхъ мало, а въ Ливерпулѣ кабаковъ пропорціонально очень мало, пьянство же страшное. Въ Голландіи число кабаковъ сокращено на двѣ трети, но пьянство не уменьшилось—въ этой же пропорціи. Статистическое бюро Швейцарской республики, собравъ свѣдѣнія о пьянствѣ, также высказалось противъ ограничительныхъ мѣръ. Въ Швеціи приложеніе готеборгской системы не уменьшило числа опившихся; въ Финляндіи было уменьшено число винокуренныхъ заводовъ, а въ Даніи уменьшено число заводовъ и дано общинамъ право сокращать число питейныхъ заведеній, но пьянство въ обѣихъ странахъ увеличивается; пропорціонально же Данія самая пьяная страна въ Европѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ каждый штатъ имѣетъ на этотъ счетъ различные взгляды; замѣчательно, однако, что статистика тамъ пришла къ неожиданному выводу, будто чѣмъ меньше въ какомъ либо штатѣ (конечно, пропорціонально) кабаковъ, тѣмъ больше идиотовъ! Въ Бельгійи и Швейцаріи конгрессы и ученые пришли къ заключенію, что пьянство связано съ бѣдностью населенія и что единственное противъ него средство — хорошая пища и хорошее образованіе.

Все-таки, по нашему мнѣнію, никакъ нельзя утверждать, что ограничительные законы не принесли никакой пользы, ибо вовсе неизвѣстно, какъ быстро развилось бы пьянство безъ существованія этихъ законовъ. Само собою, что нельзя приписывать всю причину пьянства числу питейныхъ заведеній и на сокращеніи одного этого числа строить планы нравственнаго возрожденія народа, но кабаки, какъ и дома терпимости и игорные дома, должны быть ограничиваемы и строго контролируемы*). Замѣчательно

*) Азартная игра въ видѣ тотализаторовъ на скачкахъ нашла у насъ въ послѣднее время горячихъ защитниковъ даже въ официальныхъ сферахъ, какъ средство для поощренія коннозаводства. Мы того мнѣнія, что никогда безнравственная мѣра не можетъ быть признана полезною съ точки зрѣнія экономической, потому что производство связано съ нравственною силою человѣка и все, что уменьшаетъ послѣднюю, губитъ богатство въ самомъ корнѣ.

еще, что чуть только заходитъ рѣчь о свободѣ кабаковъ, будь это въ Россіи или во Франціи, какъ радикалы и жида трогательно протягиваютъ другъ другу руки... Извѣстный экономическій писатель г. Рафаловичъ рѣшительно противъ ограничительныхъ мѣръ, которыхъ требуетъ Германія и Голландія. Во-первыхъ, говоритъ онъ, это нарушаетъ принципъ свободы, во-вторыхъ, изъ-за желанія исправить *несколько* пьяницъ, такимъ образомъ стѣсняется тысяча честныхъ людей. „Кабакъ имѣетъ и хорошую сторону, проповѣдуетъ Рафаловичъ; такъ, посѣтителю находитъ въ кабацѣ то, чего у него нѣтъ дома и чего лишить его было бы несправедливо: свѣтъ, тепло, газеты, общество и развлеченіе“. Но такой аргументъ можно привести и въ пользу

Тотализаторъ не разоряетъ сразу, какъ рулетка, но онъ подтачиваетъ медленно производство, отучая населеніе сберегать небольшія суммы, которыя охотибѣ проигрываются безъ всякой пользы. Еще безп्राветнѣе то, что въ этой лотерей шансы играющаго и шансы тотализатора неравны, но рассчитаны такъ, чтобъ у послѣдняго оставался извѣстный доходъ, т. е. другими словами тотализаторъ маскируетъ извѣстный обманъ, изъ котораго извлекается прибыль. Извѣстно, какъ безцѣльно проживаются деньги, выигрываемыя въ лотереяхъ. Лафиттъ говорилъ: „Если бы я имѣлъ смертельнаго врага, я бы пожелалъ ему выиграть въ лотерею“. Въ Генуѣ, гдѣ лотерея была въ большой модѣ, *ti venisse un ambo*, т. е. пожеланіе большого выигрыша, до сихъ поръ осталось самымъ сильнымъ проклятіемъ.

Но и лотерея своими послѣдствіями незначительна по вреду сравнительно съ публичною азартною игрою, когда можно прійти въ игорный домъ богатымъ и уйти нищимъ и опозореннымъ. Названіе этихъ игръ азартными неточно, потому что онѣ заранѣе рассчитаны такъ, чтобъ дать возможность выиграть банку навѣрное. Эта разность, правда, ограничивается иногда только $\frac{1}{18}$, но и такой пропорціи достаточно, чтобъ придать игрѣ видъ безп्राветнаго обмана. Съ экономической точки зрѣнія игра никогда не можетъ считаться источникомъ обогащенія, потому что не производитъ ничего, а только разрушаетъ состоянія. Ничего не дѣйствуетъ на нравственность именно такимъ разлагающимъ образомъ, какъ связанная съ азартною игрою переходы отъ богатства къ бѣдности, отъ надежды къ отчаянію, отъ лихорадочнаго ожиданія къ самоубійству. Это неизбежный удѣлъ населенія, гдѣ свирѣпствуетъ игра. Даже при выигрышахъ частныхъ лицъ очень мало пользы для государства. Далеко не все равно для страны, въ чьихъ рукахъ находятся капиталы, такъ какъ изъ одной суммы денегъ чело-

всѣхъ притоновъ разврата — вездѣ въ нихъ встрѣчается общество и развлеченіе.

Устройство въ Россіи пріютовъ для лицъ, страдающихъ запоемъ, очень полезная мѣра для борьбы съ пьянствомъ. Запой или алкоголизмъ болѣзнь чрезвычайно распространенная въ Россіи и противъ нея, не смотря на усиленіе зла, наблюдаемаго и во всей Европѣ, до сихъ поръ не принималось почти никакихъ мѣръ. Конечно, мы не согласны съ г. Португаловымъ, который пресерьезно доказывалъ, что еслибы русская интеллигенція, особенно либеральные журналисты и радикальные доктора, перестали пьянствовать, то русскій народъ разбогатѣлъ бы и получилъ ту традиціонную курицу къ супу, которую король Генрихъ IV обѣщалъ своему народу. Пьянство составляетъ у насъ порокъ

вѣкъ предприимчивый извлечетъ одинъ доходъ, а развратный или лѣнивый другой, или не получитъ ничего. Игра и способствуетъ передачѣ капиталовъ въ руки совершенно неспособныхъ и непронизводительныхъ. Если выигравшій принадлежитъ къ трудящемуся классу, онъ перестаетъ обыкновенно работать; если у него было уже состояніе, неожиданное счастье только увеличиваетъ стремленіе къ роскоши и бездѣльности.

И въ Россіи, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, мы испытали, что съ губельною страстью къ азартной игрѣ возможно бороться только запрещеніемъ. Всѣмъ памятна эпоха, когда въ петербургскихъ клубахъ терѣлись домнио-лото и стуколка; въ нѣсколько мѣсяцевъ обыкновенно скромныя собранія превратились въ игорные дома, гдѣ среди облаковъ дыма по цѣлымъ ночамъ просиживала самая странная толпа чиновниковъ, купцовъ, ростовщиковъ, шулеровъ, женщинъ, дѣвицъ и даже дѣтей. Соблазнительнѣе всего дѣйствовала возможность играть когда угодно, какое угодно короткое время и на всякую сумму, хотя бы самую малую. И тогда находилось множество защитниковъ дозволенія публичной азартной игры, во имя свободы человѣческой дѣятельности. Защитники были изъ среды, которая обыкновенно очень мало интересуется свободой въ ея человѣческихъ проявленіяхъ, а говоритъ о свободѣ азартной игры—все равно, что во имя свободы позволять нарушать санитарныя правила во время холеры, или карантинныя во время чумы. Страсть къ азартнымъ играмъ дѣйствуетъ, какъ извѣстно, чрезвычайно заразительно. Единственною уздою служить только или затрудненіе найти благонадежную партію, или недостатокъ денегъ, чтобъ вести игру долгое время; подобное затрудненіе устраняется устройствомъ тотализаторовъ, куда можно зайти съ рублемъ на одинъ туръ.

главнымъ образомъ низшихъ сословій, но какъ примѣръ въ такомъ дѣлѣ будетъ весьма полезенъ, если пойдетъ и выше, то не худо, чтобы принимались мѣры для уменьшенія случаевъ запоя среди интеллигенціи.

Для этого весьма полезнымъ пособіемъ могутъ служить пріюты для леченія отъ запоя, которые впервые возникли въ Соединенныхъ Штатахъ и тамъ ежегодно расширяются. Пріютъ въ Нью-Йоркѣ, извѣстный подъ названіемъ: *Inebriate asylum*, въ теченіе пяти только лѣтъ, среди множества другихъ пѣницъ, принялъ въ свою среду 39 протестантскихъ священниковъ, 8 судей, 40 купцовъ, 226 докторовъ, 240 „джентльменовъ“ и 1,387 дѣвицъ изъ хорошаго общества. Г. Ивановъ и г-жа Лагова приступили было къ закладкѣ подобнаго пріюта въ Петербургѣ, но о дѣятельности его ничего не слышно.

У насъ нѣтъ ежегодныхъ точныхъ свѣдѣній о размѣрѣ общественной благотворительности, но по нѣкоторымъ officialнымъ указаніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Святѣйшаго Синода и вѣдомства Императрицы Маріи, размѣры ея весьма значительны,—гораздо большіе, чѣмъ объ этомъ, можетъ быть, думаютъ. Къ сожалѣнію, такая хорошая черта русской публики не всегда правильно направлена. Руководствомъ служить подчасъ не строго обдуманная общественная потребность, а привычка или мода. Какъ въ былое время свирѣпствовала, на примѣръ, покупка колоколовъ, такъ въ новѣйшее время мы были свидѣтелями маніи стипендій, непремѣнно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя бы рядомъ оставались неудовлетворенными болѣе насущныя потребности.

Устройство пріютовъ для леченія отъ пьянства составляетъ одну изъ такихъ общественныхъ потребностей, на которую стоило бы обратить вниманіе частной благотворительности. Стипендіи въ подобныхъ заведеніяхъ будутъ далеко полезнѣе стипендій въ университетахъ и на женскихъ курсахъ. Но здѣсь мало еще одной благотворительности. Опытъ Соединенныхъ Штатовъ показываетъ, что однихъ денежныхъ затратъ крайне недостаточно, необходимо и пособіе законодательства.

Дѣло въ томъ, что въ пріютахъ для излеченія пьяницъ отъ запоя, собственно говоря, нѣтъ никакого профилактическаго леченія. Выздоровленіе достигается содержаніемъ пациента безъ дозволенія отлучаться изъ пріюта и употреблять спиртные напитки болѣе или менѣе продолжительное время. Согласно этому, законодательство разныхъ американскихъ штатовъ постановило, что лицо, вступившее въ пріютъ для леченія отъ запоя и давшее письменное согласіе быть принятымъ на извѣстный срокъ въ заведеніе, лишается на это время своей свободы и, подобно всѣмъ душевнобольнымъ, можетъ быть отпущено изъ заведенія только съ согласія администраціи послѣдняго. Равнымъ образомъ законъ запрещаетъ устройство питейныхъ заведеній на извѣстномъ разстояніи отъ пріютовъ для излеченія пьяницъ и грозитъ наказаніемъ въ видѣ продолжительнаго заключенія въ тюрьмѣ тѣмъ кабатчикамъ и трактирщикамъ, которые продадутъ какіе либо крѣпкіе напитки пациентамъ пріютовъ.

Безъ подобныхъ законодательныхъ постановленій и у насъ пріюты для излеченія страждущихъ запоемъ останутся безъ серьезныхъ практическихъ послѣдствій.

Другой вопросъ, имѣющій неотложную важность для народнаго здравія, это удешевленіе для населенія лекарствъ. Извѣстно, что у насъ лекарства дороги и аптечная монополія ложится тяжелымъ бременемъ на населеніе. Но не такъ думаютъ гг. фармацевты. Ихъ высокое мнѣніе, достигающее геркулесовыхъ столбовъ комизма, лучше всего сказалось въ отчетѣ, напечатанномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ о состоявшемся съ 1-го по 6-е августа 1872 г. въ Петербургѣ четвертомъ международномъ фармацевтическомъ конгрессѣ. Конгрессъ этотъ былъ довольно скромный, и по числу участниковъ, и по вниманію, возбужденному въ нашемъ обществѣ, и особенно по результатамъ своихъ совѣщаній; тѣмъ не менѣе отчетъ, составленный однимъ изъ участниковъ конгресса силился выставить его въ блистательнѣйшемъ видѣ.

По словамъ отчета, дѣло началось со сѣзда фармацев-

товъ въ Петербургѣ въ 1864 году. Описаніе этого съѣзда, составленное дерптскимъ профессоромъ Драгендорфомъ, „было принято заграницею съ одушевленіемъ и, можетъ быть, въ то время еще съ удивленіемъ, какъ по достоинству изложенія, такъ и въ особенности по обширному значенію всесторонне разсмотрѣнныхъ и рационально во всѣхъ отношеніяхъ рѣшенныхъ вопросовъ нашими фармацевтами“. „Съѣздъ этотъ и сочиненіе о немъ г. Драгендорфа“, продолжаетъ отчетъ, „обратили взоры всѣхъ заграничныхъ фармацевтическихъ обществъ, европейскихъ и даже американскихъ, на русскихъ фармацевтовъ, и когда возникла заграницею мысль устроить первый международный фармацевтический конгрессъ, то петербургское общество въ числѣ первыхъ было приглашено къ обмѣну мыслей по этому предмету“.

Когда русскіе делегаты явились на первый конгрессъ въ Брауншвейгѣ, то, по словамъ отчета, „уваженіе къ русскимъ фармацевтамъ простерлось тутъ до того, что статскаго совѣтника фонъ-Шредерса настоятельно просили принять выборъ въ президенты конгресса, и только вслѣдствіе рѣшительнаго отказа г. фонъ-Шредерса былъ избранъ президентомъ первый въ Европѣ фармакогностъ, докторъ Диттрихъ“.

Послѣ участія нашихъ аптекарей въ конгрессахъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, „иностранныя фармацевтическія общества сознали важное значеніе нашихъ фармацевтовъ, а потому съ нераздѣльнымъ сочувствіемъ и полнымъ довѣріемъ отнеслись къ приглашенію петербургскаго общества на четвертый конгрессъ, по предложенной имъ программѣ, которую принимали безъ измѣненій“. Такова вкратцѣ исторія образованія петербургскаго конгресса.

На конгрессъ пріѣхали въ Петербургъ изъ Австро-Венгріи, Англіи, Франціи и Даніи десять аптекарей; титулъ международнаго конгресса для такого незначительнаго, по числу, собранія едва ли удобенъ; международнымъ онъ могъ быть названъ развѣ съ такимъ же правомъ, какъ знаменитые три портные, подавшіе въ англійскій парламентъ петицію, называли себя: „мы, народъ англійскій“; но недостатокъ иностранцевъ былъ пополненъ

собственными дѣятелями: „всѣ дѣйствительные и нѣкоторые почетные члены петербургскаго фармацевтическаго общества“, говорить отчетъ, „принимали живѣйшее участіе въ этомъ торжествѣ науки и братскаго единенія европейскихъ національностей“.

Значеніе конгрессовъ измѣряется, конечно, не абсолютнымъ числомъ участниковъ, а практичностью поднятыхъ вопросовъ и плодотворностью послѣдовавшихъ обсужденій и принятыхъ рѣшеній. Въ этомъ случаѣ очень важны какъ постановка вопросовъ для конгресса, такъ и приготовительныя работы для ихъ разрѣшенія. Аптека имѣетъ въ народной жизни немаловажное значеніе; кромѣ вопросовъ чисто-научныхъ, съ нею связаны многія стороны изъ экономической и соціальной жизни; потому, естественно, слѣдовало ожидать, что международный фармацевтическій конгрессъ долженъ былъ поставить много серьезныхъ вопросовъ и захватить ихъ по возможности широко. Тѣмъ съ большимъ удивленіемъ мы видимъ, что фармацевты собирались изъ далекихъ странъ въ Петербургъ только для обсужденія слѣдующихъ четырехъ пунктовъ: „1) Какъ далеко должна простираться личная отвѣтственность служащихъ въ аптекахъ фармацевтовъ при исполненіи ими своихъ обязанностей? 2) Какъ должна быть наиболѣе цѣлесообразно организована ревизія аптекъ? 3) Необходимо ли, чтобы профессура фармаціи замѣщалась только фармацевтомъ? и 4) Не наступило ли время для составленія международной фармакопеи?“

Незначительность подобной программы какъ будто бы сознавали сами распорядители конгресса, и потому были предположены теоретически-научныя бесѣды, и члены заграничныхъ фармацевтическихъ обществъ приглашены сообщить свои изслѣдованія и открытія по предметамъ фармаціи и наукамъ, имѣющимъ непосредственную съ нею связь. „За это нововведеніе“, говорить отчетъ, „делегаты заграничныхъ обществъ были очень признательны и обнаружили такую готовность къ участію въ нихъ, что не достало времени, чтобы выслушать рефераты всѣхъ тѣхъ уче-

ныхъ и практиковъ, которые желали подѣлиться своими трудами со всею Европою посредствомъ конгресса“.

Едва ли, однако, для подобныхъ сообщеній стоило съѣзжаться, такъ какъ болѣе приличное мѣсто для нихъ въ специальныхъ фармацевтическихъ или химическихъ журналахъ. Отчетъ увѣрялъ, что аптекари обнаружили въ этихъ сообщеніяхъ „обширную ученость“, „поразительную память“, и даже „патріотизмъ“. Нѣкоторые ораторы „приковывали“ слушателей, „вызывали“ общее нераздѣльное одобреніе: таковы были, напримѣръ, доклады о смолѣ листовичной губки, о разложеніи воды электричествомъ. Мы, конечно, не коснемся этихъ трудовъ, по всей вѣроятности достойныхъ полного вниманія всѣхъ аптекарей, и скажемъ только нѣсколько словъ о болѣе практическихъ вопросахъ, предложенныхъ вниманію конгресса.

Замѣчательно, что всѣ эти вопросы разрѣшаются безъ труда сами собою; точно также поступилъ и конгрессъ, порѣшившій ихъ безъ большого затрудненія, и порѣшившій притомъ наименѣе удовлетворительнымъ образомъ. Третій вопросъ, напримѣръ, разрѣшается, безъ сомнѣнія, положительно въ томъ смыслѣ, что фармацію долженъ читать фармацевтъ; конгрессъ же постановилъ, что онъ не отвергаетъ замѣщенія фармацевтическихъ каѳедръ медиками и естествоиспытателями, отдавая преимущество лишь лучшимъ научнымъ силамъ вообще. Далѣе, по вопросу о проектѣ международной фармакопеи, довольно важному и весьма своевременному, разрѣшеніе котораго подготовилъ уже своимъ трудомъ г. Мегю, секретарь парижскаго фармацевтическаго общества, конгрессъ ограничился предложеніемъ учредить при петербургскомъ фармацевтическомъ обществѣ комиссію; комиссія эта должна была рассмотреть проектъ, напечатать его, разослать на обсужденіе различныхъ фармацевтическихъ обществъ, затѣмъ собрать международную комиссію для окончательнаго заключенія и, наконецъ, представить русскому правительству; послѣднее уже сообщить проектъ другимъ европейскимъ правительствамъ для совокупнаго обсужденія и утвержденія. Притомъ, однако, конгрессъ выразилъ желаніе, чтобы международная фарма-

копая не устраняла фармакопей каждого отдѣльнаго государства, правительство котораго признало бы нужнымъ имѣть для себя таковую, т. е., другими словами, конгрессъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Такимъ же неопредѣленнымъ характеромъ отличалась и резолюція конгресса по вопросу объ отвѣтственности держателей аптекъ. По законамъ различныхъ государствъ, содержатель аптеки или управляющій ею всегда отвѣчаетъ за проступки лицъ, служащихъ въ его аптекѣ, даже если съ его стороны не было ни малѣйшей вины. Отвѣтственность эта въ особенности сильна въ Англіи и Франціи. Конгрессъ призналъ необходимымъ просить объ измѣненіи уголовныхъ узаконеній по этой части въ томъ смыслѣ, чтобы съ аптекарей была снята отвѣтственность за проступки служащихъ у нихъ лицъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что аптекарь долженъ же отлучиться изъ аптеки, да еслибы и присутствовалъ въ ней постоянно, то не могъ бы слѣдить за каждою аптекарскою операціей. Доводы эти не выдерживаютъ, конечно, никакой критики. Хотя, по всѣмъ уголовнымъ кодексамъ, за проступокъ отвѣчаетъ тотъ, кто совершалъ его, но этотъ основной принципъ, на который сослался конгрессъ, не совсѣмъ приложимъ въ данномъ случаѣ. Аптеки пользуются монополіей; монополія эта, тягостная для публики, оправдывается только тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ виду опасности для общественнаго здоровья небрежнаго приготовленія лекарствъ, послѣднее должно быть дозволяемо лишь лицамъ извѣстнаго образованія и несущимъ личную отвѣтственность. Если же эта отвѣтственность слагается, то нѣтъ уже резонновъ для удержанія за аптекарями ихъ привилегированнаго положенія, а аптеки обрацаются въ обыкновенныя лавочки химическихъ матеріаловъ, хозяева которыхъ должны отвѣчать наравнѣ съ служащими въ аптекахъ.

Отстранивъ отвѣтственность аптекарей за невнимательное управленіе, конгрессъ пытался облегчить ихъ и въ другомъ отношеніи, а именно по вопросу о ревизіи аптекъ, производимой въ санитарно-полицейскомъ отношеніи. Подобную ревизію, по мнѣнію конгресса, необходимо произ-

водить двумя равноправными лицами, изъ которыхъ одинъ долженъ быть непременно аптекарь, т. е. свой братъ, заинтересованный болѣе или менѣе въ скрытіи разныхъ не-правильностей. Конгрессъ сослался на то, что подобный порядокъ существуетъ въ Россіи, и рекомендовалъ его правительствамъ другихъ государствъ.

Вотъ и всѣ постановленія конгресса. Можно удивляться только ихъ незначительности; очевидно, что европейскіе фармацевты, привыкнувъ всю жизнь мѣрять малыми дозами, и тутъ отпустили своей премудрости не унціями, а скрупулами и гранами.

Между тѣмъ, какъ мы сказали выше, аптекарское дѣло должно интересовать не однихъ аптекарей, но и все общество; тутъ замѣшаны очень и очень серьезные вопросы, а особенно въ странахъ бѣдныхъ и съ дурною организаціей народной медицины, какъ, напр., въ Россіи. Конгрессъ, повидимому, нашелъ, что у насъ все сдѣлано въ пользу аптекъ, и могъ только рекомендовать подобный порядокъ вещей Европѣ; но эта лестная аттестація очень мало насъ трогаетъ, потому что личные интересы содержателей аптекъ — капля въ морѣ въ сравненіи съ другими, болѣе серьезными интересами, изъ котораго первый и самый важный — удешевленіе лекарствъ и доступность ихъ для всей народной массы, въ нихъ нуждающейся. Объ этомъ-то вопросѣ конгрессъ не заикнулся ни словомъ, хотя до сихъ поръ медикаменты составляютъ предметъ роскоши, недоступный большей части нашего сельскаго населенія. Мы можемъ указать, напримѣръ, хотя на одинъ примѣръ. Перемежающаяся лихорадка поражаетъ у насъ ежегодно милліоны людей на югѣ и юго-востокѣ Россіи, въ особенности же на Кавказѣ; самое радикальное средство для нея хининъ; онъ, однако, такъ дорогъ, что затрудняетъ въ покупкѣ даже военные госпитали; гдѣ же приобрѣтать его казакамъ, киргизамъ и т. п. части русскаго населенія? Почему бы международному аптекарскому конгрессу, вмѣсто „поразительныхъ“ изслѣдованій о листовничной губкѣ, не обсудить вопроса объ удешевленіи хинина распространеніемъ его культуры въ разныхъ странахъ? Подобными вопросами

конгрессъ, дѣйствительно, заслужилъ бы международное одобреніе; онъ предпочелъ удостоиться похвалъ только своихъ же собственныхъ членовъ.

Въ числѣ мѣръ, сберегающихъ народное здравіе, въ послѣднее время особенно занимались улучшеніемъ положенія рабочаго въ фабричной работѣ. Не надобно думать, что охраненіе труда есть плодъ социалистическихъ идей и выдумано на Западѣ. Если просмотрѣть нашъ ремесленный уставъ 1775 г. и законоположенія 1806 г., то тамъ найдутъ всѣ тѣ ограниченія, которыхъ только недавно добилась радикальная партія въ Европѣ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что вышеизложенные законы оставались болѣе на бумагѣ, потому что долгое время въ Россіи никакой фабричной инспекціи не имѣлось. Правда, номинально въ каждой губерніи въ распоряженіи губернаторовъ числятся губернскіе механики, но эти лица жалованія не получаютъ и на разъѣзды ихъ денегъ не отпускается. Прямая обязанность механиковъ состоитъ въ пробѣ паровыхъ котловъ, что сводится, однако, къ незамысловатой формальности полученія отъ фабрикантовъ по 25 руб. съ котла въ пользу механика. Есть, впрочемъ, механики, настолько великодушные, или занятые другими дѣлами, что отказываются даже отъ подобныхъ добровольныхъ приношеній и никогда не показываются въ предѣлахъ своихъ губерній; понудить же губернскихъ механиковъ къ исполненію обязанностей у губернаторовъ нѣтъ средствъ, за неимѣніемъ въ распоряженіи какихъ либо суммъ на командировку механиковъ. Давно составленъ былъ проектъ назначить механикамъ хотя малое жалованіе, но проектъ, по финансовымъ соображеніямъ, не двигался.

Между тѣмъ, фабричная инспекція — дѣло весьма существенной потребности. Государство обязано защищать слабыхъ отъ эксплуатаціи сильныхъ, а у насъ, по отсутствіи надзора, работали на фабрикахъ и малолѣтки, и женщины въ послѣднихъ дняхъ беременности. Несчастные случаи оставались всегда безнаказанными и предались волѣ Божьей. Еще опаснѣе несчастныхъ случаевъ, поражающихъ

отдѣльныхъ людей, общее вредное вліяніе на массу фабричнаго населенія дурно устроенныхъ въ гигиеническомъ отношеніи мастерскихъ. Безъ преувеличенія, на примѣръ, можно сказать, что однѣ фабрики спичечныя и свинцовыхъ бѣлили убиваютъ и калѣчатъ въ Россіи болѣе народа, чѣмъ всѣ туркестанскія экспедиціи взятыя вмѣстѣ. Никто, однако, на этихъ „инвалидовъ“ труда вниманія не обращаетъ.

Вопросъ объ инспекціи вызвалъ въ печати не разработку его по существу, а принципиальное обсужденіе того, кому должна быть поручена эта инспекція. Либеральныя газеты указали, что не худо бы привлечь къ дѣлу инспекціи земство. Радикальныя органы печати находили, что еще правильнѣе было бы привлечь къ инспекціи самихъ рабочихъ, какъ лицъ наиболѣе заинтересованныхъ въ исправномъ сохраненіи фабрикъ и заводовъ.

Оба эти предположенія не выдерживаютъ критику. Фабричная инспекція есть не болѣе, какъ часть полиціи. Очевидно, слѣдовательно, что до тѣхъ поръ, пока земство у насъ главнымъ образомъ хозяйственная единица, пока никакихъ полицейскихъ атрибутовъ у него не имѣется, до тѣхъ поръ порученіе ему фабричной инспекціи представляло бы многія неудобства. Въ Англіи, впрочемъ, хотя полиція находится исключительно въ рукахъ земства, фабричная и горная инспекція непосредственно подчинены министру внутреннихъ дѣлъ, какъ предметъ особой важности, гдѣ правительство обязано охранять интересы рабочаго сословія, не имѣющаго достаточно представителей въ англійскихъ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ.

Порученіе фабричной инспекціи выборнымъ отъ рабочихъ составляетъ одно изъ постоянныхъ требованій рабочихъ обществъ и социалистовъ за границую. Это одинъ изъ важныхъ пунктовъ программы улучшенія положенія рабочаго сословія на Западѣ. Нельзя не обратить вниманія, что ему препятствуетъ то обстоятельство, что рабочее сословіе не сложилось еще въ извѣстныя корпораціи, имѣющія характеръ юридическихъ лицъ. У насъ особенно, гдѣ фабричный классъ представляетъ по большей части тѣхъ же крестьянъ, прикѣпленныхъ гораздо болѣе къ своей воло-

сти, нежели къ фабричной промышленности, какое либо представительство рабочихъ для надзора за фабриками, не говоря о повсемѣстномъ недостаткѣ между рабочими лицъ, подготовленныхъ по юридическому и техническому образованію, встрѣтило бы почти непреодолимые препятствія.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, едва ли возможна организація въ Россіи фабрично-заводскихъ инспекторовъ, иначе какъ въ видѣ отдѣльныхъ органовъ администраціи, подчиненныхъ Министерству Финансовъ и губернаторамъ.

У насъ уже имѣлся опытъ фабричной инспекціи, устроенной на рациональныхъ основаніяхъ — это инстанція окружныхъ горныхъ инженеровъ, учрежденныхъ для наблюденія за безопасностью горнозаводскаго промысла. Ихъ дѣятельность встрѣтила сначала значительныя препятствія въ виду того, что инструкціи инженерамъ, даваемые административнымъ порядкомъ, не имѣли силы закона, а потому не могли служить для судебныхъ учреждений достаточнымъ основаніемъ для привлеченія виновныхъ промышленниковъ къ отвѣтственности. Этотъ недостатокъ исправленъ, но окончательное значеніе горная инспекція пріобрѣтетъ у насъ тогда, когда пополнятся многіе пробѣлы нашего устарѣлаго горнаго устава. Послѣдній возлагаетъ на горную администрацію не мало разныхъ обязанностей по отношенію къ частной промышленности, вовсе не указывая, какимъ путемъ могутъ быть исполняемы эти обязанности.

Приведенный опытъ окружныхъ горныхъ инспекторовъ доказываетъ, что еще крайне недостаточно учредить инспекціи въ видѣ ли новыхъ инспекторовъ или въ видѣ отдѣленія полицейскихъ управленій. Эта инспекція очень легко можетъ обратиться въ синекуры, если по неполнотѣ закона инспектора не пожелаютъ ничего дѣлать и, наоборотъ, сдѣлаться источникомъ стѣсненій для промышленниковъ, если инспекторы будутъ придирчивы.

Учрежденію фабричной инспекціи предшествовало изданіе закона о трудѣ малолѣтнихъ, дополненнаго потомъ закономъ о работѣ женщинъ, о ночной работѣ и о наймѣ рабочихъ на фабрики, но инспекція пріобрѣтетъ окончательное значеніе только тогда, когда будетъ пересмотрѣнъ

и дополненъ нашъ фабричный уставъ. Новый проектъ его давно уже составленъ, но лежитъ почему-то безъ движенія. Всѣ правила фабричной полиціи должны быть непремѣнно строго и точно опредѣлены въ законѣ. Министерскіе и губернаторскіе инструкціи и циркуляры могутъ только дополнять эти правила.

Общее впечатлѣніе изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ таково, что промышленность у насъ гораздо значительнѣе, чѣмъ это думаютъ. Точное число фабрикъ неизвѣстно никому—ни полиціи, ни земству, ни тѣмъ менѣе инспекціи. Многія фабрики открывались инспекторами по пути случайно, на множество другихъ инспектора никогда и не попадутъ, потому что или фабрики дѣйствуютъ періодически неизвѣстно когда, или къ нимъ проѣхать нельзя, или, заѣхавъ, не на чемъ уѣхать обратно. Въ одномъ районѣ Московскаго округа около 6¹/₂ тысячъ фабрикъ и заводовъ, а инспекціи округа удалось за годъ осмотрѣть, по большей части по одному разу, 460 фабрикъ. Каковы же, судя по этому, будутъ затрудненія для исполненія закона о наймѣ рабочихъ для фабрикъ, гдѣ инспекторъ является чуть не ежедневнымъ рѣшителемъ споровъ между фабрикантами и рабочими.

О вліяніи закона о малолѣтахъ, весьма благотѣльнаго на бумагѣ, судить, по заключенію фабричныхъ инспекторовъ, трудно. Повсемѣстно фабриканты или не слыхали о законѣ, или дѣлали видъ, что не знаютъ ничего; когда же имъ сообщали текстъ, то они безъ церемоніи увольняли всѣхъ малолѣтовъ и даже закрывали школы на фабрикахъ, дабы „не возиться съ инспекціею“. Наблюдать за исполненіемъ закона черезъ самихъ малолѣтовъ трудно, ибо есть округа, какъ Варшавскій и Виленскій, гдѣ на фабрикахъ почти никто не понимаетъ по-русски и инспектору чуть ли не придется выучиться говорить на жидовскомъ жаргонѣ. Извольте также наблюдать, сколько часовъ работаетъ малолѣтъ, когда во многихъ заведеніяхъ онъ не имѣетъ другого помѣщенія, кромѣ самой же мастерской, тутъ же ѣсть и спать.

Сопровиженія закону прямого, впрочемъ, было мало,

по крайней мѣрѣ, со стороны простыхъ людей. Сопротивлялся и доводилъ дѣло до кассационнаго сената известный редакторъ „Русскаго Курьера“ г. Ланинъ. Инспекторъ Харьковскаго округа жалуется, что на заводахъ, „во главѣ которыхъ стояли люди гуманные, съ университетскимъ образованіемъ, защищавшіе *даже въ печати* весь глубокий и нравственный смыслъ *новаго* закона о малолѣтнихъ, дѣти все-таки работали *по-старому*, по 12—14 часовъ въ сутки“. Кромѣ этихъ либеральныхъ господъ, оригинально отнеслось къ закону духовенство. Для контроля показаній фабрикантовъ установлено предъявленіе инспекторамъ выписей изъ метрикъ малолѣтнихъ; вотъ за эти-то выписи приходскіе священники установили сборъ по 2 и по 3 руб., а въ Харьковскомъ округѣ и по 10 рублей, между тѣмъ мѣстами малолѣтны получаютъ въ мѣсяцъ не болѣе 2½ руб. жалованья.

При подобныхъ условіяхъ казалось бы задачу инспекціи слѣдовало не расширять, а, наоборотъ, упрощая ее, обращать исключительно на преслѣдованіе наиболѣе практической задачи—огражденіе труда рабочихъ отъ слишкомъ грубой эксплуатаціи. Необходимо также усиливать составъ инспекціи, иначе для двухъ третей заводовъ законъ попрежнему останется мертвою буквою или будетъ исполняться случайно, урывками. Инспектора, вполне сознавая безпомощность своего положенія, не унываютъ, впрочемъ; большинство ихъ думаетъ не о суженіи, а о расширеніи ихъ задачи. Такъ, они жалуются, зачѣмъ инспекція не распространена на всѣ ремесленныя заведенія. Жалоба теоретически справедливая, но если московскій инспекторъ можетъ фабрики своего округа одинъ объѣхать только въ сорокъ лѣтъ по разу, а съ помощникомъ лишь въ двадцать лѣтъ, то при распространеніи дѣйствія закона на ремесленныя заведенія понадобится вѣдь тому же инспектору на объѣздъ сто лѣтъ. Неужели же господа инспектора предполагаютъ такъ долго занимать свои мѣста, когда у насъ и срокъ службы только 35 лѣтъ?

Впрочемъ, и теперь инспектора посѣщаютъ ремесленныя заведенія, ибо въ законѣ нѣтъ точнаго разграниченія

между ремесленнымъ и фабричнымъ заведеніями, въ законѣ нашемъ нѣтъ даже точныхъ указаній, кто разрѣшаетъ устройство фабрикъ. Московскій инспекторъ требуетъ распространенія закона и на кустарное производство, веденіе котораго во многихъ случаяхъ, кромѣ мѣсто-нахожденія, ничѣмъ не отличается отъ ремесленныхъ заведеній и даже фабрикъ. Прежде всего инспекторъ требуетъ, однако, установленія въ законѣ „понятія, что такое кустарный промыселъ“. Желаніе, которое легче выразить, нежели удовлетворить, ибо до сихъ поръ, какъ мы видѣли, не удалось опредѣлить понятія о кустарномъ промыслѣ, въ которомъ у насъ нерѣдко обращаются большіе капиталы и наемные рабочіе, даже специальной комиссіи, напечатавшей десятки толстыхъ томовъ. Ужасно бы хотѣлось фабричнымъ инспекторамъ, проникнутымъ либеральными идеями, ввести, во что бы то ни стало, обязательное школьное обученіе малолѣтковъ, хотя излишняя настойчивость по этому предмету, по ихъ же словамъ, привела бы лишь къ тому, что малолѣтковъ окончательно изгнали бы изъ фабрикъ и разорили бы тѣмъ множество семей.

Гораздо полезнѣе было бы, по нашему мнѣнію, озаботиться, чтобы судебныя учрежденія оказывали бы должное содѣйствіе инспекторамъ. У насъ въ угоду доктринѣ проведена во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ раздѣльность власти административной и судебной; между тѣмъ нѣтъ болѣе неподходящей вещи для Россіи, какъ эта. Инспекторъ видитъ безпорядокъ, и вмѣсто оштрафованія, противъ котораго и фабриканты изъ десяти случаевъ въ девяти не стали бы спорить, онъ долженъ ограничиться сочиненіемъ протокола. Протоколъ идетъ къ судѣ, тотъ вызываетъ инспектора, инспекторъ уѣхалъ или ему некогда,—и фабрикантъ оправдывается. По большей части мировые судьи даже и не вызываютъ инспекторовъ.

Вышеописанныя неудобства не доказываютъ, впрочемъ, что новый законъ былъ „мертворожденнымъ“; онъ только мало еще приспособленъ къ мѣстнымъ условіямъ Россіи;

сдѣлать эти приспособленія можетъ только опытъ и время. И въ Англіи прошло болѣе шестидесяти лѣтъ прежде, нежели фабричное законодательство, послѣ различныхъ частныхъ попытокъ и измѣненій, достигло извѣстнаго совершенства, да и Богъ вѣсть, еще такъ ли оно хорошо на практикѣ, какъ кажется на бумагѣ.

ГЛАВА XX.

Судъ.

Основы суда и правовой порядокъ.—Недостатки стараго судоустройства.—Судебная реформа.—Судъ и печать.—Безобразія адвокатуры.—Смертная казнь.

Столѣтнее торжество „великихъ принциповъ 89 года“, распространившихся даже на Японію, повело къ результатамъ, которые во многихъ отношеніяхъ не оправдали преувеличенныхъ ожиданій философовъ-реформаторовъ XVIII столѣтія и ихъ дѣтища—доктринеровъ XIX столѣтія. На Западѣ появился уже цѣлый рядъ сочиненій, гдѣ весьма рѣзко подвергается критикѣ начало государственнаго устройства, недавно еще признававшагося идеальнымъ. Во Франціи съ такимъ трудомъ выступилъ Гастонъ Бержерэ. Книга его „*Principes de Politique*“ отличается оригинальностью и смѣлостью возрѣній на большинство вопросовъ государственнаго права. Авторъ не стѣсняется выступать защитникомъ крѣпкой власти и трудъ его долженъ привести въ ужасъ всѣхъ тѣхъ, кто въ „упраздненіи правительства“, употребляя выраженіе Каткова, видитъ завѣтную цѣль реформъ въ государственной жизни.

По мнѣнію молодого французскаго мыслителя, отрицающаго всѣ тѣ формулы, на которыхъ строятъ свои софизмы гг. современные юристы, совершенно напрасно смѣшиваютъ юстицію со справедливостью. Справедливость (*équité*) есть первобытное и варварское состояніе юстиціи; чѣмъ болѣе послѣдняя развивается, тѣмъ болѣе она дѣлается свобод-

ной отъ началъ справедливости. Цѣль уголовного наказанія вовсе не въ опредѣленіи нравственныхъ побужденій преступника или его моральнаго достоинства,—она обязана препятствовать появленію дѣйствій, запрещенныхъ законами. Наказывать слѣдуетъ за фактъ, а не за намѣреніе. Смѣшивая то и другое, достигаютъ иногда результатовъ, которые удовлетворяютъ началамъ отвлеченной справедливости, но при этомъ жертвуютъ цѣлью юстиціи, которая должна охранять спокойствіе общества. Юстиція должна быть точна, строга и слѣпа.

Право творить судъ принадлежитъ тому, въ чьихъ рукахъ сила: отецъ семейства творитъ судъ надъ своими дѣтьми, помѣщикъ творилъ его въ прежнее время надъ своими крѣпостными, правительство творитъ его для народа. Магистратура, вслѣдствіе естественнаго въ болѣе развитомъ обществѣ раздѣленія труда, назначена для производства суда, но она дѣлаетъ это во имя правительства, по его уполномочію. Потребовалось странное и глубокое извращеніе идей, чтобы признать, что въ государствѣ есть власть судебная, отдѣльная и независимая отъ власти исполнительной. Можно раздѣлить атрибуты власти, но нельзя дѣлить самую власть. Поэтому судьи такіе же органы власти исполнительной, какъ агенты фиска—по отношенію къ финансамъ, инженеры—по отношенію къ общественнымъ сооруженіямъ, офицеры и солдаты—по отношенію къ вооруженнымъ силамъ страны.

Идея независимой судебной власти вытекла изъ бывшихъ притязаній парламентовъ, узаконеніе ея создало бы анархію. Равнымъ образомъ, изъ старыхъ парламентовъ вытекло понятіе о несмѣняемости судей, какъ о чемъ-то существенно необходимомъ для независимости суда. Въ дѣйствительности же несмѣняемость была связана въ прежнее время съ продажею судебныхъ должностей. Правительство не могло лишить человѣка мѣста, за которое получило соотвѣтствующій капиталъ. Хотя продажа должностей отмѣнилась, но идея осталась.

Вліяніе несмѣняемости совершенно ничтожно, ибо правительство, не имѣя возможности держать въ рукахъ судей

страхомъ увольненія, держать ихъ надеждой на повышеніе, что въ дѣйствительности одно и то же. Это вліяніе правительства вещь даже очень хорошая, потому что несмѣняемость судей въ чистомъ видѣ создавала бы изъ судовъ самое опасное изъ учреждений. Трудно вообразить себѣ, что было бы въ обществѣ, гдѣ судьи могли бы прилагать законы по собственному усмотрѣнію и руководствоваться страстями и мнѣніями, нерѣдко нелѣпыми, а въ то же время находились бы внѣ всякаго контролирующаго вліянія правительства и общественнаго мнѣнія.

Лучшая гарантія судей въ ихъ характерѣ, въ отвѣтственности и публичности ихъ дѣйствій. Если же нельзя избѣжать произвола, то для подсудимаго выгоднѣе произволъ власти высшей, болѣе удаленной и потому болѣе образованной и безпристрастной, чѣмъ узкій произволъ мѣстной юстиціи. „Если нужно тирана, то наиболѣе могущественный всегда оказывается“, говоритъ Бержера, „наименѣе жестокимъ“.

На этихъ основаніяхъ нельзя одобрить и учрежденіе присяжныхъ засѣдателей. Этотъ институтъ вытекъ изъ принципа, что каждый долженъ быть судимъ себѣ равными, между тѣмъ худшій судъ—это именно судъ равныхъ, хуже его только судъ низшихъ. Юстиція только тогда и представляетъ наиболѣе гарантій, когда производится лицами, стоящими по положенію и развитію выше подсудимаго. Капитанъ будетъ лучше всего судимъ генералами; среди нихъ онъ найдетъ гораздо болѣе познаній, безпристрастія и гдѣ нужно снисходительности; судимый капитанами же, онъ будетъ третированъ или какъ пріятель, или какъ соперникъ, потому къ нему будутъ они слишкомъ слабы или слишкомъ строги; судьи-солдаты даже не поймутъ хорошенько защиты капитана и внесутъ много предубѣжденія. Въ гражданскомъ обществѣ нѣтъ такой очевидной іерархіи, но она существуетъ.

Поэтому-то при судѣ присяжныхъ мелкіе ворипки лучше всего судятся, ихъ проступки разбираются спокойно и рассудительно; буржуа уже не можетъ быть такъ хорошо судимъ, потому что присяжные примѣшиваютъ свои домаш-

ніе интересы и взгляды; лицо высокопоставленное всегда будет дурно судимо, его встрѣтятъ зависть, или непониманіе положенія. Присяжные, призванные судить дѣла и вопросы, съ которыми не знакомы, въ жизни не сталкиваются, судить людей, въ обществѣ которыхъ они не вращаются, при всемъ добромъ желаніи, будутъ увлекаться мелочными соображеніями или сдѣлаютъ крупныя ошибки.

Для идеальной организаціи юстиціи надобны такія учрежденія, чтобы судьи или судья (Бержерэ предпочитаетъ судъ одного лица коллегіи, такъ какъ при этомъ нѣтъ возможности раздѣлять свою отвѣтственность) были выше людей и интересовъ, которыхъ они призваны судить. Такого рода юстиція существуетъ только для суда чиновниковъ въ нѣкоторыхъ государствахъ (между прочимъ у насъ), но ей прямо противорѣчитъ судъ присяжныхъ.

Если судъ послѣднихъ еще терпимъ, то это лишь потому, что онъ касается только дѣлъ уголовныхъ; къ тому же огромное большинство присяжныхъ относится къ среднему классу, почему на дѣлѣ судьи все-таки стоятъ выше подсудимыхъ, но Боже избави, если институтъ присяжныхъ распространится на полицейскіе суды и на гражданское судопроизводство, особенно если одновременно для выбора присяжныхъ отмѣнятъ всякій цензъ.

Ужъ и въ настоящее время во всѣхъ странахъ, гдѣ есть присяжные засѣдатели, можно наблюдать поразительныя аномаліи. То и дѣло происходятъ обвиненія и оправданія, которыхъ предвидѣть заранѣе было нельзя и еще труднѣе объяснить. Процессы обращаются въ лотереи, гдѣ можно вытащить и хорошій, и дурной номеръ, во всякомъ случаѣ въ игру, гдѣ внѣшность подсудимаго и ловкость защитника вліяютъ на шансъ успѣха. Потому-то и видимъ ежедневно, что подсудимые, находившіеся въ одинаковыхъ условіяхъ, приговариваются въ разныхъ судахъ къ совершенно различнымъ наказаніямъ.

Въ сужденіяхъ присяжныхъ нѣтъ никакого постоянства, никакого соотношенія между различными рѣшеніями, никакихъ опредѣленныхъ правилъ, почему судимый присяжными подчиняется случайности состава списка, людскихъ

страстей, направленія общественнаго мнѣнія и совпаденія обстоятельствъ. Поэтому, при расширеніи компетенціи присяжныхъ засѣдателей, изъ элемента государственной безопасности юстиція обратится въ причину общаго безпокойства и анархіи.

Знаменитѣйшіе въ исторіи судьи были тѣ, которые въ самыя бурныя эпохи оставались спокойными. Присяжные всегда слѣдуютъ настроенію минуты, ихъ рѣшенія основаны, главнымъ образомъ, на чувствѣ. Въ пользу присяжныхъ выставляютъ, что они лучше всего могутъ отрывать намѣренія подсудимаго, что они легче становятся на его мѣсто и судятъ болѣе сердцемъ, нежели разсудкомъ. Но это объясненіе и есть важнѣйшее обвиненіе противъ суда присяжныхъ. Дѣло суда не дѣло чувства, а дѣло законности. Людей нужно судить не по ихъ намѣреніямъ, а по ихъ поступкамъ.

Если признавать мнѣнія массы за основаніе для приговора, то законъ Линча долженъ быть идеаломъ судебной процедуры. Распространеніе суда присяжныхъ Бержерэ объясняетъ тѣмъ, что власть желала свалить съ себя отвѣтственность за приговоры по важнымъ преступленіямъ, которыя влекли смертную казнь и другія тяжкія наказанія. Но эта уступка только проявленіе слабости власти. И у насъ, какъ видно изъ мотивовъ Государственной Канцеляріи къ судебнымъ уставамъ Александра II, однимъ изъ главныхъ побужденій къ введенію присяжныхъ было опасеніе, что коронные судьи могутъ ошибаться въ приговорахъ значительной важности.

Относительно наказаній Бержерэ также не сходится съ новѣйшими юристами. Онъ находитъ, что теоретически очень трудно доказать, почему тѣлесныя наказанія болѣе унизительны, чѣмъ тюремное заключеніе. Между тѣмъ тѣлесныя наказанія имѣютъ преимущества въ томъ отношеніи, что они дѣйствуютъ сильнѣе, совершаясь публично, вліяютъ болѣе на массу, могутъ назначаться пропорціонально винѣ и потому быть справедливѣе всѣхъ другихъ наказаній. Выгода ихъ еще въ томъ, что они одновременно

и тяжелы, и преходящи; когда преступленіе забывается, забывается и наказаніе*).

Тѣлесныя наказанія наводятъ на толпу спасительный страхъ и потому имѣють достаточно предупредительное значеніе, не измѣняя притомъ натуры преступника, какъ это дѣлаетъ тюрьма. Наконецъ, они стоѣтъ гораздо дешевле тюрьмы. Послѣдняя хотя въ модѣ и вытѣснила въ новыхъ кодексахъ почти всѣ другіе виды наказаній, но въ дѣйствительности весьма несовершенный способъ взысканія. Совмѣстное заключеніе развращаетъ окончательно преступника, одиночное—дѣлаетъ его идиотомъ. Приговоръ публиченъ, но самое наказаніе совершается втайнѣ. Тюрьма также неравномѣрна: для однихъ она представляетъ улучшение образа жизни, для другихъ — невыносимую пытку. Наказаніе это продолжается долгое время, когда публика забыла уже о преступленіи, почему оно не вліяетъ на массу, между тѣмъ существенно измѣняетъ здоровье, темпераментъ и характеръ заключеннаго. При своемъ распространеніи тюрьма вызываетъ громадныя издержки для казны.

Штрафы и денежныя взысканія очень хорошій способъ наказанія, такъ какъ они вознаграждаютъ государство за расходы юстиціи, но народъ не любитъ этого рода взысканій, находя его несправедливымъ для бѣдныхъ, сравнительно съ богатыми. По мнѣнію Бержерэ, штрафъ проти-

*) У насъ въ нѣкоторой части публики сложилось убѣжденіе, высказываемое иногда въ печати, будто бы только для крестьянъ (по приговорамъ волостныхъ судовъ), да для ссыльныхъ и штрафныхъ солдатъ сохранились тѣлесныя наказанія. Между тѣмъ извѣстный указъ 17-го апрѣля 1863 года отмѣнилъ плети и шпицрутены, по общему же суду тѣлесныя наказанія только для женщинъ. Для мужчинъ, кромѣ нѣкоторыхъ специальныхъ случаевъ (на морѣ, въ ремесленныхъ заведеніяхъ), тѣлесное наказаніе для всѣхъ податныхъ классовъ можетъ быть примѣняемо при недостаткѣ мѣстъ въ мѣстахъ заключенія. Къ сожалѣнію, оно почти не примѣняется въ судебномъ порядкѣ, вслѣдствіе извѣстной тенденціи судебной власти. Между тѣмъ въ Англіи, поболье насъ цивилизованной, примѣненіе тѣлеснаго наказанія въ послѣднее время расширяется. Такъ, въ 1889 г. прошелъ законъ о примѣненіи его для воровъ-рецидивистовъ и для оскорбителей женской чести.

вентъ идеѣ равенства, но не юстиціи. Если разбито, положимъ, зеркало, то справедливо заставить заплатить за него владѣльцу не пропорціонально богатству разбившаго, а пропорціонально цѣнности вещи.

Какъ тѣлесныя наказанія были бы наилучшими за преступленія противъ личности, такъ штрафъ лучшее наказаніе за преступленія противъ собственности. Но, чтобы онъ получилъ полное значеніе, необходимо, чтобы преступникъ, не имѣющій возможности возмѣститъ вредъ, зарабатывалъ его своимъ трудомъ. Чѣмъ скорѣе онъ заработаетъ свою вину — тѣмъ лучше для него. Такимъ образомъ изъ преступленія будетъ извлекаться польза для общества, а наказаніе не будетъ состоять въ безцѣльномъ разстройствѣ организма преступника.

Взгляды Бержерэ насчетъ судебного устройства поучительно сравнить съ тѣми началами, которыя положены были въ реформу 1864 года. Извѣстно, что эта реформа явилась продуктомъ чтенія нѣсколькими правовѣдами французскихъ книжекъ и изученія покойнымъ Заруднымъ, который въ университетѣ приготовлялся быть астрономомъ, итальянскаго законодательства. Что было бы, еслибы тѣмъ же лицамъ могла попасться, въ 60-хъ годахъ, въ руки книга, подобная сочиненію Бержерэ?

Наши юристы вообще, какъ мы говорили, не особенно ломали головы — взяли и перевели, напр., сардинскій кодексъ уголовной процедуры съ легкими кое-гдѣ поправками. Этотъ плагиатъ доктринерами выставлялся за продуктъ великой государственной мудрости, чуть не законодательный памятникъ, во всякомъ случаѣ „послѣднее слово науки“. Въ числѣ гордостей новаго порядка, заимствованнаго изъ Сардиніи, считалось „гуманное“ отношеніе судебного слѣдствія къ подсудимому. Послѣдній избавлялся отъ необходимости показывать противъ себя. Извѣстно, къ какимъ недоразумѣніямъ это правило приводило у насъ. Одинъ адвокатъ буквально просилъ предсѣдателя окружного суда „остановить подсудимаго, ибо послѣдній своимъ неумѣстнымъ сознаніемъ нарушаетъ интересы защиты и дурно вліяетъ на присяжныхъ!“

Хотя эта хитроумная теорія свободы судебного слѣдствія была взята нашими юристами у итальянцевъ, но источникъ ея въ Англіи, откуда сардинскіе юристы, въ свою очередь, заимствовали свои судебные порядки. И что-жъ! Теперь, къ ужасу нашихъ доктринеровъ, англичане сами отказались отъ фикціи безучастія подсудимаго на судебномъ слѣдствіи. До сихъ же поръ англійскіе юристы придавали особое значеніе праву подсудимаго уклоняться отъ дачи какихъ бы то ни было объясненій. Въ этомъ видѣли лучшую гарантію неприкосновенности личной свободы и усматривали даже преимущество англичанъ передъ другими націями. Мнѣніе, однако, какъ видно, измѣнилось. Тѣ же юристы находятъ, что, благодаря вышеозначенной фикціи, судъ лишался во многихъ случаяхъ лучшаго способа узнать истину; находятъ, что подсудимые даже играютъ отъ измѣненія системы, когда будетъ позволено невиннымъ болѣе удобно защищать и оправдывать себя. По словамъ англійскихъ юристовъ, существующее правило, бывшее прежде, вслѣдъ за отмѣною пытки, быть можетъ гарантіей, мало-по-малу обратилось въ помѣху юстиціи.

Вотъ какъ опасно и неосторожно дѣлать заимствованія. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы наши старые суды и судопроизводство не требовали реформы. Хороши это были суды, когда самому министру юстиціи графу Панину пришлось дать взятку въ 100 руб. при совершеніи рядной въ пользу дочери. По дѣлу Шидловскихъ въ одномъ и томъ же 7-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената послѣдовало 12 противорѣчивыхъ указовъ съ 1848 по 1856 г., причемъ послѣ двадцати лѣтъ разбирательства разрѣшенъ былъ только вопросъ о предоставленіи хода сему дѣлу, по существу же оно еще не разсматривалось!

Суды наши со временъ Екатерины II основаны были, однако, на выборномъ началѣ. Если они были плохи, то виноваты были не принципы, а люди. „Доселѣ,—писалъ какъ-то Герценъ,—массы не умѣютъ понять своихъ правъ. Говорятъ „да какой голосъ имѣетъ засѣдатель въ палатѣ!“ Кто же въ этомъ виноватъ? Конечно, не законодательство. Такъ какъ оно не виновато въ томъ, что совѣтники не

подають голоса, боясь председателя или губернатора, въ томъ, что журналъ составленъ весь секретаремъ нехорошо. Такъ какъ оно не виновато въ томъ, что дворянинъ богатый и честный пренебрегаетъ службой; въ то самое время, когда въ остзейскихъ провинціяхъ отставные генералы, аристократы не стыдятся служить нѣсколько трехлѣтій на самыхъ низшихъ мѣстахъ“...

Философы XVIII столѣтія отрицали, наоборотъ, вліяніе людей, ихъ характера и быта; они считали аксіомой, что въ рукахъ правительства находится безусловно благополучіе и культура каждаго народа. Всѣ недостатки, свойственные общественной жизни, приписывались несовершенству учреждений. Теорія эта доведена была потомъ до абсурда социалистами, которые серьезно убѣждены, что измѣненіемъ законовъ можно сдѣлать массу не только сытою, но и добродѣтельною. Не смотря на ежедневное противорѣчіе фактамъ подобныхъ взглядовъ, они очень крѣпко держатся.

Поэтому весьма любопытно и поучительно встрѣчать въ печати факты, подтверждающіе, что учрежденія, и въ томъ числѣ судъ, разъ они не соотвѣтствуютъ складу народной жизни, остаются рѣшительно безсильными и что только доктринерство можетъ оставаться въ убѣжденіи, будто то, что хорошо для Лондона и Амстердама, одинаково должно быть хорошо и для какой нибудь Елисаветпольской губерніи или Дагестана, такъ какъ люди-де вездѣ люди и вездѣ имѣютъ руки и желудокъ, понятіе о добрѣ и злѣ, вездѣ любятъ и ненавидятъ и вездѣ желаютъ платить какъ можно менѣе податей. „Трудно думать, писалъ С. И. Зарудный, чтобы люди *идь либо и когда либо* были готовы для дурного и не зрѣлы для хорошаго“.

Однимъ изъ поучительнѣйшихъ документовъ для убѣжденія въ противномъ могутъ служить новѣйшія путешествія въ Корсику. Мы особенно рекомендуемъ книгу: „En Corse“—Поля Бурде, корреспондента газеты „Temps“. Изъ книги этой можно отлично убѣдиться, какъ самоуправленіе, гласный судъ и другія блага правового порядка въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова не только не принесли Корсикѣ никакой пользы, но отодвинули ее на столѣтіе назадъ,

такъ какъ къ населенію этого острова, по мѣткому русскому выраженію, шли точно коровѣ сѣдло.

Корсиканцы—недурные по-своему люди; они настойчивы, горды, когда нужно усердны, даже по-своему честны, но тѣмъ не менѣе правовой порядокъ не для нихъ созданъ. Либеральныя учрежденія въ Корсикѣ ни на волосъ не измѣнили правовъ жителей; наоборотъ, нравы приспособились къ этимъ учрежденіямъ, чтобы эксплуатировать ихъ въ свою пользу и эксплуатировать въ самомъ гнусномъ видѣ. Даже наука не помогаетъ. Вслѣдствіе желанія служить, всѣ корсиканцы съ жадностью стремятся въ школы и на экзамены; пастухи получаютъ иногда бакалаврскія званія; но эта жажда просвѣщенія не имѣетъ рѣшительно никакого значенія для цивилизаціи острова.

Съ начала нынѣшняго столѣтія Корсика обошлась Франціи въ миллиардъ и въ результатѣ 600 разбойниковъ разгуливаютъ по острову, остающемуся буквально въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ въ XIV столѣтіи, хотя островъ снабженъ въ избыткѣ всѣми атрибутами цивилизаціи и на немъ проведены отличныя дороги, по которымъ, впрочемъ, никто не ѣздитъ, а если и возятъ кое-что, то на выюкахъ. Русскихъ, конечно, очень мало могутъ интересовать мѣры, которыми французы думаютъ улучшить положеніе Корсики, но любопытно заключеніе корреспондента доктринерскаго „Temps“. По его словамъ, многіе желали бы уничтожить вовсе на островѣ самоуправленіе и выборное начало; г. Бурде находить это теперь невозможнымъ, но согласенъ, что на Корсику слишкомъ рано распространили французскія учрежденія. Островъ, по его словамъ, губитъ „легальность“. Губернаторъ, съ широкими полномочіями, не стѣсняющійся ни духомъ партіи, ни родовыми связями, скорѣе всего помогъ бы дѣлу. Но корреспондентъ не вѣритъ, чтобы у французскаго доктринерскаго правительства хватило смѣлости для подобнаго рѣшенія.

Намъ, впрочемъ, нѣтъ надобности ходить въ Корсику и даже на Кавказъ; мы убѣждены, что и русское общество, вопреки уставамъ 1864 г., вопреки мнѣнію профессора Фойницкаго, что „введеніе вчерашняго раба въ со-

словіе суда присяжныхъ увѣнчалось въ Россіи успѣхомъ, затмившимъ опасенія практиковъ“, просто-на-просто не дошло даже до понятія о равенствѣ передъ судомъ. Каждый разъ, какъ на скамьѣ подсудимыхъ по какому либо несчастному стеченію обстоятельствъ приходится фигурировать аристократу, гусару, князю или какойнибудь пикантной дамочкѣ, сейчасъ начинаются охи, ахи, сочиняются всевозможныя извиненія и оправданія, а тамъ, смотришь, эти сантиментальныя возрѣнія, наслѣдіе невѣжественныхъ предразсудковъ, возводится къмъ либо въ юридическую теорію. А теоріи тутъ никакой нѣтъ, есть только общественная незрѣлость.

Это отлично можно было прослѣдить на дѣлѣ абхазскаго князя, изрубившаго ни съ того, ни съ сего купца въ ресторанѣ. И общество, и даже часть печати стала на сторонѣ горячаго абхазскаго князя, требуя для лицъ военнаго сословія безнаказанности—принципа, рѣшительно несовмѣстимаго съ условіями современнаго общества.

Мы не отрицаемъ ни права самозащиты, ни сословной или корпоративной чести, хотя приводившіеся въ защиту князя Шер—дзе примѣры Америки и Франціи приводились не совсѣмъ удачно. Разказы объ американскихъ револьверахъ относятся по большей части къ области газетныхъ утокъ, хотя, конечно, въ странѣ, еще колонизирующей, и тамъ, гдѣ нѣтъ организованнаго суда, самозащита и самосудъ должны встрѣчаться чаще, чѣмъ гдѣ либо. Во Франціи дуэли встрѣчаются отъ времени до времени, но можно ли сравнивать эти безкровныя состязанія съ тѣмъ, какъ въ XVII столѣтіи ежедневно рѣзались даже передъ глазами короля, въ его паркѣ (Pré-aux-clercs). Неужели, однако, можно сказать, что чья либо честь ограждена теперь во Франціи хуже, чѣмъ триста лѣтъ назадъ.

Во всякомъ случаѣ мы не понимаемъ, какое отношеніе вопросы о самооборонѣ и сословной чести имѣли къ дѣлу абхазскаго князя? Послѣднему не приходилось, какъ отлично доказалъ прокуроръ, прибѣгать къ самооборонѣ, ибо онъ былъ трезвъ и вооруженъ, а противникъ его пьянъ, безоруженъ, да и не показывалъ признаков на-

ступленія. Изъ показаній одного изъ свидѣтелей, приведенныхъ прокуроромъ, оказывалось даже, что приказчиковъ офицеры били до выступленія на сцену Шервашидзе. Значить, скорѣе потерпѣвшихъ можно было признать въ состояніи самообороны.

Еще меньше абхазскій князь могъ считаться защищающимъ честь мундира. Подъ послѣднимъ разумѣется не честь извѣстной части военнаго костюма, который, какъ предметъ невоодушевленный, ни чести, ни безчестія имѣть не можетъ, а честь извѣстнаго сословія или извѣстной корпорации. Въ этомъ случаѣ абхазскій князь могъ быть оскорбленъ или какъ представитель гвардейскаго гусарскаго полка, или какъ русскій офицеръ вообще. Но едва ли честь храбраго полка, имѣющаго свою славную боевую исторію, могла пострадать изъ-за брани въ трактирномъ корридорѣ пьянаго приказчика, чтобы стоило проливать изъ-за этого кровь.

Изъ означеннаго дѣла мы выводимъ совсѣмъ другую мораль, нежели ту, которую хотѣли вывести защитники князя. Здѣсь не было рѣчи объ антагонизмѣ сословій; хотя народъ нашъ и даже высшее общество чужды милитаризма, но они любятъ и уважаютъ свою армію и военныхъ; достаточно вспомнить пріемъ, оказанный повсюду войскамъ, возвратившимся изъ похода въ 1878 году. Въ этомъ дѣлѣ была совсѣмъ другая подкладка. Стоило прислушаться къ разговорамъ, особенно женщинъ, которыя откровеннѣе въ своихъ сужденіяхъ, и несомнѣнно оказывалось непониманіе въ русскомъ обществѣ принципа, что всѣ равны передъ судомъ.

Съ такимъ понятіемъ надобно считаться, а въ виду этого и идеализировать насчетъ судебнаго устройства въ Россіи не приходилось. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что судебное устройство наше нуждалось въ гласности, устности, состязательности, въ сокращеніи судебныхъ инстанцій (ихъ было по нѣкоторымъ казеннымъ дѣламъ до 11), въ ограниченіи силы формальныхъ доказательствъ. Но, къ сожалѣнію, не ограничились поправками въ этомъ смыслѣ. Государственная Канцелярія, т. е. главнымъ образомъ

Бутковъ и Зарудный, пошла далѣе и передѣлала проектированные графомъ Блудовымъ судебныя уставы въ чисто политическихъ видахъ, выдѣливъ судебное вѣдомство изъ вѣдѣнія государственной власти, введя институтъ присяжныхъ, ^{въ} образовавъ адвокатскую корпорацію, установивъ связь мирового суда съ мѣстнымъ самоуправленіемъ и предоставивъ судьямъ право толковать законы по общему ихъ смыслу.

При этомъ новыя судебныя учрежденія, не имѣвшія связи съ исторіей нашего судоустройства и организованныя по иностраннымъ образцамъ, вводились въ дѣйствіе въ эпоху весьма сильнаго возбужденія умовъ, когда господствовалъ духъ разрушенія всѣхъ основъ. Составъ судовъ, прокуратуры и адвокатуры, наполнился сторонниками отрицательнаго направленія, которые образовали очень сильную корпорацію. Поставленная въ положеніе независимое, вооруженная правомъ казнить и миловать, корпорація эта получила возможность существенно вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ, и ея вліяніе сказалось поощреніемъ самыхъ безобразныхъ явленій „новаго“ строя жизни и безпощаднымъ бичеваніемъ всего, что носило слѣды „до-реформенной“ эпохи. Исторія новыхъ судовъ представляетъ безчисленные примѣры пристрастныхъ въ этомъ смыслѣ рѣшеній. Органы правосудія, какъ извѣстно изъ дѣлъ За-суличъ, Петрункевича и др., не останавливались даже предъ покровительствомъ государственной крамолѣ. Правосудіе стало руководиться не столько закономъ и правдой, сколько тенденціей.

Дворянство было устранено отъ участія въ мѣстномъ судѣ и выборы мировыхъ судей предоставлены безсловнымъ органамъ нашего самоуправления. Недостатки земскихъ и городскихъ учреждений отразились, конечно, на ходѣ мѣстнаго правосудія. Люди самостоятельныя и добросовѣстные, нежелавшіе участвовать въ интригахъ партій, стали уклоняться отъ выборовъ, отчего судебно-мировой институтъ началъ наполняться лицами, не имѣющими никакой связи съ мѣстностью и не трудно предвидѣть, до какого нравственнаго паденія дошло бы это учрежденіе при

такомъ порядкѣ вещей, тѣмъ болѣе, что избиравшія мировыхъ судей коллегіи, какъ мы выше видѣли, разбирая наше самоуправленіе, постепенно ухудшаются и понижаются въ своемъ составѣ.

Подъ вліяніемъ ложной доктрины у насъ плохо дѣйствовали не только выборный судъ, но и судьи по назначенію отъ правительства. Магистратура наша то-и-дѣло, что старалась поиграть въ политику. „Русскія Вѣдомости“—органъ юристовъ-доктринеровъ,—разъяснилъ какъ-то съ большою наивностью причину необъяснимой строгости нѣкоторыхъ судебныхъ приговоровъ, жертвою которой сдѣлался, между прочимъ, редакторъ „Новаго Времени“, помѣстившій жалобу путешественника, недовольнаго въ Вѣнѣ какимъ-то туркомъ, водящимъ туристовъ по городу.

Оказывалось, что Турція и турецкіе подданные тутъ были не причемъ; суды наши вовсе-де не задаются ангельскою юстиціею, которая желаетъ свои попеченія распространять одинаково на весь міръ и каждого угнетеннаго, хотя бы на островѣ Исландіи, который бы сыскалъ у себя рубль, чтобы нанять „брехунца“, принимать подъ свою защиту для восстановленія чести и добраго имени, считая, впрочемъ, эту честь и это доброе имя чѣмъ-то стоящимъ внѣ сомнѣній, разъ человекъ живетъ за границею, а не въ бѣдной странѣ, только недавно еще вкусившей отъ судебной реформы. Изъ словъ „Русскихъ Вѣдомостей“ выходило, что суды дѣйствовали такимъ образомъ для поднятія русской литературы! Судебныя палаты замѣтили, что литература въ послѣдніе годы стала падать, дѣлаться *консервативною*, и сочли нужнымъ принять мѣры.

„60-е и 70-е годы, говорятъ „Русскія Вѣдомости“, были, какъ извѣстно, временемъ наибольшаго расцвѣта русской публицистики. Получивъ впервые возможность безтрепетнаго служенія обществу, русская пресса отдалась ему со всѣмъ пыломъ молодого увлеченія. Промахи были неизбежны, но они свидѣтельствовали, что огласившій невѣрный фактъ дѣйствовалъ по самымъ похвальнымъ побужденіямъ. Судебная власть, разбиравшая прегрѣшенія печати, хорошо видѣла эти побужденія и ради ихъ отпускала самыхъ пре-

грѣшенія. Благодаря такому направленію печати, стала въ судахъ нашихъ складываться весьма благопріятная для печати юриспруденція. Такимъ образомъ, юридическая презумпція (*praesumptio juris*) была всецѣло на сторонѣ печати! А это значило очень много, если не все“...

Теперь другія времена. Но если сталъ замѣчаться поворотъ въ юриспруденціи, то, говорятъ „Русскія Вѣдомости“, „нужно сознаться, что поводъ къ тому дала сама печать. Подобно тому, какъ 60-е—70-е годы были свидѣтелями расцвѣта честной русской публицистики, такъ 80-е ознаменовались нарожденіемъ грязной, уличной, большой и малой прессы, которая забыла великій завѣтъ Гоголя, что съ печатнымъ словомъ нужно обращаться честно“... Реакція и сказалась въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Въ прежнее время была вещь неслыханная, чтобы за диффамацию когда нибудь судъ назначилъ арестъ; до такой степени онъ вышелъ изъ употребленія, что многіе даже думали, что по закону и нельзя присуждать за диффамацию къ аресту. Теперь судебная власть, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, *вынуждена* была вспомнить объ имѣющемся въ ея распоряженіи „*quos ego*“ и присуждать къ тюремному заключенію за диффамацию.

Словомъ, виновата „позорная“ печать 80-хъ годовъ. Хотя она и прикрывается „всѣми нужными щитами полицейской благонадежности“, но не выдерживаетъ сравненія съ „честною“, „безтрепетною“ печатью 60-хъ годовъ. Газетѣ на это можно бы напомнить, что она имѣетъ короткую память, такъ какъ питающіеся уличными скандалами органы преспокойно существовали въ 60-хъ и 70-хъ годахъ—достаточно вспомнить хотя процессы А. Заруднаго и И. Арсеньева—диффамация же процвѣтала тогда гораздо болѣе нынѣшняго и вовсе не безтрепетно, ибо что такое была, напри- мѣръ, знаменитая въ свое время „Искра“, какъ не сплошная диффамация, подъ самыми прозрачными псевдонимами еженедѣльно, съ цензурнаго благословенія, касавшаяся чести и добраго имени сотенъ лицъ. „Русскія Вѣдомости“ такъ же забыли процессъ В. А. Крылова въ 60-хъ годахъ, который за диффамацию былъ приговоренъ къ тремъ мѣ-

сяцамъ тюрьмы и выполнилъ этотъ срокъ. Но не въ этой исторической поправкѣ дѣло. Дѣло въ принципѣ: въ правѣ ли судъ увлекаться литературными теченіями и сообразно съ тѣмъ измѣнять свою юриспруденцію?

Если отбросить „щиты полицейской благонадежности“ и т. п. эзоповскіе экивоки „Русскихъ Вѣдомостей“, заимствованные изъ языка стараго подцензурнаго времени, то аргументація московской газеты сводилась къ тому, что, молъ, когда печать была „честная“, т. е. радикальная (въ понятіяхъ радикаловъ только они одни и честны, хотя состояніе кассъ земскихъ, городскихъ, судебныхъ и др. радикальныхъ учрежденій доказываетъ лучше всего противное), то судъ ей мирволилъ, теперь же, когда началась „реакція“, судъ долженъ сдѣлаться къ печати гораздо строже.

Но, принимая въ основаніе аргументацію „Русск. Вѣд.“, можно объяснить эту перемѣну иначе: пока печать добродушно относилась къ нашей „судебной республикѣ“, прощала ея увлеченія и ошибки, не замѣчала господствовавшего въ ней фаворитизма, умалчивала о ежедневныхъ печальныхъ и комическихъ явленіяхъ и восхищалась не только судебной реформой, но и новыми судьями въ такой степени, что это сдѣлалось для печати общимъ мѣстомъ, избитымъ клише, которое также ежедневно вставлялось метранпажами въ газетныя гранки, какъ цѣна подписки или объявленія о мальцъ-экстрактахъ—судъ законно или незаконно снисходилъ печати. Но вотъ печать бросила дифирамбы и стала относиться къ суду критически—суды желаютъ воздѣйствовать на нее, вымещая на отдѣльныхъ представителяхъ свое неудовольствіе господствующей въ общественномъ мнѣніи „реакціей“...

Въ самомъ дѣлѣ, если судъ является полемистомъ въ дѣлахъ о печати, какъ можно заключать по „Русск. Вѣд.“, то почему же на эту судебную полемику, вооруженную приговорами къ тюрьмамъ, слѣдуетъ смотрѣть только съ точки зрѣнія крайняго защитника суда, какимъ является московская газета? Если судьи берутся не за свое дѣло, то, вѣроятно, они свое дѣло хорошо исполняли, что судъ производится „скорый и правый“, что судъ—совершенство,

не требующее даже никакой критики, и что судьямъ ничего не осталось дѣлать, какъ играть въ карты или заняться тюремною полемикою съ печатью? Но кто-жъ не знаетъ, что это не такъ? Кому не приходилось читать указаній печати на различныя судейскія разъясненія, которыя ведутъ къ ослабленію авторитета власти и къ увеличенію господствующаго повсемѣстно въ провинціи не порядка, на постоянное проигрываніе казною дѣлъ въ судебныхъ палатахъ, на возмутительные приговоры присяжныхъ, въ которыхъ нерѣдко виноваты не присяжные, а неумѣлое руководство судебными преніями въ окружныхъ судахъ и невозможно плохое производство предварительныхъ слѣдствій, на многочисленныя прорѣхи въ мировой юстиціи и т. д., и т. д.? Да что указанія печати? Всѣ эти явленія обратили на себя вниманіе даже Министерства Юстиціи, часть ихъ засвидѣтельствована офиціальными документами?... Какое же право у суда вести полемику посредствомъ тюремъ, если самъ онъ нуждается въ покаяніи и эпитиміяхъ?

Наши суды обвиняютъ иногда и въ несуществующихъ преступленіяхъ, таковъ, напримѣръ, приговоръ VII отдѣленія Московскаго окружного суда, которымъ г. Лентовскій былъ присужденъ къ содержанію въ смирительномъ домѣ за яко бы нарушеніе конвенціи, заключенной нашимъ правительствомъ съ Франціей о литературной собственности. На этотъ разъ отличились не присяжные, а гг. члены суда.

Ст. 1-я и 2-я конвенціи 6 апрѣля 1861 г. до такой стѣпени ясны, что не могло быть рѣчи о воспрещеніи въ Россіи дѣлать переводы французскихъ сочиненій или представлять на сценѣ французскія пьесы и исполнять музыкальныя произведенія. Въ конвенціи говорилось о незаконномъ „перепечатываніи и воспроизведеніи или *контрфакціи* твореній“. „Воспроизведеніе“ понималось, очевидно, какъ синонимъ контрфакціи, а не какъ „исполненіе“ извѣстнаго произведенія. Что это синонимы, грамматически доказывается и отсутствіемъ запятой. Вообще рѣчь въ конвенціи шла объ изданіи только музыкальныхъ твореній, а не объ ихъ исполненіи. О переводахъ дѣло представлялось еще болѣе безспорнымъ; въ ст. 2-й конвенціи говорилось: „съ

оригинальными твореніями положительно уравниваются переводы, сдѣланные въ одномъ изъ государствъ съ отечественныхъ или иностранныхъ сочиненій. Само собою разумѣется, что настоящее постановленіе имѣетъ цѣлью единственно оказать защиту переводчику относительно сдѣланнаго имъ перевода, а отнюдь не присвоеніе исключительно права перевода тому, который первый перевелъ какое либо сочиненіе“.

Ужъ чего яснѣе? Конвенція запрещала перепечатывать въ Россіи переводъ романа Зола, сдѣланный и напечатанный во Франціи или въ Россіи, но это не значить, что никто не могъ такихъ же переводовъ сдѣлать хоть десять въ Россіи или во Франціи и что переводчикъ имѣлъ право воспрепятствовать кому либо переводить вновь тотъ же романъ Зола. Такъ всегда понимали конвенцію 6-го апрѣля 1861 г. наши суды. Такъ ее постоянно понимала дирекція императорскихъ театровъ. Наконецъ, также конвенція была разъяснена по поводу наглыхъ притязаній г. Мишле на вѣнскомъ литературномъ конгрессѣ, въ особомъ правительственномъ сообщеніи въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Московскій окружный судъ счелъ себя, однако, болѣе компетентнымъ въ толкованіи международныхъ трактатовъ, нежели Министерство Иностранныхъ Дѣлъ!

„Московскія Вѣдомости“ принялись крѣпко за судебную реформу и требовали коренной ломки уставовъ 1864 года. Мы не пойдемъ такъ далеко. Никакіе уставы не имѣютъ силы безъ людей, а съ хорошими людьми и всякіе уставы сносны, не только нынѣшніе. Англійская юстиція почти до послѣднихъ лѣтъ имѣла совершенно средневѣковое устройство; до сихъ поръ въ низшихъ инстанціяхъ Англіи власть судебная не разграничена съ административной, только съ прошлаго года разграничена она съ земскимъ хозяйствомъ; это не мѣшало, однако, англійской юстиціи быть образцомъ и примѣромъ для юстиціи другихъ государствъ. Поэтому, вмѣсто ломки судебныхъ уставовъ, достаточно измѣнить въ нихъ только наиболѣе вопіющія части, особенно касающіяся присяжныхъ, мирового суда и адвокатуры, которыя не вяжутся ни съ нашимъ государственнымъ

нымъ устройствомъ, ни съ исторіей, ни съ народнымъ бытомъ и правами общества, а сверхъ того слѣдуетъ нѣсколько „почистить“ суды.

Операція эта крайне деликатная, но неизбѣжна, особенно если справедливо, какъ увѣряли „Русскія Вѣдомости“, что многихъ судебныхъ чиновъ вопросы литературные болѣе занимаютъ, чѣмъ интересы правосудія. Чины эти, обвиняя какого либо литератора, вѣроятно желали не возстановить поправленныя права, а уязвить какихъ-то непріятныхъ имъ агитаторовъ противъ „судебнаго самоуправства“. Могутъ ли быть, однако, допускаемы подобные порядки на судебной службѣ? Если Франція съ ея вѣковыми судебными учрежденіями не могла потерпѣть, чтобы политика и всякія постороннія правосудію соображенія замѣшивались въ функционированіе суда, то тѣмъ болѣе поблажка такому политиканству невозможна у насъ.

Да не подумаютъ, впрочемъ, что мы рекомендуемъ гека-томбы сдѣлавшихъ карьеру правовѣдовъ и другихъ фаворитовъ слѣпой Оемиды. Ничего подобнаго не требуется. При мягкости и безцвѣтности русскаго интеллигента достаточно нѣсколькихъ справедливыхъ примѣровъ, чтобы остал-ная масса быстро вошла въ надлежащія рамки и думала бы не о правахъ авторовъ французскихъ шансонетокъ и турецкихъ подданныхъ въ Австріи, а о ежедневно нарушаемыхъ правахъ русскихъ подданныхъ въ Россіи..

Уничтоженіе суда присяжныхъ и обузданіе адвокатуры (эти двѣ вещи между собою тѣсно связаны, ибо адвокатура преимущественно пользуется невѣжествомъ присяжныхъ) особенно настоятельны. Изъ свѣдѣній, собранныхъ г. В. Фуксомъ въ его прекрасной книгѣ: „Полиція и судъ“, видно, что за одно полугодіе 1888 г. присяжные произнесли 24 совершенно бессмысленныхъ вердикта, и гдѣ же? въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, т. е. въ наиболѣе интеллигентныхъ центрахъ нашей общественной жизни. А какіе вердикты произносились присяжными въ отдаленныхъ мѣстахъ, откуда не доходятъ извѣстія въ газеты, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ дѣятельности новыхъ судовъ?

Таганрогская таможенная эпопея, разбиравшаяся въ

Харьковѣ, можетъ служить образчикомъ тѣхъ судилищъ, гдѣ фигурируютъ присяжные, проницески прозванные у насъ „представителями общественной совѣсти“. По этой общественной совѣсти выходитъ, будто бы воровать не могутъ только богатые купцы, да и тѣ заслуживаютъ за это „снисхожденія“, для мелочи же купеческой и чиновной, а особенно для нижнихъ чиновъ честность—не обязательна. Само собою, что такая безнравственная теорія не высказывалась нашими присяжными, но какъ истинно русскіе люди (въ составѣ харьковскихъ присяжныхъ не было, кажется, ни одного жида), они, обвинивъ нѣсколькихъ подсудимыхъ, истощили на этомъ весь запасъ энергіи и, довольные такимъ проявленіемъ строгости, сочли за собою нравственное право оправдать всѣхъ остальныхъ. Кто бывалъ присяжнымъ засѣдателемъ, подтвердить, что именно такъ постановляются у насъ всѣ приговоры. Сантиментальность обыкновенно заглушаетъ логику и уваженіе къ общественнымъ интересамъ. Интересны также отношенія къ суду нашей присяжной адвокатуры.

— Удивительное дѣло, замѣтило одно высокопоставленное лицо, разсуждая о таганрогскомъ процессѣ:—на слѣдствіи всѣ эти провинціальныя купцы и чиновники трусили и во всемъ сознавались, но когда наѣхали адвокаты, да еще столичные, тѣ же подсудимые набрались храбрости, стали заператься и отказываться отъ собственныхъ показаній...

Въ этихъ словахъ горькая истина. Пробѣгая отчетъ о процессѣ, поражаешься, какъ постоянное обращеніе въ средѣ дѣльцовъ, расхитителей и воровъ понизило нравственный уровень нашей адвокатуры. Одною изъ цѣлей гласнаго суда предполагалось воспитаніе общества въ началахъ справедливости и доброй нравственности, выходитъ же наоборотъ, что отъ судебной практики люди, которыхъ ранѣ знали за почтенныхъ, не стыдятся проповѣдывать открыто самыя циническія и возмутительныя теоріи, и все это подъ предлогомъ іезуитскаго правила: „цѣль оправдываетъ средства“. Какъ будто бы и дѣйствительно задача юстиціи состоитъ въ томъ, чтобы наибольшее число воровъ и другихъ пре-

ступниковъ ускользало отъ наказанія. Какъ будто бы адвокатъ имѣетъ право гордиться, если краснорѣчивыми софизмами, уловками, увертками ему удалось оправдать завѣдомаго мошенника.

Мы не станемъ перечислять всѣхъ перловъ адвокатскаго кривотолка, разсыпанныхъ на процессѣ въ Харьковѣ, но не можемъ не обратить вниманія, что прокуроръ палаты, г. Закревскій—имѣющій, замѣтимъ, репутацію либерала—вмѣсто того, чтобы громить подсудимыхъ, счелъ нужнымъ прочесть наставленіе адвокатамъ, какъ бы приглашая ихъ падить нравственное чувство подсудимыхъ.

Дѣйствительно, можно ли было спокойно слушать, какъ г. Пассоверъ доказывалъ, что допущеніе экспертизы, разъяснившей путаницу таможенной процедуры, есть нарушеніе справедливости по отношенію къ подсудимымъ, или какъ г. Андреевскій просилъ прокурора не задавать вопросовъ его кліенту, который, какъ слабохарактерный человѣкъ, начнетъ еще сознаваться, хоть законъ даетъ ему право молчать. Г. Андреевскій не сообразилъ, видно, что, если законъ, подражая англійскимъ порядкамъ, даетъ подсудимому право не отвѣчать на вопросы, то это не значитъ, что законъ рекомендуетъ подсудимому непременно заpiresательство и не цѣнить чистосердечнаго сознанія и раскаянія.

Это еще сравнительно мелочи. Но что сказать о пресловутомъ г. Александровѣ, защищавшемъ контрабанду вообще, какъ „психологическое“ отвращеніе отъ взноса „несимпатической и непопулярной повинности“. Интересно, гдѣ это такіе симпатическіе налоги и повинности? Развѣ налоги въ пользу адвокатовъ съ подсудимыхъ? Недоставало еще, чтобы г. Александровъ потребовалъ, чтобы судили не контрабандистовъ, а пограничную стражу — этихъ „современныхъ корсаровъ“, по словамъ одного такого же прелюбодѣя мысли, къ счастью, французскаго. Далѣе г. Александровъ утверждалъ, что подкупъ и соблазнъ чиновниковъ вовсе не есть преступленіе, хотя и значится у насъ въ уложеніи. Упомянутый выше г. Пассоверъ — краса еврейской адвокатуры въ Петербургѣ — находилъ обкрады-

ваніе казны провозомъ контрабанды среди пассажирскаго багажа весьма естественнымъ, почти похвальнымъ, за что и получилъ справедливый репримандъ отъ прокурора. Отличился и г. Карабчевскій, хватившій, будто донесеніе о преступленіи есть шпіонство, дѣло позорное, коимъ должны заниматься лица, избравшія шпіонство своей профессіей, и наивно полагавшій, что его кліента Чуле обвиняють не за подлоги и злоупотребленія, а за „высшее образованіе“.

Приведенныхъ отрывковъ адвокатскаго краснорѣчія достаточно, чтобы указать, каковъ критерій юридическихъ и нравственныхъ понятій у людей, мнящихъ себя цвѣтомъ нашей адвокатуры. Что же должна изображать изъ себя мелкая адвокатская сошка, и особенно та часть ея, которая спеціально избрала задачею эксплуатацію крестьянскаго сословія? Какой сумбуръ въ понятіяхъ вынесли сотни лицъ разныхъ сословій изъ разныхъ городовъ Россіи, присутствовавшія на процессѣ и слушавшія вольно и невольно эти прелести? Само собою разумѣется, что вся защита адвокатовъ вращалась на томъ, что виноваты не таганрогскіе подсудимые, а высшее таможенное начальство, по нерасторопности или небрежности котораго таможенный уставъ нашъ не измѣняется и штаты таможенъ не соответствуютъ труду чиновниковъ.

Нельзя, конечно, отрицать ни устарѣлости нашихъ таможенныхъ порядковъ, ни неудовлетворительности устройства той или другой таможни, но обобщать эти явленія, а тѣмъ болѣе оправдывать ими отдѣльные преступленія нѣтъ никакого основанія. Сложность таможенной процедуры и недостатокъ лицъ могли оправдывать задержку въ очисткѣ товаровъ, ошибки въ опредѣленіи пошлинъ и т. п. проступки, но никакъ не объяснять систематически организованнаго воровства, которое нѣсколько лѣтъ подрядъ практиковалось въ таганрогской таможнѣ.

Таможня, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ, казенные заводы, интендантство, кораблестроеніе, городское и земское хозяйство повсюду служатъ ареною для воровства. Будетъ ли это происходить въ деспотической Турціи или свободной Америкѣ, въ монархической Англіи или респу-

бликанской Франціи, всегда въ этихъ сферахъ государственной дѣятельности злоупотребленія наиболѣе часты и сильны. Дѣло, значить, не въ регламентахъ или числѣ чиновниковъ, а въ законѣ, по которому людское корыстолюбіе прямо пропорціонально количеству предметовъ, удобныхъ для покражи. Очень легко быть честнымъ тамъ, гдѣ не представляется случаевъ для воровства, хотя, конечно, есть исключенія и въ подобныхъ случаяхъ, какъ въ видѣ исключенія бывають милліонеры, зачитывающіе чужія книги или ворующіе бездѣлушки.

Тотъ или другой регламентъ облегчить или затруднить надзоръ, но предупредить или вызвать преступленіе онъ не можетъ. Совсѣмъ другая роль суда. Еслибы наша „общественная совѣсть“ не оправдывала такъ много преступниковъ и не проявляла бы капризно неумѣстную строгость къ однимъ и еще чаще столь же неумѣстную снисходительность къ другимъ, то, конечно, случаи хищеній были бы гораздо рѣже. Требовать же, чтобъ русскія таможи имѣли какое-то идеальное устройство — рѣшительно невозможно, на это не достанетъ ни денегъ, ни людей. Таможи наши не хуже и не лучше множества другихъ административныхъ учрежденій и улучшатся онѣ параллельно съ послѣдними.

Адвокатскихъ безобразій можно бы собрать томы. Не успѣла, напримѣръ, публика успокоиться отъ возмутительной рѣчи одного изъ московскихъ прелюбодѣевъ мысли, доказывавшаго, что почтовымъ чиновникамъ красть весьма даже похвально, если они своимъ воровствомъ думаютъ досадить князю Бисмарку и берлинскимъ банкирамъ, какъ подобный же субъектъ на восточной окраинѣ Россіи проповѣдывалъ не менѣе безнравственные теоріи.

Въ Екатеринбургѣ разбиралось дѣло о двухъ горнопромышленникахъ, которые, устроивъ фиктивную разработку платины, въ сущности скупали платину, украденную съ промысловъ наслѣдниковъ Демидова Сантъ-Донато. Такъ какъ означенные воры не несутъ тѣхъ накладныхъ расходовъ, которые имѣютъ заводы Демидова по содержанію администраціи, по платежу государственныхъ и земскихъ

налоговъ, въ томъ числѣ полуторной горной подати (какъ заводы посессионные), по обезпеченію обширнаго горнозаводскаго населенія, по охраненію приписанныхъ къ заводамъ казенныхъ лѣсовъ и пр., то понятно они могли давать за такъ называемую „старательскую“ платину нѣсколько дороже за золотникъ, чѣмъ даетъ заводская администрація, почему рабочимъ и было выгодно имъ сбывать похищенную платину. На этомъ-то екатеринбургскій адвокатъ и построилъ свою аргументацію.

Онъ указалъ на то, что „золотопромышленники, подобные Скрыбину или Вочкову (такъ назывались воры) являются *благодѣтелями* рабочихъ, и если съ юридической *чисто формальной* стороны они виноваты, то, по существу, ихъ слѣдуетъ *наградить*, а не карать“... Кража драгоценныхъ металловъ да еще съ казенныхъ земель (особенно у насъ строго наказуемая) это, изволите ли видѣть, „чистая формальность“, воровъ же, если они изъ украденнаго дѣлятся со своими сообщниками, слѣдуетъ „награждать“, ибо они народные „благодѣтели“!

Любопытно, какъ могли быть допущены такія возмутительныя рѣчи, и гдѣ же—на судѣ, который и созданъ для того, чтобы водворять въ народѣ чувство законности. Слѣдуетъ удивляться, какъ предсѣдатель суда не прекратилъ произнесеніе означенныхъ софизмовъ, а затѣмъ спросить, къ чему же провинціальнымъ окружнымъ судамъ даны права совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ? Очевидно для того, чтобы они слѣдили за нравственнымъ состояніемъ адвокатовъ и, въ случаѣ слишкомъ явнаго проявленія прелюбодѣйства мысли, привлекали виновныхъ къ отвѣтственности.

Вопросъ этотъ вовсе не маловаженъ, онъ выходитъ изъ рамокъ текущаго судебного разбирательства и получаетъ значеніе государственнаго. На Уралѣ, напр., населеніе и безъ того поголовно склонно къ воровству драгоценныхъ металловъ. Прогрессъ гуманности сдѣлалъ то, что дѣла по этой части, до 1870 года разбиравшіяся военнымъ судомъ, переданы общей гражданской юстиціи. Но едва ли прогрессъ долженъ простирается до полной безнаказанности преступленій и до того, чтобы являлись люди, которые публично на

судѣ увѣщевали населеніе воровать, ибо въ этомъ не только нѣтъ преступленія, но усматривается даже общее благо.

Курьезно еще, что корреспондентъ „Новостей“, сообщавшій о процессѣ, хотя и не скрывалъ, что судились обыкновенные воры, но считалъ нужнымъ ехидно замѣтить, что Демидовы, продавая свою платину въ Англіи, ничѣмъ не рискуя и не затрачивая ни копѣйки, наживаютъ будто бы руками старателей по 3,000 р. на пудъ, а Франція, конкурируя съ Англіей, платитъ за русскую платину до 5,500 руб., такъ что англичане, въ свою очередь, наживаютъ по 1,000 руб. на пудъ.

Если демидовскіе заводы имѣютъ большіе барыши отъ платины, то за то имѣютъ огромные, несравненно по суммѣ большіе, убытки отъ выплавки мѣди, выдѣлки рельсовъ и добычи каменнаго угля, слѣдовательно тутъ только частица обширнаго горнозаводскаго хозяйства. Если французы покупаютъ платину въ Англіи, а не на Уралѣ, то, вѣроятно, имѣютъ для того свои вѣскія причины. Во всякомъ случаѣ, какое отношеніе означенныя замѣчанія корреспондента имѣли къ дѣлу о воровствѣ платины? Вѣдь если заводы и не получали бы ничего, кромѣ барышей, то это представляло бы лишь счастливую случайность, которой можно завидовать, но это нисколько не уполномочиваетъ публику красть изъ заводскихъ кармановъ, хотя бы и съ благословенія гг. адвокатовъ и корреспондентовъ.

Не забудемъ и юридическаго тумана, который думалъ напустить весьма извѣстный московскій присяжный повѣренный Шайкевичъ по вопросу о похищеніи процентныхъ бумагъ на предъявителя. По разъясненію этого юриста, для поддержанія государственнаго кредита и довѣрія къ бумагамъ на предъявителя выходило, что, поймавъ вора, вытащившаго изъ кармана у васъ деньги, вы должны бы были, отобравъ украденное, оставить у похитителя всѣ безымянныя бумаги. Законъ нашъ смотритъ иначе и если онъ не согласуется съ какою либо статьею кредитныхъ уставовъ, то надобно измѣнить послѣднюю, а не принципиальный законъ о правѣ собственности.

Господа російскіе адвокаты положительно хотятъ соз-

дать новый кодекс нравственности, не только не имѣющій ничего общаго съ заповѣдями Господними и съ гражданскими законами всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, но прямо имъ противоположный. Недаромъ г. Неклюдовъ, также бывшій когда-то либераломъ, возмущенный тѣмъ, что ему, по обязанности оберъ-прокурора, приходится читать и слышать, просилъ Сенатъ установить надъ адвокатурой строгій контроль. По его словамъ, значительная часть нареканій на новые суды: „заслуженно падаетъ на долю защиты, прибѣгающей къ однимъ и тѣмъ же неблаговиднымъ средствамъ: къ обѣленію злодѣя и стремленію во что бы то ни стало, не стѣсняясь ничѣмъ, отмстить, распять и свидѣтелей, и потерпѣвшихъ, и обвинительную власть, и законъ“.

Вообще удивительно то обстоятельство, что противъ адвокатской язвы Западная Европа начала вопить еще въ концѣ XV столѣтія и возставала въ XVI, видя въ ней одно изъ условій для разоренія массы. У насъ не было этой язвы; еще императоръ Николай I слышать не хотѣлъ объ адвокатахъ. И вдругъ мы завели ее въ качествѣ необходимаго условія прогресса! Въ Китаѣ не существуетъ ни адвокатовъ, ни повѣренныхъ, ни нотаріусовъ и никому въ голову не придетъ заводить ихъ.

Въ Россіи смертной казни, кромѣ какъ за политическія, военныя и карантинныя преступленія, не существуетъ уже *de jure* болѣе ста двадцати лѣтъ. Заграничные писатели отрицаютъ, впрочемъ, это, полагая, что наши прежніе кнутъ и особенно прогнаніе сквозъ строй шпицрутенами черезъ нѣсколько тысячъ человѣкъ были равносильны во многихъ случаяхъ смертной казни. Это справедливо, не говоря уже о такихъ фактахъ, что смертная казнь въ Сибири негласнымъ высочайшимъ повелѣніемъ, даннымъ по настоянію мѣстныхъ генераль-губернаторовъ и по совѣту графа Блудова, прилагалась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при Николаѣ I.

Нѣкоторые органы русской печати, въ особенности „Московскія Вѣдомости“, высказывались прямо и косвенно за восстановленіе смертной казни въ Россіи, въ виду будто

бы „ужасающаго легкомыслія и равнодушія, обнаруживаемаго преступниками“ при выслушиваніи приговоровъ. „Сознавали ли“, говорили, напимѣрь, „Московскія Вѣдомости“, по извѣстному дѣлу Прокофьева и Лебедева,—„подсудимые въ торжественную минуту произнесенія надъ ними уголовного приговора, что они понесли достойную мзду? Не смѣялись ли они внутренно надъ безсиліемъ правосудія, они, завсегдатели нашихъ остроговъ, хорошо знающіе не только входы ихъ, но и выходы? Могли ли они не надѣяться на скорое освобожденіе, когда, по пословицѣ, сложившейся между каторжниками, только лѣнливый съ каторги не бѣжитъ?“ „Въ странахъ“, продолжаетъ московская газета, „гдѣ установлена смертная казнь, а она установлена, за весьма ничтожными исключеніями, во всемъ цивилизованномъ мірѣ, такое дѣло, какъ процессъ Прокофьева и Лебедева, возбудило бы всеобщее вниманіе. Судебная обстановка имѣла бы потрясающее значеніе для публики, судей, присяжныхъ, обвинителя, защитниковъ, а главное для самихъ подсудимыхъ, ибо рѣчь шла бы о жизни и смерти. Печать подвергла бы этотъ процессъ самому тщательному обсужденію“... У насъ же совсѣмъ не такъ, и органъ Каткова приводилъ въ доказательство необыкновеннаго благодушія русскаго уголовного законодательства то, что за шестерное убійство въ данномъ случаѣ Лебедевъ приговоренъ къ тому же наказанію, которое въ Англіи полагается за поддѣлку документовъ.

Возражая „Московскимъ Вѣдомостямъ“, „Русскій Міръ“ доказывалъ, что смертная казнь вовсе не была отмѣнена императрицею Елисаветой Петровной, а устранилась только административнымъ обычаемъ. Газета находила, что хотя за убійство смертная казнь и не внесена въ XV томъ Свода Законовъ, но для другихъ случаевъ она сохранилась въ Россіи едва ли не болѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Кромѣ того, нѣкоторые приговоры, постановляемые на основаніи устава о ссыльныхъ, если не могутъ почитаться смертными, то тѣмъ не менѣе легко сопровождаются смертными случаями. Признавая, затѣмъ, какъ и „Московскія Вѣдомости“, что настоящая организація

каторжныхъ работъ исполнѣе неудовлетворительна, „Русскій Мірѣ“ находилъ, что есть три выхода изъ этого положенія дѣла: или возрастающая государственная опасность, или введеніе въ гражданскомъ порядкѣ смертной казни для убійствъ съ отягчающими обстоятельствами, или учрежденіе крѣпкихъ, организованныхъ каторжныхъ тюремъ. „Никто, конечно, не выразится“, говоритъ газета, „въ пользу перваго предположенія, немногіе выразятся въ пользу втораго“. Послѣ преобразованія каторжныхъ тюремъ „не встрѣтятся надобности въ расширеніи смертной казни, а, напротивъ того, встрѣтится возможность совершенно исключить смертную казнь изъ гражданского положенія, оставивъ ее въ законахъ военно-полевыхъ для случаевъ чрезвычайныхъ“.

Статьи газетъ, о которыхъ мы говоримъ, показываютъ, что вопросъ о смертной казни не можетъ считаться у насъ вопросомъ только теоретическимъ. Поэтому интересно взглянуть, къ чему пришли по этому вопросу въ другихъ странахъ. Литература за и противъ смертной казни громадна; право, философія и романъ одинаково служили къ выясненію вопроса о ней. Обстоятельно онъ былъ разсмотрѣнъ и съ точки зрѣнія статистической.

Смертная казнь, болѣе или менѣе жестокая, прилагалась въ прежнее время чрезвычайно часто; во Франціи еще полтора столѣтія назадъ лишали жизни за охоту въ чужихъ лѣсахъ и за продажу запрещенныхъ книгъ; въ Англіи до 1817 года казнили смертью за подлоги въ документахъ, поддѣлку банковыхъ билетовъ, кражу скота и даже за простую кражу изъ жилыхъ помѣщеній. Цивилизація, смягчившая нравы, привела мало-по-малу все къ болѣе и болѣе рѣдкому ея примѣненію на практикѣ, не смотря на абсолютное увеличеніе числа подсудимыхъ отъ возрастанія населенія и улучшенія слѣдственной части. Во Франціи, напримѣръ, гдѣ смертная казнь въ теоріи популярна въ судебномъ вѣдомствѣ, среднее число приводимыхъ въ исполненіе смертныхъ казней само собою понизилось за послѣднія тридцать лѣтъ съ 80 до 5—6 въ годъ.

Изъ свѣдѣній Дероста, члена сенскаго суда, напеча-

танных въ парижскомъ журналѣ „Le Droit“, видно, какъ недавно еще злоупотребляли смертною казнью. Смертныхъ приговоровъ во Франціи въ 1803 г. состоялось 605; вообще съ 1803 г. по 1824, не включая еще 1808, 1809 и 1810 гг., о которыхъ нѣтъ свѣдѣній, постановлено 6,485 смертныхъ приговоровъ. Но за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ число смертныхъ приговоровъ, и особенно смертныхъ казней, значительно уменьшается. Съ 1824 по 1873 гг. было постановлено смертныхъ приговоровъ 2,470, а приведено ихъ въ исполненіе 1,546. Разборъ этихъ цифръ приводитъ Дероста къ заключенію, что опытъ постоянно уменьшающагося числа казней во Франціи убѣждаетъ въ безвредности полного уничтоженія смертной казни и замѣны ея болѣе гуманнымъ наказаніемъ, а также въ независимости числа преступленій отъ существованія или не существованія смертной казни. „Во всякомъ случаѣ вопросъ о смертной казни“, говоритъ Деростъ, „есть одинъ изъ тѣхъ, которые, по справедливому выраженію знаменитаго шведскаго аболіціониста Оливекрона, не могутъ быть оставляемы въ покоѣ“. Такого заключеніе, выведенное на основаніи статистическихъ данныхъ, на основаніи опыта одной изъ наиболѣе кровавыхъ, если позволительно такъ выразиться, странъ, гдѣ театральная обстановка смертной казни имѣла особенно много почитателей. Во всякомъ случаѣ до полной отмѣны смертной казни остается еще сдѣлать очень большой шагъ, хотя уже въ древнемъ Египтѣ, какъ пишетъ Діодоръ Сицилійскій, была произведена Сабаконмомъ попытка вовсе отмѣнить смертную казнь. Франція не прилагала смертной казни съ IV до X года республики, но изобрѣла „сухую гильотину“, т. е. ссылку въ колоніи. Въ Тосканѣ смертная казнь отмѣнена окончательно въ 1853 году. Въ послѣднее время казнь была отмѣнена въ Голландіи, Португаліи, Саксоніи, Румыніи, Венесуелѣ и нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки. Въ Швейцаріи, при пересмотрѣ конституціи въ 1874 году, была прибавлена статья, воспрещавшая примѣненіе смертной казни въ уголовныхъ кодексахъ отдѣльныхъ кантоновъ.

Противъ этой-то прибавки началась немедленно силь-

ная политическая агитація. Юристы цифрами доказывали, что въ пять лѣтъ число крупныхъ преступленій замѣтно въ Швейцаріи увеличилось. Мнѣніе печати раздѣлилось. Часть ея защищала возстановленіе смертной казни, другая—горячо порицала возвращеніе къ прежней „варварской“ юстиціи. Викторъ Гюго и др. выдающіеся политическіе дѣятели поощряли прогрессивную швейцарскую печать письмами и наставленіями. Вопросъ объ отмѣнѣ 65 статьи швейцарской конституціи 29-го мая 1874 года, касающейся смертной казни, прошелъ благополучно черезъ національный совѣтъ и совѣтъ кантоновъ, но такъ какъ дѣло касалось измѣненія конституціи, то потребованъ былъ плебисцитъ. За отмѣну статьи высказалось большинство въ 15,129 голосовъ (193,916 противъ 178,787). Это не значитъ, что смертная казнь возстановлена во всей Швейцаріи, но это дало право возстановить ее тѣмъ кантонамъ, которые того пожелали.

Такимъ образомъ опытъ двухъ сосѣднихъ странъ — Франціи и Швейцаріи—какъ бы противоположенъ. Мы того мнѣнія, что теперь нелѣпы всякія помышленія о широкомъ примѣненіи смертной казни въ странахъ какъ Россія, гдѣ уже въ прошломъ столѣтіи вопросъ о ней, подъ вліяніемъ народнаго характера, принялъ извѣстное направленіе. Теперь дико читать, что наказъ о градскомъ благочиніи 1649 г. угрожалъ смертною казнью тѣмъ, кто будетъ топить лѣтомъ избы и бани и сидѣть по вечерамъ и по ночамъ съ огнемъ, а указъ 1686 г. обѣщалъ казнить всѣхъ лекарей, „буде изъ нихъ кто нарочно или ненарочно кого уморять“. Но съ другой стороны полную отмѣну смертной казни, особенно для окраинъ, населенныхъ полудикимъ и воинственнымъ населеніемъ, можно считать величайшею ошибкою. Къ счастью, она легко исправляется у насъ примѣненіемъ полевыхъ военныхъ судовъ, что, конечно, не нравится юристамъ, любителямъ Робеспьеровскаго изреченія: „погибни лучше колоніи, чѣмъ одинъ принципъ“. Колоніи Франціи, какъ извѣстно, погибли, а принципы не сохранились.

ГЛАВА XXI.

Шко ла.

Потребности нашей школы. — Объ умственномъ пролетаріатѣ. — Новый университетскій уставъ. — Томскій университетъ. — Тѣлесныя наказанія въ школахъ. — Женское образованіе.

„Какъ тѣло, говоритъ геніальный кардиналъ Ришелье въ своемъ духовномъ завѣщаніи, которое во всѣхъ частяхъ имѣло бы глаза, несомнѣнно являлось бы уродливымъ, такъ и государство станетъ уродливымъ, если всѣ его подданные сдѣлаются учеными. Никто не будетъ тогда повиноваться, а гордость и самонадѣянность станутъ обыкновеннѣйшимъ явленіемъ“. Вотъ слова, которыя объясняютъ многія страницы нашей новѣйшей исторіи!

Злодѣяніе 1-го марта вызвало безконечныя разсужденія о причинахъ, породившихъ у насъ явленія самаго революціоннаго характера. Причины эти давно были очевидны, но либеральное лицемѣріе не позволяло формулировать ихъ съ достаточною ясностью, а если и позволяло, то не давало все-таки возможности осуществить рядъ мѣропріятій, способныхъ сдѣлаться частью правительственной программы, которая замѣнила бы систему реакціонныхъ или прогрессивныхъ замазываній, которой мы упорно держались.

Къ счастью, иностранцы могутъ быть откровеннѣе насъ на этотъ счетъ. „Times“, напримѣръ, въ прекрасной статьѣ прямо обвинилъ нашу систему воспитанія, считающуюся у насъ образцомъ чего-то ужасно прогрессивнаго, способнаго съ

оранжерейной быстротой создать въ Россіи такое число быстрыхъ разумомъ Платоновъ и Невтоновъ, которое сразу поставитъ русскую культуру въ уровень съ культурою Западной Европы. Само собою разумѣется, что мы говоримъ не о педагогическихъ системахъ классицизма или реализма, имѣющихъ каждая и свои достоинства, и свои недостатки, а о системѣ воспитанія въ политическомъ смыслѣ, начатой еще съ конца XVII вѣка и съ тѣхъ поръ тщательно и энергически поддерживаемой.

Дѣйствительно, уже съ Петра Великаго началась погоня за „новыми людьми“; ихъ на казенныя средства правительство думало создать какъ бы внѣ той среды, которую представляло современное общество и народъ. Петръ приготавлилъ себѣ такимъ образомъ чиновниковъ и офицеровъ; Бецкій думалъ создать новую породу людей изъ подкидышей, лишенныхъ всякаго общенія съ окружающимъ міромъ, и новую породу матерей изъ дѣвочекъ, удаленныхъ съ семилѣтняго возраста изъ родительской семьи; Сперанскій полагалъ въ поповичахъ и кутейникахъ найти матеріалъ для идеальной бюрократіи; императоръ Николай въ школахъ кантонистовъ искалъ средствъ для воспитанія народа на началахъ строгой дисциплины. Все это явленія одного порядка—поставить систему воспитанія въ исключительную зависимость отъ казенной потребности, понимаемой съ одной стороны и узкоутилитарной точки зрѣнія.

Новое время не принесло намъ на этотъ счетъ ничего новаго. Реформы потребовали много людей съ извѣстной суммой образованія, развивающаяся экономическая дѣятельность также выказала недостатокъ людей съ техническою подготовкою, и вотъ пошли въ ходъ старыя приемы для приготовленія необходимыхъ государству людей. Нашъ воспитательный идеалъ состоитъ не въ томъ, чтобы разливать образованіе во всѣхъ сферахъ, чтобы сапожникъ могъ найти для своего сына хорошую ремесленную школу, чтобы среднія учебныя заведенія давали дѣтямъ средняго сословія, зажиточнаго купечества, чиновниковъ возможность дѣльнаго и толковаго воспитанія, чтобы немногочисленные высшія учебныя заведенія стали храмами науки, богатыми сред-

ствами, независимыми, со слушателями не нищенствующими и потому не имѣющими ни времени, ни желанія посѣщать лекціи; чтобы эти храмы были поставлены въ такой средѣ, гдѣ жизнь не тягостна для молодежи, спокойна; чтобы техническія заведенія строго удовлетворяли потребностямъ въ техникахъ, а не служили сборищемъ юныхъ карьеристовъ, ищущихъ чиновъ и наживы въ будущемъ, а до времени считающихъ дурнымъ тономъ посѣщать лекціи.

Нѣтъ, наша система воспитанія сводится къ воспроизведенію Ломоносовыхъ. Намъ все кажется, что въ темной массѣ разсѣяны въ неизвѣстности гении, которые должны быть отысканы и, каково ни было бы ихъ первоначальное положеніе, какова бы ни была та среда, гдѣ они вращались, на казенныя средства возведены на степенъ академиковъ и свѣтили науки. Эта погоня ведетъ къ тому, что мы снабжаемъ казенными стипендіями даже такія учебныя заведенія, которыя и безъ того не знаютъ, какъ избавиться отъ избытка желающихъ получить въ нихъ образованіе. Между тѣмъ на эти растроченныя стипендіи, собранныя вмѣстѣ, можно бы создать ремесленную школу въ уѣздномъ городѣ или опытную ферму въ деревнѣ.

Результатъ существующей системы всѣмъ извѣстенъ. Ломоносовыхъ, ни даже четверть-Ломоносовыхъ не отыскивается, масса же людей получаетъ поверхностнѣйшее образованіе и въ то же время, когда среднихъ школъ мало, профессиональныхъ еще меньше, высшія, къ несчастію сосредоточившіяся еще въ столицахъ, гдѣ жизнь дорога и полна для молодежи лишеній и соблазновъ и выгодна только профессорамъ-карьеристамъ, считаютъ тысячи номинальныхъ слушателей. Оттого найти хорошаго повара или честнаго кассира даже въ столицѣ считается вещью почти невѣроятною, а плохихъ инженеровъ съ красивыми дипломами и адвокатовъ безъ малѣйшей опытности—сотни. О воспитаніи нѣтъ нигдѣ рѣчи, наша школа заботится исключительно, чтобы снабдить мозги молодыхъ людей отрывками научныхъ познаній, поэтому понятія долга постепенно падаютъ, а въ искусствѣ готовить

динамитные составы наша молодежь удивляет даже специалистовъ.

Очевидно, что здѣсь-то широкое поле для революціонной пропаганды. Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ „Times“, массѣ открыть въ Россіи и, скажемъ даже, облегченъ доступъ къ цивилизаціи, но она совершенно не подготавливается воспитаніемъ къ сознанію своихъ правъ и обязанностей. Низшіе и даже средніе классы въ своей средѣ живутъ такъ же, какъ жили триста лѣтъ тому назадъ, а интеллигенція вращается въ искусственно созданной атмосферѣ политическихъ мечтаній, навѣянныхъ исключительно западными образцами.

„Проживая гдѣ нибудь въ деревнѣ, писалъ „Times“, молодой человекъ ни о какихъ высокихъ предметахъ не думалъ и не мечталъ,—для этого ему не хватало образованія, его умственный горизонтъ былъ слишкомъ узокъ. Но вотъ онъ прїѣзжаетъ въ Петербургъ или Москву въ качествѣ студента и тутъ обстановка его мѣняется. Онъ начинаетъ заниматься самообразованіемъ, наталкивается на множество книгъ, развитіе его недостаточно, чтобы разобратъ въ массѣ новыхъ мыслей и впечатлѣній, онъ не въ состояніи отнестись критически къ тѣмъ посуламъ всякихъ благъ, какія встрѣчаются ему въ книгахъ философскаго и коммунистическаго содержанія. Молодая, горячая голова воспримчива, искренно и съ легковѣріемъ поддается совѣтамъ умозрительныхъ благодѣтелей человечества. Такимъ образомъ и создается мало-по-малу самообученный и своеобразный реформаторъ. Наталкиваясь же на ненормальности жизни, на проявленія произвола дурныхъ исполнителей закона, реформаторъ этотъ постепенно убѣждается, что съ этимъ необходимо покончить и его молодая силы должны быть употреблены на борьбу съ этими аномаліями. Переноса отвѣтственность за все на правительство, онъ направляетъ свои усилія на борьбу съ нимъ“...

Тутъ что ни слово, то правда. У насъ достаточно гонялись за призраками, усматривая политическую опасность вовсе не тамъ, гдѣ она есть: то стѣсняли какое нибудь

скромное мѣстное начинаніе, то преслѣдовали газету за рѣзкую фразу, между тѣмъ образованіе болѣе всего требовало самаго широкаго вниманія и уничтоженія бьющихъ глаза аномалій. Это образованіе рѣшительно не соотвѣтствовало основному строю Россіи, ея быту и исторіи. Несоотвѣтственное покровительство высшему образованію въ ущербъ низшему должно было непременно отозваться у насъ созданіемъ умственного пролетаріата, представляющаго наиболѣе удобную почву для всякаго рода анархическихъ теорій. Подобное явленіе замѣчается, впрочемъ, и за границею и уже обращаетъ на себя вниманіе тамошнихъ публицистовъ.

„Пауперизмъ, котораго надобно теперь опасаться на Западѣ, говоритъ, напримѣръ Леруа Болле въ своей интересной книгѣ: *Essai sur la répartition des richesses*“—книгѣ, замѣтимъ, написанной хотя и въ оптимистическомъ, но крайню либеральномъ направленіи—не находится въ средѣ несчастныхъ, неумѣющихъ ни читать, ни писать, но именно въ средѣ людей образованныхъ, способныхъ къ кабинетнымъ занятіямъ; вотъ истинно бѣдные, которыхъ цивилизація, если не примутъ надлежащихъ мѣръ, создастъ въ будущемъ легіоны“... „Созданіе и развитіе этого пауперизма поддерживаетъ даровое обученіе въ среднихъ и особенно высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; поэтому всѣ лица, снабженные дипломами, и есть пролетаріи будущаго, тысячу разъ болѣе достойныя сожалѣнія, вслѣдствіе непропорціональности между ихъ потребностями и ихъ средствами къ жизни, нежели простые рабочіе, которые въ близкомъ будущемъ вездѣ, а теперь уже во многихъ мѣстахъ, оплачиваются лучше, нежели всѣ эти полуученные, выходящіе изъ нашихъ поверхностныхъ школъ“...

Замѣчательно, что ничтожное вознагражденіе умственнаго труда проявляется даже въ такихъ странахъ, гдѣ представляется самое широкое поприще для человѣческой предпріимчивости. Въ Сиднеѣ, въ Австраліи, подневная плата каменщику въ 8 часовую смѣну равняется 11—13 шиллингамъ, т. е. 5 руб., между тѣмъ образованные люди съ трудомъ получаютъ въ Сиднеѣ половину этого вознагражде-

нія. Въ банкахъ, напримѣръ, легко имѣть хорошаго конторщика за 75 фунт. стерл. въ годъ. То же самое и во Франціи. Въ Парижѣ хорошій работникъ зарабатываетъ 7—8 франковъ въ день, не считая добавочныхъ часовъ, широко оплачиваемыхъ, въ итогъ это составляетъ 2—2,500 франковъ въ годъ, между тѣмъ чиновнику очень трудно найти мѣсто съ вознагражденіемъ болѣе 1,500—1,800 фр. въ годъ. Въ 1889 г. въ Берлинѣ каменщикъ получалъ 0,60 марки въ часъ, а аптекарскій помощникъ 0,25 марки.

Еще Прудонъ въ своихъ „*Contradictions économiques*“ ужасался постоянно возрастающаго числа артистовъ, инженеровъ, архитекторовъ и проч. специалистовъ, ежегодно выходящихъ изъ школъ. Но что означала конкуренція въ этихъ сферахъ во времена Прудона сравнительно съ настоящимъ временемъ!

Само собою разумѣется, что распространеніе познаній—дѣло полезное, но не надобно упускать также изъ виду, что излишнее предложеніе умственнаго труда понижаетъ его цѣнность на рынкѣ. Поэтому при избыткѣ ревности правительства, общественныя и благотворительныя учрежденія легко превосходятъ въ дѣлѣ образованія надлежащую мѣру. Если, говоритъ Леруа Болъе, сдѣлать высшее образованіе даровымъ, а техническое и среднее доступнымъ массѣ людей безъ состоянія и съ посредственными способностями, если учредить техническія школы въ каждомъ городѣ, даже, какъ предлагаютъ, въ каждомъ кварталѣ города, то въ результатъ подобнаго легкомысленнаго направленія получится ежегодное приготовленіе десятковъ тысячъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ къ либеральнымъ профессіямъ, къ артистической карьерѣ, къ государственной службѣ и т. д., другими словами, получится искаженіе здравыхъ экономическихъ отношеній; предложеніе извѣстныхъ услугъ превзойдетъ значительно запросъ на нихъ, вознагражденіе за умственный трудъ понизится неувѣроятно и въ обществѣ явится масса лицъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію.

Не смотря на эту опасность, большая часть государствъ идетъ именно по этому ложному пути. Между тѣмъ нѣтъ

деликатнѣе вопроса о высшемъ и особенно техническомъ образованіи. Когда государство, вмѣсто распространенія общаго образованія, фабрикуетъ на свой счетъ ученыхъ, чиновниковъ, инженеровъ, артистовъ, мастеровъ и т. д., то оно беретъ на себя вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно непосильную задачу распредѣлять въ странѣ обязанности и трудъ. Оно какъ бы подражаетъ законодателямъ древности и среднихъ вѣковъ, когда опредѣлялось число работниковъ, долженствовавшихъ трудиться въ каждомъ отдѣльномъ ремеслѣ. Государство вмѣшивается такимъ образомъ въ рынокъ труда и опредѣляетъ предложеніе и спросъ, но очевидно, что, желая регулировать этотъ рынокъ, оно скорѣе вноситъ въ него смуту. „Бѣдность, очень вѣрно опредѣляетъ Прудонъ, не есть лишеніе извѣстныхъ предметовъ, а нарушеніе равновѣсія между потребностями и способами ихъ удовлетворенія“. Поэтому, чѣмъ потребности массы отъ развитія образованія увеличиваются, тѣмъ въ сущности она становится бѣднѣе.

Эти разсужденія выдающихся западныхъ публицистовъ заслуживаютъ вниманія нашего общества съ его стремленіемъ къ созданію стипендій и всяческихъ искусственныхъ поощреній высшаго образованія, гдѣ уровень просвѣщенія ставятъ въ прямую зависимость отъ числа лицъ, получившихъ дипломы казенныхъ учебныхъ заведеній. Какъ двѣсти лѣтъ назадъ Академія наукъ была устроена въ Россіи ранѣе, чѣмъ появилась первая гимназія, такъ еще недавно образованіе Россіи мѣрилось числомъ стипендій, выданныхъ семинаристамъ и евреямъ въ университетахъ на счетъ сбора съ массы русскаго народа, остававшася темнымъ и безграмотнымъ. Результаты извѣстны; реакція была естественна.

Франція, гдѣ вѣра въ то, что государство обязано на казенный счетъ сдѣлать всѣхъ образованными, особенно была сильна, подаетъ теперь примѣръ разочарованія. Не безъ нѣкотораго уличнаго скандала возстановленъ тамъ сборъ за слушаніе лекцій въ факультетахъ, соответствующихъ нашимъ университетамъ. Сборъ этотъ составляетъ 120 франковъ въ годъ (около 50 руб.) съ каждого студента, не считая сбора за право пользованія библіотекою

съ слушателей словеснаго и юридическаго факультетовъ и за пользованіе лабораторіями съ математиковъ и естественниковъ.

Любопытно, что всѣ почти безъ исключенія органы французской печати одобрили это возстановленіе. Конечно, говорили они, сборъ, дающій всего 140—150 тыс. руб. въ годъ, совершенно ничтоженъ въ финансовомъ отношеніи для государства съ бюджетомъ слишкомъ въ милліардъ рублей, но важенъ не доходъ, а принципъ, по коему за высшее образованіе должны платить тѣ, которые его благами надѣются воспользоваться.

При настоящемъ положеніи вещей, по мнѣнію тѣхъ же органовъ, знаніе грамоты и ариеметики сдѣлалось вещью почти для всѣхъ необходимою. Государство обязано давать это познаніе, но и здѣсь дарового исполненія означеннаго обязательства въ правѣ требовать развѣ люди, лишенные всякихъ средствъ. Въ среднемъ образованіи роль государства должна быть гораздо уже. Государство можетъ открыть даромъ двери гимназій особенно выдающимся личностямъ, оно можетъ давать стипендіи какимъ нибудь сиротамъ людей, сложившихъ голову за отечество, но несправедливо на счетъ народа воспитывать въ теченіе семи-восьми лѣтъ людей, добивающихся болѣе легкаго способа существованія въ либеральныхъ профессіяхъ. Тутъ кстати припомнить, что подобное стремленіе рѣзко бросалось въ глаза и у насъ въ южныхъ и западныхъ учебныхъ округахъ, гдѣ евреи, составляющіе только десятую часть населенія, занимали въ казенныхъ гимназіяхъ болѣе половины мѣстъ.

Даровое высшее образованіе, говорятъ французскіе публицисты, не имѣетъ ни предлога, ни извиненія. Хотя во Франціи число казенныхъ стипендій росло въ послѣднее время во всѣхъ факультетахъ, но идея платить жалованье молодымъ людямъ, чтобы они сидѣли въ аудиторіяхъ, одна изъ самыхъ странныхъ. Быть чиновникомъ еще на школьной скамьѣ—перспектива пріятная, но пора отказаться отъ подобнаго несправедливаго порядка вещей. Если кто желаетъ быть докторомъ, адвокатомъ, судьей, чиновникомъ,

пусть и заплатить за свое обученіе, а не требуетъ его отъ плательщиковъ налоговъ.

Вопросъ этотъ имѣетъ главнымъ образомъ социальное значеніе и черезчуръ даровое высшее и даже среднее образованіе производитъ постоянный переворотъ въ общественномъ складѣ и разрушаетъ то необходимое соотношеніе, которое непремѣнно должно существовать между различными классами общества. Въ цивилизованномъ государствѣ должно сохраняться извѣстное равновѣсіе сословій. Необходимо, чтобы часть населенія занималась тяжелыми работами, часть работала на фабрикахъ, часть посвящала себя земледѣлію или торговлѣ. Необходимо, чтобы гораздо меньшая часть предавалась изученію наукъ. Замѣнить эти отношенія и направить гражданъ къ либеральнымъ профессіямъ, безъ того обремененнымъ людьми безъ дѣла, значить идти и противъ здраваго смысла, и противъ природы вещей *).

Эти разсужденія, эти повторенія мысли Рিশелье или, вѣрнѣе, мудрецовъ Греціи, которыя покажутся, конечно, многимъ нашимъ умникамъ „ужасно отсталыми“ и „ужасно пошлыми“, не трудно по отношенію къ Россіи иллюстрировать безчисленнымъ множествомъ конкретныхъ примѣровъ.

Мы знаемъ, напримѣръ, въ Петербургѣ заведеніе, приготавливающее специалистовъ, имѣющихъ весьма ограниченный кругъ дѣятельности. Заведеніе это и безъ стипендій и пособій стоило бы правительству очень дорого—120,000 р., что при десятѣхъ потребныхъ ежегодно специалистовъ опредѣляетъ расходъ на каждаго изъ бюджета, т. е. изъ доходовъ массы населенія, въ 12,000 р. Желających поступить въ означенное заведеніе является ежегодно 300—400, при-

*) Въ „Восточномъ Обзорѣніи“ къ свѣдѣнію учащихся сибиряковъ сообщалось, въ какихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ и специальныхъ, можно получить образованіе въ Петербургѣ. Изъ сообщенія видно, что въ столицѣ имѣется школа массажистокъ,—полезное и для здоровыхъ сибирячекъ прекрасное поле для упражненія мускуловъ,—но изъ дальнѣйшаго объясненія усматривалось, что для пріема въ эту школу требуется, какъ въ университетѣ, дипломъ средняго образованія!

нимается по конкурсному испытанію и по протекціи 30—40. Казалось бы о чемъ хлопотать еще, разъ желающихъ добыть спеціальнѣйшій дипломъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ имѣется мѣстъ въ училищѣ? Что же дѣлаетъ заведеніе? Оно собираетъ за право слушанія лекцій по 60 р. въ годъ со студента и тѣмъ же студентамъ выдаетъ обратно въ пособіе. Это составляетъ сумму въ 16¹/₂ тыс. р., которую болѣе состоятельные люди вносятъ въ пользу менѣе состоятельныхъ или же болѣе склонныхъ къ попрошайству. Сверхъ того, ежегодно раздается тѣмъ же студентамъ разныхъ стипендій и пособій до 20 тыс. р., не считая случайныхъ сборовъ отъ концертовъ и т. п. Раздѣляя на число потребныхъ государству спеціалистовъ, оба вида пособій составлять еще по 4,000 р. на каждого, т. е. такую сумму, на которую можно содержать прекрасную сельскую школу въ теченіе цѣлаго года. Всего значитъ каждый спеціалистъ вышеозначеннаго заведенія, примѣняющій свои познанія въ свою пользу, обходится казнѣ въ 18—20,000 р.

Спрашивается, почему это такъ дѣлается? А потому лишь, что всѣ высшія заведенія устроены у насъ на подобныхъ началахъ, что до сихъ поръ господствуетъ предразсудокъ, будто государство не только должно доставлять высшее образованіе даромъ, но и приплачивать за него, и что чѣмъ менѣе у кого средствъ получить это образованіе, тѣмъ болѣе должны быть жертвы со стороны казны. При этомъ никто не соображаетъ, что такого рода пожертвованія собираются съ той части населенія, для которой дорогъ каждый грошъ, и что они ведутъ въ сословномъ государствѣ, какъ Россія, къ созданію класса людей, находящихся внѣ дѣйствительныхъ условій жизни, оторванныхъ отъ почвы, несоотвѣтствующихъ по своему воспитанію тому кругу, гдѣ имъ придется вращаться, а нерѣдко даже и физически разстроенныхъ непосильною для молодого человѣка борьбою съ окружающею обстановкой.

По этому поводу нельзя не согласиться съ извѣстнымъ профессоромъ Крафтъ-Эбингомъ, который въ своей замѣчательной книгѣ „Нашъ нервный вѣкъ“ указываетъ на

стремленіе къ высшему образованію, какъ на одну изъ величайшихъ опасностей для будущихъ поколѣній.

„Стремленіе пробиться впередъ, говоритъ онъ, столь же развито, какъ и страсть возвыситься. Весьма естественно поэтому, что юноша часто избираетъ себѣ карьеру, которая не только превышаетъ матеріальныя средства родителей, но и его собственные силы. Никогда еще наплывъ въ высшія мужскія и женскія учебныя заведенія не былъ такъ великъ, какъ въ настоящее время. Ясно, что при этихъ условіяхъ должна явиться масса бездарныхъ, неспособныхъ, посредственныхъ и соціально неразвитыхъ элементовъ, тормозящихъ нерѣдко дѣло развитія нашихъ учебныхъ заведеній, гдѣ многіе на неосторожно выбранномъ пути терпятъ крушеніе“...

Система колебаній по отношенію къ университетскому образованію, на которую справедливо указывали, какъ на одинъ изъ главныхъ стимуловъ къ нигилистической крамолѣ, можно было видѣть на примѣненіи новаго университетскаго устава. По чрезвычайной осторожности всѣ старыя студенты были оставлены по отношенію къ ихъ экзаменамъ подѣ дѣйствіемъ отмѣненнаго устава 1863 года. Если такую реформу, какъ реформу 19-го февраля 1861 года, сочли возможнымъ примѣнить одновременно къ 20 милліонамъ, то трудно оцѣнить необычайную осторожность въ примѣненіи устава, касавшагося всего пяти учебныхъ заведеній. Администрація не могла же сама сомнѣваться въ достоинствѣ созданнаго ею новаго порядка вещей. Впрочемъ, можетъ быть, примѣненіе новаго университетскаго устава замедлилось лишь обыкновенными канцелярскими порядками, требующими глубокихъ размышленій надъ самыми простыми вещами.

Къ числу достоинствъ новаго университетскаго устава нельзя не отнести то, что при немъ сдѣлалось болѣе возможнымъ читать лекціи надлежащимъ образомъ. У насъ, какъ мы говорили, вся заботливость по отношенію къ университетскому образованію сводилась къ искусственному привлеченію въ университеты, помощью чиновъ, привилегій по военной повинности, стипендій, пособій, подаяній и от-

части укрѣпленія въ обществѣ предразсудка, что человекъ, имѣющій университетскій дипломъ, пріобрѣтаетъ будто бы тѣ умственные качества, которыхъ у него отъ рожденія не было. Это утроило число студентовъ, но никто не позаботился раздвинуть стѣны университетовъ для помѣщенія всѣхъ привлеченныхъ такимъ образомъ слушателей.

Пока занятія студентовъ ограничивались обсужденіемъ въ кухмистерскихъ и товарищескихъ квартирахъ высшихъ политическихъ и философскихъ вопросовъ, посѣщенія же лекцій профессоровъ, кромѣ нѣсколькихъ, любившихъ на лекціяхъ ввертывать радикальныя фразы, считалось наивною нелѣпостью или признакомъ дурного тона, дѣла шли хорошо. Совсѣмъ иначе пошло, когда студентовъ стали „подтягивать“ и требовать, чтобы они исправно посѣщали лекціи. При этомъ выяснилось, что еслибы всѣ студенты дѣйствительно явились на лекціи, то имъ не достало бы мѣста въ аудиторіяхъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія давно это знало и неоднократно заявляло, что настоятельная потребность расширенія университетскихъ помѣщеній несомнѣнна. Одинъ изъ товарищей министра, ревизуя Харьковскій университетъ, сдѣлалъ въ своемъ отчетѣ любопытное описаніе положенія послѣдняго. По словамъ отчета, „для цѣлей преподаванія въ Харьковѣ отданы всѣ помѣщенія, состоявшія въ распоряженіи университета: ни ректоръ, ни проректоръ квартиръ въ университетѣ не имѣютъ. Библіотека стѣснена до крайности. Зоологическій и зоотомическій кабинеты представляютъ скорѣе склады научныхъ предметовъ, пользование которыми для студентовъ дѣлается почти „невозможнымъ“. Одно изъ самыхъ дорогихъ научныхъ пособій университета — гербарій, помѣщается въ галлерей, неотопливаемой зимою и доступъ въ которую совершенно неудобенъ не только для студентовъ, но даже для преподавателей“.

За неимѣніемъ мѣста, Харьковскій университетъ не имѣлъ вовсе нѣкоторыхъ изъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, полагаемыхъ уставомъ, на примѣръ, особаго отдѣленія химической лабораторіи для работъ по части токсиче-

кологии и судебной медицины. Университетъ не имѣлъ специальныхъ клиникъ (кромѣ глазной), учрежденіе которыхъ разрѣшается уставомъ и неотложно требуется современнымъ состояніемъ науки. Мало того, студентамъ негдѣ даже было повѣсить верхняго платья, такъ какъ ихъ около 1,000, а вѣшалокъ въ сборной комнатѣ 150. Число аудиторій такъ незначительно (свободныхъ 8), что на одну и ту же комнату перѣдко предъявляли требованія одновременно нѣсколько профессоровъ. Аудиторіи, за исключеніемъ одной, тѣсны до того, что не вмѣщали часто и одной трети обязательныхъ слушателей. Преподаватели должны раздѣлять своихъ слушателей на группы (4, 6 и даже до 10) и заниматься по очереди съ каждою изъ группъ. Въ аудиторіи профессора фیزیологіи помѣщалось около 40 человѣкъ, а слушателей было 180. У профессора физики обязательныхъ слушателей до 300, а мѣстъ 60. У профессора гистологіи аудиторія имѣла всего 8 квадратныхъ сажень, а слушателей 180. Практическія занятія по зоотоміи, по словамъ отчета, были немислимы въ виду тѣсноты: мѣстъ—6, слушателей 180. У профессора химіи аудиторія вмѣщаетъ 70 лицъ, а слушателей 270; въ лабораторіи же 34 мѣста, а должно работать 350. У другого профессора химіи мѣстъ въ аудиторіи 70 и въ лабораторіи 30, а слушателей 300. Въ нѣкоторыхъ кабинетахъ предметы и препараты установлены въ шкафахъ въ шесть рядовъ, а матеріалъ, необходимый для лекцій, лежитъ на полу.

Не имѣя средствъ вмѣстить всѣхъ слушателей, университетъ, очевидно, не могъ ни требовать отъ студентовъ постоянныхъ и послѣдовательныхъ занятій, ни слѣдить за ними. Не представляя собой такой организаціи, при которой возможно было бы поставить учащуюся молодежь въ условія правильнаго систематическаго труда, составляющаго лучшее средство для отрезвленія молодого ума, университетъ переставалъ исполнять свое назначеніе. Такимъ образомъ, замѣчается въ отчетѣ, „въ аномальныхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыя поставлена внутренняя жизнь Харьковскаго университета, слѣдуетъ прежде всего искать объясненія тѣхъ печальныхъ явленій, которыя ознамено-

вали нынѣшній (1881—1882) учебный годъ. Отсутствие контроля надъ занятіями учащейся молодежи, обусловливаемое невозможностью установить для нея обязательность постоянного и непрерывнаго труда, легко могли привести къ образованію той группы праздной и безпокойной молодежи, которая принимала дѣятельное участіе во всѣхъ безпорядкахъ... При невозможности требовать отъ каждаго изъ вступившихъ въ университетъ, чтобы онъ на первыхъ же порахъ принялся за работу, университетъ перестаетъ быть учебнымъ заведеніемъ, а дѣлается мѣстомъ постоянного сборища падкой на увлеченія и неопытной молодежи, поставленной въ крайне неблагопріятныя нравственныя условія“...

Въ такомъ же положеніи, какъ Харьковскій, или въ подобномъ, находились, по всей вѣроятности, и другіе наши университеты въ моментъ, когда студенты были въ такой модѣ у „мыслящихъ мозговъ“. Новый уставъ не раздвинулъ стѣнъ заведеній и кореннымъ образомъ не измѣнилъ тѣхъ привилегій, которыми приманивались къ университету люди, при нормальномъ порядкѣ вещей оставшіеся бы сельскими дьячками или писцами въ земскихъ управахъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, далъ возможность учиться. Извѣстно, что по новому уставу никто не обязанъ слушать всѣ факультетскіе предметы, можно слушать только нѣкоторые изъ нихъ; поэтому нѣтъ надобности для каждаго даже третъестепеннаго предмета имѣть аудиторію на 50—70 человекъ; затѣмъ, за слушаніе лекцій, по новому университетскому уставу, приходится платить деньги, а такъ какъ никто не пожелаетъ платить за посѣщеніе такой аудиторіи, куда даже и попасть нельзя, то очевидно, что каждый профессоръ будетъ имѣть только то число слушателей, которое позволяютъ размѣры заведенія.

Во всякомъ случаѣ слѣдовало прежде позаботиться объ окончательномъ устройствѣ существующихъ университетовъ, прежде чѣмъ учреждать новые. Съ такой точки зрѣнія открытіе Томскаго университета мы считаемъ ошибкою. Сибирь въ университетѣ, какъ умственномъ центрѣ, вовсе не нуждалась, небольшое число образованныхъ чиновниковъ и

техниковъ ей могли дать русскія заведенія, для мѣстнаго средняго сословія (высшаго въ Сибири нѣтъ) достаточно гимназій и реальныхъ училищъ. Томскъ питаетъ университета не можетъ и съ перваго раза пришлось уже дѣлать „лаборъ“ студентовъ изъ семинарій за стипендіи, т. е. за казенное жалованіе, вопреки общему убѣжденію, что семинаристы и стипендіаты суть корень зла въ университетскомъ образованіи.

Болѣе права на учрежденіе новаго университета имѣлъ бы Тифлисъ. Въ настоящее время огромный Закавказскій край не имѣетъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, общеобразовательнаго, или техническаго, поэтому, для пополненія необходимаго для края числа образованныхъ людей, приходится или приглашать ихъ изъ Россіи, или воспитывать тамъ извѣстное число туземцевъ. Но туземцы остаются часто на службѣ въ Россіи; многіе изъ нихъ не выдерживаютъ суроваго климата и умираютъ или возвращаются, не кончивъ курса; другіе, удаленные отъ семейнаго надзора, лѣнятся и ничего не дѣлаютъ; при этомъ, подобная система воспитанія обходится очень дорого. Часть молодежи отправляется также за границу, гдѣ, не имѣя надлежащей поддержки, дѣлается глупою жертвою разныхъ проходимцевъ, якобы революціонныхъ агентовъ. Все это устранилось бы съ устройствомъ собственнаго университета. Судя по огромному приливу учениковъ въ гимназіи, нельзя сомнѣваться, что всѣ факультеты тифлискаго университета были бы очень быстро переполнены слушателями. Въ настоящее время туземецъ не мечтаетъ идти далѣе писца или армейскаго офицера, а тогда открывалось бы предъ нимъ множество другихъ полезныхъ карьеръ.

Устройство тифлискаго университета откладывалось до сихъ поръ по причинамъ, преимущественно политическимъ; защитники его увѣряютъ, впрочемъ, что русскій университетъ былъ бы скорѣе лучшимъ орудіемъ обрусенія края и скрѣпленія его съ Имперіей, чѣмъ наоборотъ. Не говоря уже объ общечеловѣческомъ значеніи науки и чисто-реальнаго направленія большинства ея отраслей, несомнѣнно, что туземная цивилизація слишкомъ скудна, чтобы устоять про-

тивъ вліянія европейскаго просвѣщенія, производимаго на русскомъ языкѣ. И теперь многія туземныя нарѣчія такъ бѣдны, что названіе ножа, вилки и т. п. „отвлеченныхъ“ понятій цѣликомъ заимствуется изъ русскаго языка. Даже древнѣйшіе и наиболѣе распространенные языки являются совершенно безпомощными въ своемъ развитіи. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить армяне. Тифлисъ — городъ по преимуществу армянскій; но тамошнее армянское нарѣчіе съ трудомъ понимается армянами эриванскими и шупшинскими: до такой степени оно испорчено позаимствованиями. Дѣти армянъ, выучившись по-русски, скоро забываютъ свой языкъ, а сами армяне охотнѣе всего говорятъ въ Тифлисѣ между собою на языкѣ презираемыхъ ими грузинъ. Конечно, есть и у армянъ пуристы, очищающіе языкъ, но труды ихъ бессильны передъ потребностью массы, которая измѣняетъ свой языкъ, сталкиваясь съ другими народностями. То же произойдетъ мало-по-малу и съ другими народами Кавказа; а языкъ, безспорно, самое сильное оружіе политической обособленности.

Давно извѣстно также, что полужизаніе весьма вредно; а вслѣдствіе отсутствія средствъ къ серьезному образованію, кавказская молодежь усваиваетъ себѣ теперь изъ западныхъ знаній только самые верхи, бесполезные въ ихъ грубой обстановкѣ. Просвѣщеніе вообще распространялось бы за Кавказомъ скорѣе, еслибы поощрялось поболѣе реальное воспитаніе. Въ настоящее же время воспитанникъ средняго учебнаго заведенія, будучи, положимъ, армяниномъ, обязанъ по уставу, а частью вслѣдствіе своей семейной обстановки, изучать языки русскій, армянскій, грузинскій, греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій. Такимъ образомъ въ головѣ мальчика, обыкновенно отъ природы довольно тупого, вмѣщаются семь труднѣйшихъ въ мірѣ грамматикъ, прежде чѣмъ туда попадетъ какое либо полезное реальное знаніе. Возможно ли подобное обученіе для полуразвитой массы?

Вопросомъ объ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній у насъ сильно занимались, но онъ все-таки рѣшенъ въ концѣ концовъ неудовлетворительно. Наилучшее рѣшеніе его было уже; впрочемъ, проектировано, а именно;

чтобы гимназій труднодоступныя готовили въ университеты и друг. высшія учебныя заведенія, а реальныя школы служили сами по себѣ для окончательнаго полученія образованія для лицъ средняго сословія. Какъ и что надобно сдѣлать для реформы въ этомъ смыслѣ, конечно—требуетъ болѣе подробныхъ разъясненій со стороны педагоговъ-спеціалистовъ. Мы должны заявить, однако, что наше мнѣніе клонится вовсе не къ ограниченію средствъ, затрачиваемыхъ правительствомъ на образованіе вообще, или къ прегражденію совершенно доступа въ высшія учебныя заведенія лицамъ низшихъ сословій. Но образованіе должно быть организовано разумно, широко и практически; оно не должно служить къ умственному вырожденію человечества — такъ какъ правъ былъ ораторъ, сказавшій, что „только лѣнтія въ школѣ годятся теперь къ чему нибудь въ практической жизни“; оно должно служить дѣйствительною школою для народа на всѣхъ ступеняхъ его жизни.

Къ числу разумныхъ и практическихъ мѣръ нельзя не отнести поднятый въ административныхъ сферахъ вопросъ: не слѣдуетъ ли вновь ввести въ среднія учебныя заведенія тѣлесныя наказанія, которыя замѣнили бы выдачу „волчьихъ паспортовъ“ и тѣмъ хотя нѣсколько уменьшили бы число молодежи, лишаемой за дѣтскія продѣлки возможности получить кое-какое образованіе. Педагоги с.-петербургскаго учебнаго округа, опрошенные по этому поводу, отвѣтили, что признаютъ пользу тѣлесныхъ наказаній только въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, и то какъ послѣднее средство для неисправимыхъ воспитанниковъ, притомъ не иначе каждый разъ, какъ съ согласія родителей.

Эти многочисленныя оговорки покажутся, быть можетъ, смѣшными тѣмъ, кто помнитъ нашу педагогическую практику тридцать или сорокъ лѣтъ назадъ, когда преобладала теорія Иисуса сына Сирахова, что, любя юношу, необходимо сокрушать ему ребра. Не вяжутся онѣ и съ современною педагогическою практикою Германіи и Англіи. Но надобно радоваться и тому, что наши педагоги настолько просвѣтлѣли, что взглянули, наконецъ, на вопросъ практиче-

ски и не воспользовались случаемъ, чтобы нагородить высокогуманной чепухи.

Въ утѣшеніе же тѣхъ, которыхъ возмущаетъ мысль, что можно будетъ вновь посѣть какого нибудь двѣнадцатилѣтняго шалуна, а при случаѣ двадцатилѣтняго болвана, мы укажемъ, что одинъ изъ самыхъ модныхъ нынѣ философовъ — Шопенгауеръ, въ извѣстномъ сочиненіи: „Parerga u. Paralipomena“, вышедшемъ въ 1851 году, доказываетъ, что и для взрослыхъ тѣлесное наказаніе одно изъ самыхъ естественныхъ, отвращеніе къ которому зависитъ только отъ предразсудка, искусственно воспитаннаго въ человѣчествѣ, и происхожденіе котораго онъ подробно разбираетъ въ своей книгѣ.

По мнѣнію Шопенгауера, безпристрастное изслѣдованіе убѣждаетъ, что бить также естественно для человѣка, какъ кусаться животнымъ плотояднымъ, или бодаться животнымъ, имѣющимъ рога. Человѣка по преимуществу можно назвать дерущимся животнымъ. Потому-то мы возмущаемся, слыша, что одинъ человѣкъ укусилъ другого, наоборотъ, давать и получать удары кажется для людей чѣмъ-то обыкновеннымъ и встрѣчается непрерывно. „Понятно, говоритъ Шопенгауеръ, что люди высшаго образованія избѣгаютъ подобныхъ случайностей, ограничивая свои естественныя наклонности, но жестоко убѣждать цѣлый народъ, или даже одинъ какой либо классъ общества, будто получить ударъ есть невообразимое бѣдствіе, которое вызываетъ въ возмездіе смерть и человѣкоубійство. Въ этомъ свѣтѣ слишкомъ много настоящихъ бѣдствій, чтобы было разумно изобрѣтать воображаемыя, которыя влекутъ, однако, за собою настоящія, но такова сила этого злого и глупаго предразсудка“.

Согласно съ подобнымъ взглядомъ, Шопенгауеръ не одобряетъ правительствъ и законодательныхъ собраній, помогающихъ укрѣпленію предразсудка, уничтожая и въ средѣ военной, и въ средѣ гражданской тѣлесныя наказанія. Правительства думаютъ, что дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ въ интересѣ гуманности, на дѣлѣ же укрѣпляютъ увлеченіе гибельное и противоестественное, которое при-

несло столько бѣдъ въ новыя времена и котораго вовсе не знала древность.

„За всѣ проступки, кромѣ самыхъ важныхъ, заключаетъ франкфуртскій философъ, наносить удары есть наказаніе, которое человѣку прежде всего приходитъ въ голову, значитъ оно самое естественное. Кого не убѣдишь словами, навѣрно убѣдишь побоями. Поэтому наказывать умѣреннымъ сѣченіемъ того, кого нельзя наказывать штрафами—за неимѣніемъ состоянія, или потерю свободы—если въ трудахъ виновнаго нуждаешься—представляется актомъ столько же справедливымъ, сколько и натуральнымъ. Противъ этого не было высказано никакихъ серьезныхъ возраженій. Обыкновенно толкуютъ о „человѣческомъ достоинствѣ“—выраженіи, основанномъ не на какомъ либо ясномъ понятіи, а лишь на гибельномъ предразсудкѣ“...

Русскій народъ, впрочемъ, раньше Шопенгауера установилъ на тѣлесныя наказанія свои собственныя воззрѣнія, которыя искажены у насъ были только въ послѣднее время юристами при измѣненіяхъ въ уголовномъ судопроизводствѣ, измѣненіяхъ, впрочемъ, не столько по буквѣ закона, которая сохранила тѣлесныя наказанія (кромѣ какъ для женщинъ), сколько по практикѣ. За симъ, если для взрослыхъ еще можно спорить о вредѣ и пользѣ тѣлесныхъ наказаній, то для дѣтей польза ихъ не должна бы, кажется, отрицаться послѣ сдѣланнаго грустнаго опыта.

Русскій народъ имѣетъ здравый взглядъ и на то, что называется женскимъ образованіемъ, рѣзко расходясь въ этомъ случаѣ съ „интеллигенціей“. Послѣдняя, подъ вліяніемъ идей 60-хъ годовъ, въ то время, когда въ Европѣ только еще осторожно поговаривали о расширеніи женскаго средняго образованія, сразу учредила въ одной столицѣ три женскихъ университета: педагогическіе курсы, женскіе медицинскіе курсы и высшіе женскіе курсы. Слушательницъ въ эти курсы привалило тысячами: были такія, которыя никогда ничему научиться и не могли, еще болѣе было такихъ, которыхъ учить было нечего, ибо слишкомъ ужъ многое знали. За Петербургомъ поспѣшила, конечно, про-

винція; курсы явились въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Казани. Педагогическіе курсы имѣли специальное назначеніе, особой роли въ Петербургѣ не играли и прочіе курсы на нихъ смотрѣли съ презрѣніемъ. Медицинскіе курсы очень въ свое время шумѣли, но когда Военное Министерство уразумѣло, что ничего, кромѣ вреда для дисциплины, отъ такого учрежденія быть не можетъ, курсы быстро захирѣли; одни высшіе бестужевскіе курсы, не смотря на нѣкоторыя заведенныя ограниченія, ставшія совершенно неизбѣжными, держались при пожертвованіяхъ радикальныхъ купчихъ и земскихъ преобразователей и городскихъ думъ, которыя вмѣсто того, чтобы снабжать города чистою водою, приличнымъ освѣщеніемъ и удалять нечистоты, забавлялись вопросами о развитіи женщинъ. Обзавелись курсы домами и, мало того, возбудился даже вопросъ о дарованіи ихъ воспитанницамъ, пополняемымъ въ значительной степени жидовскими и поповскими дочерьми, служебныхъ правъ, ибо въ этой привилегіи единственный-де исходъ для „упроченія“ высшаго женскаго образованія въ Россіи. „Дать высшее образованіе и не дать никакихъ правъ, все равно, что научить сотни лицъ корабельному искусству и отправить ихъ въ Сахару“, писалъ какой-то комикъ.

Дѣйствительно, совершенно вѣрно, если до сихъ поръ человекъ, запомнившій у насъ слегка для экзамена нѣсколько такъ называемыхъ „высшихъ предметовъ“ — запомнить которые, кстати сказать, гораздо легче, нежели запомнить „низшіе“ — получалъ дипломъ, дававшій ему чинъ X или IX класса, т. е. капитана, то логически, казалось бы, нѣтъ повода и слушательницамъ высшихъ курсовъ отказывать въ чинахъ. Но вопросъ въ томъ, какъ мы выше видѣли, справедливо ли и для мужчинъ сохранять существующія привилегіи высшаго образованія? Если въ немъ есть дѣйствительная потребность для женщинъ, — въ чемъ мы совершенно сомнѣваемся, — если встрѣчаются иногда субъекты, которымъ кругъ семейнаго хозяйства слишкомъ тѣсенъ, что-жъ, нѣтъ повода препятствовать подобнымъ женщинамъ учиться, хотя бы и слегка; государство обя-

зано не стѣснятъ подобныя стремленія. Но на этомъ оканчивается роль государства.

У насъ ссылаются часто на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, но мы лично убѣдились, что ученость американскихъ женщинъ вовсе не такъ велика, какъ думаютъ, а презрѣніе къ „синимъ чулкамъ“ въ Америкѣ сильнѣе чѣмъ гдѣ либо. Теперь произошло утѣшительное явленіе: обращено, наконецъ, вниманіе на высшія женскія заведенія, пріемъ въ нихъ на время былъ прекращенъ и затѣмъ курсы обращаются въ узкоспеціальное заведеніе со строгой дисциплиной; этому порадуются всѣ разумные люди въ Россіи, хотя образованіе для современнаго общества продолжаетъ быть фетишемъ, ради котораго забываются и здравый смыслъ и уроки исторіи. Мы же согласны съ писателемъ, находившимъ, что „въ тотъ день, когда всѣ женщины будутъ играть на фортепіано, а всѣ мужчины выучатся читать, міръ будетъ въ полномъ разстройствѣ“.

Вмѣсто ребяческихъ попытокъ создать для женщинъ университеты, гораздо лучше было бы обратить вниманіе на улучшеніе средне-образовательныхъ и профессиональных школъ для женщинъ.

Многіе еще помнятъ тѣ порицанія, которыя сыпались на институты, въ былое время воспитывавшіе лучшую часть нашего женскаго общества. Надъ ними тяготѣло обвиненіе, будто они выпускали дѣвушекъ, совершенно непригодныхъ къ дѣйствительной жизни. Кромѣ того, институты, какъ закрытыя заведенія, отрывали дѣтей отъ семьи, устраняли совершенно родителей отъ воспитанія ихъ и создавали, по окончаніи курса, совершенно чуждыя имъ существа. Учрежденіе первыхъ женскихъ гимназій было откликомъ на эти сѣтованія общества, почему и было встрѣчено съ сочувствіемъ: женское образованіе стало доступнымъ для всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, причемъ учащіяся не удалялись отъ домашней среды и находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ семейной обстановки.

Прошло, однако, слишкомъ тридцать лѣтъ со времени учрежденія женскихъ гимназій; въ этотъ періодъ времени обучилось въ гимназіяхъ много дѣвушекъ, нѣсколько поколѣ-

ній. Что же сдѣлали гимназіи въ дѣлѣ учебно-воспитательномъ, что дали онѣ русскому обществу, и какъ смотреть на нихъ само общество?

Теперь значительная часть общества несомнѣнно пришла къ сознанію, что гимназическое образованіе не можетъ быть достояніемъ всѣхъ сословій. Въ глазахъ этой части общества уже съ ясностію опредѣлились отрицательные результаты, происшедшіе оттого, что гимназіи, незамѣтнымъ для себя образомъ, превратились въ благотворительныя учрежденія, пріюты, куда подъ предлогомъ ученія, стекаются дѣвочки, чтобы укрыться отъ холода, черной работы, нерѣдко побоевъ, и при этомъ одѣться на счетъ различныхъ обществъ вспомошествованія.

Это сознаніе—ни для кого не новость; мнѣніе о необходимости обученія дѣвушекъ неимущихъ классовъ—не отвлеченнымъ знаніямъ, а ремесламъ, которыя бы дали имъ обезпеченное существованіе и соотвѣтствующее социальное положеніе—пріобрѣтаетъ себѣ все болѣе и болѣе сторонниковъ, и кто же не согласится, что для общества гораздо нужнѣе хорошо обученныя и грамотныя портнихи, перчаточницы, поварихи, нежели нищенствующія и малограмотныя учительницы, въ которыхъ даже нѣтъ и надобности, такъ какъ ихъ развелось на Руси чуть ли не столько сколько самихъ учащихся.

Выходъ, по нашему мнѣнію, одинъ. Какъ бы демократично по своимъ идеямъ общество ни было, оно все-таки различается не только по офиціальнымъ перегородкамъ, но и по достатку, вкусамъ, привычкамъ, образу жизни. Смѣшивать въ силу какого-то утопическаго равенства въ одной аудиторіи принцессъ и кухарокъ и вырабатывать совершенно отвлеченный типъ „умной и граціозной женщины“—нелѣпость. Женское воспитаніе должно удовлетворять разнообразнымъ требованіямъ общества. Закрытые институты, куда теперь принимаютъ по преимуществу сиротъ и дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ, должны, наоборотъ, какъ французскія *couvents*, сдѣлаться пріютами для воспитанія женщинъ, требующихъ утонченнаго образованія. Женскія гимназіи, число которыхъ надобно сократить втрое, должны

воспитывать женщинъ такого круга, который бы давалъ потомъ примѣненіе полученнымъ въ гимназіяхъ познаніямъ. Затѣмъ, для массы разночинцевъ, мѣщанъ, евреевъ должны быть устроены городскія женскія училища съ программю очень простою, съ развитіемъ преподаванія рукодѣлій и домашняго хозяйства.

И теперь все это у насъ есть, но дурно устроено, плохо регламентировано и не соотвѣтствуетъ дѣйствительной потребности. Естественной группировки, легко, однако, достигнуть, установивъ различныя платы въ заведеніяхъ, смотря по степени его совершенства. Теперь же, когда можно за нѣсколько рублей получить не только высшее образованіе, но и изучить музыку, танцы, иностранные языки, ни одна прачка, конечно, не задумывается давать его своей дочери, не размышляя, что такимъ образомъ она не облегчаетъ ей карьеру, а завѣдомо губитъ всю ея будущую жизнь и отдаетъ въ жертву проституціи.

ГЛАВА XXII.

Школа.

Вліяніе успѣховъ техники. — Положеніе у насъ технического образованія. — Технологическій институтъ. — Сельскохозяйственное образование. — Коммерческое училище. — Театральные курсы.

Торговый и промышленный кризисъ тяготѣетъ надъ нѣлымъ міромъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ онъ достигъ уже весьма опаснаго момента. Не только фабрики и заводы повсюду находятся въ застоѣ, но возбуждается въ Европѣ вопросъ, что будетъ съ земледѣліемъ, которое во многихъ мѣстахъ не окупаетъ расходовъ производства. Недавно еще считалось какъ бы аксіомой, и американскій экономистъ Кэри построилъ на ней свою систему, что въ то время, когда фабрики будутъ постоянно дешевѣть съ успѣхами техники, сырые матеріалы и въ особенности жизненные припасы должны дорожать отъ увеличенія населенія. Теперь мы видимъ, что паденіе цѣнъ одинаково коснулось какъ издѣлій, такъ и хлѣба и другихъ продуктовъ земли.

Въ объясненіе кризиса явилась уже цѣлая литература. Конечно, больной производительности не легче отъ этихъ объясненій, но все будто пріятнѣе умирать, когда знаешь по крайней мѣрѣ отъ какой болѣзни и какъ она называется по-латыни. У больного отымается одинъ элементъ страданія — неизвѣстность. Кризисъ приписывали политическимъ обстоятельствамъ: гигантскимъ вооруженіямъ и социалистической пропагандѣ, которая дѣлаетъ рабочихъ все болѣе

и болѣе требовательными; приписывали постоянному обезцѣненію серебра и исчезновенію его изъ роли монеты; приписывали—болѣе вѣрно—избытку производства, которое шло совершенно не въ соотвѣтствіи съ возрастаніемъ населенія и потребительной способности послѣдняго.

Неудовлетворившись однако этими объясненіями, ученые принялись за суть вещей и причину современнаго бѣдственнаго положенія они отыскиваютъ уже въ изобрѣтательности человѣческаго ума, которая своимъ примѣненіемъ къ технику производства и перевозки непремѣнно должна была произвести рано или поздно экономическую революцію.

Если громадныя успѣхи промышленной техники, а также улучшенія по части путей сообщенія, кредита, страхованія и проч. долго не производили своего вліянія на паденіе цѣнъ, то причиною была постройка сѣти рельсовыхъ путей. Эта колоссальная операція, достигшая своего апогея въ 1870 г., когда въ теченіе года было сооружено 22,000 верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, утилизировала въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ избытокъ механическихъ силъ, созданныхъ научными изобрѣтеніями.

Но та же сѣть желѣзныхъ дорогъ, временно поглащавшая избыточные силы промышленности, и стала по своему окончанію одною изъ причинъ кризиса. До постройки рельсовой сѣти каждый народъ жилъ почти особнякомъ, покупалъ извѣдъ мало и фабрики соображались съ мѣстнымъ хорошо ему извѣстнымъ райономъ потребителей. Совсѣмъ другое, стало послѣ открытія сѣти. Теперь, имѣя заводъ въ Силезіи, можно наводнять извѣстнымъ продуктомъ рынокъ Португаліи или Индіи, вовсе не соображаясь съ тѣмъ, какъ это отразится на интересахъ мѣстныхъ производителей.

Въ придачу успѣхи техники сдѣлали то, что перевозка по желѣзнымъ дорогамъ удешевлена за 20 лѣтъ въ три раза. Еще большаго успѣха достигли въ морской перевозкѣ. Здѣсь транспортъ товаровъ удешевился въ десять разъ. Причиною переворота былъ Суэзскій каналъ. Благодаря ему, парусный флотъ быстро уничтожился и замѣнился паровымъ, а такъ какъ паровое судно совершаетъ свои опе-

раціи въ три и четыре раза скорѣе, чѣмъ парусное, то вышло, что въ десять, пятнадцать лѣтъ торговый флотъ и средства морского передвиженія утроились. •

Новѣйшія примѣненія электричества только усилиять это вліяніе переворота, сдѣланнаго изобрѣтеніемъ паровой машины и другими продуктами науки. Въ будущемъ нужно ожидать новаго паденія цѣнъ. Разсчитывать, что колониальная политика дастъ исходъ избытку производительности и, усиливая спросъ, подниметъ цѣны—праздная мечта. Наоборотъ, надобно ожидать, что если китайцы и японцы введутъ у себя паровыя машины и другія европейскія изобрѣтенія, то станутъ въ такое положеніе, что заполнять европейскіе и американскіе рынки и тогда не они у насъ, а мы у нихъ будемъ въ экономической кабалѣ.

Съ такимъ объясненіемъ кризиса нельзя не согласиться. Съ другой стороны нельзя не признать подобное объясненіе весьма печальнымъ. Ибо что же подѣлаешь противъ прогресса и науки? Выходитъ, что чѣмъ болѣе мы будемъ усиливать изобрѣтательность нашего ума, тѣмъ болѣе только повредимъ мы себѣ въ будущемъ! Это пессимистическое сознаніе начинаетъ проникать даже въ среду экономистовъ — этихъ послѣднихъ столповъ оптимизма, которые, какъ докторъ Панглосъ, вѣровали, что „все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ“, и учили, что все на свѣтѣ такъ цѣлесообразно, что для того, чтобы носить очки, природа сейчасъ же создала человѣку носъ. И эти люди увидѣли, наконецъ, нѣчто далѣе своего носа.

Эмилъ де-Лавелэ, одинъ изъ этихъ экономистовъ — весьма, впрочемъ, талантливый и здравомыслящій — описывая недавно Сербію, пришелъ къ выводамъ, оригинальнымъ для бельгійца. По его мнѣнію, сербскій народъ едва ли не счастливѣйшій въ Европѣ, такъ какъ живетъ на своей собственной землѣ, разводитъ свиней въ лѣсахъ и пашетъ землю первобытными орудіями; сербы почти не имѣютъ фабрикъ, и только начинаютъ вкушать прелести заботливой о благѣ народа бюрократіи. Ничего другого, кромѣ какъ устранить себя подолѣе отъ язвы политиканства и индустріализма для Сербіи, Лавелэ и не желаетъ. Само собою,

что подобное желаніе идетъ въ прямой разрѣзъ съ памѣреніями и дѣйствіями великихъ сербскихъ государственныхъ людей.

Разочарованіе, испытываемое лучшими умами въ Европѣ передъ результатами хваленнаго прогресса, весьма поучительно. Особенно оно поучительно для людей мыслящихъ въ тѣхъ странахъ, которыя историческимъ путемъ не увязли еще по уши въ западно-европейской культурѣ и могутъ еще создать себѣ *modus vivendi*, не слѣдуя рабски въ ту петлю, въ которую попало уже столько народовъ. Съ этой точки зрѣнія и вопросъ о техническомъ образованіи и высшихъ техническихъ школахъ нуждается у насъ въ пересмотрѣ, и вовсе не съ маниловской точки зрѣнія. Это серьезный практическій вопросъ, который долженъ быть разрѣшаемъ практически. Не удивлять Европу намъ нужно блестящими цифрами на бумагѣ, а толково расходовать и живыя и матеріальныя силы страны.

Давно уже слышатся жалобы на то, что многіе изъ молодыхъ людей, получающихъ техническое образованіе, не находятъ себѣ соотвѣтствующихъ практическихъ занятій и, по окончаніи курса наукъ, принуждены оставаться безъ всякаго дѣла, увеличивая собою контингентъ праздныхъ людей или такъ называемаго „умственного пролетаріата“; но ни у кого нѣтъ желанія помочь этому дѣлу. Напротивъ того, по разъ установившейся рутинѣ, мы не можемъ пропустить никакого предлога, чтобы не придумать хотя нѣсколько стипендій, т. е. лучшаго способа сдѣлать вѣсколькихъ молодыхъ людей несчастными на всю жизнь. Мало того, покойный „Голосъ“ увѣрялъ даже, что вся революція въ умахъ зависитъ отъ того, что у насъ слишкомъ мало высшихъ техническихъ школъ и что онѣ по большей части сосредоточены въ Петербургѣ. „Есть ли у насъ, спрашивалъ онъ, въ достаточномъ числѣ училища, которыя, дѣйствительно, могли бы удовлетворять народнымъ потребностямъ, которыя поддерживали бы и вели впередъ наше земледѣліе и находящіяся въ зачаточномъ состояніи разные наши мастерства и фабричныя промыслы? Есть ли у насъ въ достаточномъ числѣ высшія училища, куда могли

бы поступать воспитанники реальных училищъ?" Въ отвѣтъ „Голосъ“ находилъ, что всего этого недостаточно, ибо горный институтъ одинъ на всю Россію, путейскій одинъ, технологическихъ институтовъ три и т. д.

Въ дѣйствительности, у насъ не только не мало, а скорѣе изобиліе высшихъ техническихъ заведеній. По крайней мѣрѣ по всѣмъ отраслямъ техническихъ знаній они приготавливаютъ ежегодно число специалистовъ, превосходящее потребность въ послѣднихъ. Такъ, хотя Горный институтъ одинъ на всю Россію, между тѣмъ и теперь изъ тридцати или сорока инженеровъ, получавшихъ ежегодно патенты въ этомъ заведеніи, едва третья часть и рѣдко половина въ состояніи была найти себѣ занятія по горно-заводской специальности, хотя у насъ еще много казенныхъ заводовъ, обязательно берушихъ молодыхъ горныхъ инженеровъ. Въ Англіи горное дѣло вдсятеро больше нашего, а горная школа все-таки одна на всю Англію.

Кромѣ Горнаго института, у насъ по части высшихъ школъ имѣются для специальности строительной и архитектурной три высшихъ заведенія, технологическихъ институтовъ четыре, лѣсныхъ, сельскохозяйственныхъ и металлургическихъ четыре и т. д., не считая еще инженерной и артиллерійской академій, Морского технического училища и Морской академіи, которыя также высшія техническія школы. При графѣ Милютинѣ ходили было слухи объ учрежденіи интендантской академіи, а недавно учреждена высшая школа для почтово-телеграфныхъ чиновниковъ! Такимъ образомъ въ Россіи скорѣе роскошь, нежели недостатокъ въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ. Стоитъ, напримѣръ, взять для сравненія хотя Францію: она имѣетъ гораздо менѣе подобныхъ заведеній, хотя ея культура и промышленность куда выше противъ нашихъ.

Жалоба, что высшія заведенія находятся въ столицѣ, также не вѣрна, потому что треть высшихъ заведеній находится внѣ столицы, но, даже и не споря о цифрѣ, нельзя согласиться въ пользу, ожидаемой отъ перенесенія высшихъ техническихъ школъ подальше отъ Петербурга. Петровская академія, давшая послѣ медицинской академіи важнѣйшій

контингентъ революціонеровъ, вполнѣ это доказала; то же подтвердилъ бывшій въ Горкахъ земледѣльческій институтъ; послѣдній служить также отличнымъ примѣромъ, какъ понижается уровень академическаго образованія при удаленіи высшаго спеціального заведенія отъ умственныхъ центровъ.

У насъ есть недостатокъ въ техническихъ школахъ, но исключительно въ низшихъ и особенно среднихъ. „Голось“ какъ бы предчувствовалъ это, говоря, что некому руководить въ Россіи народнымъ „мастерствомъ“, но онъ противорѣчилъ себѣ, полагая помочь недостатку открытіемъ воспитанникамъ реальныхъ училищъ доступа въ университеты. Наши реальные училища тѣмъ и дурны, что они представляютъ изъ себя тѣ же гимназіи; изъ воспитанника подобнаго училища при пребываніи въ высшей школѣ мастера никогда не получится. Вотъ здѣсь дѣйствительный пробѣлъ нашего техническаго образованія. Стоитъ подсчитать студентовъ высшихъ техническихъ заведеній, которыхъ въ итогъ не одна тысяча, чтобы увидѣть, что воспитанники среднихъ школъ составляютъ передъ ними небольшую группу, а между тѣмъ желательно бы видѣть совершенно обратную пропорцію, потому что инженеровъ требуется очень немного, а въ ученыхъ мастерахъ, уставщикахъ, штейгерахъ и т. п. лицахъ потребность огромная, которая еще будетъ расти изъ года въ годъ.

Никто не будетъ спорить, что паровая машина безусловно лучше и выгоднѣе конной силы, но безумецъ тотъ, кто для движенія механизма, требующаго одной лошади, построить паровую машину. Паровая мельница работаетъ выгоднѣе вѣтряной, но никто для размолу двадцати, сорока кулей въ годъ паровыхъ мельницъ не заводитъ. Точно также и техническое образованіе. Если общество нуждается въ одномъ инженерѣ и десяти кузнецахъ, то хотя бы явилось изъ десяти человѣкъ пять съ инженерными дипломами, результатъ будетъ одинъ и тотъ же. Инженерный трудъ упадетъ въ цѣнѣ, къ нему явится пренебреженіе, въ кузнецахъ же будетъ недостатокъ и цѣна на нихъ подыметъ. Скажутъ, высшее образованіе не бѣда;

оно и для кузнеца послужить великою помощью, позволить ему повести свое ремесло по наукѣ, сдѣлать разные открытія, остроумныя приспособленія и т. д. Это теорія. На дѣлѣ ни одинъ инженеръ, хотя бы ихъ было безъ дѣла тысяча, въ кузнецы не поидетъ, а предпочтетъ оставаться умственнымъ пролетаріемъ. Мало того, еслибы онъ и пошелъ, то ничего путнаго не вышло бы, потому что для ремесла недостаточно одного только знанія да добраго желанія, а требуется и извѣстная практическая сноровка, приобретаемая отчасти наслѣдственно, воспитаніемъ съ дѣтства при извѣстной обстановкѣ.

У насъ, при существующей системѣ стипендій, какой нибудь способный мѣщанинъ или сынъ мелкаго чиновника учится шесть лѣтъ въ реальномъ училищѣ и затѣмъ пять лѣтъ въ высшемъ учебномъ заведеніи въ Петербургѣ, чтобы, имѣя въ карманѣ патентъ инженера, поступить контролеромъ конно-желѣзной дороги или волостнымъ писаремъ. Между тѣмъ тотъ же мальчикъ въ четыре, пять лѣтъ прошелъ бы курсъ средняго техническаго заведенія, сдѣлался бы техникумъ и, получая тысячу, двѣ, а иногда и болѣе въ годъ жалованья, могъ бы уже двадцати лѣтъ отъ роду содержать и себя, и свою семью, сохраняя при этомъ скромныя привычки, полученныя въ дѣтствѣ, а не приобретаая съ патентомъ искусственныхъ потребностей человѣка высшей породы.

Такимъ образомъ техническое образованіе не нуждается у насъ ни въ увеличеніи числа высшихъ школъ, ни въ перенесеніи ихъ въ другія мѣста. Последнее при проблематическомъ успѣхѣ (съ политической точки зрѣнія) потребуетъ еще милліона или двухъ непроизводительнаго расхода. Увеличивать нужно только число ремесленныхъ школъ, которымъ, конечно, мѣсто въ провинціи и даже въ селахъ среди большого скопленія фабрикъ и заводовъ.

Высшія же техническія заведенія нуждаются въ другой реформѣ. Они привлекаютъ тысячи слушателей вовсе не потому, что въ Россіи дѣйствительно есть потребность въ такой массѣ специалистовъ, а потому, что эти заведенія даютъ чины и огромныя права, дозволяютъ уклоняться

отъ воинской повинности и слишкомъ легкимъ надзоромъ за учащимися и малыми требованіями, при огромныхъ стипендіяхъ и пособіяхъ, доставляютъ возможность молодымъ людямъ проводить нѣсколько лѣтъ въ столицѣ подъ предлогомъ высшаго образованія. Мы говоримъ предлогомъ потому, что были нерѣдко студенты, состоявшіе сразу въ двухъ, трехъ заведеніяхъ, а затѣмъ половина студентовъ никогда лекцій не посѣщала, а ждала лишь выпускного экзамена для полученія патента и чина.

Реформа высшихъ техническихъ школъ должна состоять прежде всего въ болѣе строгой сортировкѣ студентовъ, въ оставленіи, помощью благоразумныхъ правилъ, только того числа молодыхъ людей, которые дѣйствительно желаютъ окончить курсъ, въ болѣе строгой и осматрительной системѣ стипендій и пособій, дабы не создавать такихъ спеціалистовъ, въ которыхъ нѣтъ вовсе нужды, въ уменьшеніи изъятій отъ воинской повинности и въ особенности въ отнятіи у высшихъ техническихъ заведеній права раздачею чиновъ фабриковать вмѣсто техникувъ чиновниковъ. Чины или права на чины должны получаться лишь тѣми техниками, которые, поступивъ на казенную службу, по надлежащемъ практическомъ испытаніи, будутъ соотвѣтствовать извѣстнымъ правительственнымъ потребностямъ. Для такихъ лицъ можно производить особія провѣрочныя испытанія, но пора оставить отсталую систему награжденія чинами за то, что человѣкъ выучилъ химію или скотоводство.

Есть еще одинъ вопросъ, заслуживающій вниманія: каждая изъ нашихъ высшихъ школъ имѣетъ по пяти курсовъ, хотя спеціальныя предметы преподаются обыкновенно въ двухъ, трехъ курсахъ; каждое изъ спеціальныхъ заведеній должно имѣть по два и по три курса приготовительныхъ, гдѣ читаются тѣ же предметы, что и въ физико-математическихъ факультетахъ университетовъ, но читаются приноровленными къ потребностямъ не университетскаго, а высшаго технического образованія. Такая непроизводительная затрата денегъ на множество параллельныхъ и однородныхъ кафедръ зависитъ отъ того, что

у насъ не существуетъ политехнической школы или института, который служилъ бы промежуточнымъ звеномъ между гимназіей и высшимъ техническимъ заведеніемъ. Будь у насъ подобная школа, горная, путейскія и т. п. заведенія насчитывали бы своихъ студентовъ много-много десятками, а правительство сберегло бы не одну сотню тысячъ рублей. Въ Харьковѣ именно слѣдовало воспользоваться выстроенными тамъ зданіями не для устройства никому ненужнаго технологическаго института, а для устройства въ Россіи политехнической школы. Такое заведеніе составляетъ давно потребность нашего высшего воспитанія и еслибы у насъ была подобная школа, то изъ воспитанниковъ среднихъ заведеній приготавлился бы всегда огромный контингентъ лицъ, способныхъ занять техническія должности, стоило бы имъ прослушать годъ или два курсы чисто спеціальныхъ наукъ. При такой системѣ правительство не встрѣчало бы ни малѣйшихъ затрудненій въ приготовленіи для себя инженеровъ путейскихъ, горныхъ, кораблестроительныхъ, ученыхъ артиллеристовъ, телеграфистовъ, топографовъ и т. д. Каждое вѣдомство имѣло бы тогда для этого небольшую спеціальную школу, рассчитанную по дѣйствительной потребности въ техникахъ того или другого наименованія. На сбереженіе, полученное такимъ образомъ, можно бы устроить десятокъ новыхъ среднихъ техническихъ учебныхъ заведеній, число которыхъ у насъ, повторяемъ, недостаточно.

Есть еще другая выгода отъ устройствъ политехнической школы. Теперь всѣ лица, не оканчивающія пятилѣтній курсъ горнаго, путейскаго и т. п. институтовъ, какъ бы теряютъ напрасно три, четыре года усиленнаго труда*). При существованіи политехнической школы, эти лица, послѣ трехлѣтнихъ занятій, имѣли бы уже все-таки патентъ такого заведенія, который давалъ бы имъ право занимать множество техническихъ должностей, гдѣ не тре-

*) Нѣкоторые исключенія сдѣланы только для такъ называемыхъ „техниковъ“ Министерства Путей Сообщенія.

буется знаній инженера, но гдѣ необходимо образованіе повыше средняго или чисто практическаго.

Когда на практикѣ подымался у насъ вопросъ объ избыткѣ техникувъ, то обыкновенно вмѣсто сокращенія ихъ, придумывали средства заставить имъ дать занятія. У насъ существуютъ четыре ветеринарныхъ института; всѣ эти заведенія въ совокупности выпускаютъ ежегодно отъ 60 до 80 ветеринаровъ. Но не всѣ оканчивающіе курсъ ветеринары получаютъ мѣста; многіе изъ нихъ долго еще по выходѣ изъ учебнаго заведенія мыкаются по свѣту, недоумѣвая, зачѣмъ они приобрѣтали познанія, которыхъ нѣтъ возможности приложить въ Россіи съ пользой. Одно время до 150 ветеринарныхъ врачей, между кѣторыми были окончившіе курсъ уже нѣсколько лѣтъ, сидѣли безъ дѣла, лишеныя надежды пристроиться куда либо по своей спеціальности. Понятно, вся эта масса молодыхъ ветеринаровъ терпѣла страшную нужду. Будетъ ли когда нибудь настолько большой запросъ, чтобы имъ могли воспользоваться всѣ находящіеся „не у дѣлѣ“ ветеринары, это неизвѣстно и подлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, рассчитывать на усиленный запросъ на ветеринаровъ со стороны государства или земства нѣтъ пока большого основанія.

Таковы факты. Казалось бы, что если на какую отрасль труда запроса нѣтъ, надобно уменьшить предложеніе этого труда. Дѣло ясное: слѣдуетъ или закрыть одинъ изъ ветеринарныхъ институтовъ, давъ его средствамъ другое назначеніе, болѣе соотвѣтствующее нуждамъ Россіи, или ограничить число воспитанниковъ въ ветеринарныхъ заведеніяхъ. Но подобное рѣшеніе слишкомъ просто, чтобы его приняли. Какимъ образомъ русское общество можетъ дать работу 150 празднымъ спеціалистамъ? задали вопросъ „Новости“ и отвѣтили, что это будетъ возможно, если наше общество создастъ разъ и навсегда такія условія, при которыхъ оканчивающіе курсъ ветеринары никогда не оставались бы праздными. Условія эти заключаются въ раціональномъ веденіи сельскаго хозяйства.

Какое, видите, простое и удачное рѣшеніе. 80 милліо-

новъ сельскаго населенія Россіи по бытовымъ, историческимъ и другимъ условіямъ ведутъ свое хозяйство по старинѣ, рутинно, западная наука представляетъ для нихъ только отвлеченные рецепты, которые надобно еще испробовать и примѣнить къ порядкамъ русской жизни, и вдругъ все это предлагается „разъ и на всегда“ бросить и измѣнить для того, чтобы нѣсколько сфабрикованныхъ на казенный счетъ, безъ всякой надобности, полуспеціалистовъ нашли себѣ мѣста съ обеспеченнымъ жалованьемъ!

Это дикое предложеніе уже у насъ не первое. Развѣ мы не видѣли проекта г. Вальдемара, принятаго и въ официальныхъ сферахъ, устройствомъ мореходныхъ школъ, заводимыхъ даже вдаль отъ морей, дать толчекъ образованію не существующаго почти въ Россіи торговаго флота. Въ результатѣ ни одного купеческаго корабля не прибавилось, но получились школы, гдѣ учителей болѣе, чѣмъ учениковъ, и воспитанники которыхъ, привлекаемые исключительно льготою отъ воинской повинности, опять лишь съ казенною приплатою принимаются на суда для плаванія.

Другой примѣръ былъ въ устройствѣ Харьковскаго технологическаго института. Министерство Финансовъ, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ разныхъ ходатайствъ, задумало, лѣтъ десять тому назадъ, устроить технологическій институтъ въ Харьковѣ, въ такой мѣстности, гдѣ фабрикъ и заводовъ мало, но гдѣ они должны были, по мнѣнію министерства, возникнуть. Выстроили зданіе, но затѣмъ сообразили, что такъ какъ и тѣмъ технологамъ, которые оканчиваютъ курсъ въ другихъ мѣстахъ, въ Петербургѣ, Ригѣ и Москвѣ, дѣваться некуда, ибо существующія этого рода заведенія готовятъ такой избытокъ техникувъ, что послѣдніе остаются по годамъ безъ занятій, то едва ли практично тратить деньги на приготовленіе новыхъ сотенъ „лишнихъ людей“. Наши южные фабриканты и сельскіе хозяева и не думали давать этимъ излишнимъ техникамъ у себя пріютъ и работу, но когда явилось весьма разумное предположеніе отсрочить открытіе заведенія, въ воспитанникахъ котораго нѣтъ надобности, то тѣ же фабриканты, сельскіе хозяева, городскіе и земскіе представители одолѣ-

вали правительство петиціями. Оно и понятно: подписаться на просьбѣ дешевле и безопаснѣе, чѣмъ взять къ себѣ молодого техника, дать ему жалованье и рискнуть поручить ему веденіе своихъ дѣлъ. Просьбы и мольбы имѣли успѣхъ, и проектъ Харьковскаго технологическаго института былъ внесенъ въ Государственный совѣтъ, послѣ того какъ уставъ его былъ одобренъ комиссіей подъ предсѣдательствомъ г. Георгіевскаго.

Г. Георгіевскій извѣстный классикъ, потому въ вопросахъ техническихъ компетентность его можно и оспаривать. Съ точки же зрѣнія воспитанія юношества Харьковскій технологическій институтъ никакъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Это только копія съ С.-Петербургскаго технологическаго института. Между тѣмъ, существующіе технологическіе институты на столько превосходили потребность нашей полуиностранной промышленности, что огромное число технологовъ съ отличными аттестатами оставались безъ занятій и поступали куда угодно писцами, чертежниками и т. п. Зачѣмъ же еще было плодить число подобныхъ умственныхъ пролетаріевъ и заставлять молодежь тратиться на образованіе, которое въ практической жизни имъ не нужно?

Очень заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что у насъ есть классъ фабрикантовъ, болѣе или менѣе образованныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ своихъ общихъ интересовъ и ищущихъ русскихъ техниковъ. Нѣтъ ничего пестрѣе состава владѣльцевъ промышленныхъ заведеній въ Россіи. Тутъ или иностранцы, весьма мало интересующіеся тѣмъ, что дѣлается въ Россіи, и лишь затратившіе свои капиталы въ вѣрныя предпріятія, или баричи (какъ напр. наши горные, суконные или сахарные заводчики и фабриканты), развѣ прапрадѣды которыхъ кое-что смыслили въ промышленномъ дѣлѣ, или простые малограмотные кулаки, умѣющіе гораздо ловче эксплуатировать свободнаго русскаго мужика, чѣмъ фабриканты-дворяне 30-хъ годовъ эксплуатировали мужика крѣпостного. Тутъ якобы образованныя дѣти этихъ кулаковъ, но все образованіе коихъ сводится къ употребленію французской помады и къ шансонеткамъ дѣвицы

Альфонсины; наконецъ, очень много фабрикъ принадлежить теперь тому темному и безличному стаду, которое называется акціонерами и которое своими руководителями выбираетъ чиновниковъ.

Словомъ, настоящихъ „предпринимателей“, какихъ разумѣть политическая экономія и каковыми прудъ пруди въ Англіи или Германіи, у насъ очень мало, да и тѣ отлично знаютъ, что для скорѣйшаго процвѣтанія того или другого завода нѣтъ вовсе надобности въ техникахъ, а достаточно иногда своевременное и усердное посѣщеніе съ задняго крыльца пяти, шести департаментовъ разныхъ министерствъ, называть которыя излишне, ибо они и безъ судебныхъ процессовъ всѣмъ прекрасно извѣстны.

Единственное оправданіе для устройства въ Харьковѣ высшаго техническаго заведенія была возможность заставить уроженцевъ юго-восточной Россіи и Кавказа слушать лекціи ближе къ ихъ родинѣ, но вопросъ, насколько это выгодно для самого юношества? Конечно, въ Харьковѣ климатъ лучше для уроженцевъ юга, за то въ столицѣ молодой человѣкъ издалека легче находитъ себѣ поддержку, встрѣчая здѣсь чаще родныхъ, земляковъ, отыскивая уроки; наконецъ, пріисканіе мѣста для службы удобнѣе изъ Петербурга, гдѣ такая масса фабрикъ и правленій, нежели изъ Харькова, удаленнаго отъ промышленныхъ центровъ. Такимъ образомъ, только ограничивая пріемъ въ петербургскія заведенія, можно заставить молодежь предпочитать Харьковъ столицѣ. Хотя мы въ принципѣ стоимъ за распредѣленіе учебныхъ заведеній по различнымъ частямъ Россіи и считаемъ сосредоточеніе ихъ въ одномъ пунктѣ имперіи великимъ бѣдствіемъ, все-таки трудно и съ этой точки понуждать кого либо учиться въ томъ, а не въ другомъ мѣстѣ.

Наше правительство тратитъ ежегодно свыше 650,000 р. на сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи, не считая расхода изъ специальныхъ суммъ, и получаетъ при этомъ результаты болѣе чѣмъ скромные. Въ особенности долгое время была неудачна дѣятельность Петровской земледѣль-

ческой академіи. Такъ какъ наши сельско-хозяйственныя учебныя заведенія скопированы, какъ и многія другія бюрократическія затѣи, съ французскаго, то любопытно сравнить, какъ подобныя же учрежденія дѣйствуютъ во Франціи?

Нѣкоторые на этотъ счетъ указанія мы нашли въ преніяхъ происходившихъ въ засѣданіяхъ Парижскаго экономическаго общества, при обсужденіи вопроса о сельско-хозяйственномъ образованіи во Франціи. Изъ преній выяснилось, что мы не много можемъ позавидовать Франціи: и тамъ, хотя о сельско-хозяйственномъ образованіи начали заботиться еще при Генрихѣ IV, а уже въ началѣ прошлаго столѣтія организовали его на широкихъ началахъ, результаты были получены самыя ничтожныя — *de plus médiocres*, по выраженію ветерана французской агрономической науки Ришаръ дю-Канталя.

Ришаръ дю-Канталь изложилъ въ своей рѣчи всю исторію этого дѣла во Франціи и объяснилъ широкіе планы, сочиненные на счетъ спеціальнаго сельско-хозяйственнаго образованія Конвентомъ, планы, какъ и многія другія созданія революціи, оставшіеся на бумагѣ. Ораторъ рекомендовалъ возвратиться къ этимъ идеямъ и прежде всего ввести преподаваніе агрономіи во всѣ народныя училища, такъ какъ невѣжество есть-де главный врагъ земледѣлія.

Противъ этого предложенія рѣзко возсталъ Бераръ Вараньякъ, доказывая, что для развитія сельско-хозяйственнаго образованія еще ничего не значитъ учрежденіе школъ, курсовъ, ассигнованіе кредитовъ и т. п. Прежде всего надобно, чтобы у населенія явилась потребность въ подобномъ образованіи, а ея-то во Франціи незамѣтно. Въ 1848 г. былъ изданъ по этой части законъ, но онъ не только не осуществился, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Франція пошла назадъ, если не считать учрежденія въ 1876 г. въ Парижѣ высшаго агрономическаго института. Окружныхъ училищъ по закону 1848 г. слѣдовало имѣть 20, ихъ теперь только три; учебныхъ фермъ въ 1848 г. было 70, теперь ихъ осталось во Франціи и Алжирѣ 15, причемъ всѣ согласны, что система учебныхъ фермъ устарѣла и болѣе не годится. Законъ 1879 года обязалъ всѣ департа-

менты открыть курсы агрономіи; многіе департаменты этого, однако, не исполнили, а тамъ, гдѣ это исполнено, у профессоровъ нѣтъ слушателей. Мало того, нѣкоторые департаменты опредѣлили стипендіи въ практическихъ сельскохозяйственныхъ школахъ сосѣднихъ департаментовъ, но охотниковъ воспользоваться стипендіями не находится. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что во Франціи стипендія не есть милостыня, выдаваемая въ видѣ преміи наиболѣе безпокойнымъ студентамъ, а лишь средство заставить послѣднихъ усиленно работать.

Въ общемъ выводѣ Бераръ Вараньякъ доказывалъ, что щедрость правительства въ сельско-хозяйственномъ образованіи излишня, если не опирается на дѣйствительную потребность. Ту же идею проводилъ и другой ораторъ, Мюллеръ. „Если бросаютъ, говоритъ онъ, съумасшедшія деньги на энциклопедическое воспитаніе мальчиковъ и дѣвочекъ, то это не резонъ, чтобы съ такою же легкостью тратились деньги на обученіе агрономіи лицъ, которыя ею не могутъ воспользоваться“. Учить агрономіи еѣ тому же вовсе не такъ просто. Есть сотни популярныхъ руководствъ, написанныхъ знаменитостями, но никогда крестьянинъ не узнаетъ изъ этихъ книгъ того, что легко дастся ему наглядно на фермѣ его отца. Ибо сельское хозяйство, прежде всего, искусство. Ученые, какъ Бусенго, которые думали практически заниматься сельскимъ хозяйствомъ, терпѣли всегда огромные денежные убытки.

Учрежденіе отдѣльныхъ курсовъ агрономіи по департаментамъ Мюллеръ считаетъ брошенными деньгами, такъ какъ налету схваченные случайными слушателями отрывки знаній пользы принести не могутъ. Окружныя училища болѣе полезны; въ особенности онъ похвалилъ школу въ Гриньонѣ, школа въ Монпелье сдѣлала многое въ борьбѣ съ филлоксерой, а въ Гранъ-Жуанѣ—по части примѣненія животнаго угля къ удобренію бретонскихъ ландръ. Отъ высшаго же агрономическаго института Мюллеръ ровно ничего не ожидаетъ.

Это заведеніе посѣщается иностранцами и столичными и городскими жителями, изъ которыхъ много-много могутъ

выйдти чиновники сельско-хозяйственного департамента, а не сельскіе хозяева. Самая идея института готовить управляющихъ, или, какъ они себя громко называютъ, „сельско-хозяйственныхъ инженеровъ“, нелѣпа. Во Франціи управляющіе почти не требуются: каждый, кто не завѣдываетъ имѣніемъ самъ, предпочитаетъ отдать его въ аренду фермерамъ или овцеводамъ. Да никто молодого ученика института и не возьметъ въ управляющіе, потому что если технологъ можетъ черезъ годъ по окончаніи курса въ заведеніи управлять фабрикою, то управленіе имѣніемъ гораздо болѣе сложно и ранѣе четырехъ, пяти лѣтъ практической дѣятельности нельзя и думать сдѣлаться порядочнымъ управляющимъ.

Вышеозначенныя разсужденія удивительно подходятъ къ нашей Петровской академіи и объясняютъ ея неудовлетворительные результаты, поглотившіе столько казенныхъ денегъ. Въ концѣ концовъ Мюллеръ нашелъ, что преподаваніе агрономіи въ народныхъ училищахъ—о чемъ, въ скобкахъ сказать, такъ заботилось наше земство—совершенно бесполезно; среднія сельско-хозяйственныя школы въ ограниченномъ числѣ не лишні, если имѣютъ въ виду настоящихъ земледѣльцевъ и для послѣднихъ вполне приспособлены; наконецъ, высшій агрономическій институтъ долженъ принимать только сыновей помѣщиковъ, которые пожелаютъ или сами завѣдывать достоящимся имъ по наследству имѣніями, или научиться получше контролировать своихъ фермеровъ и арендаторовъ.

„Не смотря на неблагопріятную обстановку, говорилось въ одномъ адресѣ, поднесенномъ петербургскому Коммерческому училищу въ день его столѣтняго юбилея, русское купечество не осталось чуждымъ умственному движенію, начавшемуся съ прошлаго столѣтія въ привилегированной части нашего общества, и сумѣло оцѣнить зародившееся въ послѣдней стремленіе къ образованію“. Едва ли можно придумать что-либо ошибочнѣе этихъ словъ, особенно принявъ въ расчетъ обстановку, при которой они были сказаны.

Коммерческое училище основалъ дворянинъ Демидовъ,

по своему времени либераль, прослывшій чудакомъ. На капиталъ Демидова училище устроилось въ Москвѣ, но за неимѣніемъ желающихъ поступать изъ торговаго сословія, въ купцы приготовлялись лица изъ подкидышей Воспитательнаго Дома. Система эта приносила скудные результаты и училище перенесли въ Петербургъ, устроили на манеръ кадетскаго корпуса закрытымъ заведеніемъ и съ военной формой для воспитанниковъ. Половина окончившихъ курсъ была казенными стипендіатами и шла въ чиновники; только въ послѣднее время, когда, съ развитіемъ банковъ и акціонныхъ обществъ, явился запросъ на бухгалтеровъ, т. е. оказалось, что у насъ мало людей, знающихъ даже ариметику, воспитанниковъ Коммерческаго училища начали, наконецъ, принимать въ частную службу, и приливъ желающихъ поступить въ это заведеніе увеличился, почему въ Петербургѣ возникло второе коммерческое училище — Петровское, а ранѣе устроились такія же заведенія въ Москвѣ и Одессѣ. Все это факты, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что стремленіе къ образованію въ русскомъ купечествѣ нужно считать не съ прошлаго столѣтія, а едва ли не съ того времени, когда задумана всесословная военная повинность.

„Купечества родители неразумѣючи и непонятны о добрѣ своихъ дѣтей“, писалъ Бецкій въ прошломъ столѣтіи; къ сожалѣнію, слова эти не потеряли значенія и по настоящее время — обстоятельство тѣмъ болѣе интересное, что купечество не можетъ отговариваться единственнымъ аргументомъ для оправданія — недостаткомъ денежныхъ средствъ. Ни одинъ слой населенія въ Россіи не располагалъ такими значительными и свободными денежными средствами, и ни одинъ не пожертвовалъ менѣе на дѣло образованія. Это происходило вовсе не отъ скупости, русскому характеру несвойственной, потому что то же самое купечество жертвовало и продолжаетъ жертвовать значительные капиталы для иныхъ цѣлей. Если прибавить къ послѣднимъ пожертвованія въ пользу раскола, то затрата купечества на разные цѣли можетъ считаться десятками милліоновъ рублей.

Но купечество инстинктивно сознавало, что существовавшія заведенія ему не подходятъ.

Помочь дѣлу образованія русскаго купечества не могутъ заведенія въ родѣ петербургскаго коммерческаго училища. При всѣхъ его заслугахъ, выразившихся въ приготовленіи 3,000 молодыхъ людей, училище это устроено было на началахъ, положительно отжившихъ свое время и не выдерживающихъ критики.

Оно грѣшило, во-первыхъ, большою замкнутостью, созданной, замѣтимъ, не уставомъ, а практикой. Торговля составляетъ, конечно, особое и своеобразное занятіе; но торговое сословіе не можетъ образовать теперь какой-либо касты. Это признается давно нашимъ законодательствомъ, которое одинаково поощряетъ торговлю помѣщиковъ, какъ и торговлю крестьянъ, и не возбраняетъ торговыхъ занятій даже чиновникамъ. Мы видимъ, напримѣръ, въ акціонерныхъ обществахъ, что важнѣйшія должности переполнены лицами привилегированныхъ сословій. Неужели для этихъ людей не требуются тѣ же познанія въ бухгалтеріи, товаровѣдѣніи, торговомъ правѣ и другихъ коммерческихъ наукахъ, какъ и для купцовъ по происхожденію?

Второй недостатокъ коммерческаго училища — соединеніе въ одно цѣлаго воспитательнаго заведенія съ техническимъ. Для воспитанія такого обширнаго сословія, какъ купеческое, и вообще средняго (буржазіи), никогда не достанетъ спеціальныхъ заведеній; да послѣдніе и совершенно излишни, потому что воспитаніе купцовъ вовсе не должно отличаться какими-либо существенными особенностями. Нѣтъ такой грамматики или ариметики, которая съ дѣтства вырабатывали бы коммерческія способности у людей, у которыхъ подобныхъ способностей нѣтъ. Для купечества, за рѣдкими исключеніями, совершенно достаточно курса реального училища, гдѣ оно пріобрѣтеть тотъ фондъ первоначальныхъ познаній, который составляетъ необходимость для такъ называемыхъ образованныхъ людей; чисто коммерческія, т. е. спеціальныя познанія, должны пріобрѣтаться затѣмъ или на практикѣ или, для меньшинства, въ спеціальныхъ заведеніяхъ.

Мы не будемъ говорить о такихъ частныхъ недостаткахъ настоящаго коммерческаго училища, какъ его закрытость, дороговизна платы, дѣлающая помѣщеніе въ немъ дѣтей небогатыхъ родителей весьма затруднительнымъ, изобиліе вслѣдствіе того казенныхъ стипендій, хотя подобное заведеніе не должно бы вовсе имѣть офиціального характера и т. п. Все это частности—чисто второстепенныя, при обсужденіи общаго вопроса о распространеніи въ Россіи коммерческихъ познаній. Для послѣдняго нужно желать не распложенія многоклассныхъ закрытыхъ заведеній, а устройства десяти или пятнадцати открытыхъ для всѣхъ желающихъ, за умѣренную плату, двухгодичныхъ курсовъ политической экономіи, товаровѣдѣнія, бухгалтеріи и коммерческой ариметики, коммерческой географіи и статистики, торговаго права, исторіи торговли и торговой корреспонденціи. Всѣ эти предметы настолько немногосложны, что двухгодичныхъ занятій за-глаза достаточно для ихъ основательнаго теоретическаго усвоенія. Для практическаго же знанія, конечно, необходимы занятія болѣе или менѣе продолжительныя, по окончаніи курса, въ банкахъ, конторахъ, акціонерныхъ обществахъ, на биржѣ, въ таможенныхъ, при портахъ и другихъ учрежденіяхъ. Поэтому для воспитанниковъ подобныхъ курсовъ важны не столько дипломы, чины или какія-либо преимущества въ гражданской службѣ, сколько возможность сразу помѣститься, по выходѣ изъ училища, къ практическимъ занятіямъ. Особый совѣтъ изъ уважаемыхъ представителей торговли и промышленности, устроенный при каждомъ такомъ заведеніи, долженъ, по нашему мнѣнію, имѣть цѣлью удовлетворять именно этой необходимой для каждаго спеціальнаго заведенія потребности.

Отсутствіе нашихъ торговыхъ домовъ заграницею и въ колоніяхъ, на отдаленныхъ рынкахъ, приписывается не любви къ переселенію; между тѣмъ вѣрнѣе приписать это совершенному недостатку людей, достаточно для того подготовленныхъ. При существующей у насъ системѣ воспитанія Россія имѣетъ „фабрики“ для приготовленія эмигрантовъ, способныхъ удивлять Европу безшабашностью, но

ни одинъ изъ нихъ, не смотря на ученую степень, не только не знаетъ иностранныхъ языковъ, но даже не имѣетъ порядочнаго почерка; о бухгалтеріи, коммерческой географіи нечего и говорить. Совсѣмъ не такъ готовятъ свою молодежь англичане и нѣмцы. Они посылаютъ ее въ отдаленныя государства, вовсе не для поселенія тамъ, а чтобъ они привыкли къ торговому дѣлу въ широкихъ размѣрахъ и нажили честнымъ путемъ состояніе. Такимъ образомъ, и не любя эмигрировать, каждая нація безъ труда можетъ принимать участіе въ торговой дѣятельности далекихъ странъ. Даже въ узкихъ интересахъ консульской службы необходимо преобразовать нашу систему коммерческаго воспитанія.

У насъ и въ такую отрасль спеціальной подготовки, какъ театральная, вносятъ теперь тѣ же неудачные приемы, о которыхъ сказано выше. Осенью 1888 года открылись въ Петербургѣ и Москвѣ при театральныхъ училищахъ (посвященныхъ воспитанію балетныхъ артистовъ) курсы драматическаго искусства. На курсахъ этихъ положено преподавать, между прочимъ, „исторію театра и драмы“, „всеобщую бытовую исторію“, „гримъ“ и „пластику“. Хотя такихъ наукъ не существуетъ, но профессора конечно нашлись, и лицамъ, изучившимъ пластику и гримъ, обѣщаны даже особыя права. Человѣкъ съ пластикой и знающій исторію быта и подати будетъ платить другія и солдатчину отправлять иначе.

Откуда явился проектъ курсовъ—мы не знаемъ, но, очевидно, онъ вытекъ изъ предположенія, будто бы актеровъ можно выучить быть талантливыми и что въ Россіи будто бы недостатокъ въ актерахъ. Къ несчастью, у насъ артистовъ и артистокъ избытокъ, ими переполнены гулянья и трактиры въ Москвѣ и Петербургѣ, артисты безъ мѣста просятъ милостыню, талантовъ же дѣйствительно очень мало и каждый день дѣлается меньше. Только отъ курсовъ талантовъ вовсе не прибавится.

Дидро написалъ нелѣпую диссертацию, названную имъ впрочемъ „Парадоксомъ“, гдѣ доказывалъ, что для актера талантъ ничто, можно-де всякому выучиться играть. И ве-

ликіе люди способны заблуждаться. Нѣмцы, у которыхъ всегда актеры были или бездарные или безъ изящнаго вкуса, подхватили съ восторгомъ идею Дидро. У насъ г. Боборыкинъ довель ее до абсурда. Онъ читалъ публичныя лекціи, составившія потомъ цѣлую книгу, гдѣ доказывалъ, что актерамъ надобно только изучать анатомію и фізіологію, а затѣмъ игра дѣло плевое, желаешь изобразить ужасъ—дерни мускуль № 15, желаешь представить меланхолическую любовь — мускуль № 187. Просто и мило.

Въ свое время надъ этимъ смѣялись, но никто не придавалъ значенія, если не считать драматическихъ курсовъ на „раціональных“ началахъ г. Коровякова, гдѣ преподавалъ самъ Боборыкинъ, но они не то что талантовъ, а и сносныхъ выходныхъ актеровъ не дали. Да и можно ли сомнѣваться въ абсурдности желанія выучить актера играть, когда это искусство наиболѣе субъективное и въ обезьянахъ безъ всякихъ курсовъ развито еще болѣе, чѣмъ въ людяхъ.

Мы не отрицаемъ, впрочемъ, пользу извѣстнаго образованія у актеровъ и не доказываемъ, что артистовъ надобно брать изъ водовозовъ. Наоборотъ, не только образованіе, но даже воспитаніе весьма не лишнее для сценическихъ дѣятелей. Мы считаемъ только, что сценическій талантъ не можетъ развиваться ученіемъ, а тѣмъ болѣе высокимъ требованіемъ для поступленія на курсы. Г. Киселевскій былъ напр. старшимъ нотаріусомъ окружнаго суда, но это не мѣшало ему играть во сто разъ хуже, чѣмъ Мартыновъ и Щепкинъ, вышедшіе изъ неудавшихся балетныхъ фигурантовъ. Самъ создатель русскаго театра былъ только грамотный купеческій сынъ; изъ мелкой купеческой среды были и два величайшіе таланта русской сцены, Дмитревскій и Мочаловъ. Чтобы разочароваться въ бесполезности курсовъ, слѣдуетъ прочесть біографіи знаменитѣйшихъ артистовъ. Какую „всеобщую бытовую исторію“ изучала Сарра Бернаръ, между тѣмъ эта артистка, по воспитанію и образу жизни лишь ординарная парижская

кокотка, потрясала зрителей въ роляхъ испанскихъ маркизъ, византійскихъ императрицъ и т. п.; кто училъ пластикѣ и гриму Цукки, начавшую свою карьеру гдѣ-то въ флорентійскомъ балаганѣ? Такова же исторія полуграмотной Рашели, воскресившей трагедію, и сотни другихъ театральныхъ знаменитостей женскаго и мужскаго пола. Никакихъ высшихъ драматическихъ курсовъ онѣ не проходили и ни за какими дипломами, выдаваемыми „по засвидѣтельствуванію губернскаго начальства“, не гонялись.

Вообще уровень образованія и развитія иностранныхъ актеровъ нисколько не выше нашихъ, поэтому напрасно требовать для поступленія на новые курсы гимназическаго аттестата, что приравниваетъ ихъ къ университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ.

Мы понимаемъ, что можно учить музыканта, танцовщика, пѣвца, потому что здѣсь есть извѣстная техника, но выучиться играть всегда останется мечтою бездарностей. Нѣтъ сомнѣній, что для артиста полезны совѣты хорошаго актера, да и то не всякаго, что актеру не худо умѣть ходить, танцовать, одѣваться, полезно вращаться въ театральномъ мірѣ, кое-что читать, кромѣ „Листевоу“, слушать указанія опытныхъ театраловъ и т. д. Но для этого никакихъ курсовъ, да еще казенныхъ, и никакихъ дипломовъ не требуется. Женщины не нуждаются даже и въ совѣтахъ; онѣ настолько прирожденные актрисы, что сразу оказываются готовыми къ сценѣ. Случалось, и не рѣдко, что кулисы портили ихъ дарованіе.

Самое вредное отъ курсовъ будетъ то, что они еще усилятъ и безъ того излишній приливъ молодыхъ людей къ театральной карьерѣ и увеличатъ число недоучекъ и непризнанныхъ талантовъ — самую несчастную и вредную часть общества. А то еще пожалуй, глядя на казенные курсы, и земства станутъ заводить земскіе драматическіе курсы на счетъ пожарнаго и продовольственнаго капиталовъ.

Въ правилахъ о курсахъ нельзя не обратить вниманія и на слѣдующее обстоятельство. Они создаютъ между акте-

рами родъ гвардіи. Лица, кончившія курсъ въ курсахъ, утверждаютъ въ правахъ некласснаго художника на казенной сценѣ черезъ три года, на частной черезъ десять лѣтъ. Почему такая огромная разниа? У насъ самая значительная разниа службы ученой отъ неученой (напр. по пенсіямъ) считается въ пропорціи какъ 7 къ 5, здѣсь же пропорціи какъ 10 къ 3.

ГЛАВА XXIII.

Печать.

Печать въ Россіи; вліяніе иностранной литературы.—Законъ о печати; его послѣднія измѣненія.—Подсудность печати.—Право служащихъ выражать свои мнѣнія печатно.—Малая и провинціальная печать.—Губернскія вѣдомости.

Юбилейное торжество въ Петербургѣ въ память трехсотлѣтія перваго печатника въ Россіи Ивана Федорова послужило лучшею иллюстраціей положенія у насъ печати и во-очію подтверждало горькія слова одной изъ московскихъ газетъ, что наша печать еще не вышла изъ періода печатанія этикетовъ на бутылки и прейсъ-курантовъ чайныхъ торговцевъ, сила же ея еще впереди.

Нѣсколько издателей-торговцевъ, нѣсколько полуиностранныхъ типографшизовъ, третьестепенные литераторы—таковы уполномоченные печати, говорившіе отъ ея имени на юбилейныхъ торжествахъ общія мѣста и безсодержательныя фразы. Эта скудость мыслей и бѣдность представительства вовсе не случайная. Конечно, на юбилей печати можно было собрать у насъ и Каткова и Аксакова, и Льва Толстого, Гончарова и Салтыкова, и Сѣченова, и Костомарова. Но не собрались они вмѣстѣ не только по нежеланію, а потому, что и время для торжества русскаго печатнаго слова еще не наступило. Да и офиціальныи міръ не даромъ присутствовалъ на юбилей только въ видѣ начальства надъ цензурою и инспекторовъ типографій.

Если смотрѣть на книгопечатаніе, какъ на ремесло, то, конечно, за триста лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ Ѳеодоровъ вынужденъ былъ бѣжать въ Польшу, можно отмѣтить въ Россіи извѣстный прогрессъ, — исключительно, впрочемъ, заимствованный, такъ какъ никакихъ собственныхъ открытій и примѣненій за это время у насъ въ печатномъ дѣлѣ сдѣлано не было и мы оставались только копистами Западной Европы. Надобно даже къ стыду сознаться, что триста лѣтъ тому назадъ у насъ было болѣе технической оригинальности. Русскія рукописи XV и XVI столѣтій имѣютъ совершенно своеобразную орнаментику и рѣзко отличаются отъ рукописей заграничныхъ, печатныя же книги наши лишены всякой самостоятельности по внѣшнему виду.

Но не прогрессъ техники прославляли въ юбилейныхъ рѣчахъ. Славословилося болѣе значеніе печати въ обществѣ, роль ея въ русскомъ прогрессѣ. Къ сожалѣнію, и на этотъ счетъ наши успѣхи такъ скромны, что на юбилей скорѣе можно бы было пересчитать наши недостатки, нежели наши побѣды.

Почти до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія то, что называется „печатью“, было достояніемъ только одного класса общества и въ этомъ классѣ иностранная книга и иностранная мысль почти всегда играли болѣе важную роль въ смыслѣ культурнаго значенія. Въ массу народа проникали кое-какія произведенія типографскаго станка: календари, учебники лубочныя картинки, поваренныя книги и сонники; но эта литература, которая недавно еще составляла умственныи обиходъ и зажиточнаго помѣщичьяго семейства, не составляетъ еще печати.

За двѣсти лѣтъ въ Россіи было издано—на казенный преимущественно счетъ—множество книгъ, но эти изданія, выпущенныя болѣе вслѣдствіе подражанія Западу и потребности писать у людей, которые обучены были у насъ писательскому ремеслу, какъ они могли бы быть обучены фехтованію или ветеринарному искусству, погребены въ библіотекахъ или ушли на макулатуру, такъ какъ кругъ читателей въ Россіи былъ всегда чрезвычайно ограниченъ.

Нигдѣ, мы полагаемъ, нѣтъ такой массы непрочитанныхъ и не разрѣзанныхъ книгъ, какъ у насъ.

Было бы очень любопытно составить списокъ книгъ, которыя имѣли успѣхъ въ Россіи за сто лѣтъ. Списокъ былъ бы крайне ограниченъ, да и успѣхъ слѣдовало бы понимать въ самомъ узкомъ смыслѣ. Классическихъ книгъ, т. е. такихъ, изданіямъ которыхъ счетъ былъ бы потерянъ, въ которыхъ встрѣчалась бы постоянная нужда, которыя бы изъ года въ годъ перечитывались и потомъ вновь въ разныхъ мѣстахъ перепечатывались, въ Россіи вовсе нѣтъ. Соотвѣтственно съ этимъ книжная торговля и издательство въ Россіи было всегда не выгодно, разъ оно выходило изъ рамокъ простого торгашества и эксплуатаціи. Не этимъ ли объясняется, что и нынѣ здравствующій потомокъ Ивана Федорова не занялся печатаніемъ книгъ, а пошелъ служить въ жандармы...

Какъ низко стояла у насъ печать, показываетъ и то, что рядомъ съ нею въ Россіи никогда не прекращалась рукописная литература. На Западѣ и эротическія произведенія, даже самыя грязныя, всѣ давно напечатаны, у насъ же до сихъ поръ процвѣтаетъ рукописная литература сатирическая, политическая и богословская. Вся литература раскола исключительно почти читается рукописными изданіями. Явленіе это обусловлено, впрочемъ, отчасти нашимъ законодательствомъ о печати и взглядами правительства.

Правительство въ Россіи признавало, съ Ивана Грознаго, пользу книгопечатанія и тратило на изданіе книгъ утилитарнаго направленія не мало денегъ, но оно только въ послѣднія двадцать лѣтъ согласилось признать печать въ ея совокупности полезнымъ элементомъ общественности.

Хотя еще въ прошломъ столѣтіи Фонвизинъ стоялъ за свободу печати и писалъ въ „Недорослѣ“: „Слава премудрости есть то, чтобы править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости“, но цензурный уставъ Шишкова имѣлъ въ виду болѣе истукановъ. Многимъ ли извѣстенъ фактъ, что еще въ 1855 г., не смотря на сильныя протекціи, цензоръ Снегиревъ былъ уволенъ

отъ службы за то, что позволилъ упомянуть о Новиковѣ въ исторіи столѣтія московскаго университета! А Новиковъ былъ одинъ изъ немногихъ у насъ дѣятелей печати въ серьезномъ смыслѣ этого слова.

Новиковъ въ прошломъ столѣтіи, попытки кружка Карамзина въ началѣ нынѣшняго, Надеждинъ и Полевой въ 30 годахъ, два-три подцензурныхъ журнала и „Московский Сборникъ“ въ 40-хъ годахъ—вотъ и вся наша печать до царствованія Александра II. Незначительность ея вынудила созданіе, по инициативѣ Герцена, русской печати за границу. Послѣдняя существуетъ и до сихъ поръ, но значеніе ея весьма ослабло съ созданіемъ болѣе независимой печати въ Россіи. „Русскій Вѣстникъ“ и „Современникъ“, а затѣмъ съ 1863 года нѣсколько газетъ въ столицахъ резюмируютъ политическую и общественную печать послѣдняго двадцатилѣтія.

Очевидно, дѣло еще въ самомъ зародышѣ. Конечно, съ тѣхъ временъ, когда сажали на гауптвахту Булгарина на томъ основаніи, что онъ „начальникъ русской литературы и за нее потому отвѣтчикъ“, и когда самыя высокопоставленныя лица думали, что Гоголь тѣмъ знаменитъ, что написалъ „Тарантасъ“, сдѣланъ нѣкоторый прогрессъ, но настоящаго юбилейнаго торжества русской печати намъ еще придется подождать, вѣроятно, долго.

Мы не умаляемъ, однако, заслугъ отдѣльныхъ личностей, тружениковъ нашей печати и литературы, хотя факты неоспоримые доказываютъ, что русское общество долго жило, волновалось, глупѣло и умнѣло помимо вліянія этой печати. Извѣстно, на примѣръ, что не было въ Россіи печати пошлѣе, безсодержательнѣе и казеннѣе временъ Крымской войны. А между тѣмъ въ эту самую войну произошелъ великій переломъ въ сознаніи нашего общества, которое поняло свое ничтожество и отсталость, переломъ, который отразился на всемъ, начиная отъ политическаго строя государства и кончая русскимъ искусствомъ.

Къ сожалѣнію, съ этого перелома началось торжество заимствованныхъ изъ заграницы идей. Семинаристы, овладѣвшіе нашею литературою съ половины 50-хъ годовъ,

знали Европу только по книгамъ и вѣрили книгамъ, черпая въ послѣднихъ понятіе о прогрессѣ. Одинъ изъ нашихъ убѣжденнѣйшихъ западниковъ, г. Боборыкинъ, въ слѣдующихъ словахъ воспѣлъ это заимствованіе:

„Сослужила намъ, говоритъ онъ, службу Европа тотчасъ послѣ того, какъ разгромила Севастополь. И не перечесть добра, какое „заграница“ доставила намъ. Курсъ стоялъ хорошій (?). Всѣ дѣлали экономію (??). Тысячи семействъ селились въ Дрезденъ, Женевъ, Гейдельбергъ, Брюссель для удобной и дешевой жизни, всего больше для воспитанія дѣтей, для ихъ здоровья и развитія. Сотни, тысячи молодыхъ людей работали на Западѣ въ теченіе цѣлой четверти столѣтія, занимали потомъ кафедры, писали, основывали журналы, печатали книги, строили, хозяйничали, распространяли знаніе и здоровыя идеи. Въ эту четверть вѣка сдѣлано, подъ прямымъ вліяніемъ Запада, все, что только у насъ привилось *хорошаго*“...

И какихъ только не обрушилось послѣ того на нашу матушку Россію, по словамъ г. Боборыкина, благодѣяній. У насъ, напримѣръ, принято считать 60-е годы (вторую половину) и 70-е уже началомъ политической реакціи, но не такъ смотритъ г. Боборыкинъ: „Подойдите, говоритъ онъ, къ шкафу съ книгами въ вашемъ кабинетѣ. Вы смотрите на эти книги шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ... Бокль, Милль, Льюисъ, Спенсеръ, Бентамъ, Контъ, Беккарія, Тэнъ, Дарвинъ... Помните: какое отравленіе принесла съ собою книга Бокля? Вѣдь она составила эпоху... Впервые публика стала думать о томъ, что есть въ жизни общества такіе же законы, какъ въ природѣ. А Дарвинъ! Опять эпоха! Черезъ всю науку, публицистику, мораль, социологію, черезъ все міровоззрѣніе нѣсколькихъ генераций прошелъ у насъ дарвинизмъ; да и теперь онъ руководитъ тѣми, кто работаетъ надъ законами природы и человѣческаго роста. Думать стали учиться по логикѣ Милля. Онъ же освѣтилъ и экономическую жизнь современнаго человѣчества. Онъ же сгруппировалъ всѣхъ вокругъ вопроса о правахъ женщины, о политической свободѣ, о представительствѣ... Тѣмъ, кто искалъ прочной опоры всему своему опыту и мышленію,

Огюсть Контъ указывалъ систему, вбиравшую въ себя всю исторію человѣка и его умственнаго движенія. Позитивизмъ сталъ выговаривать свое слово по-русски“...

„Въ какихъ нибудь десять-пятнадцать лѣтъ все, что Франція, Германія и Англія дали новому мышленію и новой наукѣ, было перенесено, говорить г. Боборыкинъ, на нашу почву. Трудно даже повѣрить, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ уровень умственнаго настроенія стоялъ *такъ высоко*. Всякій уважающій себя человѣкъ ставилъ себѣ въ первый долгъ: привести въ гармонію свои принципы съ тѣмъ, какъ онъ живетъ, отвѣтить на самые основные вопросы, безъ которыхъ никто не можетъ ни правильно работать умомъ, ни знать, въ чемъ нравственность и гдѣ общественность“...

Мы нарочно цѣликомъ выписали курьезную болтовню г. Боборыкина*). Читатель съ недоумѣніемъ, конечно, спроситъ, когда же надъ нашею страню стояла такая благодать, когда это люди жили у насъ исключительно по Дарвину, Спенсеру и Боклю? Г. Боборыкинъ прямо даже опредѣляетъ, что это произошло лишь послѣ того, какъ русскіе поѣхали учиться за границу. Но на это можно бы отвѣтить, что книги Бокля, Дарвина и Спенсера появились только въ концѣ 70-хъ годовъ и въ шестидесятыхъ, слѣдовательно ранѣе онѣ все равно не могли оказать своего полезнаго вліянія на наше общество. Затѣмъ, чтобы прочесть Бокля не было надобности ѣхать въ Англію, это можно было сдѣлать и въ Россіи, вліяніе его не прошло бы безслѣдно, какъ не прошло въ свое время на русскую мысль безслѣдно вліяніе Вольтера, Байрона или Гегеля.

*) Г. Боборыкинъ еще серьезный писатель сравнительно съ любимыми публицистами 60-хъ годовъ: Антоновичемъ, Писаревымъ, Зайцевымъ. Послѣдній доказывалъ серьезно, что Англія потому выше въ развитіи, что количество сбраго вещества въ мозгу ея жителей можно опредѣлить въ нѣсколько кубическихъ саженей! Нашъ народъ давно очень мѣтко опредѣлилъ подобныя философскія словосویی: „не знаетъ Вавила ни уха, ни рыла, а баетъ Вавила—*съ мозгу* де-сила“. Г. Цятковичъ оказалъ несомнѣнную заслугу разоблаченіемъ умственной пустоты корифеевъ литературнаго движенія 60-хъ годовъ.

Но дѣло еще не въ этомъ, а въ томъ, дѣйствительно ли столько хорошаго сдѣлалось у насъ подъ вліяніемъ Боклей и Спенсеровъ тѣми тысячами россіянь, которые воспитывались въ Дрезденѣ, Женевѣ, Гейдельбергѣ и Брюсселѣ, и дѣйствительно ли у насъ таеъ высоко стояла умственная жизнь пятнадцать и двадцать лѣтъ назадъ? По нашему мнѣнію, факты говорятъ совершенно противное.

Тѣ реформы, которыми гордятся наши либералы, были не только задуманы, но и введены въ такое время (до 1865 года), когда ни Бокли, ни Спенсеры никакого вліянія оказывать не могли, и такимъ поколѣніемъ, для котораго эти мыслители были совершенно чуждыми. Въ важнѣйшей реформѣ—крестьянской—душою были люди сороковыхъ годовъ—или либеральные чиновники, какъ Жуковский, Домонтовичъ, братья Семеновы, или славянофилы Самаринъ, князь Черкасскій. Затѣмъ нельзя отрицать, что Бокль, Спенсеръ, Контъ и др. были у насъ въ модѣ, но это именно была „мода“, а не сущность дѣла, какъ были въ модѣ въ Россіи и утилитарныя теоріи Бентама рядомъ съ мистическими теоріями германскихъ теozoфовъ и какъ рядомъ съ крѣпостнымъ правомъ уживались въ нѣкоторыхъ не крѣпкихъ русскихъ головахъ сантиментальныя идеи Руссо о безусловномъ равенствѣ людей между собою.

Въ сорокъ лѣтъ рѣдко кто мѣняетъ свои идеи; тутъ дѣйствуетъ не теорія, а жизненный опытъ. Слѣдовательно, если теоріи Боклей и Спенсеровъ могли произвести сильное впечатлѣніе, то именно на нынѣшнее поколѣніе дѣловыхъ людей и чиновниковъ, которое пятнадцать и двадцать лѣтъ назадъ было на университетской скамьѣ и съ увлеченіемъ молодости впитывало въ себя результаты новыхъ ученій. Гдѣ же плоды этого впитыванія?

Послушайте, что говоритъ тотъ же г. Боборыкинъ: „никогда еще, по крайней мѣрѣ, на нашей памяти, не выползало изъ темныхъ норъ столько враговъ Европы, всего культурнаго свѣта, какъ нынче. Прислушайтесь, присмотритесь... Какъ все глухо и плоско вокругъ васъ. Полное безплодіе. Мысль размѣнялась до жалости. Что было вычитано изъ книгъ западныхъ мыслителей—позабылось.

Никому не стыдно недавняго прошлаго“... Вотъ, слѣдовательно, каковы плоды многолѣтняго высокаго стоянія науки, о которомъ фантазируетъ г. Боборыкинъ. А открытое послѣднимъ приведеніе въ гармонію у русскихъ людей принциповъ съ общественной правдой, въ чемъ оно выражается? Не въ повальномъ ли воровствѣ, охватившемъ наши интеллигентныя сферы и заставляющимъ дрожать за всѣ банковыя и земскія кассы?

Выводъ одинъ. Если мы были плохи и оказались снова такими плохими, какъ полагаетъ г. Боборыкинъ, то, конечно, ни мечтанія о конституціи, ни новыя книги о „правахъ женщины“ не сдѣлаютъ насъ лучшими. Мы же безъ пустого самомнѣнія вѣримъ въ прогрессъ русскаго общества. Если мы и не хороши, то все-таки лучше, и главное, умнѣе того, что были двадцать лѣтъ назадъ. Культурностію мы очень отстали отъ Европы, да едва ли когда ее и догонимъ, но не въ этой догонкѣ состоитъ задача Россіи. Отрицать же прогрессъ и думать, что онъ выражается лишь въ увлеченіи той или другой книжкой или теоріей, значитъ не имѣть никакого понятія объ исторіи нашего отечества.

Нельзя, однако, отрицать пользы, принесенной для Россіи и для самого правительства отъ освобожденія печати отъ излишнихъ цензурныхъ стѣсненій. Если печать оказала не мало и дурного вліянія, то причина тому не въ недостаткѣ цензуры. Въ общемъ печать подцензурная была еще вреднѣе не-цензурной. Это не признавалось, впрочемъ, никогда нашей администраціей и законъ о печати 1865 г., дополненный разными ограниченіями въ 1872 и 1879 годахъ, въ 1883 году подвергся новымъ измѣненіямъ въ смыслѣ расширенія цензуры. Приготовленный при графѣ Игнатьевѣ законъ касался двухъ пунктовъ. Министру внутреннихъ дѣлъ давалось право, вмѣсто пріостановки изданія на 6 мѣсяцевъ, подчинять его цензурѣ на неопредѣленный срокъ; во-вторыхъ, относительно полнаго прекращенія изданія за такъ называемое вредное направленіе, министр внутреннихъ дѣлъ долженъ испрашивать не разрѣшеніе Правительствующаго Сената, какъ было прежде,

а особой комиссіи изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Значеніе этихъ нововведеній опредѣлить не трудно. Подчиненіе газетъ предварительной цензурѣ имѣло цѣлью обезпечить за газетою благонадежное направленіе, но опытъ довольно продолжительный, какъ мы говорили, доказалъ, что именно подъ цензурою удобнѣе всего процвѣтать противоположнымъ направленіямъ. Цензоръ, рискующій только выговоромъ или много своимъ мѣстомъ въ 3,000 руб. жалованья, никогда не можетъ быть такъ строгъ и внимателенъ, какъ редакторъ, рискующій потерю дохода въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей и нерѣдко средствами къ жизни. Затѣмъ извѣстно, что серьезные консервативные органы, напр. „Московскія Вѣдомости“, появились у насъ только при нѣкоторой свободѣ печати; при цензурѣ, какая она была при Николаѣ I, они были немыслимы, ибо цензура одинаково не любитъ независимости ни въ либеральномъ, ни въ консервативномъ отношеніи. И позже строго консервативная „Москва“ Аксакова подвергалась несчетному числу предостереженій за вредное направленіе, когда нигилистическіе органы Благосвѣтлова и др. процвѣтали и никогда не хотѣли издаваться безъ цензуры.

Учрежденіе высшей комиссіи также не новость въ Россіи. Мы, конечно, не смѣемъ думать, что законъ 1865 года измѣнили по недовѣрію къ рѣшеніямъ Сената; учрежденіе высшей комиссіи, очевидно, мотивировалось желаніемъ помочь министру внутреннихъ дѣлъ въ опредѣленіи, что такое вредное направленіе печати. Другими словами, комиссія сдѣлана высшимъ цензурнымъ органомъ, который рассматриваетъ заключенія совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Такимъ образомъ надъ прессою воздвигнута уже іерархія надзора въ четыре степени въ такомъ порядкѣ: цензоръ, цензурный комитетъ, главное управленіе по дѣламъ печати, высшая комиссія. Последняя, какъ мы сказали, не новость. При императорѣ Николаѣ I, въ 1849 году, когда цензура была въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, была уже учреждаема комиссія

изъ государственныхъ сановниковъ для высшаго наблюденія не только за печатью, но и за самимъ цензурнымъ вѣдомствомъ. Результатовъ, однако, отъ комиссіи, душею которой былъ баронъ М. А. Корфъ, повидимому, не послѣдовало, ибо комиссію закрыли въ 1855 году.

Признавая за правительствомъ полное право и даже обязанность противодействовать распространенію тѣхъ идей, которыя оно считаетъ вредными и опасными для общественнаго порядка и спокойствія, мы полагаемъ, однако, что опытъ нѣсколькихъ вѣковъ заставляеть придти къ заключенію, что противодействіе это наименѣе успѣшно достигается путемъ прямой репрессіи. Насколько оказываются недействительными собственно цензурныя ограниченія печати, разъ общественное мнѣніе вышло изъ пеленокъ и начинаетъ интересоваться политическими и общественными вопросами, доказывается примѣромъ Франціи. Въ одномъ нынѣшнемъ столѣтіи въ этой странѣ было издано болѣе десяти разныхъ весьма строгихъ законовъ о печати и ни одинъ изъ нихъ ни на волосъ не измѣнилъ естественнаго и рокового хода событій. Если же являлась реакція, то она вызывалась или ходомъ событій, или возникновеніемъ въ самомъ обществѣ и въ печати противоположныхъ теченій. Такъ было въ годахъ 20-хъ, 50-хъ и въ концѣ 80-хъ.

Правительство во Франціи неоднократно принимало весьма рѣшительныя мѣры противъ печати. Безуспѣшность ихъ чрезвычайно поучительна, доказывая, какъ въ деликатномъ вопросѣ управленія умами безсильна бываетъ государственная власть. Между попытками обуздать печать замѣчательны особенно рѣшеніе Наполеона I силою конфисковать всѣ газеты и планъ Вильеля, во время Реставраціи, скупить всѣ оппозиціонныя газеты.

Истощивъ противъ печати весь арсеналъ цензурныхъ ограниченій, Наполеонъ I рѣшился не отступать даже передъ самой возмутительною споліаціей чужой собственности. Декретомъ 18 января 1811 года газета „Journal des Débats“, называвшаяся тогда „Journal de l'Empire“ и подчиненная въ 1805 году строгой цензурѣ, была объ-

явлена собственностью государства. Газета, принадлежавшая Бертену и приносившая 200,000 франковъ чистаго дохода, была раздѣлена на 24 пая, изъ которыхъ восемь отданы департаменту полиціи, а остальные шестнадцать распределены между нѣкоторыми придворными и офиціозными литераторами. Пенсіи, выплачиваемыя редакціей, были превращены и правительство конфисковало не только право изданія, но и кассу газеты, запасъ бумаги и даже мебель редакціи.

Мотивы декрета, объяснявшіе причины этого неслыханнаго насилія, весьма оригинальны. Доходъ отъ газеты, гласилъ наполеоновскій декретъ, можетъ стать собственностью только въ силу особой концессіи (!), между тѣмъ „Journal de l'Empire“ никому концессіонированъ не былъ*); его владельцы наживали отъ запрещенія тридцати другихъ газетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ гораздо болѣе, чѣмъ затратили на свое изданіе; наконецъ, гласилъ декретъ, сверхъ цензуры всѣ способы вліянія на редакцію газеты должны принадлежать людямъ благонадежнымъ, извѣстнымъ своею преданностью правительству и независимостью отъ иностранныхъ вліяній.

Конфискація „Débats“ не была отдѣльнымъ актомъ произвола. Она распространилась на всѣ парижскія газеты, даже на „Journal de Paris“, принадлежавшій графу Редереру и герцогу Бассано, двумъ высокимъ сановникамъ имперіи. Послѣ этого число газетъ было ограничено въ Парижѣ до четырехъ, а въ каждомъ департаментѣ оставлено по одной. Десять лѣтъ спустя, Наполеонъ I, совершившій эти подвиги, находясь на островѣ св. Елены, философски записалъ въ своемъ дневникѣ: „Ограниченіе или запрещеніе свободы печати есть вопіющая аномалія, актъ безумія...“

Не менѣе любопытенъ планъ Вильеля. Въ 1819 году цензура газетъ была уничтожена во Франціи и замѣнена

*) Изъ записокъ Никитенко видно, что таково же мнѣніе было и графа Уварова: „въ правахъ русскаго гражданина, говорилъ онъ, нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привилегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда хочетъ“.

залогами, отвѣтственными редакторами и строжайшими взысканіями. Не довольствуясь этимъ, Вильель, послѣ убійства герцога Беррійскаго, провелъ въ палатахъ законъ, такъ называемый *loi de tendance*, дававшій ему право преслѣдовать не проступки печати, а *вредное направленіе*. Законъ этотъ оказался, однако, безсильнымъ и Вильель составилъ планъ *погасить* (*amortir*) всю оппозиціонную печать, была ли она роялистской или республиканской. Планъ этотъ чисто финансовый и основывался на томъ, что газеты во Франціи издаются на паяхъ. Изъ разоблаченій, сдѣланныхъ ультра-роялистомъ Лабурдонэ въ засѣданіи палаты депутатовъ 12 іюля 1824 года, видно, что Вильель отдѣлялъ по 2 милліона въ годъ изъ кредитовъ, ассигнованныхъ на содержаніе двора, полиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ, въ особый фондъ, на который скупались пай въ оппозиціонныхъ газетахъ, такъ, чтобы вездѣ въ редакціяхъ получалось большинство голосовъ; новыхъ же въ это время газетъ не разрѣшалось ни одной. Изъ купленныхъ газетъ нѣкоторыя закрывались, другимъ давались благонадежные редакторы, причемъ весьма коварно каждая газета должна была нѣсколько отличаться въ своемъ направленіи: „*Gazette de France*“ была, напримѣръ, чисто роялистская, „*Journal de Paris*“ — полулиберальною, для „*Drapeau Blanc*“, бывшей газеты горячаго Мартенваля, вынуждены были сохранить „нѣкоторую долю свободы и даже отгѣнокъ преувеличенія“, иначе, гласилъ министерскій докладъ, газета эта растеряла бы подписчиковъ.

Вильель принялся за дѣло съ большимъ усердіемъ, число парижскихъ газетъ быстро убывало и за нѣкоторыя изъ нихъ платилось по милліону франковъ. Въ концѣ концовъ, однако, *погасить* французскую печать не удалось, общественное мнѣніе очнулось и уже въ 1828 году министерство Мартиньяка уничтожило окончательно цензуру, монополію изданій и законъ о вредномъ направленіи.

Что же значать сравнительно съ подобными грандіозными планами попытки второстепенныхъ цензурныхъ ограниченій, исполненіе которыхъ поневолѣ поручается лицамъ, естественно подчиняющимся водовороту общественнаго мнѣ-

нія, лишеннымъ перѣдео почвы и неубѣжденнымъ, что такое или другое направленіе продержится достаточно долго въ высшей администраціи?

Мысль подчинять въ видѣ наказанія безцензурныя изданія цензурѣ была уже въ виду при самомъ составленіи закона 6-го апрѣля 1865 года, но отвергнута тогда Государственнымъ Совѣтомъ. А именно изъ правительственнаго объясненія, напечатаннаго въ „Сѣверной Почтѣ“, газетѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 21 декабря 1867 года, видно, что проектъ закона о печати былъ вырабатываемъ двумя спеціальными комиссіями. Первая изъ нихъ, учрежденная при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, въ 1862 г., подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Оболенскаго и состоявшая изъ Цез, Штурмера, Веселовскаго, Воронова и Андреевскаго, единогласно полагала принять три вида административныхъ взысканій, въ слѣдующей постепенности: 1) двукратное публичное предвареніе; 2) *подчиненіе изданія предварительной цензурѣ*, и 3) совершенное запрещеніе изданія. Вторая комиссія, учрежденная въ 1863 году при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, равнымъ образомъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Оболенскаго и состоявшая изъ Никитенко, Ржевскаго, Бычкова, Гилярова-Платонова, Погорѣльскаго, Андреевскаго, Фукса и Θεоктистова, приняла по большинству голосовъ слѣдующій порядокъ: послѣ двухъ предвареній — прямо прекращеніе изданія. Министръ внутреннихъ дѣлъ (П. А. Валуевъ), внося проектъ устава о книгопечатаніи въ Государственный Совѣтъ, предлагалъ: повременное изданіе, подвергшееся въ теченіе одного года двумъ предостереженіямъ, считать по третьему прекращеннымъ, если послѣднее предостереженіе состоится въ теченіе того же самаго года или слѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ. Но въ Государственномъ Совѣтѣ восторжествовалъ болѣе справедливый взглядъ и установлено было окончательное, вошедшее въ законъ, правило, на основаніи котораго повременное изданіе подлежитъ, по третьему предостереженію, *минъ пріостановки на срокъ* не свыше шести мѣсяцевъ по распоряженію министра, а совершенному прекращенію оно мо-

жетъ подвергнуться лишь по опредѣленію Правительствующаго Сената.

Въ настоящее время судебныя гарантіи для печати признаны излишними и прекращеніе изданій дѣлается административнымъ порядкомъ по представленію министра внутреннихъ дѣлъ въ высшую комиссію, въ которой министръ состоитъ членомъ и куда представителямъ обвиняемаго органа печати доступъ закрытъ.

Вышеозначенное „правительственное объясненіе“ содержитъ весьма любопытное извлеченіе изъ сужденій комиссіи, составлявшей первоначальный проектъ закона о печати, гдѣ доказывается, почему для взысканія съ поврежденныхъ изданій административный порядокъ удобнѣе судебного и отчего въ законѣ не слѣдуетъ объяснять, что такое разумѣется подъ словомъ *вредное направленіе*. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что при обсужденіи первоначальнаго проекта устава о книгопечатаніи во второй комиссіи 1863 года нашлись три члена этой комиссіи (вѣроятно, гг. Гиляровъ-Платоновъ, Андреевскій и Теокистовъ), которые заявили, что они вообще не могутъ допустить права административной власти налагать взысканія безъ суда по дѣламъ печати. Но шесть членовъ были совершенно противоположнаго мнѣнія. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ принялъ сторону этихъ послѣднихъ.

„Нерѣдко всѣ нарушенія законовъ о печати, говоритъ комиссія, отдѣльно взятыя, не представляя собою ничего особенно важнаго, въ совокупности и послѣдовательности выражаютъ цѣлое направленіе, преслѣдовать которое медленнымъ судебнымъ порядкомъ бываетъ не только неудобно, но и не всегда возможно. Цензура имѣетъ цѣлью предупредить необходимость подобныхъ преслѣдованій и ее замѣнить могутъ только правила административныхъ взысканій, опредѣляемыхъ установленною властью, по собственному усмотрѣнію и *безъ всякихъ формъ, ограждающихъ отъ произвола (?)*. Подобныя взысканія могутъ останавливать, карать и тѣмъ предупреждать зло скоро, вѣрно и рѣшительно. Но принять за общую систему такой порядокъ преслѣдованія было бы нимаго *не согласно съ по-*

нѣтъ о правильномъ законодательствѣ. Подобному произволу нельзя обязательно подчинить повременныя изданія, не нарушая самыхъ существенныхъ правъ издателей“. Выходитъ, что комиссія сама какъ будто принимала съ большою осторожностью систему административныхъ взысканій, отдавая однако предпочтеніе цензурѣ, какъ орудію, менѣе доступному административному произволу. Дѣйствительно, въ защиту системы предостереженій, заимствованной изъ Франціи, комиссія не нашла другихъ аргументовъ, кромѣ приведенія цѣликомъ двухъ циркуляровъ извѣстнаго министра полиціи Мона къ префектамъ, изданныхъ послѣ переворота 2-го декабря, когда Наполеонъ III силою захватилъ власть. Мона доказываетъ въ одномъ изъ циркуляровъ, что разъ правительство даетъ разрѣшеніе на изданіе газетъ, оно *логически* получаетъ тѣмъ право прекращать ихъ! То есть, по логикѣ Мона, если петербургская управа даетъ, напримѣръ, разрѣшеніе строить дома въ столицѣ, то она получаетъ этимъ право уничтожать ихъ безъ вознагражденія домовладѣльцевъ...

Въ другомъ циркулярѣ Мона опредѣляетъ, что слѣдуетъ считать вреднымъ направленіемъ. По толкованію дѣятеля 2-го декабря, то направленіе вредно, которое недовольно государственнымъ переворотомъ. Это, по крайней мѣрѣ, ясно. Наша же комиссія 1862 г. сама отказалась точно опредѣлить случаи, возбуждающіе административныя взысканія.

„При невозможности, говоритъ она, начертать какія либо правила по сему предмету, признается *болѣе примичнымъ* вовсе не указывать въ законѣ, за что именно и въ какихъ случаяхъ повременныя изданія могутъ подлежать административному взысканію. Словомъ: *вредное направленіе* выражается мысль общая, неограничивающая, конечно, полного произвола при толкованіи относительнаго понятія *вредна*; но такъ какъ нѣтъ никакой возможности, даже приблизительно, опредѣлить безспорные признаки вреднаго направленія, то *примичные, откровенные и достойные* не прикрывать законъ наружною формою опредѣлительности,

когда внутреннее содержаніе его не подходит ни подъ какое положительное опредѣленіе“.

Это сознаніе по-своему весьма замѣчательно. Извѣстно, что достоинство каждаго уголовного законодательства состоитъ въ точнѣйшемъ опредѣленіи понятія и состава преступленія. Нельзя, напримѣръ, карать за убійство, если нельзя положительно опредѣлить, что отъ чьей либо злой воли кто нибудь лишился жизни. Комиссія же признавала возможнымъ наказывать и весьма строго за преступленія печати, заранѣе отказываясь объяснить въ точности въ чемъ именно эти преступленія состоятъ.

Не лишнее также замѣтить, что нигдѣ уже въ Западной Европѣ система административныхъ взысканій по отношенію къ печати не практикуется болѣе, исключая случаевъ, какъ, напримѣръ, во Франціи, осаднаго положенія. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ проступки и преступленія печати вѣдаются судами.

Въ Англіи хотя существуютъ еще кое-какіе драконовскіе законы противъ печати, но они давно забыты и положительно можно сказать, что тамъ спеціальнаго законодательства о печати не имѣется, но безусловная свобода печати вовсе не подразумѣваетъ ея безнаказанности. Не только за оскорбленіе государя и правительства, но и частныхъ лицъ иски предъявляются нерѣдко въ великобританскихъ общихъ судахъ и наказываются болѣе или менѣе строго, или же вызываютъ денежныя вознагражденія потерпѣвшимъ. Въ англійской Индіи печать нѣсколько ограничена такъ называемымъ Vernacular Presse Act'омъ.

Во Франціи дѣла о безнравственности печати, о диффамаци, о нарушеніи печатью разныхъ постановленій о печати, судятся полицейскими судами (tribunaux de police correctionnelle), всѣ прочіе проступки и преступленія подлежатъ окружнымъ судамъ (cours d'assises) съ участіемъ присяжныхъ, причемъ принята отличная система строго наказывать газеты печатаніемъ на ихъ счетъ судебныхъ рѣшеній по выбору лица и въ самыхъ дорогихъ газетахъ.

Въ Германіи по новому общему федеральному закону о печати отмѣнены всѣ отдѣльныя законодательства и ни-

какая цензура впредь не дозволена, арестованіе какого бы то ни было печатнаго изданія можетъ быть сдѣлано лишь по необходимости на тѣхъ же основаніяхъ, какъ вообще налагается арестъ для судебной процедуры. Въдается печать въ Германіи общими судами и преступленія ея судятся при участіи присяжныхъ. Въ Австріи преступленія печати также подлежатъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ Бельгіи печать свободна и судится съ участіемъ присяжныхъ. Въ случаяхъ клеветы доказательства допускаются лишь относительно чиновниковъ. Право возраженія признано, но оно не должно превышать двойного текста статьи, на которую слѣдуетъ возраженіе. Это право выговорено въ законодательствахъ нѣкоторыхъ другихъ странъ. Въ Голландіи всѣ проступки и преступленія печати судятся обыкновенными судами.

Въ Швейцаріи конституція ограничивается объявленіемъ, что печать свободна, предоставляя кантонамъ выработать для печати отдѣльные законы. На дѣлѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ европейскихъ государствъ, нѣтъ ни залоговъ, ни штемпельной пошлины. Судится печать съ присяжными.

Въ Испаніи по закону 1873 года печать чрезвычайно свободна. Точно также въ Италіи. Тамъ дѣла печати разбираются ассизными судами съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, исключая мелкихъ проступковъ, разбираемыхъ въ полицейскижъ судахъ. Судъ имѣетъ право конфисковать нумеръ, но никакое учрежденіе не можетъ прекратить изданіе журнала и газеты. Впрочемъ, изданіе не можетъ выходить, пока отвѣтственный редакторъ находится въ тюрьмѣ или редакція не въ состояніи уплатить судебныхъ штрафовъ.

Оригинальнѣе законодательство о печати въ Швеціи. Для охраненія ея свободы сеймъ, еще съ 1812 года, избираетъ особую комиссію, засѣдающую подъ предсѣдательствомъ особаго прокурора, назначаемаго сеймомъ для наблюденія за ходомъ правосудія. Проступки печати судятся присяжными, причемъ составъ послѣднихъ опредѣ-

ляется слѣдующимъ способомъ: трое присяжныхъ выбираются подсудимымъ, трое обвинителемъ, трое судомъ. Для обвинительнаго приговора по дѣламъ печати необходимо большинство двухъ третей голосовъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ, конечно, и признаковъ специальныхъ законовъ о печати. Но свобода печати не доходитъ и тамъ до безнаказанности: журналистъ, какъ и всѣ граждане Союза, отвѣчаетъ за свои дѣйствія. Присяжные въ Америкѣ строго разбираютъ клеветы и диффамачіи путемъ печати. Обычай, однако, допускаетъ въ этомъ широкую свободу для оцѣнки чиновниковъ и особенно кандидатовъ на выборныя должности. Вмѣшательство администраціи проявляется чрезвычайно рѣдко. Она не дозволяла во время войны публиковать заранее передвиженія войскъ. Во время существованія невольничества, въ южныхъ штатахъ нельзя было писать въ духѣ абolicіонномъ.

Почти во всѣхъ законодательствахъ о печати установлена также давность для преступленій, по большей части три мѣсяца послѣ появленія заподозрѣннаго изданія въ свѣтъ*). Большинство законовъ регулируютъ также степень отвѣтственности автора, редактора, издателя, типографщика. Послѣднихъ въ случаѣ если авторъ оказывается неизвѣстнымъ. Есть еще одно повсемѣстное и неизбѣжное ограниченіе свободы печати—это для служащихъ. Военное Министерство подтвердило у насъ для военнослужащихъ воспрещеніе издавать въ свѣтъ сочиненія, заключающія въ себѣ что либо касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній Россійскаго государства, безъ дозволенія своихъ начальствъ. Это напоминаніе вызвало различныя толки.

Нѣкоторые наши органы поняли его въ столь букваль-

*) По этому поводу нельзя не обратить вниманія на слѣдующую аномалію. У насъ, какъ и вездѣ, даже для тягчайшихъ уголовныхъ преступленій существуетъ 10-лѣтняя давность. Между тѣмъ для предостереженій сроковъ нѣтъ и издатель можетъ понести громадный ущербъ при приостановкѣ изданія при третьемъ предостереженіи, хотя бы первое и второе были даны тому же органу при другой редакціи и болѣе чѣмъ десять лѣтъ назадъ.

номъ смыслѣ, что, по ихъ мнѣнію, ни одинъ чиновникъ или военный не можетъ предать тисненію плода своего литературнаго вдохновенія. „Голосъ“, опредѣливъ, что 90 процентовъ нашей текущей литературы принадлежитъ чиновникамъ, находилъ, что воспрещеніе писать чиновникамъ равносильно было бы запрещенію самаго существованія русской литературы. Дѣйствительно, при запрещеніи чиновникамъ писать „Голоса“ не существовало бы, потому что одна половина его статей сочинялась разными вицъ-мундирными либералами, а другая представляла копию съ официальныхъ бумагъ, сочиненныхъ тѣми же вицъ-мундирами. Но если русская литература и безъ чиновниковъ въ настоящее время могла бы здравствовать, то во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ замѣтить, что безъ чиновниковъ, представляющихъ въ Россіи крупную часть интеллигенціи, не только литература, но и публицистика потеряла бы очень многое.

За статью 529 III тома Св. Законовъ не лежалъ, однако, такой запретительный смыслъ, какой въ ней видѣлъ „Голосъ“. Неоспоримый фактъ, что статья эта, просуществовавъ около шестидесяти лѣтъ, не помѣшала нашей литературѣ жить по преимуществу чиновничьимъ умомъ, доказываетъ уже, что статья и въ глазахъ правительства не имѣла того значенія, которое ей приписывали. Цѣль закона лучше всего познается изъ мотивовъ, послужившихъ къ его изданію.

Статья 529 возникла, какъ оказывается, изъ положенія Комитета Министровъ 1-го марта 1824 года, сдѣланнаго вслѣдствіе записки всемогущаго тогда графа Аракчеева, въ которой изъяснялось, что до свѣдѣнія Государя Императора дошло, что „нѣкоторые изъ служащихъ и отставныхъ чиновниковъ позволяютъ себѣ издавать въ свѣтъ печатныя извѣстія о поступкахъ своихъ въ исполненіи возложенныхъ на нихъ должностей; а другіе, напротивъ, такими же печатными извѣстіями опровергаютъ первыя, и что отсюда проистекаютъ неприличныя сужденія, доводящія до нескромности о предметахъ, какъ по обязанно-

ствамъ службы, такъ и по самымъ правиламъ благопристойности“.

Съ такимъ толкованіемъ существованіе вышеозначенной статьи закона вполне понятно. Никакое правительство не можетъ допустить, чтобы его исполнительные органы, т. е. чиновники не сохраняли, гдѣ нужно, канцелярскую тайну или нарушали дисциплину, а тѣмъ болѣе не можетъ оно допустить, чтобы подобныя нарушенія дѣлались путемъ печати, т. е. получали возможно широкую огласку. Очевидно, что и статья 529 имѣла значеніе именно въ этомъ смыслѣ. Это есть весьма естественное оружіе въ рукахъ высшей администраціи для дисциплинированія своихъ подчиненныхъ.

Случай, что статья могла бы примѣняться,—встрѣчаются. Всѣмъ памятна, напримѣръ, исторія генерала Романовскаго, который на основаніи официальныхъ документовъ описалъ средне-азиатскія событія 60-хъ годовъ въ особой книгѣ, выставивъ въ каррикатурномъ видѣ своихъ бывшимъ начальниковъ. Другой случай еще крупнѣе: въ парижскомъ журналѣ „Nouvelle Revue“ появилась, въ 1880 г., статья о послѣдней войнѣ, весьма нелестная для нашего военного вѣдомства и для дипломатіи, что само по себѣ не важно, но важно было то, что въ статьѣ цѣликомъ цитировались секретнѣйшія дипломатическія депеши. Въ обоихъ случаяхъ виновные подходили вполне подъ статью 529, и если она къ нимъ приложена не была, то потому, что у насъ вообще принято избѣгать судебного разбирательства, а предпочитаютъ патріархальныя административныя взысканія.

Такимъ образомъ ни отъ существованія статьи, ни отъ напоминанія объ ея существованіи никакой опасности и стѣсненія для нашей литературы не усматривалось. Вредъ могъ произойти лишь отъ неразумнаго толкованія статьи иными начальниками, которые не только что воспретили бы подчиненнымъ заниматься литературою безъ своего разрѣшенія, но, пожалуй, еще стали бы доискиваться косвенными путями, не пописываетъ ли кто статеекъ. Но въ этомъ случаѣ разъясненіе по военному вѣдомству служить достаточною уздою. Военное вѣдомство отмѣнило ис-

прашиваніе дозволенія на изданіе литературныхъ сочиненій, полагая очевидно, что общая для всѣхъ служащихъ, какого бы они вѣдомства ни были, статья въ гражданскихъ законахъ даетъ достаточно гарантіи правительству противъ рѣзкаго нарушенія со стороны его агентовъ обязанности поддерживать „политику“ правительства.

По этому вопросу возникъ еще слѣдующій казусъ. Оберъ-прокуроръ 1-го департамента Правительствующаго Сената г. Евреиновъ напечаталъ брошюру: „Замѣтки о мѣстной реформѣ“, имѣвшую цѣлью примирить два выказавшіяся въ русской литературѣ и администраціи теченія: одно, которое желало бы отказаться отъ реформъ послѣдняго времени и вернуться къ сословности и къ опеке надъ крестьянами; другое, которое желаетъ сохранить реформы въ цѣлости, защищаетъ безсословность и восторгается крестьянскимъ и земскимъ самоуправленіемъ, видя въ нихъ только начало „увѣнчанія зданія“. Какъ всѣ примирительныя попытки, проектъ г. Евреинова не удовлетворилъ, конечно, никого, но вызвалъ филиппику „Гражданина“, который писалъ: „Что бы грозный графъ Панинъ сдѣлалъ съ такимъ оберъ-прокуроромъ, за панибрата считающимъ и министра внутреннихъ дѣлъ, и членовъ Государственного Совѣта, — *страшно подумать...* Но видно нѣкоторыя понятія о тактѣ, о государственной и іерархической дисциплинѣ съ тѣхъ поръ измѣнились, если не только этотъ фактъ возможенъ, но даже считается какъ бы въ порядкѣ вещей“.

Что графъ Панинъ былъ диковатъ и что надобно удивляться какъ человѣкъ съ такими узкими воззрѣніями и съ такими дѣтскими причудами могъ болѣе двадцати лѣтъ занимать министерскій постъ — несомнѣнно. Можетъ быть онъ и стеръ бы съ лица земли прокурора, дерзнувшаго смѣть свое сужденіе имѣть, да еще въ печати. Это не значитъ, однако, что прокуроры не могутъ у насъ имѣть своихъ сужденій и что, излагая ихъ на бумагѣ, какъ полагаетъ „Гражданинъ“, „судебные люди живутъ въ кредитъ вольностями XX вѣка“.

Хотя и во времена графа Панина чиновники не разсматривались какъ автоматы, обязанные лишь вторить сво-

ему начальству, хотя и тогда законъ не только дозволялъ, а обязывалъ чиновниковъ отстаивать то, что казалось имъ согласнымъ съ ихъ убѣжденіемъ и съ долгомъ службы, но законъ не регулировалъ тогда и не обезпечивалъ право чиновниковъ высказывать свои мысли и убѣжденія печатно. Съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ разъяснился. Законъ о печати 1865 г. даровалъ каждому русскому подданному, чиновнику и не чиновнику, право обсуждать въ печати дѣйствія и предположенія правительства, обсуждать „въ приличной формѣ“. Разъ форма прилична, нѣтъ повода считать статью, написанную чиновникомъ, предосудительною. Новѣйшій законъ 1883 г. пояснилъ еще точнѣе это право для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Подтверждая право ихъ излагать свои мысли въ печати, онъ ограничилъ чиновниковъ, по весьма основательнымъ соображеніямъ соблюденія канцелярской тайны и служебной дисциплины, только въ одномъ, именно въ правѣ безъ разрѣшенія начальства дѣлать предметомъ своихъ печатныхъ сочиненій дѣла, довѣренныя имъ по службѣ.

Такъ, прокурору возбраняется безъ разрѣшенія писать о дѣлахъ его суда, чиновнику медицинскаго департамента—о санитарныхъ проектахъ департамента, но первый можетъ какія угодно излагать мысли „въ приличной формѣ“ о фортификаціи, а второй—о государственномъ коннозаводствѣ, стихи и водевили могутъ писать всѣ чиновники.

Защищая извѣстную долю свободы печати даже для служащихъ, мы должны, однако, заявить, что въ странѣ сословной, какъ Россія, и съ такимъ государственнымъ устройствомъ свободная печать должна быть удѣломъ развитаго меньшинства, поэтому о полной свободѣ провинціальной прессы у насъ мечтать рано, а о свободѣ, данной такъ называемой малой прессѣ, можно только пожалѣть, потому что эта свобода обратилась единственно на пользу диффамациі *). Цензура же успѣховъ малой прессы въ ея

*) Диффамациа и связанный съ нею шантажъ дѣйствительно великое зло, неизбежно связанное со свободою печати; оно принимаетъ такіе размѣры, что озабочиваетъ общество. Бороться съ нимъ судомъ очень трудно. Извѣстный философъ Максъ Нордау, хотя и крайній ра-

спеціальному назначеніи не стѣснила бы, что доказывается отличною организаціею малой прессы или такъ называемыхъ „курьерковъ“ въ Варшавѣ. Для политической и серьезной печати мы противники цензуры, а ограниченія злоупотребленій печати видѣли бы въ высокомъ денежномъ залогѣ для издателей и въ крупныхъ денежныхъ штрафахъ, налагаемыхъ, однако, за рѣдкими исключеніями судебнымъ порядкомъ, само собою разумѣется безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Не можетъ пользоваться по высшимъ политическимъ соображеніямъ полною свободою и печать на языкахъ, которые употребляютъ инородцы. Вредъ нѣкоторой части инородческой печати: армянской, грузинской, татарской, финской и пр. у насъ еще недостаточно оцѣнивается. Разрѣшеніе г. Цильцу издавать въ Петербургѣ газету „Край“ на польскомъ языкѣ привѣтствовалось даже: польская газета, издаваемая въ Петербургѣ, можетъ быть де-органомъ только болѣе прогрессивной части польскаго общества и, конечно, дастъ русскимъ возможность ближе и точнѣе ознакомиться съ характеромъ господствующихъ въ немъ мнѣній и стремленій.

Мы не видимъ никакой бѣды отъ появленія въ Петербургѣ польской газеты, но, признаться сказать, не понимаемъ, чему тутъ намъ радоваться и чему сочувствовать. По нашему мнѣнію, польская газета въ Петербургѣ дѣло прихоти и никакого серьезнаго вліянія имѣть не можетъ.

Газета на извѣстномъ языкѣ имѣетъ смыслъ или когда она издается въ мѣстности со сплошнымъ населеніемъ, говорящимъ на этомъ языкѣ, или когда она служитъ органомъ обширной колоніи людей, говорящихъ на этомъ языкѣ. Возможны еще случаи изданія газеты на чужомъ языкѣ, какъ, напримѣръ, нашъ „Journal de St.-Petersbourg“ по видамъ политическимъ, но это не подходитъ къ разсматриваемому нами случаю. Какой же имѣетъ смыслъ польская газета въ Петербургѣ?

дикаль, во многихъ случаяхъ считаетъ диффамадію столь важною, что предлагаетъ въ „Conventionellen Lügen“ выборъ редакторовъ представить народному голосованію, какъ выбираютъ депутатовъ.

Сплошное польское населеніе группируется въ западной части Царства Польскаго и сосѣднихъ частяхъ Галиціи и Познани. Очевидно, что газеты, выходящія въ Варшавѣ, Краковѣ и Познани, служатъ наиболѣе подходящими политическими органами для этого населенія. Органы эти, имѣя связи въ мѣстныхъ кружкахъ, соединенныя съ мѣстными партіями, имѣютъ возможность служить отголосками для общественнаго мнѣнія и быстро передаютъ мельчайшіе даже оттѣнки его измѣненій. Подобныя газеты, дѣйствительно, даютъ возможность близко и точно знакомиться съ характеромъ господствующихъ въ польскомъ обществѣ мнѣній и стремленій.

Совсѣмъ другое польская газета въ Петербургѣ. Живущіе здѣсь поляки не образуютъ колоніи, какъ, напримеръ, иностранцы на Востокѣ или даже нѣмцы въ Россіи. Это по большей части русскіе чиновники, разсѣянные въ разныхъ слояхъ русскаго общества. Всѣ они отлично говорятъ и понимаютъ по-русски, слѣдовательно для нихъ для полученія новостей нѣтъ большой потребности имѣть органъ непременно на собственномъ языкѣ. Подобный органъ не можетъ быть и представителемъ интересовъ этихъ поляковъ, потому что общихъ собственно польскихъ интересовъ эти люди почти не имѣютъ, если же они желаютъ быть аи соучастіемъ движенія польской литературы, искусства и т. п., то, конечно, польскія газеты, издающіяся въ средѣ сплошнаго польскаго населенія, могутъ служить имъ съ болѣею пользою, чѣмъ газета, издающаяся въ тысячѣ верстахъ и получающая свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ.

Часто раздаются голоса, что въ провинціи таятся великія литературныя силы и глубокіе умы, которымъ только стачка петербургскихъ редакцій, недопускающихъ-де постороннихъ сотрудниковъ, мѣшаетъ проявить себя блистательно. Справедливъ ли такой упрекъ, можетъ служить отчасти отвѣтомъ провинціальная печать, но еще лучше тѣ измышленія, которыя появляются отъ времени до времени въ провинціи въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ. Провинціальная печать, за исключеніемъ двухъ или трехъ органовъ въ родѣ „Кіевлянина“ и „Южнаго Края“, у насъ

только отрывка радикальной столичной печати, сконцентрировавшейся теперь почему-то въ купеческой Москвѣ; поэтому правительство очень много принесло бы пользы, еслибы заботилось о болѣе внимательномъ изданіи губернскихъ вѣдомостей. Офіціальные органы у насъ еще могутъ быть весьма полезны, доказательство „Сельскій Вѣстникъ“ и „Вѣстникъ Финансовъ, торговли и промышленности“. Одна изъ столичныхъ газетъ обратила уже вниманіе, что исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени учрежденія губернскихъ вѣдомостей, этихъ представителей офіціальной и полуофіціальной печати въ провинціи, и выразила надежду, что вѣдомости станутъ, наконецъ, ближе къ „народу“.

Если подъ послѣднимъ надобно разумѣть публику волостныхъ правленій, то желаніе псевдо-либеральной газеты не совсѣмъ ясно. Роль губернскихъ вѣдомостей вовсе не въ популяризаціи для крестьянъ разныхъ свѣдѣній; для этого имѣются особыя изданія. Скорѣе пожеланіе надобно понимать обратно, т. е., чтобы распространеніе образованія въ народѣ создало въ средѣ его кружокъ читателей, для которыхъ изданіе, и не приноровленное спеціально къ узкому кругу возрѣній и полному отсутствію первоначальнаго образованія, сдѣлалось бы доступнымъ.

Роль губернскихъ вѣдомостей вполне опредѣлилась и польза ихъ дальнѣйшаго существованія не подлежитъ, кажется, спору. Не говоря уже о необходимости для губернской администраціи имѣть органъ печати для своихъ публикацій, въ каждой губерніи полезно имѣть періодическое изданіе, на страницахъ котораго разрабатывались бы и печатались матеріалы по мѣстной исторіи, статистикѣ, географіи, этнографіи, археологіи, хозяйству и вообще по всѣмъ серьезнымъ вопросамъ, интересующимъ извѣстный районъ. Статьямъ подобнаго рода недоступны столичные органы, ими пренебрегаютъ и большинство органовъ „независимой“ провинціальной прессы, занимающейся пародированіемъ по части политики самыхъ жалкихъ органовъ столичной печати, да мелкими скандальчиками и объявленіями.

Губернскія вѣдомости принято за обычай ругать по-

вально, какъ собраніе нигѣмъ не читаемой макулатуры, годной развѣ на обертки. Между тѣмъ и въ настоящемъ ихъ скромномъ видѣ вѣдомости удовлетворяютъ своему назначенію и ругаютъ ихъ болѣе тѣ, которые въ вѣдомости никогда не заглядываютъ, или же наивные люди, полагающіе, что когда либо какія нибудь „Енисейскія Губернскія Вѣдомости“ могутъ напоминать „Times“ или „Revue des deux mondes“. По поводу того, что губернскія вѣдомости собираютъ для изученія Россіи огромный матеріалъ, мы нашли очень любопытное указаніе.

Ужъ на что, кажется, специальная наука геологія, но вотъ что говоритъ г. Карпинскій, директоръ геологическаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ печатномъ отчетѣ комитета за 1882—1884 г.: „Благодаря содѣйствію начальниковъ губерній, геологическій комитетъ получаетъ безвозмездно губернскія вѣдомости 14-ти губерній. Насколько существенную пользу можетъ принести геологіи страны такое постоянное полученіе геологическимъ комитетомъ, губернскихъ вѣдомостей, можно судить уже по тому, что просмотръ только четырнадцати изъ этихъ изданій въ теченіе одного года далъ возможность завѣдующему библіотекою комитета отобрать изъ нихъ 36 статей и замѣтокъ, имѣющихъ геологическій и физико-географическій интересъ“...

Нѣтъ сомнѣнія, что такое богатство геологическихъ данныхъ не случайное; еслибы специалисты и по другимъ отраслямъ отечествовѣдѣнія пересматривали внимательно губернскія вѣдомости, то навѣрное нашли бы себѣ не менѣе обильную жатву. Эта увѣренность лучше всего опредѣляетъ, что дѣлать съ губернскими вѣдомостями. Нужна не ихъ реформа съ цѣлью подлитія какого-то простонароднаго духа, не приученіе редакторовъ вѣдомостей играть на радикальной балалайкѣ, а расширеніе ихъ денежныхъ средствъ и прежде всего изданіе хорошаго систематическаго предметнаго указателя содержанія всѣхъ губернскихъ вѣдомостей за истекшія 50 лѣтъ. Такая книга, изданіе которой не потребовало бы со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ значительныхъ расходовъ, была бы истиннымъ подаркомъ всѣмъ занимающимся изученіемъ Россіи.

ГЛАВА XXIV.

Наука и искусство.

Положеніе въ Россіи географіи и астрономіи. — Съѣзды естествоиспытателей. — Изслѣдованіе окраинъ. — Мода въ наукѣ. — Политическая экономія. — Живопись и скульптура. — Положеніе писателей. — Музыка.

Благодаря потребностямъ государства, географія и служащая ей основаніемъ геодезія принадлежать къ числу тѣхъ весьма немногихъ наукъ, въ которыхъ наши ученые сдѣлали довольно важныя открытія и совершили нѣкоторыя объемистыя работы. Эти успѣхи обусловливались разными причинами. Во-первыхъ, географія и связанныя съ послѣднею астрономія, гидрографія, геодезія и др. науки пользовались у насъ всегда особымъ покровительствомъ, какъ такія знанія, въ которыхъ трудно зафилософствоваться или въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, мечтанія не идутъ далѣе Восточной Сибири, съ одной стороны, и небесныхъ сферъ — съ другой. Затѣмъ успѣхи ихъ въ Россіи объясняются преимущественно тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе дѣлали географическія открытія, подобно тому, какъ извѣстный мольеровскій m-r Jourdain говорилъ прозою, т. е. сами того не подозревая. Такая дѣятельность понятна: занимая и колонизируя постепенно, шагъ за шагомъ, территорію примѣрно въ седьмую часть земной суши, русскіе невольно открывали на этомъ пространствѣ множество новыхъ географическихъ фактовъ. Точно также русскіе чиновники, въ безчисленномъ множествѣ разныхъ третнихъ

и годовыхъ вѣдомостей и рапортовъ, накопили громаднѣй статистическій матеріалъ, который ждетъ еще дѣятелей науки для своей обработки.

Не всё, однако, труды русскихъ носили на себѣ отпечатокъ подобной бессознательности. Если Семенъ Дежневъ открылъ Беринговъ проливъ, а якутскіе купцы отыскиали Алеутскіе острова и Аляску чисто ощупью, то такія работы, какъ описъ нашихъ морей, и особенно описаніе сѣвернаго берега Сибири, кругосвѣтныя экспедиціи Крузенштерна, Коцебу, Литке и др., измѣреніе меридіана отъ Нордкапа до Дуная, параллели 52° сѣв. широты, специальная карта Западной Россіи, картографическія и географическія работы на Кавказѣ и въ Средней Азіи, многочисленные экспедиціи Академіи наукъ, Генеральнаго штаба и мн. другіе труды, составляютъ уже результатъ серьезнаго отношенія къ наукѣ и пониманія ея значенія. Россія въ этомъ случаѣ показала себя даже въ первые періоды своей обновленной гражданственности. Возьмемъ для сравненія хоть Турцію. Тамъ также имѣются теперь броненосныя суда, армія, министерства, таможи, ассигнаціи и др. признаки европеизма; однако, до сихъ поръ у турокъ нѣтъ почти картъ, снятыхъ турецкими топографами. Въ Россіи, наоборотъ, еще при Петрѣ Великомъ, когда стригли насильно бороды и за отличіе въ религиозныхъ обрядахъ нашивали на воротникѣ особые знаки, правительство посылало ученыхъ экспедиціи въ Тихій океанъ и исправляло карту Каспійскаго моря.

Матеріалъ, собранный русскими по части статистики, географіи, картографіи, гидрографіи, этнографіи, геологіи и метеорологіи—громаденъ. Значительная часть его сдѣлалась уже достояніемъ общеевропейскимъ, но многое, и едва ли не большая часть, остается неизвѣстною, или, по крайней мѣрѣ, оцѣненною слишкомъ небольшимъ кругомъ ученыхъ специалистовъ. Всемирныя выставки, гдѣ Россія всегда была представлена болѣе или менѣе бѣдно, ознакомили нѣсколько иностранцевъ съ научными работами нашими по разнымъ частямъ; но что знакомство это недостаточно—въ этомъ легко убѣдиться, развернувъ любое

изъ иностранныхъ изданій, гдѣ о Россіи, за рѣдкими исключеніями, трактуется съ почти совершеннымъ незнаніемъ не только нашихъ соціальныхъ, но даже и политическихъ условій. Кромѣ названій двухъ-трехъ городовъ, ни одинъ русскій географическій терминъ не передается безъ коверканія, часто очень забавнаго. Если же иностранцамъ неизвѣстно самое названіе вещи, то каково же должно быть знаніе ея сущности? Были и другіе примѣры. Нерѣдко казалось, что иностранцы, напримѣръ, Гакстгаузенъ, Мекензи Уоллесъ и др., дѣлали у насъ великія открытія; между тѣмъ эти ученые только удачно резюмировали матеріалы, собранные трудами десятеовъ русскихъ дѣятелей.

Мы и у себя дома далеко не избавились еще въ дѣлѣ науки отъ опеки иностранцевъ, какъ показали праздновавшійся 7-го августа 1889 г. юбилей 50 лѣтъ исполнившихся со времени учрежденія астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ. Такъ какъ теперь мода на всякіе юбилеи, то и это скромное событіе было чествовано надлежащимъ образомъ въ кругу лицъ, сочувствующихъ „успѣхамъ просвѣщенія“ въ Россіи.

Хотя большинство даже образованныхъ людей у насъ раздѣляло мнѣніе Брилья-Саварена, что „изобрѣтеніе поваго кушанья гораздо полезнѣе для человѣчества, чѣмъ открытіе новой планеты“, но правительство давно еще, начиная съ прошлаго столѣтія, поощряло астрономію, которая необходима для многихъ государственныхъ цѣлей: межеванія, картографіи, гидрографіи и кораблевожденія. За неимѣніемъ русскихъ астрономовъ, выписывались для занятій въ обсерваторіи Академіи наукъ иностранные, даже знаменитые: Делиль, Бернулли и т. д.

Императоръ Николай нашелъ такой порядокъ вещей не соотвѣтствующимъ достоинству Россіи и поручилъ дерптскому профессору Вильгельму (Василію) Струве, который вмѣстѣ съ Гаусомъ и Бесселемъ долженъ быть отнесенъ къ числу величайшихъ астрономовъ первой половины нынѣшняго столѣтія, обсудить вопросъ объ учрежденіи казенной обсерваторіи. Эта обсерваторія должна была замѣ-

нить устарѣвшую академическую и создать школу русскихъ астрономовъ.

Выборъ Струве для постройки обсерваторіи палъ, къ сожалѣнію, не на какой либо южный городъ: Одессу, Кіевъ или Севастополь, гдѣ небо ясно и климатъ сухъ, а на Пулковскую гору, гдѣ наблюденія могутъ производиться лишь среднимъ числомъ 70 дней въ году и притомъ зимою въ нетопленныхъ помѣщеніяхъ (въ обсерваторіяхъ топить, по чувствительности инструментовъ, нельзя). Лѣтомъ около Петербурга наблюдать нельзя, ибо небо слишкомъ свѣтло, осенью и весною оно заволочено туманами.

Выборъ мѣста опредѣлилъ дѣятельность обсерваторіи. Хотя, быть можетъ, преувеличено мнѣніе публики, будто бы пулковскіе астрономы болѣе получили звѣздъ, чѣмъ открыли ихъ, но несомнѣнно, что занятія обсерваторіи, отчеты о которыхъ появляются отъ времени до времени на нѣмецкомъ языкѣ, могли бы быть плодотворнѣе въ другомъ климатѣ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ея дѣятелей были, дѣйствительно, такія крупныя величины, какъ покойный Струве и Вагнеръ. Въ отношеніи инструментовъ обсерваторія также никогда не нуждалась и недавно еще приобрѣла на казенный счетъ рефракторъ въ 80 сантиметровъ въ діаметрѣ, второй по величинѣ въ мірѣ.

По смерти Василя Струве завѣдываніе обсерваторіею перешло къ его сыну. Эта наслѣдственность талантовъ и должностей въ обычаѣ, какъ мы уже говорили, у нѣмцевъ. Отъ нея не ушелъ, какъ извѣстно, и гениальный нѣмецъ нашего времени—князь Бисмаркъ. Отто Струве поддерживаетъ репутацію Пулкова въ нѣмецкомъ ученомъ мірѣ.

Къ прискорбію, послѣднее совсѣмъ не исполнило другого завѣта своего Основателя. Состоя въ самой тѣсной связи съ нѣмецкой Академіей наукъ, Пулковская обсерваторія осталась полуиностраннымъ учрежденіемъ, нѣмецкою колоніей, гдѣ русскій языкъ такъ же рѣдко слышенъ, какъ и татарскій. Беремъ списокъ пулковскихъ астрономовъ въ послѣднемъ „Адресъ-Календарѣ“ и читаемъ:

Струве, Делленъ, Ромбергъ, Нюрень, Гюльденъ, Струве (сынъ, т. е. уже внукъ знаменитаго Струве) и Линдеманъ. Ни одного русскаго имени! Если къ этому прибавить, что и академическія каѳедры астрономіи заняты нѣмцами — гг. Струве и Баклундомъ, то выяснится, почему юбилей обсерваторіи нельзя признать *русскимъ* юбилеемъ. Русская наука тутъ не причеиъ. Русская астрономія свой юбилей будетъ праздновать, вѣроятно, не ранѣе XX столѣтія.

Если русская наука не „обрѣтается въ авантажъ“ у Академіи и ея учреждений, то она выгодно заявила себя другимъ путемъ — на съѣздахъ естествоиспытателей. Это, дѣйствительно, „мирное торжество русской науки“, какъ сказали бы въ доброе старое время, когда, впрочемъ, съѣздовъ естествоиспытателей не было по той простой причинѣ, что изученіе наукъ естественныхъ не слишкомъ поощрялось, или если поощрялось, то исключительно съ узко-утилитарными цѣлями, ради приготовленія государству извѣстнаго комплекта административныхъ техниковъ.

Между тѣмъ, если было государство, гдѣ реальныя знанія, даже самыя скудныя, встрѣчали благодарную почву, гдѣ каждый „нѣмецъ“ считался уже ученымъ только ради нѣсколькихъ крупицъ тѣхъ познаній, въ которыхъ нуждалось необъятно широкое практическое поле дѣятельности — то это, конечно, Россія. Да и на Западѣ не реальнымъ ли знаніямъ обязано человѣчество своимъ самымъ существеннымъ прогрессомъ? Знаменитый французскій публицистъ Эмиль де-Жирарденъ написалъ родъ предсмертной авторской исповѣди, гдѣ, съ обычной ему смѣлостью, высказалъ, что слишкомъ пятидесятилѣтній опытъ умудрилъ его въ одномъ только, что всѣ ожиданія прогресса отъ такъ называемыхъ друзей человѣчества, отъ широкихъ идей и пышныхъ фразъ въ концѣ концовъ остаются на бумагѣ; ни у кого не хватаетъ духу для дѣйствительныхъ реформъ, лишь усилія отдѣльныхъ лицъ на поприщѣ естественныхъ наукъ увеличиваютъ сумму человѣческаго благосостоянія.

Поэтому-то всѣ государства принимаютъ уже извѣстныя мѣры къ распространенію естествознанія: устраиваютъ фа-

культеты и кафедръ, музеи, обсерваторіи, лабораторіи, издають сочиненія, снаряжаютъ экспедиціи, командируютъ ученыхъ и пр. Какъ бы скудна и вяла ученая дѣятельность ни была въ какомъ либо государствѣ, но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ является потребность обмѣняться живымъ словомъ, выслушать мнѣнія компетентныхъ лицъ, ученымъ ознакомиться другъ съ другомъ. Съ этой точки зрѣнія польза отъ періодическихъ съѣздовъ несомнѣнна, а особенно у насъ, гдѣ, вслѣдствіе относительно малаго числа специалистовъ по каждой отдѣльной отрасли, не существуетъ достаточнаго числа специальныхъ журналовъ, гдѣ бы работы русскихъ ученыхъ немедленно публиковались и подвергались основательной критикѣ.

Но это еще одна сторона дѣла. Съѣзды естествоиспытателей, какъ и всѣ другіе съѣзды, конгрессы и выставки, имѣютъ другую полезную сторону, которую мы назовемъ общежительною.

Занятіе наукою до сихъ поръ составляетъ для каждого образованнаго человѣка профессію, наименѣе оплачиваемую, карьеру, наименѣе выгодную. Какъ этотъ фактъ ни грустенъ, но онъ существуетъ споконъ вѣка во всемъ мірѣ. Какой нибудь добросовѣстный преподаватель естественныхъ наукъ или ученый врачъ всегда въ десять разъ заработали бы больше, состоя химикомъ на самой заурядной фабрикѣ или практикуя въ большомъ городѣ въ средѣ зажиточныхъ людей. При всемъ томъ всегда находятся люди, жертвующіе собою и своею карьерою для науки. Государство и общество обязаны хотя отъ времени до времени быть внимательными къ этимъ людямъ. Съѣзды и доставляютъ возможность оказывать подобное вниманіе. Скромные труженики науки получаютъ возможность, благодаря съѣздамъ, совершать на казенный счетъ поѣздки въ столицу, побыть тамъ извѣстное время въ кругу лучшихъ специалистовъ, участвовать въ засѣданіяхъ, осматривать различныя интересныя вещи, наконецъ, просто принимать участіе въ собственныхъ всѣмъ людямъ способахъ пріятныхъ развлеченій: парадныхъ обѣдахъ, торжественныхъ собраніяхъ со спичами и т. п.

Конечно отъ этой части съѣздовъ для науки прямо при-
бытокъ не великъ, но косвенно, поддерживая въ дѣятеляхъ
науки бодрость и энергію, даже эта сторона съѣздовъ
имѣетъ весьма и весьма полезное значеніе. И тѣ, кто под-
смѣиваются иногда, что всѣ эти русскіе и международные
конгрессы больше прогуливаются и обѣдаютъ, нежели ди-
спутируютъ, не понимаютъ, очевидно, того, о чемъ берутся
судить.

Нашъ извѣстный химикъ Д. И. Менделѣевъ произнесъ
на одномъ изъ съѣздовъ естествоиспытателей рѣчь, гдѣ,
при громкихъ аплодисментахъ публики, приглашалъ рус-
скихъ ученыхъ заняться изслѣдованіемъ тѣхъ окраинъ
Россіи, которыя до сихъ поръ остаются пустынями, но гдѣ,
между тѣмъ, возможно вызвать дѣятельную общественную
и экономическую жизнь.

Признаться сказать, мы не совсѣмъ понимаемъ мысль
нашего ученаго. Если онъ хотѣлъ заявить, что и наши
окраины заслуживаютъ изслѣдованія, то онъ повторялъ
только истину, давно извѣстную. Если развернуть исторію
русской науки, то мы увидимъ, что съ первыхъ шаговъ ея,
съ основанія въ началѣ XVIII столѣтія Академіи наукъ въ
Петербургѣ, окраины наиболѣе привлекали наши ученые
силы. Еще въ прошломъ столѣтіи Сибирь была описана
довольно подробно (по сравненію, конечно, съ прочей Рос-
сіей) въ естественно-историческомъ и гидрографическомъ
отношеніи; въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно при князѣ
Воронцовѣ, Новороссійскій край и Кавказъ были предме-
томъ многихъ ученыхъ изслѣдованій. Позже вниманіе рус-
скихъ ученыхъ обратилось на Туркестанъ и Киргизскія
степи. Не мало сдѣлано у насъ въ разное время для опи-
санія крайняго Сѣвера и т. д.

Такимъ образомъ, нельзя сказать, чтобы объ ученыхъ
работахъ на окраинахъ въ Россіи не думали. Мы убѣждены
даже, что о нихъ думали болѣе, нежели это было возможно
при общей скудости нашихъ научныхъ силъ. Вообще въ
Россіи недостаетъ еще не столько отдѣльныхъ отрывочныхъ
изслѣдованій, сколько систематической и ученой ихъ раз-

работки. Пермская земская управа издала какъ-то указатель книгъ и статей о Пермской губерніи. Пермская губернія одна изъ нашихъ окраинъ, между тѣмъ оказывается что на русскомъ только объ языкѣ этой губерніи, правда почти равной Франціи, написано болѣе полутора тысячъ сочиненій. Но кому у насъ извѣстны эти труды? Кто ими пользуется? Русскіе труды лежатъ хламомъ. Когда же нужны какія нибудь обобщенія, мы прибѣгаемъ къ пособію иностранцевъ; даже если разсматривать вопросъ количественно, то, безъ всякаго сомнѣнія, наши внутреннія области и экономически и въ естественно-историческомъ отношеніи описаны гораздо менѣе, нежели окраины. Бѣглый сводъ того, что извѣстно о Россіи, былъ сдѣланъ въ весьма почтенныхъ, но, къ сожалѣнію, неоконченныхъ статистическихъ описаніяхъ разныхъ губерній Россіи офицерами генеральнаго штаба. Что же мы здѣсь видимъ? Чѣмъ центральнѣе губернія, тѣмъ свѣдѣнія о ней болѣе скудны, болѣе стары и болѣе отрывочны. Это фактъ.

Между тѣмъ, можно ли сказать, что задачи на окраинахъ важнѣе, чѣмъ задачи внутри Россіи. Мы укажемъ хоть на слѣдующій примѣръ. Положимъ, изслѣдованіе окраинъ откроетъ новый клочекъ земли, годный для колонизаціи. Это своего рода заслуга, хотя и не прямо практическая, такъ какъ у насъ уже извѣстны десятки милліоновъ десятинъ земли въ Западной Сибири, куда колонизація двигается медленно, ибо земли эти необмежеваны. Не большая ли была бы заслуга изучить и знать землю, которую мы уже пользуемся. Новороссійскій край, на примѣръ, содержащій болѣе 10-ти милліоновъ десятинъ отличной земли, только что колонизованъ, жители не думаютъ изъ него выбираться, а агрономы предрекаютъ этому краю самую грустную будущность. А отчего? Оттого, что въ этомъ краѣ ведется по невѣжеству самая грабительская культура земли.

Вотъ и задача для нашихъ ученыхъ. Въмѣсто того, чтобы вновь изслѣдовать Камчатку, пусть изучаютъ геологію Новороссійскаго края, его климатъ, почву, гидрографію и гидрологію, фауну и флору; изучаютъ вновь подробно, детально, задавая себѣ всѣ современные при этомъ во-

просы. Такое изслѣдованіе, конечно, полезно изслѣдованію окраинъ.

Само собою разумѣется, что ученые люди свободны и никому не можетъ быть положено препятствій, если кто пожелаетъ свои усилія употреблять хоть на Чукотскомъ носу, но съѣзды и правительственныя учрежденія, по нашему мнѣнію, должны скорѣе направлять работы внутрь Россіи, а не къ окраинамъ. Вотъ въ этой-то организаціи ученыхъ работъ у насъ полный недостатокъ. Есть, правда, общества естествоиспытателей при университетахъ, но они слишкомъ бѣдны и слабы. Затѣмъ Академія наукъ и ея учрежденія въ рукахъ пріѣзжихъ нѣмцевъ. Въ обширныхъ работахъ картографическихъ, гидрографическихъ, геологическихъ, военное, морское и горное вѣдомства преслѣдуютъ преимущественно свои ближайшія практическія цѣли и т. д. Необходимо стараться организовать нѣсколько новыхъ центральныхъ учреждений, такъ называемыхъ „институтовъ“, которые взяли бы въ свои руки ученые работы въ Россіи и направили бы ихъ систематическимъ и рациональнымъ образомъ. Одно изслѣдованіе вредныхъ насѣкомыхъ или вреднаго вліянія истребленія лѣсовъ дастъ работу въ Россіи десяткамъ ученыхъ, труды которыхъ не пойдутъ на пополненіе нѣмецкихъ мемуаровъ и въ концѣ концовъ на обертки, а прямо войдутъ живою струею въ русскую жизнь. Такое же обширное поле для работъ историческихъ, археологическихъ, юридическихъ.

У насъ, впрочемъ, съ вопросомъ о вредныхъ насѣкомыхъ произошла уже исторія мужика, который, дѣлая поклонъ, разбилъ себѣ лобъ. Наши энтомологи прославились самыми нелѣпыми подвигами на поприщѣ истребленія насѣкомыхъ и мы не сомнѣваемся, что въ лѣтописяхъ русскаго сельскаго хозяйства имя ихъ будетъ фигурировать на ряду съ самыми жестокими врагами этого хозяйства—въ родѣ гессенской мухи, филлоксеры и т. п. Извѣстна исторія, какъ по инициативѣ проф. Линдемана рязанское земство для борьбы съ гессенской мухой издало обязательное постановленіе о о срокахъ посѣвовъ. Мухи, дѣйствительно, было мало отъ поздняго посѣва, но хлѣба совсѣмъ неуродилось. Измѣнивъ

свои воззрѣнія по вопросу о борьбѣ съ мухой на болѣе здравыя, почтенный профессоръ остался попрежнему радикаломъ по отношенію къ другимъ бичамъ нашего сельскаго хозяйства и ежегодно является съ какимъ нибудь грандіознымъ проектомъ, въ расчетѣ, что разъ послѣдній подкрѣпляется ученымъ авторитетомъ, публика примѣтитъ его, а „интеллигенція“ даже поощритъ.

Увлечение модною новизною, а особенно если она выходитъ изъ Парижа, всегда было отличительнымъ свойствомъ нашей интеллигенціи. Свойство это остается неизмѣннымъ и проявилось въ комическомъ увлеченіи теоріей Пастера предохранительнаго леченія отъ бѣшенства. Почтенный французскій ученый давно былъ занятъ вопросами о вредоносномъ вліяніи низшихъ организмовъ, давно свою теорію, имѣющую много сторонниковъ и не мало противниковъ, онъ старался поставить на практическую почву, прилагая ее то къ леченію шелковичныхъ червей, то чумы рогатаго скота, то, наконецъ, собачьяго бѣшенства. Къ трудамъ этимъ заграницей относились съ уваженіемъ, но никто не считалъ ихъ открытіями, сомнѣваться въ коихъ уже невозможно, и не дѣлалъ изъ Пастера кумира.

Наоборотъ, устройство даже единственнаго института Пастера въ Парижѣ встрѣтило большую оппозицію не только со стороны разныхъ врачей, но и со стороны городского управления. Въ разъясненіе этой оппозиціи надобно замѣтить, что тутъ играли роль и личныя свойства Пастера, дурное воспоминаніе о времени, когда онъ стоялъ во главѣ парижской Нормальной школы, его политическое поведеніе, сребролюбіе и т. п. Какъ бы то ни было, но, не смотря на рекламу, единодушія и въ самой Франціи не было, а о другихъ странахъ и говорить нечего. Совсѣмъ иначе отнеслись у насъ.

Едва пришло извѣстіе объ открытіи Пастера, какъ не было земскаго врача, который, желая прокатиться въ Парижъ, не старался бы сыскать какого нибудь укушеннаго собакою, — а таковыхъ всегда сколько угодно въ каждомъ русскомъ городѣ, — чтобы поѣхать изучить приемы французскаго ученаго, а въ промежуткахъ прогуливаться

по кафе-шантанамъ Елисейскихъ полей. Когда земство стало туго на командировки, когда эти катанія на земскій счетъ затруднились, явилось стремленіе устраивать повсемѣстно пастеровскіе институты. Во Франціи съ трудомъ устроили, какъ мы сказали, одинъ, у насъ уже, не считая подарка Пастеру 100,000 франковъ изъ казенныхъ денегъ, заведено четыре или пять: въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Самарѣ, а стоило бы какому либо губернатору или городскому присутствію вычеркнуть расходъ на это изъ смѣты, чтобы въ видѣ протеста вся Россія покрылась пастеровскими лабораторіями и бактеріологическими станціями.

Газеты громили тѣ немногія земства, которые отказывали въ расходахъ на поѣздки на пастеровское богомолье. Газеты забывали, что еслибы пастеровскій способъ былъ непререкаемою истиною и всѣ врачи одинаково вѣрили въ его дѣйствительность, то и тогда никто не могъ бы у земскихъ дѣятелей отнять права обсуждать, какимъ наиболѣе экономнымъ образомъ слѣдуетъ пользоваться означеннымъ способомъ. Укушеніе собакою такое же несчастіе, какъ сильное увѣчье или заболѣваніе опасною заразною болѣзнью; земство, конечно, по мѣрѣ своихъ силъ, обязано содѣйствовать тому, чтобы въ его уѣздѣ была организована медицинская помощь, но оно не можетъ этою помощью распорядиться индивидуально, командируя одного больного въ Одессу, а другого, пожалуй, въ Парижъ, тогда какъ цѣлыя селенія и волости остаются у насъ безъ врачей, аптекъ и даже безъ фельдшеровъ и повивальныхъ бабокъ. Чувствительная гуманность должна быть присуща скорѣе отдѣльнымъ лицамъ, нежели учрежденіямъ. Послѣднія, увлекаясь отдѣльными случаями, быть можетъ очень грустными, совершаютъ несправедливость по отношенію къ тысячѣ другихъ случаевъ, не менѣе достойныхъ вниманія.

Мода пастеризмомъ продолжаетъ встрѣчать сильную реакцію и въ самомъ Парижѣ; это слѣдуетъ знать нашимъ земскимъ и другимъ Діафуорюсамъ. Мода хороша на турнюры и жилетки; въ медицинѣ, а особенно, когда она ведется на народныя деньги, требуется спокойное и разумное отношеніе къ предмету. Поэтому пусть наши врачи ва-

рять бульонъ изъ кроличьихъ мозговъ, пусть дѣлають они эксперименты, пусть внимательно слѣдятъ за тѣмъ, что творится заграницей—не торопясь кататься туда на чужой счетъ, но пусть повременять они повсемѣстнымъ заведеніемъ институтовъ и станцій на общественныя деньги, пока дѣло окончательно не выяснится. Если микробы зло, то и боязнь ихъ не меньшее зло и грустно проводить жизнь въ борьбѣ съ опасностью, которая видима только въ микроскопъ. Еще опаснѣе эксперименты, которые рискуютъ не уменьшить, а увеличить заразу, какъ это случилось съ чумными прививками г. Гамалѣя у г. Панкѣева на югѣ Россіи.

Наука наукъ рознь. Есть наука, какъ сумма открытій и познаній, обогатившихъ человѣческій разумъ,—такая наука всѣми и всегда почиталась, и есть наука, представляющая только средство спекуляціи для какого нибудь профессора нажить три милліона, или для академика нахватать чиновъ, звѣздъ и теплыхъ мѣстечекъ своимъ родственникамъ. Очень надобно различать эти два вида „науки“.

Затѣмъ, въ самомъ уваженіи къ наукѣ надобна извѣстная мѣра и разсудительность. Если же увлекаться и ломать копыя изъ-за каждаго научнаго сообщенія, то легко можно дойти до смѣшнаго. Это преклоненіе передъ наукой напоминаетъ разсказъ покойнаго Чижова, какъ во время его профессорства въ Кіевѣ пріѣзжалъ императоръ Николай и обратилъ вниманіе, что въ Лаврѣ народъ подходитъ безъ уваженія къ святынѣ. Приставъ ничего умнѣе не придумалъ, какъ поставить у мощей кварталнаго, который подходившихъ мужиковъ толкалъ по шеѣ, приговаривая: „съ уваженіемъ къ святынѣ“, „съ уваженіемъ къ святынѣ!“

Экономическая наука,—эта наука въ которой всѣ основныя положенія спорны, что еще недавно заставило спросить одного остроумнаго публициста: *L'economie politique est elle une science? est-elle une étude? est-elle une blague?*—также должна пользоваться нашимъ уваженіемъ, настолько лишь, чтобы не подчиняться ни педантическому доктринерству, ни малограмотной практичности.

Каждое государство живетъ своею самостоятельною эконо-

номическою жизнью, и опытъ привелъ къ заключенію, что попытка установить общіе законы, регулирующіе повсемѣстно экономическія явленія, далеко не можетъ считаться удавшеюся. Профессора политической экономіи сообщаютъ, однако, какъ истины, положенія весьма спорныя и увлеченіе этими якобы истинами представляетъ другой примѣръ весьма опаснаго увлеченія наукою.

Какъ люди и книги, такъ и науки, имѣютъ свою судьбу. Сколько людей сожгли и замучили изъ-за невинной, повидимому, астрономіи? Долгое время участь Сандрильоны между науками доставалась политической экономіи. Кто только не издѣвался надъ этою бѣдною наукою или искусствомъ (какъ извѣстно, даже это различіе до сихъ поръ составляетъ предметъ спора). Богословы преслѣдовали ее во имя нравственности, философы видѣли въ ней оплотъ матеріализма, администраторы, и величайшій изъ нихъ Наполеонъ I, — идеологію, т. е. вредное фразерство, социалисты — врага народныхъ интересовъ, капиталисты-фабриканты — врага ихъ интересовъ, и т. д., и т. д. Всякій чтонибудь оуждалъ и чѣмъ либо оставался недовольнымъ. Но эти ожесточенные нападки смѣнились реакціею: такъ называемые экономисты стали оракулами, съ высоты презрѣнія смотрѣли они на всѣ порицанія и въ своемъ самоиѣннѣи дошли до смѣшного фанатизма и, дѣйствительно, вообразили, что Адамъ Смитъ — Аллахъ, Жанъ Баптистъ Сэй — Магометъ его, а принципы англійской экономической школы — родъ новаго Корана, сомнѣваться въ достоинствѣ котораго не только глупо, но даже преступно. Кто сомнѣвается, тотъ „отравитель“, съ комическою важною пародировалъ Бастіа извѣстное изрѣченіе Франклина.

Высокомѣрію экономистовъ, какъ и всему на свѣтѣ, насталь, однако, предѣлъ, и послѣдній положенъ весьма естественнымъ путемъ, т. е. сомнѣніемъ извѣстной части самихъ же экономистовъ въ безусловной вѣрности того, чему они вѣрили и особенно учили вѣрить другихъ. Теперь уже эта сомнѣвающаяся часть составляетъ едва ли не большинство, разумѣя, конечно, не большинство численное, а большинство выдающихся экономическихъ писателей.

Какъ измѣнились взгляды, лучше всего доказываютъ сочиненія многихъ профессоровъ. Онѣ на самый принципъ *laissez faire* нападаютъ съ силою, которая далека отъ осторожныхъ оговорокъ Джона Стюарта Миля; они не только отрицаютъ научное значеніе политической экономіи, но возстаютъ противъ злоупотребленія отвлеченнымъ методомъ, опровергаютъ положеніе Рикардо, что въ глазахъ экономиста земной шаръ есть одна мастерская, одинъ рынокъ, порицаютъ мнѣніе, что личная выгода служитъ единственнымъ побужденіемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій и т. д. Въ заключеніе онѣ рисуютъ мрачную картину такого общества, гдѣ бы экономическое *laissez faire* было допущено безъ границъ и изъятій съ полною свободою проявленія индивидуальных стремленій. Подобный порядокъ вещей привелъ бы, по мнѣнію ихъ, къ отрицанію государства, къ отсутствію всякихъ другихъ началъ, кромѣ грубаго эгоизма, и возвратилъ бы человѣчество въ дикое состояніе.

Такой взглядъ, какъ мы сказали, не единичное явленіе; онъ имѣетъ многихъ сторонниковъ во Франціи, Бельгій и Англіи, а въ Германіи и Италіи образовалъ даже особыя экономическія школы: *Catheder-Socialisten* и такъ называемую „новую школу“ Луццати и др. Расколъ въ политической экономіи имѣетъ большое практическое значеніе, потому что разность въ принципахъ отразилась скоро и весьма чувствительно на многихъ проявленіяхъ государственной дѣятельности: на акціонерномъ, желѣзнодорожномъ и банковомъ законодательствѣ, налогахъ, таможенномъ тарифѣ, кругѣ дѣйствій мѣстнаго самоуправленія и т. д. Во всѣхъ этихъ вопросахъ весьма важно опредѣленіе границъ вмѣшательства государства въ частные интересы, а изъ-за этихъ-то границъ собственно и идетъ теперь споръ между экономистами, потому что, очевидно, новыя школы желаютъ расширить вліяніе и значеніе государства, совершенно отрицавшіяся экономистами англійской школы.

Любопытно было бы провѣрить, какую политическую экономію преподаютъ теперь въ русскихъ университетахъ. У насъ значительная часть каедръ занята еще повидимому безусловными поклонниками манчестерской школы, скромно

пережевывающими идейки 40-хъ годовъ, когда въ экономической литературѣ школа эта стала уже чѣмъ-то въ родѣ мертвой схоластики. Эти гг. Вредены, Исаевы, Антоновичи представляютъ остатки несуществующей уже науки. Да и по другимъ отраслямъ знаній отсталость нашихъ патентованныхъ ученыхъ несомнѣнна.

Наука сдѣлала много успѣховъ отчасти по организациі нашихъ университетовъ, только недавно измѣненной. Стараясь заручиться голосами для будущихъ переизбраній, профессора проводили на преподавательскія кафедры разныхъ бездарностей; при такой системѣ персоналъ активныхъ научныхъ силъ пополнялся людьми ничтожными, отъ которыхъ для русской науки трудно было ждать какой либо пользы.

По части экономической науки замѣтимъ кстати, что въ то время, когда профессора остались на мѣстѣ, въ администраціи въ послѣднее время, послѣ двадцатилѣтняго торжества фритредерства, какъ реакція, возобладалъ протекціонизмъ въ формѣ еще болѣе дикой, чѣмъ нелѣпое фритредерничанье 60-хъ годовъ. Тѣ самыя лица, которыя въ тарифныхъ комиссіяхъ недавно еще стояли за всяческое пониженіе пошлинъ, теперь, горя желаніемъ отличиться, сочиняютъ невозможныя прибавки къ таможеннымъ тягостямъ. „Московскія Вѣдомости“ благословляютъ эти предположенія и рекомендуютъ читать Фридриха Листа! Московская газета упустила изъ виду, что этотъ писатель, совершенно теперь устарѣвшій, былъ долгое время кумиромъ нашихъ официальныхъ дѣятелей, пока его не смѣнило поклоненіе Бастіа и Мишелю Шевалье.

Для такихъ-то господъ, для которыхъ Фридрихъ Листъ новинка, собственно говоря никакой науки не требуется, для нихъ не можетъ быть ничего лучше такого положенія, какъ если не будетъ и твердаго тарифнаго закона, а провозъ даже воза сѣна надобно будетъ дѣлать „по благоусмотрѣнію подлежащихъ вѣдомствъ“ и по „надлежащему съ кѣмъ слѣдуетъ сношенію“, съ соответствующимъ собраніемъ разныхъ „заключеній“...

Если русская наука еще очень незрѣла, то искусство, можно сказать, и совсѣмъ пока находится въ дѣтскомъ періодѣ. И здѣсь не только безъ иностраннаго жить нельзя, но иностранцы считаютъ русскую почву *tabula rasa*. Въ Москвѣ съ большимъ торжествомъ открытъ, напримѣръ, монументъ. Кому бы вы думали? Ивану III, Алексѣю Михайловичу, патріарху Гермогену, Волынскому? Нѣтъ, люди эти еще не скоро дождутся памятниковъ. На послѣдніе русскіе скупы, а если и сооружаютъ ихъ, то въ видѣ кондитерскихъ издѣлій Микѣшина или безжизненныхъ автоматовъ Опекушина. Ранѣе ихъ открытъ въ Москвѣ монументъ императору Вильгельму I. Положимъ, онъ сооруженъ по частной инициативѣ, но фактъ самъ по себѣ характеристиченъ, хотя и менѣе, конечно, чѣмъ сооруженіе въ Россіи шведскими патріотами памятника въ честь пораженія русскихъ войскъ подъ Сикайюками, причемъ русскія войска отдавали честь этому курьезному сооруженію.

Мы, впрочемъ, не имѣемъ ничего противъ сооруженія московскими нѣмцами монумента ихъ императору. Нѣмецкая колонія въ Москвѣ существуетъ триста лѣтъ, она принесла Россіи гораздо болѣе пользы, чѣмъ вреда, и какъ въ моментъ, когда въ Германіи, вслѣдствіе руководства принципомъ: *cujus regio ejus religio*, вѣротерпимость не допускалась, въ Москвѣ нѣмецкой киркѣ разрѣшалось стоять рядомъ съ русскою церковью, такъ и теперь мы не видимъ бѣды отъ того, чтобы рядомъ съ Мининымъ и Пожарскимъ фигурировалъ герой Седана и Садовой.

Намъ даже пріятно видѣть въ Москвѣ бронзовое изображеніе императора Вильгельма, хотя бы въ полной кираирской формѣ, чѣмъ какого либо другого нѣмца, потому что въ нашихъ воспоминаніяхъ онъ остается представителемъ дружбы и уваженія Германіи къ Россіи. Правда, въ 1879 году князь Бисмаркъ склонилъ рыцаря-императора совершить нѣкоторымъ образомъ предательство по отношенію къ Россіи и заключить тайный договоръ съ нашими злѣйшими врагами, но не надобно забывать, что Вильгельму было тогда далеко за восемьдесятъ лѣтъ и что это проявленіе старческой слабости покойный императоръ иску-

пишутъ прекрасными словами, сказанными о Россіи на смертномъ одрѣ, когда, собираясь предстать предъ судомъ Всевышняго, онъ не нуждался уже въ сотрудничествѣ Бисмарка.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не признавать въ московскомъ монументѣ рѣдкаго и исключительнаго явленія. Что бы заговорили нѣмцы и нѣмецкія газеты, еслибы русскіе вздумали ставить монументы въ Берлинѣ Скобелеву. Да и кому въ голову придетъ ставить тамъ русскіе монументы, даже Петру Великому.

Не одни нѣмцы смотрятъ такъ на монументы. Наполеонъ III создалъ нынѣшнюю Италію, онъ пожертвовалъ для этого священнѣйшими интересами Франціи, а когда нѣсколько благодарныхъ итальянцевъ собрали деньги, чтобы поставить ему памятникъ въ Миланѣ, то народъ не допустилъ этого, хотя Бонапарты несомнѣнно еще итальянскаго происхожденія, и даже великій Наполеонъ родился не французскимъ подданнымъ, а генуэзскимъ. Въ Парижѣ на счетъ одного англичанина поставленъ скромный монументъ Шекспиру на пересѣченіи бульвара Haussman и avenue de Messine, и что-жъ, хотя Шекспиръ всемірный гений, французскія газеты не перестаютъ протестовать, ссылаясь главнымъ образомъ на то, что никогда англичане не поставятъ въ Лондонѣ памятника Мольеру.

Да что монументы! Въ Вѣнѣ мы до сихъ поръ не добились того, чтобы русская церковь стояла открыто на площади, а не пряталась въ какомъ-то переулкѣ между магазинами и пивными. И въ Парижѣ русскую церковь разрѣшили послѣ длинныхъ разговоровъ поставить въ переулкѣ, въ которомъ не было ничего, кромѣ конюшенъ, и который въ моментъ постройки былъ на краю города. У насъ на этотъ счетъ иначе. Но вѣдь извѣстно, что русскіе „дикари“ и что все иностранное—по словамъ нѣмцевъ—у насъ „угнетается“.

Если русская скульптура, исключивъ изъ нея претенціозныя произведенія г. Антокольскаго, возвеличенныхъ еврейской рекламою, успѣховъ почти не сдѣлала, то русская живопись, особенно съ прибавленіемъ польскихъ художни-

ковъ, не осталась безъ нѣкотораго движенія впередъ *). На этой живописи отразились во многомъ тѣ же вѣянiя, которыя замѣчались въ нашей политической жизни.

Первоначально явился протестъ противъ академическихъ отличiй и школы, выразившiйся въ устройствѣ такъ называемыхъ передвижныхъ выставокъ; одинъ тенденцiозный жанръ считался искусствомъ, все остальное обзывалось „академической мазней“. Это направление нашло своего теоретика въ лицѣ г. Стасова, одного изъ „Вавилъ“ нашей критики, провозгласившаго, что Брюловы, Ивановы—жалкое ничтожество, что новые люди открыли новое художество и что величайшiе гении, сказавшiе послѣднее слово: Рѣпинъ—въ живописи, Гартманъ—въ архитектурѣ, Антокольскiй—въ скульптурѣ и Мусоргскiй—въ музыкѣ!

На эти бредни князь Вяземскiй сорокъ лѣтъ какъ уже отвѣчалъ, замѣтивъ по поводу увлеченiя всѣмъ новымъ, что только у необразованныхъ дикихъ нѣтъ прошедшаго. „Для нихъ вѣкъ мой, день мой“. „Ниспровергая, ломая все прошедшее на свозъ, какъ у насъ отжившее и ненужное, вы сами, прибавляетъ остроумный князь, не догадываясь о томъ, обращаетесь къ первобытной дикости. Разумѣется, время идетъ, разумѣется, просвѣщенiе пробирается нетерпѣливо впередъ и впередъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что необходимо каждыя десять лѣтъ выбрасывать все старое и до-чиста заводитьcя новыми понятiями, новымъ языкомъ, новыми ветхими людьми“. Къ этому прибавлять нечего. Въ послѣднее время въ художествѣ замѣчалось меркантильное направленiе. Продажа по дорогой цѣнѣ картинъ Маковского въ Америку, денежные успѣхи выставокъ картинъ Клевера, Куинджи, Сухаровскаго соблазнили нашихъ художниковъ. Послѣ того, что русскiя картины не имѣли никакого сбыта, за нихъ стали платить высокiя цѣны и не обошлось, конечно, тутъ безъ преувеличенiя.

Въ этомъ случаѣ поучительна исторiя, какъ французское правительство на аукционѣ у замотавшагося спе-

*) Русская архитектура въ смыслѣ изящнаго искусства и школы почти не существуетъ. Она погибла въ XVIII столѣтiи и теперь только начинаетъ воскресать въ самыхъ слабыхъ зачаткахъ.

кулянта Секретана едва не купило небольшую картину Миллэ за 580,000 франковъ. Эта щедрая затрата казенныхъ денегъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ и въ нѣкоторой части печати привѣтствовалась, какъ великая побѣда французовъ надъ американцами. Франціи удалось-де „спасти картину Миллэ изъ рукъ хищныхъ иностранцевъ“ — кричали хроникеры.

Въ моментъ, когда Франція пригласила всѣ народы къ братскому единенію на всемірной выставкѣ, странно, однако, было видѣть ужасъ при мысли, что иностранные „братья“ купятъ и будутъ наслаждаться произведеніемъ французскаго художника. Въ прежнее время всѣ бы радовались, что французскіе художники приобрѣтаютъ всемірный рынокъ. Франція и была тогда всемогуща, когда Вольтеръ забавлялъ прусскаго короля, Дидро бесѣдовалъ съ русскою императрицею, а Тараваль и Жакъ Фуке расписывали дворецъ шведскаго короля. Но буквально принимать къ сердцу слова французскихъ критиковъ не слѣдуетъ. Въ ихъ восторгахъ сразу замѣчалась фальшивая нота, какъ равно и въ тѣхъ плачахъ, что произведенія Миллэ стоятъ милліоны, а онъ умеръ нищимъ и ничѣмъ не обезпечилъ семейства. На повѣрку оказалось, что семейство состоитъ изъ людей богатыхъ, а однихъ вещей Миллэ оставилъ послѣ смерти на полмилліона, что едва ли можетъ быть названо *misère noire*.

Къ чему же было все это вранье и всѣ эти патріотическіе восторги? Они служили цѣлямъ спекуляціи и наживы. Художество, къ сожалѣнію, стало въ послѣднее время такимъ же, буквально, предметомъ игры, какъ процентныя бумаги на биржѣ или кровныя лошади на скачкахъ. Цѣлые синдикаты ловкихъ аферистовъ устраиваютъ склады картинъ якобы въ частныхъ домахъ, заводятъ спеціальныя газеты, нанимаютъ критиковъ à la Альберъ Вольфъ, устраиваютъ выставки и аукціоны, все это съ цѣлью надуть и обобрать публику и въ особенности иностранцевъ. Для лучшей игры выбирается обыкновенно какой либо живописецъ или скульпторъ, конечно умершій или переставшій писать, и начинается вздуваніе достоин-

ства его картинъ, игра à la hausse. Въ два послѣдніе года были въ Парижѣ такими изъ новыхъ—Миллэ, изъ старыхъ—Фрагонаръ; ранѣе того спекуляція шла на Рембрантѣ, Клодіонѣ, Коро, Мессонье и др.

Съ подобными же цѣлями и приѣмами была устроена и продажа коллекцій обанкротившагося Секретана. Подъ шумокъ колоссальной надбавки на картину Миллэ спекуляціи удалось спустить по необыкновенно высокимъ цѣнамъ массу разныхъ картинъ и рисунковъ. Небольшія акварели, не имѣющія серьезнаго достоинства, но подписанныя знаменитыми именами, пошли за десять и болѣе тысячъ франковъ штука! Что спекуляція „обработала“ иностранцевъ—дѣло понятное; невѣроятно, какъ могло попасться на удочку французское правительство, имѣющее цѣлый департаментъ изящныхъ искусствъ, наполненный, впрочемъ, паразитами французскихъ политическихъ интригановъ. По всей вѣроятности, чиновники этого департамента были въ стачкѣ съ спекулянтами.

Дѣло подобнаго департамента умѣло отыскивать и поддерживать художниковъ, когда репутація ихъ еще окончательно не установилась. Давая тогда щедрыя, но разумныя цѣны, государство легко накопитъ въ своихъ музеяхъ произведенія, которыя съ годами приобрѣтутъ огромную стоимость, но торговаться на аукціонахъ съ американскими жидами и давать по полумилліону за картинку, прикрывая такимъ образомъ и даже поощряя игру на имена извѣстныхъ художниковъ,—для правительства вещь совершенно неприличная.

Это слѣдуетъ имѣть въ виду вслѣдствіе того, что примѣръ Франціи покажется, можетъ, быть очень поучительнымъ, что иные и повѣрятъ, что Альберъ Вольфъ, кельнскій еврей, дѣйствительно плакалъ при патріотической мысли, что Франція сохранила у себя „Angelus“—Миллэ и начнутъ и другія правительства подбивать тратить сотни тысячъ рублей на покупки на аукціонахъ съ цѣлью утереть носъ иностранцамъ.

Не во гнѣвъ будь сказано гг. художникамъ, 580,000 франковъ—плата за картину совершенно невозможная.

Конечно, художественное произведеніе не оцѣнивается по размѣрамъ и количеству труда, но нельзя и для художественныхъ произведеній не прилагать въ извѣстной степени мѣры полезности. Частный человѣкъ, покупая такую дорогую картину, долженъ быть очень богатъ и имѣть не мало другихъ картинъ. Да одна картина и прискучаетъ. Много, много, если онъ въ жизни взглянетъ на нее потомъ сотню разъ. Это обойдется всего по двѣ тысячи рублей за взглядъ. Въ казенныхъ музеяхъ еще того хуже. Извѣстно, какая публика посѣщаетъ эти музеи, чаще же всего они вовсе не посѣщаются. И вотъ для населенія, у котораго неудовлетворены насущнѣйшія потребности (такъ, даже въ Парижѣ до сихъ поръ нѣтъ чистой воды), предлагалось удовольствіе, доступное лишь десятку тонкихъ цѣнителей, ибо можно держать какое угодно пари, что не найдется и въ столицахъ ста людей, которые способны оцѣнить меланхолическую поэзію картинъ Миллэ.

На парижской всемірной выставкѣ, въ верхней галлерей, были собраны почти всѣ *chef d'oeuvres* французской школы за послѣднія сто лѣтъ. Картинъ тутъ было на миллиарды рублей, былъ купленный за 65,000, но цѣнимый уже спекуляторами свыше 500,000 франковъ, „Наполеонъ въ 1814 году“ Мессонье — картина, которую владѣлецъ ея, Делангантъ, кстати сказать, держитъ въ маленькой столовой, рядомъ съ грошевыми литографіями. Казалось бы, что такой „художественный рай“ долженъ былъ привлекать самую обширную и избранную публику. Художники должны бы жить по цѣлымъ днямъ въ такой атмосферѣ. Нисколько. Это былъ одинъ изъ наименѣе посѣщаемыхъ отдѣловъ всемірной выставки и пребываніе *chef d'oeuvres'овъ* выразилось только тѣмъ, что они сильно запылились въ открытой галлерей и ихъ пришлось покрывать вновь лакомъ.

Если даже принять, что картинки въ родѣ „Angelus“ — Миллэ стоятъ по полумилліону, а пропорціонально произведенія Рубensoвъ, Тиціановъ, Рембрандтовъ, Веласкесовъ и другихъ колоссовъ искусства должны стоять десятки милліоновъ (на теперешней художественной биржѣ они идутъ

дешевле модныхъ живописцевъ), то почему такая честь только картинамъ и живописцамъ?

Разъ государство въ общемъ интересѣ обязано тратить миллионы съ художественными цѣлями, то оно не должно отдавать предпочтенія однѣмъ картинамъ. По той же логикѣ должно купить у Зола или графа Толстого за миллионъ право изданія его сочиненій, чтобы сдѣлать ихъ даровымъ достояніемъ всей публики. Съ такимъ же правомъ могутъ желать получить сотни тысячъ и миллионы владѣльцы и наслѣдники музыкальныхъ произведеній Гуно, Глинки, Даргомыжскаго, Вагнера. Поэты и писатели даже пропорціонально должны быть гораздо сильнѣе вознаграждаемы казною, потому что вліяніе ихъ на улучшеніе изящнаго вкуса, конечно, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ живописцами, всегда доступными только ничтожной части населенія въ нѣкоторыхъ притомъ городахъ.

Впрочемъ, надобно сказать, что претензіи писателей по части вознагражденія не уступаютъ теперь во многомъ претензіямъ живописцевъ. Вопросъ о гонорарѣ въ литературной собственности, какъ извѣстно, новый. Въ прошломъ столѣтіи Ж. Ж. Руссо писалъ, что каждый человѣкъ, желающій стать литераторомъ, обязанъ дать три обѣта: бѣдности, свободы и правды. А Вольтеръ еще категоричнѣе заявлялъ, что „если есть писатель, который станетъ утверждать, что его ремесло не самое жалкое, самое опасное и самое скверное изъ всѣхъ ремеслъ, то онъ, Вольтеръ, очень бы желалъ видѣть подобнаго чудака!“

Хотя нѣтъ спора, что положеніе писателей со временъ Вольтера и Руссо улучшилось, но г. Лорье въ „Nouvelle Revue“, г. Нума Дрозъ въ „Revue Suisse“ и г. Руксель въ „Journal des Economistes“ одинаково доказываютъ, что никогда, быть можетъ, писатели не были такъ близки къ бѣдности и отдалены отъ свободы и правды, какъ въ настоящее время. Они приводятъ въ доказательство различные факты.

Стиховъ во Франціи не издаетъ ни одинъ книгопродавецъ; кромѣ рѣдчайшихъ исключеній, всякое поэтическое произведеніе печатается на счетъ его автора. Равнымъ

образомъ и философскія книги. Безъ казеннаго жалованья всѣ философы давно бы умерли съ голоду. Романъ давалъ бы хорошіе заработки, такъ какъ романы читаютъ и покупаютъ, а для большинства женщинъ все образованіе сводится къ чтенію романовъ, но здѣсь барыши нѣкоторыхъ авторовъ и губятъ заработки остальныхъ, ибо привлекаютъ къ роману такую массу труженниковъ, которая ужасно понижаетъ цѣну вознагражденія. Не лучше дѣла на театральномъ поприщѣ. Сочинить пьесу легко, заставить ее сыграть—вотъ въ чемъ затрудненіе. Кромѣ нѣсколькихъ знаменитостей, драматическіе авторы платятъ директорамъ театровъ за свои пьесы, а не, обратно, получаютъ гонораръ. Да и заплативши нельзя, при всемъ талантѣ, быть увѣреннымъ въ успѣхѣ, такъ какъ надобно еще заручиться содѣйствіемъ прессы, которое тоже даромъ не обходится. Въ Германіи положеніе писателей еще хуже.

Журналистика также далеко не Эльдorado для писателей. „Хотя пресса, говоритъ Лорье, кормитъ много людей, которые были бы гораздо полезнѣе, работая на фабрикахъ или паши землю, хотя ежегодно прибавляются сотни періодическихъ изданій и трудъ въ журналахъ раздробленъ до безконечности, но всѣ мѣста въ редакціяхъ заняты и переполнены. Дѣятелей періодической печати болѣе, чѣмъ потребно для публики, но недостаточно для удовлетворенія всѣхъ желающихъ, потому что бумагоманіе (scribomanie)—болѣзнь вѣка“.

Чтобы помочь бѣдственному положенію литераторовъ, придумана литературная собственность, т. е. право, охраняемое государствомъ, получать съ издателей, директоровъ театровъ и проч. извѣстное авторское вознагражденіе. Это право, разумное и законное само по себѣ, обратилось, однако, во вредъ литераторамъ, потому что привлекло къ литературной дѣятельности, и безъ того переполненной, множество новыхъ труженниковъ, почему не издатели стали платить авторамъ, а получать съ нихъ деньги; театры также попали въ руки двухъ-трехъ поставщиковъ, которые приносятъ вредъ и нравственный, и эстетическій. Драматическое искусство въ ихъ рукахъ обращается въ выставку

блестящихъ костюмовъ, красивыхъ декорацій и ученыхъ животныхъ. Вся задача современнаго драматурга сводится къ увеличенію сбора и соотвѣтственно своего авторскаго вознагражденія.

Остальные писатели и композиторы, видя для себя двери запертыми на главныхъ сценахъ, стараются взять подать съ кафе-шантановъ, публичныхъ баловъ и т. д. Для эксплуатаціи авторскихъ правъ подобной категоріи учредилось въ Парижѣ даже цѣлое общество. Оно готово обложить сборомъ за авторскія права шарманки, нищихъ, которые поютъ на улицахъ, и дѣвицъ, разучивающихъ на фортепіано разныя пьесы. По крайней мѣрѣ, по настоянію означеннаго общества, нѣкоторые префекты заставляютъ уже во Франціи общества любителей платить авторское вознагражденіе даже за репетиціи спектаклей.

Вотъ къ чему приводитъ литературная собственность въ томъ видѣ, какъ ее установили юристы, а между тѣмъ писатели, особенно французскіе скабрёзные журналисты, добиваются еще, чтобы сдѣлать защиту подобныхъ „правъ“ по возможности дѣломъ международнымъ, и такъ съ этимъ дѣломъ надоѣли, что даже наше правительство обратило вниманіе на справедливыя жалобы, вызванныя примѣненіемъ конвенціи, заключенной съ Франціей 6-го апрѣля 1861 года о литературной собственности, и сдѣлало надлежащее заявленіе о прекращеніи этого договора. Г. Мишле (не знаменитый историкъ, а петербургскій адвокатъ) своими неумѣстными придирками и исками былъ главнымъ поводомъ къ такому благоразумному рѣшенію.

Органъ князя Мещерскаго возбудилъ вопросъ, почему при существованіи въ Россіи болѣе двадцати пяти лѣтъ двухъ консерваторій, получающихъ щедрыя казенныя субсидіи, до сихъ поръ ни въ одномъ полку нѣтъ русскаго капельмейстера и поневолѣ приходится выписывать нѣмцевъ и евреевъ, австрійскихъ и прусскихъ подданныхъ, что, при широко организованной, съ легкой руки прусскаго главнаго штаба, системѣ военнаго шпионства, представляетъ

не только неудобство, но даже опасность въ политическомъ отношеніи.

Оставляя вопросъ съ военной точки зрѣнія, нельзя не обратить вниманія на довольно вѣрно указанную „Гражданиномъ“ совершенную ничтожность результатовъ въ музыкальномъ отношеніи отъ существованія у насъ столичныхъ консерваторій, къ которымъ надобно прибавить еще музыкальныя училища въ разныхъ городахъ, не считая частныхъ музыкальныхъ курсовъ и классовъ высшихъ, низшихъ и среднихъ, которые стали плодиться въ послѣднее время на всѣхъ улицахъ столицъ точь-въ-точь, какъ недавно плодились греческія кухмистерскія или портерныя на правахъ трактира.

Любопытно, что къ такому же сознанію приходятъ во Франціи, откуда и скопированы наши консерваторіи. Извѣстный критикъ Вайсъ (J. J. Weiss) въ своей книгѣ: „Le Théâtre et les mœurs“ жалуется на упадокъ парижской консерваторіи и приписываетъ его тому обстоятельству, что ею стали руководить музыканты. По словамъ Вайса, консерваторія должна находиться въ рукахъ опытнаго педагога. Лучшая пора парижской консерваторіи была въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда директоромъ былъ Сарретъ, человекъ военный, и задачей консерваторіи было подготовленіе капельмейстеровъ для національной гвардіи. Особенно Оберъ уронилъ парижскую консерваторію потому, что стремленіе его было не къ тому, чтобы заставить учениковъ сочинить новую „Mette de Portici“, а чтобы цѣловать ручки хорошенькимъ ученицамъ. Подобныя явленія мы, къ сожалѣнію, видѣли и въ нашихъ консерваторіяхъ.

Консерваторіи есть спеціальныя заведенія. Задача ихъ — готовить музыкальных ремесленниковъ — артистовъ, пѣвцовъ и музыкантовъ-исполнителей. Косвенно этимъ путемъ подымается уровень музыкальнаго образованія. У насъ поступали и поступаютъ иначе: даютъ въ консерваторіяхъ тысячамъ молодыхъ людей поверхностное музыкальное образованіе въ надеждѣ, что изъ этой массы дилетантовъ выйдетъ нѣсколько музыкальныхъ геніевъ. Это своего рода

приложеніе системы всеобщаго обученія, вредъ которой сказывается и въ другихъ отрасляхъ педагогій.

Музыкантовъ стали создавать не страсть и призваніе, а стипендіи и права. Это вовсе не секретъ и не одинъ консерваторіи въ этомъ повинны. Правительство обратило уже вниманіе на подобныя злоупотребленія и сократило нѣкоторыя льготы. Наши консерваторіи шире заграничныхъ консерваторій, но, главнымъ образомъ, по даваемымъ ученикамъ правамъ. При нѣкоторыхъ условіяхъ у насъ можно получить въ консерваторіи университетскія права. Мы никогда не поймемъ, чтобы игра на контрбасѣ или волторнѣ требовала такихъ политическихъ привилегій и отличала бы музыканта отъ купца, фабриканта или ремесленника. Моцартъ и Бетховенъ были геніями, оставаясь въ числѣ прислуги зальцбургскаго и трирскаго архіепископовъ. Эти-то льготы и дѣлають бѣлоручекъ, отчего наша „избалованная“ консерваторская молодежь неохотно идетъ въ провинцію даже на казенныя мѣста.

Между тѣмъ распространеніе поверхностнаго музыкальнаго образованія талантовъ не плодитъ и не развиваетъ—буде таковыя случаи отыскиваются—а ведетъ только къ одной цѣли: къ увеличенію въ Россіи числа нервныхъ людей психопатическаго темперамента. Фортепіано имѣетъ для здоровья женщинъ средняго и высшаго круга опасность не меньшую, чѣмъ разные заразные микробы. По мнѣнію профессора Крафтъ Эбинга, извѣстнаго спеціалиста по нервнымъ болѣзнямъ, *сильное напряженіе слуховыхъ нервовъ* влечетъ за собой нервность и нервныя болѣзни, особенно отъ любви современной публики къ рѣзкой и шумной оркестровкѣ. „Всякому извѣстно, говоритъ онъ, что прежняя классическая опера и новѣйшая, въ особенности Вагнера, производятъ совершенно различныя впечатлѣнія. Последняя далеко не такъ благопріятно дѣйствуетъ на нервы, но современная нервная публика не удовлетворяется скромной музыкой, а требуетъ шумной и возбуждающей. Поэтому между музыкантами новѣйшаго времени мы и встрѣчаемъ такъ много нервныхъ больныхъ...“ Многочисленныя музыкальныя школы отвлекають молодежь отъ полезнаго физи-

ческаго труда, направляя ее къ нищенству подъ видомъ артистической карьеры. Надобно различать цѣль и средства; число музыкальныхъ школъ не показываетъ процвѣтанія музыки. Можно устроить 10 технологическихъ институтовъ, но это не значитъ, что промышленность въ Россіи развилась. Да и что за исключеніе для музыки? Почему не устраиваютъ у насъ десятки школъ для живописи, скульптуры, архитектуры, которыя въ жизни не менѣе важны, чѣмъ музыка?

Кромѣ поощренія брянчанія на фортепіано съ цѣлью для мужчинъ отлынивать отъ воинской повинности, а для дѣвицъ гулять съ папкой съ надписью: „Musique“, консерваторіи сдѣлались еще средствомъ для распложенія въ столицахъ жидовъ. Еще недавно въ наши учебныя заведенія принимали воспитанниковъ, не справляясь, имѣютъ ли ихъ родители право жить въ столицахъ. Мало того, случалось, что при консерваторкахъ прописывались „папеньки“ и открывали гласныя кассы ссудъ. У насъ, впрочемъ, нѣтъ мысли препятствовать евреямъ заниматься музыкою и получать высшее музыкальное образованіе. Напротивъ, это нужно поощрять въ виду несомнѣнной способности евреевъ къ музыкѣ. Мы жаловались только на поблажки, благодаря которымъ, при помощи консерваторій, обходился благодѣтельный законъ объ осѣдлости. По нашему мнѣнію, очень полезно устроить хорошую музыкальную школу въ Западномъ краѣ или на югѣ, гдѣ евреевъ много.

Наплывъ „способнаго племени“ не можетъ, однако, придать нашей русской музыкѣ „національнаго“ характера, утраченнаго ею вслѣдствіе моды. А насчетъ возстановленія этого характера, безъ котораго русская музыка лишена будущаго и не займетъ почетнаго мѣста въ исторіи искусства, консерваторіи наши ровно ничего не сдѣлали. Въ старые годы, когда не было консерваторій въ Россіи, были, дѣйствительно, русскіе композиторы, а романсы послѣднихъ дѣлались народными пѣснями. Съ тѣхъ поръ, какъ къ русской музыкѣ приложены таблицы логарифмовъ, конечно, ни одно произведеніе русскихъ композиторовъ не станетъ популярнымъ. Замѣчательно, что и нѣмцы не при-

знають за законныхъ этихъ дѣтищъ ихъ новѣйшей музыки. О другихъ иностранцахъ и говорить нечего.

Концерты такъ называемой русской музыки въ Парижѣ на всемірной выставкѣ подѣ руководствомъ г. Римскаго-Корсакова, одного изъ столповъ нашей консерваторіи, возбуждали общее изумленіе между французами. Малочисленная публика видимо скучала, а музыкальные критики, со свойственною французамъ галантерейностью, писали, что хотя „это очень хорошо, но, къ сожалѣнію, вѣроятно не изъ лучшихъ произведеній новыхъ русскихъ композиторовъ“. Такъ, гг. Глазуновъ, Кюи, Бородинъ, Мусоргскій и остались не оцѣненными.

На упрекъ, что наша новая музыка, подѣ вліяніемъ дурно понятаго Шумана, утратила національный характеръ, г. Рубинштейнъ отвѣчалъ намъ, что національнаго исполненія нѣтъ и что не дѣло консерваторій заботиться о національности въ сочиненіи. Можно ли согласиться съ этимъ? Национальность есть и въ исполненіи; полякъ дирижируетъ тотъ же танецъ не такъ, какъ англичанинъ, итальянецъ поетъ не такъ, какъ нѣмецъ ту же арію. Объ этомъ спорить нельзя. Затѣмъ, будь консерваторіи—чисто ремесленные школы, можно бы утверждать, что ихъ задача выучить правиламъ, грамматикѣ и дѣлу конецъ; но наши консерваторіи имѣютъ другія цѣли: онѣ развиваютъ вкусъ артиста, образуютъ его; такъ можетъ ли быть рѣчь, чтобы при этомъ упускалась изъ виду національность артиста? Даже въ конструкціи машинъ замѣчается различіе по народностямъ — возможно ли, чтобы его не было въ такомъ проявленіи психической жизни народа, какъ музыка, и могутъ ли консерваторіи игнорировать національность и готовить какихъ-то „общемусыкантовъ“, людей, міросозерцаніе коихъ въ нотной бумагѣ внѣ времени, территоріи и окружающей среды.

Говоря о результатахъ дѣятельности консерваторій, г. Рубинштейнъ перечислилъ нѣсколько именъ, изъ которыхъ, однако, только Чайковский, Лавровская, Есипова и, пожалуй, Вержбиловичъ и Брандуковъ представляютъ крупныя явленія. Но что они доказываютъ? Мы убѣждены, что

за 25-ти-лѣтній промежутокъ времени въ такой странѣ, какъ Россія, и безъ консерваторій появилось бы не меньшее число талантовъ, какъ безъ всякихъ консерваторій явились въ такой же промежутокъ времени Глинка, Верстовскій, Львовъ, Рубинштейнъ, Ѳ. Толстой, Сѣровъ, Кюи, Балакиревъ, Римскій-Корсаковъ, Бородинъ, Мусоргскій, Вильбуа, Сокальскій, Фитингофъ и др.—мы говоримъ только о композиторахъ,—которые за малыми исключеніями будутъ позначительнѣе гг. Соловьева, Лядова и Аренскаго, указанныхъ г. Рубинштейномъ.

Но если консерваторіи не подвинули нисколько впередъ русскую музыку — потому что даже въ такъ называемой „новой русской школѣ“, завоевавшей за границую пока только одного адепта—графиню Мерси Аржанто, главные корифеи учились не въ консерваторіи, а были подняты на музыкальные подвиги трубнымъ звукомъ, выходившимъ изъ устъ г. Стасова,—то не содѣйствовали ли консерваторіи по крайней мѣрѣ увеличенію числа талантливыхъ исполнителей?

И на этотъ счетъ результаты оказываются не менѣе скудными. О военныхъ капельмейстерахъ самъ г. Рубинштейнъ говоритъ, что для нихъ надобно устраивать особую школу. Почему же такой школы нѣтъ въ Германіи или во Франціи? Даже для придворнаго музыкантскаго хора не нашлось русскаго капельмейстера и былъ взятъ иностранецъ. Та же исторія въ казенныхъ театрахъ: г. Палкова замѣнилъ г. Дриго. Такихъ примѣровъ нѣсколько. Даже въ театральной дирекціи только одна треть, по сознанію г. Рубинштейна, музыкантовъ — ученики консерваторіи. Это за 25 лѣтъ; значитъ, понадобится 75 лѣтъ, чтобы замѣстить въ казенныхъ театрахъ всѣ вакансіи русскими музыкантами... Останутся затѣмъ для слѣдующаго столѣтія частные театры. Почему же, напримѣръ, въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ какія нибудь 5 — 10 лѣтъ все дѣло перешло исключительно въ русскія руки воспитанниковъ Института Путей Сообщенія? На частныхъ театрахъ и въ садовыхъ концертахъ всѣ капельмейстеры—иностранцы, или же рус-

скіе подданные изъ нѣмцевъ и евреевъ. О русскихъ виртуозахъ что-то не слышать.

Пониманіе серьезной музыки въ публикѣ значительно поднялось, говоритъ г. Рубинштейнъ. Объ этомъ можно еще поспорить. Правда, въ столицахъ симфоническіе концерты въ модѣ, публика „дурила“ изъ-за вагнеровскихъ представлений, но рядомъ съ этимъ совсѣмъ не стало образованныхъ дилетантовъ: кто заводитъ теперь въ деревняхъ свои оркестры? Да и въ городахъ не видать любительскихъ музыкальныхъ кружковъ.

Для сцены консерваторія приготовила только нѣсколько скороспѣлыхъ талантовъ и даже казенная сцена не можетъ обходиться безъ иностранцевъ; всѣ русскіе, желающіе выучиться пѣть, продолжаютъ пребывать въ Миланѣ. При этомъ процентъ русскаго элемента въ составѣ нашихъ лирическихъ сценъ постепенно понижается. Уже цыганскія и малороссійскія пѣсни распѣваютъ евреи, а если дѣло пойдетъ такъ далѣе, то лѣтъ черезъ десять и церковные хоры въ православныхъ храмахъ придется, вѣроятно, пополнять евреями и иностранцами.

Неудачный опытъ не доказываетъ, впрочемъ, ненужности консерваторій. Изъ него можно вывести только одно заключеніе, что не постройкою роскошныхъ хоромъ для консерваторій можетъ быть исправлено дѣло, а кореннымъ измѣненіемъ системы приѣма и преподаванія въ консерваторіяхъ и кореннымъ измѣненіемъ самаго характера этихъ профессиональныхъ заведеній.

ГЛАВА XXV.

Театръ.

Историческій очеркъ. — Паденіе казенныхъ театровъ. — Монополія и свобода театровъ. — Зрѣлища въ посту. — Театръ въ Москвѣ и въ провинціи. — Развлеченія толпы.

Нѣтъ сомнѣнія, что потребность въ сценическихъ представленіяхъ существуетъ у всѣхъ народовъ. Русскіе не дѣлаютъ въ этомъ отношеніи исключенія, и люди, не знакомые съ исторіей театра, быть можетъ, удивятся, узнавъ, что слѣды попытокъ хореографическихъ представленій сохранились у насъ отъ временъ Михаила Ѳеодоровича, а комедіи Мольера, въ переводѣ царевны Софіи и другихъ, исполнялись представителями высшей московской аристократіи еще въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія. Но если потребность въ театрѣ присуща каждому народу, то очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, будто интересъ общества и спросъ на извѣстную отрасль искусства вызываетъ непременно таланты и подымаетъ искусство. Къ несчастью, таланты по щучьему велѣнію не рождаются.

Современное общество въ Англіи и Испаніи нисколько не менѣе внимательно къ драматическому искусству, чѣмъ общество XVII столѣтія, и навѣрное предъявляетъ къ искусству болѣе высшія требованія и идеалы, между тѣмъ драма въ обѣихъ этихъ странахъ приведена къ ничтожеству. Музыка въ свободной Италіи пародія той, которая была въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія; драмати-

ческое искусство въ Германіи, не смотря на широко развитую культуру, въ жалкомъ состояніи даже противъ того, чѣмъ оно было въ эпоху величайшаго политическаго и моральнаго угнетенія нѣмцевъ внутренними и вѣшними деспотами. Значить, въ процвѣтаніи искусства и въ появленіи оригинальныхъ талантовъ есть элементъ случайности, который не легко поддается опредѣленію.

Этою случайностью, быть можетъ, объясняется и отсталое положеніе русской сцены, не смотря на многолѣтнія попытки создать ее, на любовь публики къ зрѣлищамъ, на извѣстную музыкальность славянской расы, на способность русскихъ къ подражанію и на систематическое покровительство правительства. Виновать, быть можетъ, и нашъ климатъ, кладущій непреодолимые препятствія къ тому, чтобы театральныя зрѣлища приобрѣли въ Россіи популярность, которую они имѣли въ Греціи или древнемъ Римѣ. Во всякомъ случаѣ русское искусство еще не проявилось съ достаточною опредѣленностью. Въ смыслѣ школы самостоятельной, оригинальной и законченной его еще нѣтъ ни въ одной сферѣ сценической дѣятельности.

Нашъ драматическій театръ никакимъ образомъ не можетъ быть названъ *Comédie russe*; у него нѣтъ ни опредѣленнаго репертуара, ни театральныя традицій. Какъ въ XVII вѣкѣ у насъ играли Мольера рядомъ съ мистеріями Симеона Полоцкаго, а въ антрактахъ смотрѣли на хожденіе по канату, такъ и нынѣ одни и тѣ же артисты исполняютъ сегодня Шекспира, а завтра оперетку, и публика лишена всякаго эстетическаго критерія для оцѣнки игры отечественныхъ артистовъ, руководствуясь единственно модою и личными симпатіями. Только по сравненію съ иностранными артистами она считаетъ эту игру не вполне удовлетворительною.—„Я, братецъ о русскихъ комедіантахъ въ подробности не вхожу“, говорилъ великій князь Павелъ Петровичъ Порошину слишкомъ сто лѣтъ назадъ, „для того, что они дурно играютъ“. Эта оцѣнка приложима и къ настоящему времени, хотя по-своему старые русскіе артисты играли относительно гораздо лучше настоящихъ. Дмитревскій въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія удивлялъ

своею игрою Лекеня и Гаррика; онъ не побоялся играть въ Парижѣ въ „Альзирѣ“ и „Заирѣ“. Каратыгины, посѣтившіе Парижъ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, также имѣли успѣхъ въ тамошнихъ артистическихъ сферахъ. Возможно ли представить себѣ какого либо изъ современныхъ намъ артистовъ, удивляющихъ Парижъ или Лондонъ? Конечно, игра въ трагедіяхъ, какъ основанная на извѣстныхъ приемахъ, легче перенималась, чѣмъ нынѣшнее реальное исполненіе, все-таки разница въ игрѣ между старыми русскими и современными артистами не подлежитъ сомнѣнію.

Русское лирическое искусство еще менѣе вышло изъ періода первоначальныхъ попытокъ, хотя и оно имѣетъ уже за собою порядочную старину. Русскихъ композиторовъ наберется уже нѣсколько десятковъ, — въ самое неблагоприятное для русской оперы время, въ царствованіе Николая Павловича, было поставлено на Большомъ театрѣ 17 новыхъ русскихъ оперъ 10 композиторовъ, — но въ результатѣ едва ли не правъ былъ „Figaro“, замѣтившій по поводу русскаго концерта въ Парижѣ во время выставки 1878 г., что „La vie pour le tzar“ — старая лошадь, на которой русскіе, кажется, довольно поѣздили передъ Европой за 50 лѣтъ“. Но Глинка и въ его итальянскихъ формахъ еще колоссъ между русскими оперными композиторами. Послѣдніе до Кавоса, да и послѣ, вплоть до Верстовскаго, скорѣе авторы куплетовъ къ скучнымъ водевилямъ; до начала нынѣшняго столѣтія не было даже различія между русскими оперными и драматическими артистами. Новше же геніи нашей оперы, воспѣтые г. Стасовымъ: Кюи, Римскій-Корсаковъ, Бородинъ, Мусоргскій, совершенно удалились отъ русскаго искусства. Они образуютъ, какъ сказано, отдѣленіе германскаго искусства, хотя нѣмцы отказываются отъ незаконныхъ дѣтищъ. Это не искусство, а какое-то публичное жеваніе тряпки. Относительно исполненія оперъ русскіе пѣвцы также никакой школы выработать не успѣли. Пѣвцы Екатерининскихъ и Александровскихъ временъ музыки почти совсѣмъ не знали; были даже такіе, что не знали вовсе нотъ и разучивали свои партіи

по слуху, какъ канарейки. Только съ устройства консерваторіи могла зайти рѣчь о солидномъ образованіи лирическихъ артистовъ. До сихъ поръ, однако, удачный дебютъ на какой либо второстепенной „итальянской“ сценѣ считается для „русского“ пѣвца лучшею рекомендаціею и русская опера не можетъ обойтись безъ иностранцевъ, особенно чеховъ, а послѣднее время въ нее проникли итальянцы и евреи. Не смотря на консерваторіи, капельмейстеры также всѣ иностранцы.

Русская хореграфія, судя по вниманію къ ней высшихъ сферъ, должна бы, казалось, Богъ вѣсть какъ процвѣсти. Еще графъ Безбородко ничтожной танцовщицѣ Ленушкѣ выхлопоталъ въ приданое упраздненный городъ Рожественъ съ 80,000 дохода, домъ въ Петербургѣ въ 300,000 руб. и мужу чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника! Но такія административныя щедроты, а равно балетоманія, свирѣпствовавшая въ Петербургѣ вплоть до пятидесятихъ годовъ и достигавшая своего апогея въ началѣ нынѣшняго столѣтія, не создали національной хореграфической школы. Хореграфія какъ была принесена къ намъ искусствомъ итальянскимъ, слегка усовершенствованнымъ французами, такъ и осталась, и изобрѣтенная французомъ Огюстомъ „русская пляска“ дѣла существенно не измѣнила. Предоставленная самой себѣ русская хореграфія быстро впадала въ рутину, и только появленіе иностранныхъ знаменитостей давало ей повременамъ движеніе впередъ. Впрочемъ, наши балерины имѣли успѣхъ на заграничныхъ сценахъ и до послѣдняго времени.

Таковы результаты столѣтняго существованія театра. У насъ были, между тѣмъ, таланты. Драматическая труппа гордится Дмитревскимъ, Я. Шумскимъ, Гамбуровымъ, Крутицкимъ, Рыкаловымъ, Шуперинымъ, Яковлевымъ, Бобровымъ, Мочаловымъ, Каратыгинымъ, Щепкинымъ, Шумскимъ, Брянскимъ, Сосницкимъ, Мартыновымъ, Максимовымъ, Самойловымъ, Васильевымъ, Ивановою, Каратыгиною, Сахаровою, Воробьевою, Семеновою, Асенковою, Дюръ, Колосовою, Самойловыми, Снѣтковою, Линскою, Савиною и др.

Русская опера, болѣе другихъ бѣдная до сихъ поръ

талантами, вспоминаетъ Злова, Климовскаго, Ефремова, Самойлова, Петрова, Семенову, Сандунову, Фодоръ, Воробьеву, Черникову, Лавровскую и друг.

Наконецъ балетъ выставилъ на первый планъ Бериллову, Колосову, Данилову, Иконину, Истомину, Лихутину, Зубову, Телешеву, Смирнову, Андреянову, Богданову, Петипа (Суровщикову), Муравьеву, Вергину, Соколову, Валберха (Лѣсогорова) и др.

Силъ значить было довольно, и силы эти вышли изъ „народа“, ибо высшіе классы общества до послѣдняго почти времени чуждались артистической карьеры. Если труды этихъ талантовъ разбивались и по большей части пропали, не создавъ ни въ одной отрасли искусства русской школы, то значить были на то препятствія. Не зависѣли ли послѣднія отъ источника, откуда выходили артисты, обусловливавшаго отсутствіе воспитанія, того воспитанія, которое, по словамъ Лейбница, все, ибо и „медвѣдей заставляеть танцовать“, и которое никакими курсами замѣнено быть не можетъ.

Чего же пожелать нашему театру въ будущемъ? Желанія эти могутъ быть весьма разнохарактерны; мы укажемъ на наиболѣе существенныя.

Прежде всего надобно желать интеллигентнаго управленія. На этотъ счетъ дирекція театровъ за сто лѣтъ похвалиться не можетъ, и графъ Милорадовичъ, устроившій изъ театральнаго училища *Paris aux Cerfs* на казенной дачѣ въ Екатерингофѣ, и А. М. Геденовъ, говорившій подчиненнымъ: „Воруйте, чортъ васъ возьми, пока я живъ“, суть два преобладавшихъ типа нашихъ театральныхъ администраторовъ.

Самое лучшее было бы театральную дирекцію, какъ учрежденіе устарѣлое, упразднить, а вновь образовать департаментъ или управленіе изящныхъ искусствъ, которому, кромѣ театровъ, поручить Академію художествъ, Эрмитажъ, театральныя школы, консерваторіи и др. учрежденія, касающіяся изящныхъ искусствъ. Придворные театры, завѣдуемые специалистами, должны имѣть монополію, ибо только

при ней столичная сцена можетъ служить школою изящнаго вкуса въ Россіи.

Затѣмъ необходима развитая публика. Масса, конечно, всегда будетъ къ зрѣлищамъ относиться неинтеллигентно, но у насъ и въ „сливкахъ“ общества замѣчается скорѣе пониженіе вкуса, нежели повышеніе по отношенію къ театру. Наши театралы всегда отличались страннымъ непостоянствомъ воззрѣній, дѣлаясь изъ почитателей балета итальянomanами, затѣмъ гиппоманами, далѣе увлекались музыкою будущаго, и въ заключеніе опереткой; все-таки прежде было болѣе истинныхъ любителей, цѣнителей и знатоковъ театра. Порода же записныхъ театраловъ, жившихъ въ театрѣ и для театра, людей, которые, какъ князь Шаховской, отъ неуспѣха какого либо водевиля рвали на себѣ волосы и впадали въ отчаяніе, совсѣмъ, можно сказать, вывелась.

Этихъ цѣнителей, необходимыхъ для развитія артистовъ, не замѣняетъ мало-по-малу развивающаяся критика, театральная и музыкальная. Хотя есть наивные люди, утверждающіе, даже въ печати, что въ былое время были необыкновенные критики театра, тогда какъ нынѣ имѣются лишь рецензенты, но это одно недоразумѣніе, основанное на томъ, что въ старые театральные отчеты никто не заглядываетъ.

Уровень театально-музыкальной критики, благодаря возникновенію рядомъ съ критикою такъ называемыхъ „рецензентовъ“, питающихся на счетъ кулисъ, у насъ еще все-таки довольно низокъ; повышаясь постепенно, онъ подыметъ вкусы публики, будетъ вліять и на артистовъ, и на театральную администрацію. Словомъ, если театральное начальство, публика и критика улучшатся и станутъ серьезнѣе, то черезъ сто лѣтъ наши потомки имѣютъ шансы отпраздновать юбилей русскаго театра съ большею гордостью нежели мы...

Увольненіе барона Кистера отъ завѣдыванія казенными театрами заставило возликовать всѣхъ, кому были дороги интересы искусства. Дѣйствительно, трудно понять, въ силу

какихъ соображеній, почтенный баронъ, въ молодости спеціально изучавшій садоводство, — которое съ Людовика XIV перестало считаться искусствомъ, а затѣмъ служившій кассиромъ, былъ признанъ компетентнымъ въ театральномъ дѣлѣ. Въ оправданіе барона можно привести, однако, что онъ никогда никакихъ эстетическихъ претензій не заявлялъ, а задачею своею положилъ благоразумную экономію.

Исторія нашего театрального управленія до барона Кистера незамысловата. Одинъ начальникъ театровъ, танцую въ будуарѣ танцовщицы, сломалъ себѣ ногу, другой, выйдя изъ будуара танцовщицы, поѣхалъ усмирять бунтовщиковъ на Сенатской площади и былъ убитъ, третій въ будуарѣ танцовщицы двадцать лѣтъ управлялъ русскимъ искусствомъ и т. д., и т. д. до безконечности. Это одна сторона управленія и напрасно вольтеріанцы стануть возражать что либо. Другая сторона — это, выражаясь моднымъ словомъ, хищеніе.

Екатерина II приходила въ ужасъ отъ воровства въ театральномъ управленіи, при Александрѣ I и Николаѣ I директоры рвали на головѣ волосы съ отчаянія. О болѣе новыхъ временахъ умолчимъ, хотя извѣстно, что кассиры и смотрителя театровъ, получая по 300 руб. въ годъ жалованья, ухитрялись держать экипажи и имѣть отличныя дачи, громадное зданіе дирекціи наполнено было квартирами какихъ-то докторовъ и портнихъ, всѣ служащіе, отъ режиссеровъ до капельдинеровъ, эксплуатировали артистовъ, а при постановкѣ новаго балета или оперы публика заранѣе распредѣляла по пальцамъ: этому столько, тому столько, а этому ничего.

Князь Тюфякинъ былъ единственнымъ директоромъ съ основанія русскаго театра, при которомъ не только не было дефицита, но который заплатилъ даже долги прежнихъ управленій. Онъ эксплуатировалъ съ этою цѣлью пристрастіе тогдашняго общества до всего французскаго, пристрастіе, дошедшее въ царствованіе Александра I до уродливыхъ крайностей.

По словамъ записокъ Рафаила Зотова, бывшаго начальника репертуарной части, князь Тюфякинъ составилъ остро-

умный планъ: зная, что жажда къ французскимъ спектаклямъ не испугается никакихъ стѣсненій, онъ объявилъ общій абонементъ для русскихъ и французскихъ представлений, такъ что за три послѣднія въ недѣлю—абонирующійся долженъ былъ смотрѣть и четыре русскихъ. Галломаны поморщились, но абонировались, хотя абонементъ стоилъ тогда 1,000 рублей и выше. „Абонировавшаяся публика, пишетъ г. Божеряновъ въ „Исторіи Большого театра“, состояла изъ высшаго петербургскаго общества, которое гораздо рѣже нынѣшняго посѣщало русскіе спектакли, потому что почти никогда и между собою не говорило по-русски. Будучи принуждено посѣщать національные спектакли, оно, во-первыхъ, нѣсколько познакомилось съ русскою литературою; во вторыхъ, увидѣло, что на нашей сценѣ много отличныхъ, первоклассныхъ дарованій; актеры же, съ своей стороны, чувствуя что зрители ихъ не тѣ гостинодворцы и чиновники средняго сословія, которые имъ за все хлопаютъ и вызываютъ, стали облагораживать свою игру“.

Мы привели цѣликомъ эти строки, хотя признаться преувеличеніе въ нихъ очевидно. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, русскій театръ чуждъ для нашего высшаго общества, и если „хитрость“ князя Тюфякина удалась, то на очень короткій срокъ. Во всякомъ случаѣ, князь Тюфякинъ съ его экономіей — чудо между директорами императорскихъ театровъ. Дефицитъ, какъ извѣстно, составлялъ всегда ихъ принадлежность и не исчезалъ даже при баронѣ Кистерѣ, который многими считался алегорическимъ воплощеніемъ экономіи. Театральный дефицитъ озабочивалъ правительство еще въ прошломъ столѣтіи. На представленную ей завѣдывавшими въ 80-хъ годахъ императорскими театрами, Соймоновымъ и Храповицкимъ, записку о долгахъ, императрица Екатерина II написала на докладѣ: „Я и теперь не вѣдаю, чего вы отъ меня хотите? Я согласилась выдать 163,000 руб. и особенно на долю дирекціи и комитету, а годовое для того не назначаю, что надѣюсь, что вы излишнихъ людей отпустите и во всемъ сдѣлаете укрощеніе расхода, какъ у порядочныхъ

и усердныхъ людей водится“. Но напрасны были ожиданія императрицы. „Укращенія“ расходовъ не дожидется, вѣроятно, и XX столѣтіе.

Третьимъ традиціоннымъ свойствомъ театральнаго управленія за сто лѣтъ были презрѣніе къ собственному національному искусству и пресмыканіе передъ иностраннымъ. Исключеніе дѣлалось лишь для балета (и то не всегда) по причинамъ, изложеннымъ выше. Въ извиненіе театральнаго управленія надобно, однако, тутъ прибавить, что такое предпочтеніе чужого своему обуславливалось вкусами вліятельныхъ петербургскихъ сферъ. Услыша олимпійское замѣчаніе, что безсмертная опера Глинки *c'est la musique des cochers*, директоръ, конечно, не рѣшался хлопотать о роскошной обстановкѣ подобнаго не аристократическаго зрѣлища.

Итакъ, въ общемъ итогѣ наслѣдникамъ г. Кистера, подъ именемъ театральнаго управленія, досталась не всѣмъ казистая смѣсь непотизма, хищенія и обезьянства. Каждый, кто пожелалъ бы принести театральному дѣлу пользу, долженъ былъ начать войну съ предразсудками и злоупотребленіями, накопившимися десятками лѣтъ. Только при особомъ усердіи и знаніи всѣхъ тонкостей искусства можно было при подобныхъ условіяхъ сдѣлать что нибудь.

Къ сожалѣнію, новый директоръ, не подготовленный своею службою (аташе въ Парижѣ) къ завѣдыванію большимъ казеннымъ хозяйствомъ, не въ силахъ былъ оправдать ожиданія публики. Разваливающійся Большой театръ, окруженный какими-то уродливыми деревянными пристройками, въ мѣстности, гдѣ по закону деревянные постройки воспрещены, характеризуетъ отчасти современное положеніе столичныхъ театровъ.

Десять лѣтъ назадъ, при дефицитѣ въ 150,000 руб., въ С.-Петербургѣ все-таки были русская и итальянская опера, три русскихъ театра, балетъ, французскій и нѣмецкій театръ, театральное училище воспитывало актеровъ, танцовщиковъ и музыкантовъ, декораціи рисовали русскіе художники, на сценѣ было не мало русскихъ талантовъ, иностранные первоклассные таланты съ радостію ѣхали въ

Петербургъ; мѣстъ для публики при восьми сценахъ на всѣхъ хватало, толкотня была только на Масляной. Казенныя труппы работали понемногу и лѣтомъ на Каменно-островскомъ театрѣ, нынѣ также обращенномъ въ развалины.

Какъ приключилось, что у насъ театры развалились, дефицитъ удесят�ерился *), вмѣсто одного покойнаго П. С. Ое-дорова созданъ цѣлый штатъ заправиль, половина сценъ закрылась и въ русской оперѣ запѣли разныя Медеи и Туролы, а въ балетѣ даже чиновниковъ стали назначать изъ итальянцевъ, много разъ разъяснялось, особенно „Новымъ Временемъ“ и гг. Аверкіевымъ и Танѣевымъ, и оставиваться на этомъ не стоить.

Уже первый годъ новыхъ порядковъ показалъ, что пресловутое „поднятіе казенныхъ театровъ на подобающую высоту“ выражается въ самыхъ странныхъ и неудачныхъ мѣропріятіяхъ, которыя бьютъ по карману публики и въ концѣ концовъ приводятъ къ дезорганизаціи столичной сцены, не смотря на плоскіе панегирики, расточавшіеся на первыхъ порахъ въ разныхъ газетахъ нѣсколькими друзьями, увлеченными притворно или въ дѣйствительности общей сумятицей, окрещенной громкимъ названіемъ „театральныхъ реформъ“.

Въ „Голосѣ“, въ которомъ любили помѣщать плоды своей музы чиновники разныхъ канцелярій, какой-то господинъ напечаталъ, подъ видомъ фельетона, длиннѣйшее

*) Нѣкоторый дефицитъ при содержаніи серьезнаго театра неизбѣженъ. И въ Западной Европѣ значительнымъ театрамъ присвоена правительственная субсидія. Парижская опера получаетъ 320 тыс., Орѣга Comique 56 тыс.; германскіе, такъ называемые „королевскіе“ театры получаютъ: въ Берлинѣ 280 тыс., въ Штуттартѣ 240 тыс., въ Дрезденѣ 160 тыс., въ Карлсруѣ и Веймарѣ по 100 тыс., въ Мюнхенѣ 80 тыс.; императорскій театръ въ Вѣнѣ получаетъ 120 тыс.; королевскій въ Копенгагенѣ—100 тыс. и въ Стокгольмѣ—60 тыс.; въ Италіи неаполитанскій Санъ-Карло имѣетъ 120 тыс.; театръ Аполло въ Римѣ—115 тыс.; ла-Скала въ Миланѣ—70 тыс.; Беллиниевскій театръ въ Палермо 50 тыс.; королевскій въ Туринѣ 24 тыс.; Пергола во Флоренціи 160 тыс. и Карло Феличе въ Генуѣ 4 тыс.; парижскій Théâtre Français получаетъ 96 тыс., Odéon 28 тыс.

оправданіе всему, что натворилось въ театральномъ управленіи и что скоро стало притчею во языцѣхъ для людей прямо или косвенно незаинтересованныхъ въ дѣлѣ. Кто авторъ панегирика—мы не знаемъ; можетъ быть онъ былъ изъ плеяды знаменитыхъ „подпоручиковъ“, можетъ быть это ему принадлежала богатая идея фойѣ Большого театра помощью драпировокъ сдѣлать поразительно похожимъ на одну изъ залъ Палкина трактира,—мы этого не вѣдаемъ, но убѣждены, что, какъ гоголевская слесарша, авторъ самъ себя высѣкъ собственными аргументами.

Въ одномъ, впрочемъ, мы согласны съ авторомъ, что наши казенные театры и театральная администрація несомнѣнно нуждались въ преобразованіяхъ. Это не значило, однако, что всякое измѣненіе, какъ бы оно сдѣлано ни было и хотя бы шло въ разрѣзъ съ интересами публики, послѣдняя должна одобрять и считать желанными „реформами“. Авторъ панегирика увлекся такъ, что увѣрялъ даже, будто бы всѣ сдѣланныя въ театрахъ измѣненія были продиктованы публикою и печатью, что публика оцѣнила уже блага новаго управленія, а если были недовольные, то это или родственники уволенныхъ театральныхъ чиновниковъ и капельдинеровъ, или же абоненты итальянской оперы, которые привыкли къ своимъ ложамъ въ Большомъ театрѣ, какъ животныя привыкаютъ къ стойламъ, и на которыхъ ничѣмъ, кромѣ приглашенія г. Мазини, угодить было нельзя.

По словамъ панегирика, прежняя театральная администрація представляла изъ себя поголовное воровство, оно было еще тѣмъ опаснѣе, что стало наслѣдственнымъ. Благодаря этому воровству, театры давали дефицитъ въ 160—200,000 руб. ежегодно. Изъ такого факта слѣдовало, кажется, что еслибы воровъ прогнать и взять честныхъ людей, то на полученное сбереженіе можно было сдѣлать необходимыя въ театрѣ улучшенія въ содержаніи артистовъ и служащихъ, и т. п. Это, кажется, такъ по простой человѣческой логикѣ, но не такъ смотрѣлъ авторъ панегирика. Онъ говоритъ: воровъ мы прогнали, дефицитъ же достигъ свыше 1.400,000 руб., но „необходимо замѣтить, прибавлялъ онъ, что эта цифра представляетъ крайній

возможный предѣлъ дефицита“. Хорошее утѣшеніе! Да возможная ли вещь, чтобы русскій народъ изъ своего кармана приплачивалъ болѣе милліона рублей въ годъ на то, чтобы С.-Петербургъ имѣлъ нѣсколько театровъ для своего развлечения? Весь бюджетъ столицы составляетъ только 7 милл. рубл., тутъ и полиція, и постройки, и больницы, и освѣщеніе, и пожарная часть, и многое другое, а театральное управленіе требовало изъ казны 1½ милл. рубл. только за удовольствіе, доставляемое извѣстной части столичнаго общества.

Мы поняли бы, еслибы это былъ еще какой-то 'налогъ въ пользу нашей интеллигенціи, съ цѣлью дать ей возможность на досугѣ наслаждаться сценою, а то вѣдь нѣтъ, и эту самую посѣщающую театры часть общества, такъ называемую „публику“, дирекція обложила весьма тяжело. Съ перваго же сезона въ итальянской оперѣ цѣны были повышены, въ русскомъ театрѣ также, а число русскихъ сценъ съ трехъ сокращено до одной, въ нѣмецкомъ театрѣ и балетѣ цѣны удвоены, во французскомъ удвоены и утроены. Остались цѣны безъ измѣненія только въ русской оперѣ, между тѣмъ, если гдѣ было „возможно“ повысить цѣны, то именно въ русской оперѣ, какъ въ виду возрастающей любви публики къ этому роду зрѣлищъ, такъ и особенно вслѣдствіе значительнаго увеличенія расходовъ на русскую оперу.

„Правда, публика платитъ дорого, писалъ панегиристъ, но за то, вмѣсто трехъ скверныхъ русскихъ сценъ, имѣется теперь одна „образцовая“, оркестръ русской оперы увеличенъ, итальянская и французская труппы прекрасныя, содержаніе артистовъ и служащихъ увеличено, обстановка пьесъ превосходная и дирекція не воруетъ (подлинное выраженіе) болѣе пьесъ и партитуръ...“

Почему сокращеніе трехъ русскихъ театровъ на одинъ должно увеличивать расходы, остается для необучавшихся новой театральной ариѳметикѣ темнымъ. Затѣмъ, „образцовою“ наша русская труппа не сдѣлалась. Мало того, хотя два театра уничтожены, но русская труппа оставлена попрежнему тройною, если не четверною, и большинство

Вртистовъ сидить сложа руки, получая казенныя деньги. аъ русской оперѣ оркестръ увеличенъ, но вѣдь это глухіе только могутъ удивляться, отчего есть недовольные даже тѣмъ, что увеличено число музыкантовъ. Подобные господа воображаютъ, что тѣмъ больше музыкантовъ, тѣмъ лучше: *la mariée sera plus belle*. Они не понимаютъ, что сила оркестра въ прямой связи съ размѣромъ залы, силою голосовъ исполнителей, даже съ нервами зрителей: шумъ, хотя бы и гармоничный, далеко не для всѣхъ пріятенъ. Въ русской оперѣ также приглашено было нѣсколько ненужныхъ артистовъ, сидѣвшихъ безъ занятій.

Относительно увеличенія жалованья артистовъ и служащихъ надобно оговориться. Конечно, многіе получали скудное вознагражденіе, но нельзя при расходованіи казенныхъ денегъ руководиться одними чувствами гуманности, не задаваясь и экономическими соображеніями. Танцовщицы, напримѣръ, получали отъ 400 до 1,200 р. Это не очень много, но вѣдь надобно вспомнить, что таково жалованье большинства офицеровъ и чиновниковъ, оно вдвое болѣе жалованья гувернантокъ и учительницъ. Танцовщица молодая женщина, жила въ семьѣ, гдѣ мать, отецъ—буде таковой имѣлся—сестры, братья, всѣ что нибудь зарабатывали и, складывая свои средства, жили скромно. Между тѣмъ, 36-ти лѣтъ отъ роду, т. е. еще въ молодыхъ годахъ, жалованье танцовщицы обращается въ пенсію. Теперь танцовщицамъ (кромѣ балеринъ) назначено безъ малѣйшаго торга, по благоусмотрѣнію, жалованье отъ 600 до 4,500 руб. Это, конечно, пріятно танцовщицамъ и ихъ поклонникамъ, но во что же обходится при этомъ балетъ, который, если для большой сцены необходимъ, то въ предѣлахъ благоразумія, не относя сотенъ тысячъ его содержанія на государственное казначейство. Что и прежніе оклады были достаточны, доказывало то обстоятельство, что въ театральное училище нельзя было попасть иначе, какъ по особой протекціи.

То же относится и до содержанія чиновниковъ. Очень худо, если, напримѣръ, прежній дѣлецъ дирекціи, получая 300 руб. въ годъ, кралъ еще 300 рублей. Но тѣмъ лучше,

если вмѣсто этого птенца старой администраціи посадить новичка, который ничего не знаетъ, ничего не дѣлаетъ, а потребуеть за свое ничего-недѣланіе 3,000 рублей въ годъ. Мы не говоримъ уже объ учрежденіи должностей инспекторовъ, портнихъ и цѣтвовъ, смотрителей красокъ, о командировкахъ за границу, объ отдѣлкѣ на казенный счетъ обширныхъ квартиръ и т. д.

Хорошая обстановка пьесъ, на которую указывалъ г. панегиристъ, доказываетъ только, что денегъ не жалѣютъ на костюмы, декорации и обстановку, но искусство не въ томъ, чтобы истратить какъ можно болѣе денегъ, а въ томъ, чтобы на тѣ же деньги сдѣлать лучше прежняго. За желаніе платить болѣе гонорара русскимъ авторамъ всѣ похвалили дирекцію, равно какъ и за уступку требованіямъ Общества французскихъ драматическихъ писателей, хотя дирекція вовсе не обязана платить за всѣ иностранные пьесы и партитуры. Здѣсь никакого воровства не было и г. панегиристъ напрасно ссыался на литературную конвенцію. Хотя бы онъ почиталъ „Правительственный Вѣстникъ“, гдѣ прямо было разъяснено значеніе литературной конвенціи, нынѣ кстати и уничтоженной.

Къ числу заслугъ новаго театральнаго управленія, а такъ же къ причинамъ крупнаго дефицита, отнесенъ авторомъ панегирика — отказъ отъ субсидіи города, отъ налога съ частныхъ зрѣлищъ и отъ монополіи афишъ. Дирекція потеряла такимъ образомъ около 100,000 руб. въ годъ. Мы, признаться, и здѣсь не видимъ никакой заслуги. Дирекція могла отказаться отъ этихъ вещей только подъ непремѣннымъ условіемъ сводить бюджетъ безъ дефицита.

Какая справедливость брать изъ казеннаго сундука миллионы, т. е. брать ихъ изъ податныхъ суммъ русскаго народа, которому и отъ оперы, и отъ балета ни тепло, ни холодно, а великодушно дѣлать пожертвованія въ пользу петербургскихъ балагановъ, гг. Гинцбурга и Картавова, магазиновъ, публикующихъ о привозѣ устрицъ, и т. п. Субсидія города Петербурга также въ тысячу разъ законнѣе, чѣмъ погашеніе театральнаго дефицита на казенныя средства. Хорошіе театры одно изъ удобствъ столичной

жизни, и весьма естественно, если городъ понесетъ часть расходовъ по доставленію жителямъ этого рода удобства. Трудно постигнуть, почему содержаніе образцовой сцены менѣе касается города, чѣмъ, напримѣръ, содержаніе муниментовъ.

Слѣдующія семь сезоновъ только ухудшили качество казенныхъ театровъ, и „реформы“ какъ будто задались цѣлью сдѣлать театры по возможности менѣе доступными массѣ публики. Они стали уже не по карману, напримѣръ, военнымъ и потребовалась особая льгота о выдачѣ билетовъ офицерамъ за половинную цѣну, сопряженная съ исполненіемъ разныхъ сложныхъ формальностей. Въ скоромъ времени и для остальной публики театръ сдѣлается привилегіей, доступной лишь для небольшого кружка.

Эта дороговизна театра тѣмъ замѣчательнѣе, что нисколько не соотвѣтствуетъ улучшенію достоинства предлагаемыхъ зрѣлищъ. Итальянская опера, которою гордился Петербургъ и которая доставляла большое эстетическое наслажденіе, уничтожена, повидимому, навсегда; русскій драматическій театръ потерялъ многихъ талантливыхъ сюжетовъ и новыхъ не отыскалъ; русская опера обратилась въ складъ ненужныхъ пѣвицъ и вынуждена позволять у себя пѣть иностранкамъ на ихъ языкѣ; балетъ поддерживаетъ свое существованіе исключительно выпискою иностранныхъ артистовъ. Иностранцы стали занимать при театрѣ обязанности капельмейстеровъ, режиссеровъ, точно мы возвращаемся ко временамъ Анны Іоанновны. Нѣкоторыя сцены въ полномъ упадкѣ, напримѣръ, нѣмецкая. Если вѣрить берлинскимъ газетамъ, то артисты этой сцены никогда не видятъ своего начальства, иначе какъ на фотографіи. Явленіе заграницею непонятное. Московскіе театры не имѣютъ особаго директора; ими завѣдуютъ изъ Петербурга, въ виду этого жалованье увеличено директору съ 6 до 10 тысячъ рублей, а управляющему конторою съ 3 до 5 тысячъ. Начальникъ монтировочной части переименованъ въ завѣдывающаго и ему положено четыре помощника, и т. д. По этому случаю нельзя не вспомнить, что, во время процвѣтанія казеннаго театра, П. С. Оедо-

ровъ завѣдывалъ театральнымъ училищемъ, занимая вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность начальника репертуарной части въ шести труппахъ, тогда какъ теперь почти во всѣхъ театрахъ заведены особые начальники репертуара, изъ которыхъ нѣкоторые получали болѣе 10,000 руб. въ годъ жалованья.

Послѣднимъ проявленіемъ „реформаторской“ дѣятельности по части театровъ была организація пресловутой конторы записей. Даже скромнѣйшій и дипломатичнѣйшій „Journal de St.-Petersbourg“ возмущился созданіемъ этого учрежденія, выдуманнаго, по мнѣнію газеты, для стѣсненія публики. „Journal de S.-Petersbourg“ наивно удивлялся, почему вмѣсто конторы не назначили просто прибавки къ цѣнамъ билетовъ, если послѣдніе брать ранѣе въ кассѣ; это не требовало бы, говорилъ онъ, лишнихъ служащихъ. Но тутъ-то и видна наивность газеты. Какая же это была бы „реформа“, еслибы не требовалось учреждать новыхъ чиновниковъ и чиновницъ, да надъ ними смотрителей и контролеровъ.

Чиновники эти, погулявъ за лѣто, получая исправно жалованье, и освѣжившись къ осени, придумали себѣ слѣдующую забаву. Четыре раза въ день въ лотерею разыгрываются письма публики, полученные въ конторѣ записей. Сооружается какая-то громадная копилка, туда складываютъ письма, затѣмъ копилку трясутъ и, наконецъ, вытаскиваютъ счастливые билеты. Занятіе, очень напоминающее игру въ лото нашихъ бабушекъ, но тѣ, по крайней мѣрѣ, занимались имъ даромъ, или на свои деньги, здѣсь же играющимъ, или, вѣрнѣе, играющимся, казна выдаетъ жалованье.

Дефицитъ зависѣлъ еще не только отъ тароватаго управленія, но и отъ упраздненія бывшей монополіи дирекціи. Противъ этой монополіи давно ратовало наше общественное мнѣніе. Какъ извѣстно, свобода театровъ для провинцій всегда существовала, но для столицъ она давалась постепенно въ очень нерѣшительной формѣ и только съ 1881 года частные театры окончательно были разрѣшены.

Интересны въ этомъ отношеніи разсужденія бывшаго министра двора, графа В. Θ. Адлерберга, въ концѣ 50-хъ годовъ. „Оносительно дарованія частной предпріимчивости полной свободы заводить въ столицѣ національные театры всякаго рода и для всѣхъ сословій, — писалъ покойный графъ, — обязываюсь замѣтить слѣдующее. Указомъ императрицы Екатериною II 1783 г. даровано это право, однако только два лица открыли частные театры въ Москвѣ. Никто другой этимъ правомъ не воспользовался и эти два лица кончили банкротствомъ, что доказываетъ, что въ Россіи любовь къ драматическому искусству не была развита и не сильно развилась, и что до сихъ поръ только императорскіе театры и театральная школа имѣли вліяніе на установленіе и развитіе (хотя слабое и не изящное ни во вкусѣ, ни въ направленіи) сценической литературы и на формированіе артистовъ. Не спору, что соревнованіе между нѣсколькими театрами, желаніе поступить на сцену императорскую могутъ поощрить и писателей, и артистовъ, могутъ усовершенствовать произведенія первыхъ и дарованія послѣднихъ, но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ: время ли теперь даровать свободу и принесетъ ли она ту пользу, которую желаютъ извлечь?“

Графъ В. Θ. Адлербергъ на это отвѣчаетъ рѣшительно—нѣтъ. „Нынѣ въ особенности,—говоритъ онъ,—у насъ литература, не чисто-литература, стремящаяся къ усовершенствованію вкуса, языка, къ исправленію нравовъ, къ утвержденію порядка, законовъ, нравственности, вѣры, — она единственно политическая и направленная путемъ косвеннымъ къ ниспроверженію существующаго законнаго порядка. Уже въ царствованіе блаженныя памяти императора Николая Павловича она взяла это пагубное направленіе, которое хотя постепенно и осторожно, но постоянно и послѣдовательно развивалось, ускользнуло отъ взгляда тогдашней строгой цензуры и успѣло установить въ обществѣ сильное мнѣніе, противное правительству. Въ этомъ направленіи, въ этомъ духѣ пишутся не только журналы, но и повѣсти, романы и театральныя пьесы; все клонится къ тому, чтобы возбудить общественное мнѣніе, противное

правительственнымъ лицамъ, распоряженіямъ и установленіямъ, посредствомъ чего намѣреваются идти и далѣе“.

„Частные театры, которые за 75 лѣтъ тому назадъ, не учредились, теперь, по словамъ графа, учредятся во множествѣ, какъ средство политической пропаганды, ибо въ нихъ желающіе переворота найдутъ вѣрное средство дѣйствовать на всѣ сословія сильно и скоро, а паче на простой народъ, въ такой степени важный для него теперь. Напрасно думаютъ, что правительство обрѣтетъ этими театрами способъ нравственно образовать простой народъ, указывая, въ какомъ направленіи и духѣ должны быть писаны пьесы для сихъ театровъ. Правительство даже при самомъ началѣ не было въ состояніи оградить его отъ сочиненій, совершенно противныхъ, если не въ цѣломъ, то въ частныхъ выходкахъ, изъ которыхъ одной можетъ быть достаточно для опроверженія всего писаннаго въ его духѣ. Никакая цензура, никакая полицейская мѣра отъ этого не оградить“...

Частныя сцены теперь учредились; по части банкротства они, правда, не многимъ ушли отъ временъ Екатерининскихъ предпринимателей, но ужъ въ политической пропагандѣ ихъ заподозрить невозможно. Въ этомъ случаѣ предсказанія графа Адлерберга не оправдались; но послѣдній вѣрно оцѣнилъ, что для искусства отъ упраздненія монополіи пользы не будетъ никакой. Частная антреприза сдѣлалась у насъ средствомъ для распространенія оперетки и сценическаго разврата, она понизила и опошлила и безъ того невысокій вкусъ публики. Въ этомъ случаѣ театральные реформаторы 80-хъ годовъ были менѣе проныцательны, чѣмъ администраторы 60-хъ годовъ.

Нашъ, хотя и короткій, опытъ это вполне доказываетъ: мы не видѣли пока ни одной серьезной попытки создать въ Петербургѣ русскій театръ, который, если и не конкурировалъ бы съ Александринкой, то по крайней мѣрѣ служилъ бы подспорьемъ для казенной сцены. Устройство такого театра дѣло не легкое, потому что, кромѣ солиднаго капитала, затрачиваемаго безъ спекулятивной цѣли, здѣсь требуется особое умѣніе въ составленіи труппы и являются

громадныя затрудненія въ приобрѣтеніи собственнаго репертуара. Какъ бы репортеры ни расписывали красоты частной сцены, она скоро обанкротится, когда публика смекнетъ, что ее стараются провести.

Зная это, наши доморощенные Монтини и Коненги изъ отставныхъ половыхъ не ухищряются созданіемъ русской сцены, а прямо берутся за оперетку, которая съ конца 50-хъ годовъ стала посреди дороги между лирическимъ искусствомъ и порнографіей. Такого рода товаръ всегда находитъ себѣ покупателей, а при неумѣломъ управленіи казенными театрами число покупателей должно еще увеличиться. Опереточные театры, если и не удержатся, то потому развѣ, что это жанръ случайный: остроумные либретисты и мелодическіе композиторы вымираютъ, репертуаръ талантливыхъ оперетокъ очень не великъ, а публикѣ должны, рано или поздно, надоѣсть одни и тѣ же дурачества, даже подъ музыку.

Кромѣ оперетки, отъ свободы театровъ повезло въ Петербургѣ почему-то польскому театру. Какъ былъ въ свое время періодъ увлеченія греческими кухмистерскими, такъ въ короткій промежутокъ въ Петербургѣ перебивало три драматическихъ польскихъ труппы: одна опереточная и три балетныя. Откуда такая благодать для Петербурга—понять трудно. Что здѣшняя польская колонія, знающая отлично русскій и французскій языки, мало нуждалась въ собственномъ театрѣ, доказывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что польскій театръ плохо посѣщался, хотя репортеры изъ кожи лѣзли, расхваливая своихъ артистовъ и упрекая польскую колонію въ постыдномъ равнодушіи. Еще менѣе нуждалась въ польскомъ театрѣ русская публика. Хотя польскіе актеры, особенно мужчины, играли недурно, но репертуаръ польскаго театра таковъ, что интереса представлять не можетъ, исключая случайнаго интереса, какъ это, молъ, по-польски говорятъ на сценѣ. Пьесы съ тенденціей, буде таковыя имѣются, не попадали на нашу сцену, своего Фредро только поляки могутъ принимать за Мольера, а ихъ новѣйшіе авторы рисуютъ бытъ, который въ нашемъ обществѣ, взволнованномъ и проникнутомъ социальными идеями, кажется

чѣмъ-то старосвѣтскимъ и до-реформеннымъ. Наконецъ, главное основаніе польскаго театра, какъ и другихъ сценъ, составляетъ французскій репертуаръ, а въ Петербургѣ тѣ же пьесы можно удобнѣе видѣть на французскомъ языкѣ или въ русской передѣлкѣ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, польскій театръ въ Петербургѣ былъ явленіемъ совершенно неразумнымъ, не имѣвшимъ никакого прочнаго задатка на успѣхъ. Польскія труппы просуществовали недолго. То, что сказано о польскомъ театрѣ, относится и до минутнаго увлеченія у насъ малороссійскимъ театромъ.

Мы глубоко убѣждены, что отъ свободы театровъ въ будущемъ можно ожидать только поощренія разврата. Если правительство регламентируетъ аптеки, то еще съ большимъ правомъ оно должно регламентировать театры: послѣдніе въ состояніи отравить публику почище всѣхъ аптекъ въ сложности. Дозволяя безграничную свободу сценическихъ представленій, мы создадимъ только массу балагановъ и отдѣльныхъ псевдо-знаменитостей, но не создадимъ ни одной сцены, ни одной серьезной труппы. „Цензура нравовъ“ безусловно необходима для всякаго рода публичныхъ представленій и безъ нея не обходится ни одно самое свободное государство въ мірѣ. Строгость идетъ даже въ этомъ случаѣ обратно пропорціонально прочимъ „вольностямъ“. Такъ, въ Англіи ни одинъ театръ не поставитъ у себя теперь тѣхъ скабрзныхъ комедій Уичерли и Конгрива, которыя свободно игрались въ семнадцатомъ столѣтіи.

Въ 1888 г. во Франціи возбуждался вопросъ объ отмѣнѣ, экономіи ради, цензуры для драматическихъ произведеній, возникающій тамъ періодически и до сихъ поръ всегда разрѣшаемый отрицательно. „Figaro“ пожелалъ выслушать мнѣніе по этому вопросу нѣкоторыхъ корифеевъ французской драматической литературы—лицъ, которыхъ интересы наиболѣе связаны съ существованіемъ театра. А. Дюма, Ренанъ, Зола, Додэ, Э. Ожье написали свои мнѣнія и всѣ, кромѣ Зола, склонялись къ необходимости сохраненія цензуры. Мнѣніе Зола о томъ, что торговля зрѣлищами то же самое, что торговля свѣчами, не болѣе какъ остроумный

парадоксъ. И торговлѣ свѣчами и саломъ вовсе не представлено полной свободы, торговая полиція слѣдитъ и за этимъ промысломъ и преслѣдуетъ фальсификаціи. Еслибы, какъ справедливо указалъ Ренанъ, театръ оставался удѣломъ образованнаго кружка, какимъ былъ сто лѣтъ назадъ, то само собою никакой цензуры давно бы не слѣдовало имѣть, но театръ демократизируется; на одинъ театръ съ эстетическими задачами приходится теперь десять театровъ и кафе-шантановъ, преслѣдующихъ исключительно меркантильныя цѣли; для этого рода зрѣлищъ одного внѣшняго полицейскаго надзора за порядкомъ недостаточно. Никакое государство, устанавливающее наказаніе за развратъ, не должно терпѣть публичной проповѣди послѣдняго на сценѣ, хотя бы и въ замаскированной формѣ.

Вообще весьма заблуждаются тѣ, которые въ свободѣ видятъ средство поднять въ Россіи сцену. Свобода, конечно, увеличить число мѣстъ зрѣлищъ и развлеченій, но такъ какъ инстинкты и вкусы массы публики грубы и анти-эстетичны, то удовлетвореніе этихъ инстинктовъ составитъ важнѣйшую задачу частной антрепризы, для которой хорошій дивидендъ поважнѣе всякихъ эстетикъ. Въ подтвержденіе справедливости этого воззрѣнія можно привести и примѣръ Парижа, гдѣ за двадцать лѣтъ свободы театровъ не создано ни одной серьезной новой сцены, а, наоборотъ, уничтожилась итальянская опера, составлявшая любимое развлеченіе лучшей части парижскаго общества.

Одною изъ мѣръ для поощренія у насъ частныхъ театровъ въ столицѣ было ограниченіе казенныхъ сценъ давать представленія въ посту. Каждый разъ съ наступленіемъ великаго поста возбуждалось недоумѣніе, почему продолжается запрещеніе именно на всѣ нравственныя и разумныя зрѣлища, каковы оперные и драматическіе спектакли дирекціи, а рядомъ процвѣтаютъ цирки, фокусники, соблазнительныя живыя картины, куплеты и какъ вѣнецъ всего — оперетка, распѣваемая дѣвицами самаго невеликопостнаго направленія, декольтированными не только сверху, снизу, но даже и сбоку.

Въ оправданіе этого говорятъ, что спектакли оставлены лишь для многочисленныхъ въ Россіи иностранцевъ и ино-
вѣрцевъ. Но еслибы это было такъ, то слѣдовало бы при
выдачѣ въ кассахъ билетовъ требовать представленія пас-
портовъ съ визами консуловъ. Въ дѣйствительности же
наши экономные иностранцы менѣе всего посѣщаютъ въ
посту спектакли, и всѣ театры, а особенно веселые, напол-
нены русскими и православными. Наконецъ, далеко не
одними иностранными спектаклями ограничивается велико-
постный репертуаръ: цыганское пѣніе съ „восточными
плясками“, скабрёзныя шансонетки съ неприличными тѣло-
движеніями и гражданско-кабацкими мотивами, исполняе-
мая русскими на этотъ счетъ специалистами, являются по-
стоянно на афишѣ. Въ живыхъ картинахъ пѣлуются, об-
нимаются и всячески амуруются также все русскіе дамы и
кавалеры.

Мотивъ къ воспрещенію серьезныхъ и скромныхъ зрѣ-
лищъ выставляется обыкновенно религіозный. На это осо-
бенно напиралъ въ свое время московскій митрополитъ
Филаретъ. Христіанская-де церковь проклѣяла театральныя
представленія, такъ неудобно позволять ихъ въ тѣ дни,
которые особенно чтятся церковью. На это можно замѣ-
тить, что то, что проклято церковью, не слѣдовало бы по-
ощрять ни въ какіе дни года. Къ счастью, запретъ, поло-
женный церковью на зрѣлища, ровно никакого отношенія
къ современному театру не имѣетъ.

Отцы церкви, очевидно, могли порицать и проклипать
только то, что они знали и видѣли, и едва ли въ своихъ
заклятіяхъ они являлись какими-то пророками въ буду-
щемъ, распространяя анафемы на такіе виды искусства, о
которыхъ никто не могъ имѣть и отдаленнаго подозрѣнія
въ первые вѣка христіанства. Весьма понятно, что и до
аскетическаго направленія, охватившаго церковь въ V-мъ
вѣкѣ, христіане не могли равнодушно относиться къ тѣмъ
зрѣлищамъ, которыя давались публикѣ въ Римской импе-
ріи; цирки, гдѣ убивали, жгли, терзали живыхъ людей на
потѣху развращенной толпѣ, конечно, не могли рекомен-
доваться; комедія являлась въ формѣ непристойныхъ фар-

совѣ, а трагедія, вытекшая изъ языческаго ритуала, въ основаніи своемъ имѣла фатумъ, вовсе не вязавшійся съ понятіемъ христіанъ о промыслѣ Божіемъ. Да и означенныя драматическія представленія въ первые вѣка христіанства никакой роли уже не играли, циркъ стоялъ на первомъ планѣ въ ряду увеселеній, представленіямъ его давали такую важность, что историки временъ имперіи заносили многія изъ нихъ въ число важнѣйшихъ событій. Циркъ главнымъ образомъ и имѣли въ виду отцы церкви.

Но какъ могли они имѣть что либо противъ современнаго театра, который даже въ первоначальной формѣ созданъ только въ XVI и XVII столѣтіяхъ, а нѣкоторые виды представленій, какъ опера и балетъ, выработали свои настоящія формы въ XVIII столѣтіи. Едва ли можно думать, чтобы тѣ же отцы, которые сдѣлали музыку, пѣніе, пляски и обличеніе пороковъ сатирическою проповѣдью, принадлежностью церковнаго ритуала, приравнивали бы современные правоучительныя комедіи, патріотическія оперы и скромныя пляски къ боямъ гладіаторовъ, гдѣ рѣзали и душили ни въ чемъ неповинныхъ рабовъ и плѣнниковъ, и терзали праведниковъ дикими звѣрьми. Театръ въ лучшемъ видѣ, какъ онъ теперь существуетъ, есть мѣсто, гдѣ разныя искусства сочетаются для произведенія наибольшаго впечатлѣнія на массу; онъ имѣетъ столько же воспитательное, сколько и эстетическое значеніе; христіанство никогда враждебно искусству не было. Даже самый аскетизмъ придавалъ ему одностороннее гіератическое направленіе, но не выступалъ рѣшительнымъ противникомъ искусства.

Всѣ искусства, къ тому же, сами по себѣ, не исключая скульптуры и танцевъ, весьма цѣломудренны, нравственность нарушаетъ не искусство, а злоупотребленіе имъ, но для послѣдняго во всѣхъ странахъ существуетъ театральная цензура и полиція. Впрочемъ, между соборными запрещеніями и ст. 205 XIV тома нашего Свода Законовъ нѣтъ ничего общаго. Статья эта образовалась не изъ остатковъ каноническаго права, а изъ именнаго указа императора Павла дѣйствит. тайн. совѣтн. князю Юсупову, отъ 22-го декабря 1796 г., по которому „вольные спектакли“, т. е.

представленія на частныхъ театрахъ, запрещались въ посты великій и успенскій и въ нѣкоторые другіе дни. Между прочимъ представленія были запрещены во всѣ субботы и за двѣ недѣли до Рождества. Дни, въ которые спектакли были запрещены, мѣнялись затѣмъ нѣсколько разъ; это доказываетъ, что воспрещеніе никакого каноническаго значенія не имѣло, а зависѣло отъ усмотрѣнія свѣтской власти, которая, то сокращая, то увеличивая число запретныхъ дней, думала оказать этимъ услугу нравственности, забывая, что мы живемъ не въ такое время, когда дѣйствительно возможно полное прекращеніе во время поста всякаго рода развлеченій, не исключая и публичныхъ.

Трудно предположить, что такимъ путемъ возможно увеличить число посѣтителей храмовъ въ посту. Слава Богу, у насъ въ храмахъ недостатка въ молящихся не бываетъ, да и еслибы церковная служба и не привлекала нѣкоторую часть равнодушной къ религіи и ея обрядностямъ публики, то, конечно, силою привлекать ее къ тому было бы не въ духѣ православной церкви. Въ этомъ смыслѣ высказался уже въ свое время покойный митрополитъ Инноцентій, мнѣніе котораго, конечно, компетентнѣе, чѣмъ мнѣніе штатскихъ іезуитовъ à la Мещерскій, проповѣдующихъ, что даже устройство обыкновенныхъ баловъ по субботамъ есть дѣло возмутительное. Православная церковь пренебрегаетъ не только принужденіемъ, но такими средствами, къ которымъ прибѣгаетъ теперь католическая церковь на Западѣ, которая для привлеченія публики вступаетъ въ конкуренцію съ публичными зрѣлищами, приглашаетъ въ церкви лучшихъ пѣвцовъ и музыкантовъ и кладетъ музыку органа на мотивы вальсовъ изъ оперетокъ, и даже колокольный звонъ на фантазіи изъ итальянскихъ оперъ! Во всякомъ случаѣ, если стоять исключительно на церковной точкѣ зрѣнія, то слѣдовало бы воспретить въ посту не только казенные спектакли, но прежде всего всѣ такого рода развлеченія и увеселенія, которыя являются соблазнительными для времени молитвы и покаянія. Теперь же становится непонятнымъ, почему во время дней покаянія слушать „La fille de m-me Angot“ и „Mascotte“

можно, а „Жизнь за Царя“, гдѣ проповѣдуется въ эффектной формѣ беззавѣтное исполненіе долга, или „Рогнѣду“, изображающую торжество христіанства надъ язычествомъ—нельзя. Казенный балетъ причисленъ къ „русскимъ“ спектаклямъ и потому запрещенъ, хотя ногами и руками ни по-русски, ни на иностранныхъ языкахъ говорить нельзя, между тѣмъ такія же балетныя представленія даются въ посту въ циркѣ.

Запрещеніе драматическихъ спектаклей еще менѣе можетъ быть объяснено. Представленіе какой либо комедіи равносильно публичному чтенію ея для массы. Публику занимаетъ здѣсь не то, что одинъ господинъ, надѣвъ фракъ, машетъ руками, а другой, въ пиджакѣ, сидитъ въ креслахъ, скрестивъ ноги, а мысль автора, вложенная имъ въ уста актеровъ. Но въ такомъ случаѣ логика бы требовала запрещенія въ посту чтенія всякихъ произведеній мысли, романовъ, газетъ и т. д., ограничиваясь тропарями и кондаками. Церковь этого и требуетъ. Но возможно ли согласить подобное, въ своемъ родѣ весьма логичное, желаніе съ условіями современной дѣйствительности? Очевидно нельзя, какъ нельзя, признавая, напримѣръ, въ законѣ обязанность посѣщать обѣдню, требовать, чтобы для нея отрывались отъ своихъ обязанностей кондукторы желѣзныхъ дорогъ, полицейскіе, почтальоны, доктора, хлѣбопеки и т. д.

Нельзя забывать также, что жизнь такъ сложна, что, гоняясь за удовлетвореніемъ одного христіанскаго идеала, мы непременно нарушимъ другой. Милосердіе составляетъ, конечно, болѣе сущность христіанскаго ученія, чѣмъ строгое соблюденіе въ постное время ограниченій, установленныхъ для развратныхъ зрѣлищъ начала нашей эры, между тѣмъ, ради послѣдняго, вопреки милосердію, можетъ пострадать теперь неповинно не мало людей. „За нѣсколько тысячъ человѣкъ, говорила какъ-то одна газета, можно смѣло поручиться, что для нихъ два мѣсяца отъ окончанія масляницы до Фоминой недѣли, будутъ имѣть полное значеніе *великаго поста*. Люди эти—актеры всѣхъ россійскихъ частныхъ театровъ съ ихъ семьями... Два мѣсяца поста, дѣйствительно, покажутся имъ временемъ полнаго воздер-

жанія, такъ какъ большинству изъ нихъ придется кормиться буквально чѣмъ Богъ послалъ"... Да и не одни актеры страдаютъ, а цѣлыя тысячи людей: музыкантовъ, статистовъ, театральныхъ служителей и другихъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ сценѣ. Гораздо болѣе по-христіански было бы накормить этихъ бѣдняковъ, чѣмъ думать запрещеніемъ нѣсколькихъ спектаклей привлечь ко всенощной такую часть публики, которая и послѣ молитвы не прочь прокатиться на тройкахъ къ цыганкамъ.

Реформатская дѣятельность театральнаго управленія распространилась, какъ мы сказали, и на Москву, и тамъ вызвала столько же неудовольствій и опасеній, сколько и въ Петербургѣ. „Русь“ выступила защитницею автономіи московскихъ театровъ и резонно доказывала, что стремленіе къ какому-то „единству труппы“ можетъ превратить нашихъ артистовъ въ странствующихъ комедіантовъ. „Единство труппы! Зачѣмъ, спрашивалъ Аксаковъ. То и было хорошо, что единства не было, что каждая сцена имѣла свою исторію, свои преданія, свою школу и служила нѣкоторымъ образомъ отраженіемъ вкуса, нравовъ и эстетическаго развитія мѣстной публики. Москва и Петербургъ—это два разныхъ міра: одинъ въ сердцѣ Россіи, другой, хоть и въ предѣлахъ еще Россійской имперіи, однакожъ на самой ея окраинѣ, вдобавокъ не русской; одинъ—первопрестольная столица русской земли, средоточіе русской народной жизни, другой—городъ чиновниковъ и гвардейцевъ, сѣдалище опутавшаго жизнь Россіи бюрократизма“.

И именно московскій театръ славился своими художественными традиціями; его лѣтопись—лѣтопись русскаго драматическаго искусства по преимуществу; онъ воспиталъ не только знаменитѣйшихъ актеровъ-мастеровъ, но и драматурговъ. Не смотря на постоянныя мелочныя стѣсненія и до послѣдняго времени московская труппа умѣла достичь извѣстнаго совершенства, чѣмъ, по мнѣнію Аксакова, вѣроятно и провинилась передъ Петербургомъ.

„Отнынѣ, продолжаетъ „Русь“, осѣдлой московской сцены, съ цѣльностью труппы, съ непрерывностью артистическихъ преданій—уже не будетъ. Такъ угодно Петер-

бургу. Зачѣмъ Москвѣ имѣть лучшихъ актеровъ, хотя бы ею самую воспитанныхъ? въ ней вѣдь генералитета и вообще казенныхъ людей меньше. На этомъ, вѣроятно, основаніи, въ то время какъ для петербургской публики существуетъ четыре казенныхъ театра, въ Москвѣ ихъ всего два, и русская драматическая сцена — на все громадное населеніе, почти не уступающее петербургскому — должна довольствоваться однимъ Малымъ театромъ, вмѣщающимъ въ себѣ очень малое число публики... Странное поведеніе петербургскихъ начальствъ относительно первопрестольной, народной русской столицы, странное стремленіе умалять постепенно ея значеніе и держать въ черномъ тѣлѣ!..“

Эта іереміада имѣла полное основаніе. Театръ не казарма, искусство — растеніе очень нѣжное и обращаться съ нимъ надобно весьма умѣлыми руками. Прилагать же къ искусству чисто канцелярскіе приемы, значитъ прямо идти къ уничтоженію искусства. И безъ того вертоградъ російскихъ музъ такъ бѣденъ. Единство управленія, впрочемъ, хотя и ухудшило московскіе театры, но для Петербурга ихъ артистическихъ силъ не ослабило. Послѣднія захирѣли сами по себѣ. Если дѣло такъ пошло въ Москвѣ, то о провинціи говорить нечего.

Одесситы съ гордостью показываютъ теперь всѣмъ прїѣзжимъ великолѣпное зданіе театра, воздвигнутое городскою думою. Подъѣзды, галлерей, фойэ, все это въ новомъ театрѣ верхъ изящества, мебель даже въ райкѣ орѣховая, съ темно-малиновымъ плюшемъ, масса статуй и барельефовъ, въ отдѣлкѣ мозаика, лапись-лазурь, мраморъ, позолота, на порталахъ колоссальныя изваянія музъ. Все это стоило городу бездѣлицу — 1.200,000 рублей!

Но вотъ обратная сторона. Театръ построенъ на 2,000 человѣкъ. Полный сборъ при оперѣ 2,200 руб., при драмѣ 1,700 руб. Всего сбора возможно въ мѣсяцъ 60,000 р., а расходы на оперу 40,000 р. въ мѣсяцъ и на драму 20,000 р. Такимъ образомъ антрепренеры всегда будутъ въ убыткѣ, хотя городъ даетъ до ста тысячъ въ годъ безвозмездно въ пользу антрепренеровъ и, кромѣ того, костюмы на 25,000 р.

и всю театральную обстановку. Но такъ какъ едва ли возможно рассчитывать въ среднемъ и на половину полныхъ сборовъ, то надобно думать, что безъ огромной субсидіи, городской театръ въ Одессѣ въ приличномъ видѣ существовать не можетъ и новый театръ невольно вызоветъ большой расходъ, который Одесса, по неразумію своихъ муниципаловъ, легкомысленно возложила надолго на себя. Дурной примѣръ слишкомъ заразителенъ и вотъ уже Тифлисъ возводитъ монументальное зданіе для театра.

Театръ играетъ слишкомъ замѣтную теперь роль въ современной общественной жизни. Онъ сдѣлался потребностью значительнаго класса населенія, поэтому въ принципѣ мы не имѣемъ ничего противъ того, чтобы и наши провинціальныя города удѣляли часть своихъ средствъ на поддержаніе хорошихъ театральныхъ зрѣлищъ. Не о единомъ хлѣбѣ человѣкъ живъ бываетъ. Жизнь, напримѣръ, въ третьестепенныхъ городахъ Италіи оттого такъ пріятна даже для иностранцевъ, что муниципалитеты поддерживаютъ театральныя антрепризы, наवरстывая свои затраты другими средствами. У насъ точно такъ же города только выиграютъ въ матеріальномъ отношеніи, если сдѣлаютъ жизнь для развитаго человѣка у себя сносною, а театръ именно одно изъ средствъ украсить существованіе. Но между благоразумною поддержкою и неблагоразумнымъ мотовствомъ — огромная разница. Сооруженіе же для театровъ огромныхъ дворцовъ есть именно мотовство, ничѣмъ не оправдываемое, которое не поддерживаетъ, а губитъ драматическое искусство, не говоря уже о томъ, что всѣ театры среднимъ числомъ въ тридцать лѣтъ непременно сгораютъ отъ пожара, слѣдовательно къ расходу на постройку роскошныхъ дворцовъ надобно прибавить огромные расходы на погашеніе цѣнности этихъ построекъ.

Достоинства театра вовсе не въ плюшевыхъ скамьяхъ въ райкѣ; это нелѣпая роскошь, совершенно бесполезная и безцѣльная для людей, которые и у себя дома не привыкли къ какой бы ни было мягкой мебели. Хорошій театръ тотъ, который имѣетъ удовлетворительный ансамбль въ исполненіи, приличный, разнообразный репертуаръ и удо-

влетворяетъ эстетическимъ требованіямъ. Ничего подобнаго нельзя имѣть въ провинціальномъ городѣ, затративъ сотни тысячъ и милліоны рублей на постройки и позолоту.

Парижъ ужъ на что богатый городъ, но и онъ ухудшилъ свою оперу, когда затратилъ 40 милл. франковъ на постройку, знаменитаго по безвкусію, роскоши и несообразію, зданія Grand opera. Огромной субсидіи въ 900 тысячъ франковъ въ годъ едва хватаетъ, чтобы содержать зданіе, подметать его, освѣщать и пр.; о художественныхъ затратахъ нечего и думать. Дѣло дошло до того, что съ трудомъ нашли антрепренеровъ, желавшихъ воспользоваться огромной субсидіей, и пришлось дѣлать имъ разныя уступки, именно въ художественной части. Та же исторія въ Женевѣ. Городъ этотъ изъ наслѣдства, завѣщаннаго герцогомъ Брауншвейгскимъ, употребилъ 6 милл. франковъ на постройку великолѣпнѣйшаго городского театра, но такъ какъ, не смотря на богатство Женевы, публики мало и сборы очень плохи, то театръ весьма жалокъ и совсѣмъ не соотвѣтствуетъ зданію.

Одессѣ угрожаетъ подобная же участь. Или городъ долженъ будетъ давать огромную субсидію, что весьма невѣроятно, или антреприза будетъ нести убытки. Для покрытія послѣднихъ у ней останется два выхода: или ухудшить репертуаръ, расширяя отдѣлъ оперетки и глупыхъ мелодрамъ, или же обирать артистовъ. Между тѣмъ участь провинціальныхъ драматическихъ артистовъ, да и вообще артистовъ частныхъ труппъ, у насъ самая горькая. Это въ полномъ смыслѣ слова пролетаріи, ничѣмъ не обезпеченные въ существованіи и вѣчно голодающіе. Въмѣсто позолоты на креслахъ, было бы болѣе благоразумно позаботиться объ ихъ участи. Безъ роскошныхъ креселъ можно еще обойтись, самые лучшіе парижскіе и итальянскіе театры очень бѣдно отдѣланы, безъ хорошихъ же артистовъ театръ немыслимъ. Онъ обращается иначе изъ „храма искусствъ“ въ балаганъ, или еще хуже, въ домъ терпимости. При этомъ, если составъ провинціальныхъ труппъ ухудшается, то непременно соотвѣтственно падаетъ и достоинство образцовыхъ столичныхъ труппъ; для нихъ провинціальныя труппы

своего рода резервуаръ, служа съ одной стороны школою молодымъ артистамъ-дебютантамъ, съ другой — принимая избытки казенной труппы, которая должна постоянно обновляться.

Ухудшеніе репертуара подъ вліяніемъ антрепренеровъ, старающихся лишь зашибить копѣйку, стало вопросомъ весьма важнымъ. „Новое Время“ справедливо замѣтило, разбирая какъ-то на первой страницѣ газеты, гдѣ обыкновенно третируются матеріи скучныя, вопросъ объ опереткѣ: „понятіе о матеріяхъ важныхъ и не важныхъ очень гибко, и Богъ вѣсть еще, что важнѣе въ настоящее время для будущихъ судебъ Россіи — конъюнктуры ли испанской политики, положеніе соціальнаго вопроса въ Ирландіи, или пріѣздъ новой опереточной звѣзды?“ Газета полагала, что послѣднее поважнѣе многого другого, что считается по старой памяти очень важнымъ.

Оперетка, дѣйствительно, вовсе не такая пустая вещь, какъ кажется съ виду. Это не одинъ только способъ для мужчинъ безъ признака таланта, но съ сильными акцентами польскими, чешскими, армянскими, жидовскими и молдаванскими, для женщинъ съ еще меньшими задатками дарованія, но съ роскошными формами *de la ceinture en haut* и *en bas*, и для антрепренеровъ изъ трактирныхъ служителей и отставныхъ цирюльниковъ, зарабатывать денежное пропитаніе, увеселяя тупоумную и развратную толпу. Оперетка становится съ одной стороны каедрой, откуда проповѣдываются нашему обществу нравственные, политическіе и общественные идеалы, съ другой — въ опереткѣ мало-по-малу совмѣщаются всѣ отрасли нашего сценическаго искусства, и безъ того стоявшаго такъ непрочное. Словомъ, если Вольтеръ когда-то кощунственно называлъ обѣдню „оперою для бѣдныхъ“, то оперетка и для богатыхъ, и для бѣдныхъ угрожаетъ замѣнить у насъ и университетъ, и академію художествъ, и консерваторію, а можетъ быть и обѣдню.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣщены были любопытныя свѣдѣнія, какъ опереточная манія охватила все тифлисское общество отъ стараго до малаго, какъ въ мѣст-

ной официальной газетѣ появились стихи въ честь канкана и какъ чиновники главнаго кавказскаго управленія начали стрѣлять другъ въ друга. И все это сдѣлалъ прїѣздъ г-жи Сѣтовой, полной блондинки съ крикливымъ голосомъ и весьма микроскопическимъ талантомъ. „Здѣсь есть о чемъ подумать, писалъ корреспондентъ: къ кавказскимъ первобытнымъ народамъ, съ ихъ примитивными правами, съ ихъ крѣпкими семейными устоями, столь же первобытнымъ, каковы были германцы въ отношеніи къ римлянамъ во времена упадка и разложенія Римской имперіи, мы заносимъ растлѣніе правовъ, парижскій канканъ съ широко раскрытымъ подоломъ и высоко поднятою ногою, французскую болѣзнь, оскорбляющія народную нравственность зрѣлища публичныхъ домовъ, всеобщую свистопляску...“

Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ находилъ далѣе, что регулировать наши театральныя зрѣлища есть прямая обязанность цензурныхъ учреждений. Столицы не такъ еще страдаютъ отъ господства канканнаго направленія на сценѣ. Рядомъ съ опереткою публика можетъ посѣщать и посѣщаетъ серьезные концерты музыкальнаго общества и концерты выдающихся виртуозовъ и хорошія драмы, и хорошо исполняемыя оперы. При интеллигентномъ управленіи наша дирекція, безъ особаго труда, могла бы успѣшно соперничать съ опереткою не только зимою, но и лѣтомъ. Другое дѣло провинція. Тамъ положительно оперетка губитъ и оперное, и драматическое дѣло. Рядомъ съ „драматическимъ кабакомъ“, при неразвитости нашей публики, при бѣдности ея эстетическаго образованія, при обезьянскомъ увлеченіи модою, даже самой глупой, при отсутствіи критики и при склонности къ скабресному, другіе виды драматическихъ зрѣлищъ существовать не могутъ. Они кажутся скучными. Русская опера въ провинціи, уже можно сказать, погибла подъ напоромъ оперетки и всѣ десятилѣтнія усилія консерваторій къ созданію персонала своихъ пѣвцовъ пропали даромъ; такая же участь готовится и русскому драматическому искусству. При большей развязности инородцевъ, мы видимъ ихъ преобладающими на опереточныхъ сценахъ. Такимъ образомъ черезъ

нѣсколько лѣтъ выдающійся персоналъ нашихъ провинціаль-
ныхъ театровъ будетъ состоять изъ невозможной жидов-
ско-космополитической смѣси, въ которой чисто русскаго
элемента не останется.

Если болѣзнь извѣстна, то леченіе ея не менѣе ясно.
По нашему мнѣнію, средства для борьбы съ возрастающей
волной оперетки общество должно искать не въ полицей-
скихъ только ограниченіяхъ, а въ самомъ себѣ. Прежде
всего слѣдуетъ осмотнительнѣе быть въ выборѣ зрѣлищъ.
Никогда въ Парижѣ порядочное семейство не поѣдетъ въ
мелкій бульварный театрикъ, развѣ въ видѣ исключенія.
Эти театры, гдѣ процвѣтаетъ оперетка, прибѣжище содер-
жаноеъ, кокотокъ и всякихъ дамъ полусвѣта. У насъ не
то: какойнибудь папаша для увеселенія везетъ своихъ
дочерей и даже дѣтей въ „Аркадію“. Но отчего же ужъ
не прямо къ Марцинкевичу или въ „Орфеумъ“, гдѣ также,
вѣроятно, очень весело. Это касается не одной оперетки.
Въ былое время дѣвицъ высшаго круга въ Михайловскій
театръ вовсе не возили, а средняго увозили передъ по-
слѣднимъ водевилемъ, обыкновенно скабрзнымъ. Теперь
подобная pruderie показалась бы смѣшной. А строго го-
воря, смѣшного тутъ ничего нѣтъ, ибо, приучаясь съ дѣт-
ства видѣть, что любовники всегда правъ и милъ, а мужъ
всегда глупъ и виноватъ, молодая женщина невольно вы-
рабатывается въ тотъ скверный типъ Полетты, который
талантливая графиня Малы изобразила съ такою мѣт-
костью въ „Autour du Mariage“.

Затѣмъ на стражѣ нравственности должна стать и пе-
чать. Послѣдняя до сихъ поръ дѣйствовала прямо въ про-
тивоположномъ направленіи, иногда даже явно сводничая
публику съ артистами публикаціями о томъ, что такая-то
свободна, такой-то любовникъ сбавилъ пенсію, такая-то
поссорилась съ тѣмъ-то и т. д. Суровая, когда рѣчь идетъ
о казенныхъ театрахъ, считая даже презрительное отно-
шеніе къ казенной сценѣ чуть не гражданскимъ подви-
гомъ политическаго радикализма, та же печать пресмы-
кается передъ антрепренерами драматическихъ кабаковъ.
Какъ только рецензіи касаются оперетокъ и тому подоб-

ныхъ вещей на частныхъ сценахъ, онѣ обращаются въ диѳирамбы. Директоры этихъ сценъ называются не иначе, какъ „многоуважаемыми Болеславами Станиславовичами“, постановки, „по обыменовію, роскошными и поразительно блестящими“, кувырканія и козлоглосованіе артистовъ, точно вырвавшихся изъ Вавилонской башни послѣ смѣшенія языковъ, „даровитою и полною жизни игрою“, жеманныя ужимки и неприличные тѣлодвиженія сорокалѣтнихъ пѣвицъ—„непостижимо граціозными и поэтически-цѣломудренными“. Были выраженія и почище этого. Мы увѣрены, что на половину одуреніе бѣдныхъ тифлисцевъ зависѣло отъ тѣхъ рекламъ, которыя они почти ежедневно вычитывали въ петербургскихъ газетахъ.

Если буржуазія наша отравляется опереткою, то и для низшихъ классовъ услужливые люди также заготовили своего рода заразу. Хроникеръ „Новаго Времени“, сдѣлавъ однажды весьма правдивое и нисколько не преувеличенное описаніе публичныхъ баловъ Петербурга, извѣстныхъ въ старину подъ именемъ „танцъ-классовъ“, съ грустью замѣтилъ въ заключеніе: „вотъ какъ въ центрѣ города увеселяются ежедневно тысячи петербуржцевъ, купаясь въ смѣси канкана съ водкой, вотъ гдѣ и какъ цивилизуется петербургское работающее населеніе“... Одновременно извѣстный присяжный моралистъ г. Евг. Марковъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, разбирая быстро возрастающее въ массѣ стремленіе къ увеселеніямъ, обращающееся въ ежедневную потребность, отвѣтомъ на которую служатъ доступныя каждому поденщику, каждой кухаркѣ заведенія, гдѣ они могутъ наслаждаться оркестрами музыки, фонтанами, картинами, обнаженными женщинами и виномъ, восклицалъ: „этотъ постоянно разрастающійся въ народной толпѣ вкусъ къ блестящимъ публичнымъ забавамъ развращаетъ толпу, дѣлаетъ ее сластолюбивою и циничною, завистливою и ненавидящею. Эта психическая зараза опаснѣе многихъ пугающихъ насъ вещественныхъ контагіевъ!“

Не становясь даже на такую широкую философскую точку зрѣнія, а пребывая въ узкой практической сферѣ,

нельзя не сознаться, что указываемыя обоими публицистами явленія заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться.

Изъ кого состоитъ публика шато-дефлеровъ, орфеумовъ и т. п. притоновъ разврата, которые мало-по-малу устраиваются во всѣхъ значительныхъ городахъ? Это мелкіе чиновники, приказчики, прислуга и затѣмъ масса женщинъ изъ мастерскихъ. Конечно, въ означенной толпѣ пребываетъ всегда порядочный процентъ трактирныхъ завсегдатаевъ и публичныхъ женщинъ, но не о нихъ можетъ идти рѣчь. Что въ концѣ концовъ извлекаютъ для себя вышеозначенные трудящіеся элементы среди подобныхъ увеселеній? Мы уже не говоримъ о нравственной заразѣ, но физически какъ должны вліять на эту толпу бессонныя напролетъ ночи? Еще ужаснѣе зараза эта въ экономическомъ отношеніи.

Человѣкъ съ извѣстнымъ достаткомъ, кромѣ рѣдкихъ исключеній, не будетъ искать развлеченій въ подобныхъ заведеніяхъ; они привлекаютъ только людей неприхотливыхъ и небрезгливыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. людей класса ниже средняго, со средствами ограниченными, съ жалованьями скромнѣйшими. Извѣстенъ довольно хорошо размѣръ заработковъ такого люда: онъ колеблется въ Петербургѣ, напр., отъ 25 до 100 рублей въ мѣсяцъ, очень рѣдко превосходя послѣднюю цифру и даже рѣдко ее достигая. Теперь посмотримъ, какой расходъ вызываетъ посѣщеніе публичныхъ баловъ. Одинъ входъ стоитъ рубль, затѣмъ надобно заплатить за храненіе платья; прибавить расходъ на закуску и на удовлетвореніе жажды, которая въ подобныхъ учрежденіяхъ имѣетъ особое свойство обостряться, составитъ уже, по крайней мѣрѣ, два рубля расхода. Другими словами, посѣщеніе увеселительныхъ притоновъ, даже не ежедневное, должно проглотить въ столицѣ весь заработокъ мелкаго служащаго. Оно и для человѣка достаточнаго не показалось бы маленькимъ расходомъ.

Откуда же нибудь берутся, однако, тѣ сотни тысячъ рублей, которыя ежегодно загребаютъ содержатели выше-

означенныхъ заведеній, питаются же чѣмъ нибудь и тѣ феи, которыя наводняютъ эти заведенія? Деньги, конечно, берутся изъ тѣхъ кармановъ, гдѣ онѣ лежатъ, т. е. изъ кармановъ лицъ, орфеумовъ не посѣщающихъ. Еслибы посчитать, сколько ежедневно чинится подлоговъ, обмановъ, мошенничества, мелкаго и крупнаго воровства въ конторахъ, магазинахъ, лавкахъ и частныхъ домахъ, чтобы найти средства для питанія публичнаго разврата, то публика навѣрное ужаснулась бы.

Большинство игнорируетъ эту болячку, а полиція терпитъ ее, если даже не оказываетъ офиціозное покровительство, содѣйствуя мирному разрѣшенію происходящихъ въ заведеніяхъ разныхъ дракъ и буйствъ, безъ помощи протоколовъ и тасканій въ участки. Совсѣмъ не такова должна быть роль полиціи: она обязана всячески пресѣкать развитіе подобныхъ притоновъ и сдѣлать существованіе ихъ рискованнымъ и невыгоднымъ. Ограниченіе увеселительныхъ заведеній вызоветъ, конечно, вопль въ извѣстной части нашей печати, принимающей близко къ сердцу все, что касается эксплуатаціи публики путемъ разврата. Мотивы для возраженій будутъ самыя демократическіе, лицемѣрная заботливость объ интересахъ меньшей братіи.

— „Вы хотите запретить веселиться мелкому люду, скажутъ эти господа,—между тѣмъ оставляете для высшихъ классовъ оперетку и право проводить ночи въ ресторанахъ и въ клубахъ“.

На это мы прежде всего отвѣтимъ, что были бы очень рады, еслибы были положены какіе либо предѣлы распространенію разврата на театральныхъ подмосткахъ, ничего не имѣемъ и противъ ограниченій всеночныхъ бдѣній въ большихъ ресторанахъ и особенно противъ ограниченія азартной игры въ клубахъ запрещеніемъ играть въ карты женщинамъ и обложеніемъ клубныхъ доходовъ въ пользу благотворительныхъ городскихъ заведеній—отъ картъ 25%, а отъ штрафовъ за позднее сидѣніе 75%. Но и безъ этого оба явленія нельзя, строго говоря, сравнивать между собою.

Для оперетки, какъ и для прочихъ драматическихъ представлений, есть все-таки цензура; театры посѣщаются публикой, которая извѣстнымъ воспитаніемъ приучаетъ вести себя болѣе или менѣе прилично, наконецъ, театры кончаются рано и могли бы оканчиваться еще ранѣе—въ Вѣнѣ они рѣдко продолжаются послѣ 10 часовъ вечера. Въ ресторанахъ собираются лишь люди со средствами или такіе, которымъ почему либо эти заведенія считаютъ возможнымъ открывать кредитъ. Въ клубѣ ограниченія имѣются, хотя и слабыя, въ надзорѣ старшинъ и въ извѣстномъ уровнѣ требованій порядочности, предъявляемомъ каждымъ клубомъ къ своимъ членамъ и гостямъ. Ничего этого нѣтъ и въ поминѣ въ тѣхъ притонахъ, о которыхъ мы ведемъ рѣчь. Они рассчитаны на соблазнъ трудящагося и неразвитаго класса неприличною музыкою, водкою, канканомъ и обществомъ женщинъ извѣстнаго рода.

Въ всякомъ случаѣ ничего общаго между демократизмомъ и означенными заведеніями не имѣется. Они скорѣе входятъ въ область надзора врачебно-полицейскаго комитета.

Франція, безъ сомнѣнія, теперь страна демократическая, а Парижъ считается даже и главою радикальной демократіи, нигдѣ, однако, нѣтъ такихъ ограниченій по части публичныхъ увеселеній, какъ въ Парижѣ. Въ 11 часовъ ночи всѣ его публичные залы закрываются и городская стража и городовые безъ церемоніи выталакиваютъ вонъ публику. О какихъ нибудь снисхожденіяхъ, которыхъ можно было бы достигнуть, сунувъ полицейскому чиновнику, какъ выражаются персіяне, „кусочъ грязи“, въ Парижѣ нѣтъ и помину. Намъ замѣтятъ, что Парижъ городъ все-таки достаточно развратный. Это вѣрно, но кто знаетъ, чѣмъ бы онъ былъ, еслибы полиція не стѣсняла еще всячески проявленія публичнаго разврата. Во время директоріи, какъ извѣстно, полиція была очень снисходительна, за то и оргіи достигали тогда возмутительно-колоссальныхъ размѣровъ.

Французская система даетъ, по крайней мѣрѣ, время рабочему населенію немного выспаться, а такая заботливость весьма существенна для народнаго здоровья. У насъ слѣдуетъ держаться подобной же системы: никакія публич-

ныя увеселенія, кромѣ какъ въ клубахъ и тѣхъ, на которыя получены спеціальныя разрѣшенія, не должны дозволяться позже полуночи, а затѣмъ каждое изъ заведеній, служащихъ для увеселенія публики, обязано четвертую часть своей входной платы отдавать въ пользу городовъ на благотворительныя нужды. Если эти двѣ мѣры не сократятъ числа притоновъ и ихъ публики, то останется одно — снова закрыть заведенія, какъ было до начала 60-хъ годовъ, когда опять разрѣшили танцъ-классы или такъ называемые „семейные балы“, что привѣтствовалось какъ одинъ изъ шаговъ на поприщѣ освобожденія городского населенія отъ административной опеки!

Предлагая мѣры противъ притоновъ, извѣстныхъ подъ названіемъ публичныхъ баловъ, мы были увѣрены, что непременно найдутся газеты, которыя вступятъ въ роли адвокатовъ означенныхъ притоновъ. Такія газеты немедленно явились. „Новости“ первыя возопили: „Нельзя сказать, чтобы предлагаемая мѣра была особенно остроумна, въ смыслѣ серьезнаго публицистическаго рѣшенія даннаго вопроса, хотя она и практикуется въ Парижѣ. Читатель, озабоченный порчею нравовъ, въ правѣ ожидать отъ журналистики, въ освѣщеніи и разрѣшеніи этого важнѣйшаго соціальнаго вопроса чего нибудь поновѣе и похитрѣе элементарныхъ классическихъ полицейскихъ мѣропріятій, до которыхъ и Сквозникъ-Дмухановскій „своимъ умомъ“ доходилъ“...

Это „поновѣе и похитрѣе“ предлагала „Петербургская Газета“. Этотъ органъ также обидѣлся предложеніемъ полицейскихъ ограниченій, въ доказательство недѣйствительности которыхъ сослался даже на римскую исторію! Римъ и „Марцинки“! Газетѣ „исторіи“, которыя рассказывала скотница Василиса, болѣе, вѣроятно, подходили бы, чѣмъ Титъ Ливій. Казалось бы, что тутъ общаго, но газета изъ означенной исторіи извлекла мораль, что полицейскія ограниченія ничего не стоятъ, а надо бы-де развитіе народнаго образованія.

Прекрасное открытіе, доказывающее, впрочемъ, малое знакомство съ римской исторіей, ибо образованнѣйшіе ри-

мляне, какъ Горацій, Марціалъ, Катуллъ, Петроній, и были развратнѣйшими. Во-вторыхъ, какъ это приложить образованіе къ публичнымъ баламъ? Слѣдуетъ ли дожидаться, чтобы вся Россія стала образованная, но это едва ли случится и въ XXV столѣтіи, или же дѣвицы изъ „Эльдорадо“ должны поступить на казенный счетъ на высшіе курсы. Но для этихъ дѣвицъ есть уже „пансіоны безъ древнихъ языковъ“. Такъ какъ двадцать пятаго столѣтія дожидаться долго, Петербургъ же очистить не худо, то, не смущаясь ссылками „Новостей“ на Гоголя и „Петербургской Газеты“ на Ювенала, можно въ такомъ простомъ вопросѣ дѣйствовать гораздо проще. Если на дворахъ замѣчаютъ нечистоты, то вѣдь дворникамъ не читаютъ лекцій гигиены или химіи (отдѣлъ о дезинфекціи), а приказываютъ убрать грязь; точно тѣ же разсужденія и приемы должны прилагаться и къ увеселительнымъ притонамъ.

Философы могутъ разсуждать о причинахъ „поврежденія правовъ“, историки могутъ проводить остроумныя параллели между вавилонскими блудницами и современными „жертвами общественнаго темперамента“, полиція же обязана дѣлать свое дѣло, т. е. всякое публичное проявленіе разврата пресѣкать. Намъ увѣряютъ, что этой мѣрой не уничтожить развратъ, что гдѣ нибудь онъ да проявится. Очень можетъ быть, но пока онъ еще проявится, его не будетъ тамъ, гдѣ онъ проявлялся. Развратъ можетъ быть будетъ по темнымъ закоулкамъ, гдѣ скопляется вообще всякая мерзость, но его не будетъ открыто въ центрѣ городовъ при электрическомъ и газовомъ освѣщеніи для соблазна работающаго класса.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЬ.

- Ааронъ II 69.
 Абаза А. А. I 112, 177, 254. II 100.
 Августинъ II 63.
 Аверкиевъ II 325.
 Авраамъ II 38.
 Адлербергъ Гр. В. II 332, 333.
 Адрианъ II 41.
 Аксаковъ К. I 227.
 Аксаковъ И. I 116, 148, 149, 249.
 II 4, 71, 79, 260, 268.
 Александровъ II 204.
 Александръ I-й I 23, 33, 36, 96,
 101, 121, 143, 144, 145, 209,
 229. II 1, 21, 25, 322.
 Александръ II-й I 26, 97, 98, 99,
 229, 268, 283. II 263.
 Александръ III-й I 161, 193.
 Алексѣй Михайл. I 41, 96, 227,
 257, 290. II 13, 301.
 Аленицинъ II 54, 55.
 Андреевъ Е. II 329.
 Андреевскій И. I пред. XVII 272,
 273.
 Андреевскій адв. II 204.
 Андреевна II 320.
 Анисимовъ I 17, 49.
 Анна Иванов. I 36, 226, 257. II 330.
 Анненковъ II 27, 146.
 Антокольскій II 302, 303.
 Антоновичъ II 265.
 Антоновичъ проф. II 300.
 Аракчеевъ гр. I 30, 31. II 16, 96,
 278.
 Аренскій II 314.
 Армфельдтъ гр. I 24.
 Арсеньевъ И. II 198.
 Асенова II 319.
 Бажановъ II 13.
 Баклундъ II 290.
 Бакстъ II 64.
 Балакиревъ II 314.
 Балашевъ I 24.
 Барановъ Н. М. I 166, 265.
 Барановъ гр. Э. I 55. II 140, 146,
 147.
 Барклай-де-Толли кн. II 15.
 Бартелеми С.-Илеръ I 197.
 Барятинскій кн. А. I 137.
 Бассано герц. II 270.
 Багтя I 199, 257. II 97, 298, 300.
 Байронъ II 265.
 Безакъ А. I 151.
 Безакъ Н. I 107.
 Безбородко кн. II 4, 319.
 Безобразовъ В. П. I 116, 330, 331.
 II 96, 99.
 Беккариа I 229. II 264.
 Бекаржевъ II 149, 150.
 Бенедетт I 197.
 Бенендорфъ гр. I 97. II 15.
 Бенигсенъ гр. II 15.
 Бентамъ II 264, 266.
 Бергъ гр. II 16.
 Бераръ-Вараньяеъ II 250, 251.
 Бердъ II 24.
 Берилова II 320.
 Бержере I 221. II 184, 186, 187,
 188, 189, 190.
 Бернаръ Сарра II 257.

- Берне II 35.
 Бернулли II 288.
 Бернсъ I 81.
 Бернштейнъ I 276, 277.
 Беррійскій герц. II 271.
 Бертенсонъ I. II 128.
 Бертенъ II 270.
 Бессель II 288.
 Бетховенъ II 311.
 Бецкій II 253.
 Бибииковъ П. Г. I 135.
 Биконсфильдъ лордъ II 35, 44.
 Биронъ герц. II 12, 13, 15.
 Бисмаркъ кн. I 81, 190, 214, II 289, 301, 302.
 Благосвѣтловъ II 268.
 Бланъ Луи I 320, II 99, 100.
 Блудовъ гр. II 196, 209.
 Боборыкинъ I 284, 285, II 257, 264, 265, 266, 267.
 Бобринскій гр. I 11.
 Бобринскій гр. А. I 26, 71.
 Бобринскій гр. В. I 71.
 Бобровъ II 319.
 Богданова II 320.
 Божеряновъ II 322.
 Бокль II 264, 265, 266.
 Бонту I 293.
 Бочковъ II 207.
 Борель I 168.
 Бородинъ II 311, 314, 318.
 Брандуковъ II 313.
 Брикнеръ I 312.
 Брилья-Саваренъ II 288.
 Брокъ II 98.
 Брольо II 91.
 Броунъ гр. I 130, II 19.
 Брутъ I 319.
 Брюловъ II 303.
 Брианскій II 319.
 Буксгевденъ гр. II 15.
 Булгаринъ II 13, 263.
 Бунге I 50, 58, 254, 283, II 100, 101, 111, 114, 133.
 Бурде II 192.
 Буссенго II 251.
 Бутковъ II 196.
 Бюффонъ I 111.
 Бычковъ II 272.
 Вагнеръ II 289.
 Вагнеръ Рихардъ II 307.
 Ваддингтонъ I 197.
 Валберхъ II 320.
 Галуевъ гр. I 45, 62, 294. II 140, 141, 144.
 Вальдемаръ II 247, 272.
 Вальтеръ-Скоттъ II 79.
 Варшавскій А. I 213, II 72.
 Василий Шуйскій I 227.
 Васильевъ II 319.
 Васильчиковъ кн. А. I 229. II 150.
 Веласкесъ II 306.
 Велепольскій марк. А. II 6.
 Велепольскій марк. С. II 5, 6, 7, 8.
 Велингтонъ герц. I 121.
 Веннингъ I 100.
 Вергина II 319.
 Веретенниковъ I 141.
 Вержбиловичъ II 313.
 Вернадскій I 199.
 Верстовскій II 314, 318.
 Веселовскій II 272.
 Вейсъ I 194, 195, II 310.
 Вигель I 32, 145.
 Вильбоа II 314.
 Вильгельмъ I II 301.
 Вильель II 269, 270, 271.
 Винценгероде II 15.
 Виргилій II 146.
 Витгенштейнъ гр. II 15.
 Витте Ю. II 140.
 Воейковъ II 148.
 Волконскій кн. I 319.
 Вольтеръ I 61, II 42, 265, 304, 307.
 Вольф Альб. II 304, 305.
 Волинскій II 301.
 Вормсъ бар. II 44.
 Воробьева II 319, 320.
 Вороновъ II 272.
 Воронцовъ св. кн. М. С. I 130, 168. II 58.
 Воронцовъ гр. С. Р. I 22, 23.
 Вреденъ II 300.
 Вронченко гр. II 4, 98.
 Выговскій II 5.
 Вышнеградскій I 284.
 Вяземскій кн. ген.-прок. I 147.
 Вяземскій кн. П. II 303.
 Гагемейстеръ II 99.
 Гакстгаузенъ бар. I 270, 301. II 288.
 Галаганъ I 11. II 149, 150.

- Галеви II 35.
 Гамалѣя II 297.
 Гамбетта I 194, 195.
 Гамбуровъ II 319.
 Гарриксъ II 318.
 Гартманъ II 303.
 Гасфортъ I 155.
 Гаусъ II 288.
 Гегель II 265.
 Геденовъ II 320.
 Генрихъ IV I 169. II 250.
 Георгиевскій II 248.
 Герберштейнъ бар. II 32.
 Гермогенъ II 301.
 Герценъ I пред. XVI, 320. II 191, 263.
 Гете I пред. XX.
 Гейне I пред. XV, XXII. II 35, 62.
 Гиллебрантъ II 93.
 Гиляровъ-Платоновъ I 290. II 272, 273.
 Гинцбургъ II 329.
 Гинцбургъ бар. II 64, 69.
 Гирсъ О. К. I 141.
 Гладстонъ I 199.
 Глазуновъ II 313.
 Глинка II 307, 314, 318, 323.
 Глуховской А. П. II 32.
 Гоголь II 4, 263.
 Голицынъ кн. I 135.
 Голицынъ кн. В. В. I 227.
 Головинъ гр. I 33.
 Гонта II 73.
 Гончаровъ I 104, 260.
 Горчаковъ кн. А. И. I 31, 32, 33.
 Горчаковъ св. кн. М. I 128.
 Гошенъ II 44.
 Граббе гр. I пред. XVII.
 Градовскій А. I пред. XV, 34.
 Грамонъ гер. I 81, 197.
 Грейгъ С. А. II 104.
 Гринвальдъ I 71.
 Гриневичъ II 53.
 Гротъ К. I 99, 116, 117.
 Гуларъ II 104.
 Гуно II 307.
 Гурьевъ гр. I 31, 208, 209. II 95, 96.
 Гутчисонъ I 164.
 Губнеръ II 129.
 Гюго Викторъ II 213.
 Гюльденъ II 290.
 Давидъ II 50.
 Данилевскій Н. I пред. XVII.
 Данилова II 320.
 Дарвинъ I пред. XVII. II 50, 264 265.
 Даргомыжскій II 307.
 Дашковъ II 150.
 Дежневъ II 287.
 Делаянтъ II 306.
 Деленъ II 290.
 Делиль II 288.
 Демидовъ Акинф. II 13.
 Демидовъ II 252, 253.
 Демидовъ С.-Донато II 77, 78, 79, 80, 81, 82, 206.
 Демомбинъ I 143.
 Деростъ II 211, 212.
 Дибичъ-Забалканскій гр. II 15.
 Дидро II 256, 257.
 Дитрихъ II 172, 304.
 Дюдоръ Снцилійскій II 212.
 Джеферсонъ I пред. XXI.
 Дмитревскій II 257, 317, 319.
 Дмитриевъ II 150.
 Додэ А. II 335.
 Долгорукій ен. I 191.
 Долгорукій кн. Я. I 38.
 Долгоруковъ к. В. А. I 97.
 Домонтовичъ И. I 242.
 Домонтовичъ К. II 266.
 Дононъ I 197, 198, 199, 200, 330.
 Драбкинъ II 64.
 Драгендорфъ II 172.
 Дриго II 314.
 Дрозъ Нума II 307.
 Дрюмонъ II 35, 67.
 Дубровинъ I 361.
 Дурново Н. I 119. II 4.
 Дьяковъ I 135.
 Дюма сынъ II 335.
 Дюрингъ II 35.
 Дюръ II 319.
 Евреиновъ Г. I 175. II 280.
 Екатерина II I 13, 36, 96, 130, 146, 169, 175, 229, 268, 270, 295. II 3, 17, 19, 25, 94, 191, 322, 323, 332.
 Екатерина Павловна в. к. I 145.
 Елисавета Петровна I 36. II 60, 123, 124, 150, 210.
 Елисеѣвъ I 303.

Ермоловъ I 130. II 15.
Ермоловъ А. С. II 131.
Есипова II 313.
Ефремовъ II 320.

Желѣзнякъ II 73.
Жиранденъ Э. де II 290.
Жихаревъ I 319.
Жуковский II 266.

Заблоцкий-Десятовскій I 61.
Завадовскій II 4.
Зарудный А. II 198.
Зарудный II 190, 192, 196.
Засуличъ II 196.
Зайцевъ II 265.
Звѣринскій II 122.
Зеленый I 61, 62.
Зловъ II 320.
Зола II 201, 307, 335.
Зотовъ Р. II 322.
Зубова II 320.

Иванъ III I 295, 301.
Иванъ Грозный I*227. II 262.
Ивановъ ак. II 319.
Ивановъ II 170.
Ивановъ жив. II 303.
Ивашинцевъ I 171.
Игнатьевъ гр. Н. I 63, 160, 254.
II 66, 82, 86, 140, 148, 267.
Иконина II 320.
Исаевъ II 300.
Исайя II 38, 40.
Истомина II 320.

Иезекіиль II 38, 39.
Иеремія II 38, 40.
Иисусъ сынъ Сираха II 231.
Іоаннъ о. I 42.
Іустинъ Александр. II 104.

Кавелинъ К. II 71, 72.
Кавось II 318.
Казнаковъ I 155.
Калачевъ II 151.
Кампенгаузенъ бар. I 33.
Канкринъ гр. I 26, 31, 209, 312.
II 15, 96, 97, 166.
Калодистрія гр. I 191.
Карабчевскій II 205.
Каракозовъ I 132.

Карамзинъ I 22, 146, 190, 208.
II 93.
Каратыгинъ В. II 318, 319.
Каратыгина II 319.
Карлъ I-й I 290.
Карлъ VI II 43.
Карпинскій А. II 285.
Картавовъ II 329.
Кастера II 32.
Катакази II 28.
Катковъ I 111, 112, 216. II 77,
184, 210, 260.
Кауфманъ И. II 111, 114.
Кауфманъ фонъ К. II. I 128.
Кахановъ М. II 140.
Каховскій гр. I 319.
Кайль I 212.
Квитка II 83, 84.
Келерманъ II 43.
Кенигъ И. I 211.
Кетлэ II 122.
Кириллъ-Бѣлозерскій I 316.
Киселевскій II 257.
Киселевъ гр. I 26, 61. II 57.
Кистеръ бар. II 321, 322, 323, 324.
Клеверъ II 303.
Клейнмихель гр. I 26, 31. II 15.
Климовскій II 320.
Климовъ I 171.
Клодіонъ II 305.
Княжевичъ А. I 210.
Кобдеиъ I 82. II 88, 89, 91.
Ковалевскій М. II 171.
Коганъ II 72.
Козодавлевъ I 158.
Кокериль II 24.
Кокленъ II 260.
Кокоревъ I 177. II 98, 146.
Колосова II 319.
Колосова танд. II 320.
Колпаковскій I 162.
Коль I 164.
Колюпановъ II 151.
Комаровскій гр. I 32, 33.
Конгривъ II 334.
Коненгъ II 334.
Контъ Огюстъ II 264, 265, 266.
Коро II 305.
Коровяковъ II 257.
Корфъ гр. М. II 269.
Косаговскій I 164.
Косицковскій I 33.

Костомаровъ II 260.
 Коцебу гр. I 168.
 Коцебу II 287.
 Кочубей гр. В. I 22, 28, 49. II 4.
 Кояловичъ I 136.
 Крафтъ-Эбингъ II 223, 311.
 Кремье II 35, 43.
 Крестовскій В. II 27.
 Кромвель II 44.
 Крузенштернъ II 287.
 Крутицкій II 319.
 Крыжановскій Н. А. I 171.
 Крыловъ В. II 198.
 Крыловъ Н. I 257.
 Куинджи II 303.
 Кулишъ II 5.
 Куракинъ кн. I 209.
 Курсель-Сенейль I 260.
 Кюба I 168.
 Кюи II 313, 314, 318.
 Кюбекъ II 89.
 Кюстинъ II 32.
 Кэри II 97.

Лабурдонэ II 271.
 Лавелз-де I 222, 223, 224, 225. II 239.
 Лавровская II 313, 320.
 Лагова II 170.
 Ламанскій Е. И. I 200, 266. II 99.
 Лангранжъ Дюмонсо I 293.
 Ланинъ II 181.
 Ларошфуко I 189.
 Лассаль I пред. II 35.
 Лафитъ II 168.
 Лебедевъ II 210.
 Легарди де Болье II 91.
 Лекенъ II 318.
 Лемуанъ Джонъ I 195.
 Лентовскій II 200.
 Ленушка танд. II 319.
 Леонтьевъ I 111.
 Леруа-Болье А. I пред. XVII.
 Леруа-Болье П. I 222. II 118, 219.
 Лейхтенбергскій герц. Н. I 261.
 II 150.
 Либихъ II 97.
 Ливень св. кн. I 62. II 140, 144.
 Ливень кн. П. II 17.
 Линдемайтъ II 290.
 Линдемайтъ професс. II 294.
 Линская II 319.

Листъ II 96, 300.
 Литвиновъ I 252.
 Литке гр. II 17, 287.
 Лихутина II 319.
 Лобановъ-Ростовскій кн. Д. I 32, 101.
 Ломоносовъ II 216.
 Лорнсъ-Меликовъ гр. I 98, 254.
 Лорье II 307.
 Лугинъ II 151.
 Луццати II 299.
 Львовъ II 314.
 Льюисъ II 264.
 Любошнянскій I пред. XII.
 Людовикъ IX II 42, 43.
 Людовикъ XIV I 148, 322.
 Лютеръ II 70.
 Лядовъ II 314.

Магницкій I 31, 100, 101, 294.
 Мазнинъ II 326.
 Макаровъ I 36.
 Маковскій К. II 303.
 Маколей II 35, 37, 40, 43.
 Максимовъ II 319.
 Малькиель II 72.
 Мальгусъ I пред. XXII.
 Майдельштамъ II 64.
 Манъ I 52. II 108.
 Марать I 320.
 Марксъ Карлъ I 320.
 Мартенваль II 271.
 Мартенсъ Ф. I 91, 193.
 Мартиньякъ II 271.
 Мартыновъ II 257, 319.
 Марціаль II 6.
 Марья Ѳедоровна I 118.
 Мегю II 174.
 Медынцева I 296.
 Меккъ I 79, 208.
 Мекензи II 158.
 Мекензи-Уалласъ II 288.
 Мельниковъ П. I 26, 45, 71.
 Мендельсонъ II 35.
 Менделѣевъ II 292.
 Меньковъ II 15.
 Менъ I 221.
 Мерси-Аржанто гр. II 314.
 Местръ гр. Ж. де I 24, 25.
 Мессонье II 305, 306.
 Меттернихъ кн. I 80.
 Мехелинъ I 144.

- Мечниковъ II 297.
 Мейерберъ II 35, 62.
 Мей Медея II 325.
 Мейндорфъ бар. II 17.
 Мещерскій кн. В. II 309.
 Микѣшинъ II 301.
 Миллэ II 304, 305, 306.
 Милорадовичъ гр. II 320.
 Милютинъ гр. Д. I 233, 241.
 Милютинъ Н. I 19, 133, 136.
 Миль Д. С. I 284. II 264, 299.
 Михайлъ Николаевичъ в. к. I 137.
 Мингетти II 96.
 Мининъ II 301.
 Минихъ гр. II 13.
 Мирковичъ II 57, 58.
 Митрофанія иг. I 292, 295, 296.
 Михайлъ Оедоровичъ I 41, 169, 225, 227, 316.
 Мишель II 97.
 Мишеле адв. II 201, 309.
 Модерахъ I 162.
 Можайскій в. к. Д. А. I 316.
 Молешотъ I 284.
 Молинари де I 200. II 100.
 Мольеръ II 302, 316, 317, 334.
 Мольтке гр. I 292.
 Монгомери I 144.
 Монтескье I 224, 229, 312.
 Монтинья II 334.
 Мопэ II 274.
 Моргулисъ I 276, 277.
 Мордвиновъ гр. I 32, 33, 209. II 107.
 Морницъ Саксонскій II 16.
 Морозовъ Т. I 46.
 Мортара II 44.
 Моцартъ II 311.
 Мочаловъ II 257, 319.
 Монсей II 38, 66, 123, 124.
 Муравьева II 320.
 Муравьевъ-Амурскій гр. I 32, 33, 33, 209, II 107.
 Муравьевъ М. Н. I 61, 134, 135, 136.
 Мусинъ-Пушкнъ I 36.
 Мусоргскій II 303, 313, 314, 318.
 Мюллеръ II 251, 252.
 Надеждинъ II 263.
 Назимовъ I 136.
 Наполеонъ I-й I 23, 52, 144, 145, 199. II 5, 15, 43, 268, 270, 298 и 302.
 Наполеонъ III-й I 81, 249. II 274, 302.
 Нассе II 90.
 Наумовъ II 149.
 Неклюдовъ II 209.
 Нессельроде гр. I 191. II 14. 95.
 Никитенко II 270, 272.
 Николай I-й I 25, 96, 97, 101, 131, 211, 229, 257, 268, 270, 283. II 57, 58, 59, 209, 215, 268, 288, 297, 318, 322, 332.
 Никонъ I 40, 41, 290, 291, 292.
 Новиковъ II 263.
 Нордау Максъ II 281.
 Ньютонъ I 111. II 215.
 Нуренъ II 290.
 Оберъ II 310.
 Обиинскій I 326.
 Ободовскій I 121, 122, 123, 124, 125.
 Оболенскій кн. Дм. II 272.
 Обресковъ I 191.
 Обручевъ I 151.
 Огаревъ I 320.
 Огюстъ II 319.
 Ожье II 335.
 Оленинъ II 151.
 Оливекрона II 212.
 Ольденбургскій пр. П. П. I 145.
 Опекушинъ II 301.
 Орлова гр. I 301.
 Орловъ гр. I 31.
 Орловъ-Давыдовъ гр. А. В. I 299, 300, 301.
 Османъ I 249.
 Ососовъ В. Я. I 261, 262.
 Остерманъ гр. II 14.
 Островскій М. Н. I 63.
 Оффенбахъ II 35.
 Павелъ Апост. II 35.
 Павелъ I 36, 96, 176, 268. II 81, 317.
 Пазухинъ пред. IX I 235, 229, 230, 231.
 Паксидъ Лагиридъ I 40.
 Паленъ гр. I 98. II 87, 140.
 Панинъ гр. I 191. II 280.
 Палковъ II 314.

Паскевичъ-Эриванскій II 4, 58.
 Пассоверъ II 204.
 Пастеръ II 295, 296.
 Паукеръ I 71, 217.
 Пачифико II 44.
 Пашковъ I 296.
 Пашино I 85.
 Перовскій I 151.
 Петина II 320.
 Петровъ II 320.
 Петръ I-й I 13, 23, 35, 40, 91,
 174, 175, 228, 249, 268, 270,
 285, 292, 295, 296, 298, 311,
 312. II 13, 60, 93, 106, 123,
 215, 287, 302.
 Петръ II-й I 36.
 Петръ III-й I 96, 268, 270. II 16.
 Петенкоферъ II 157.
 Петрункевичъ II 196.
 Пильцъ II 282.
 Писаревъ II 265.
 Платонъ I 319. II 215.
 Плеве I 322. II 140.
 Погодинъ I 290.
 Погорѣльскій II 272.
 Пожарскій кн. II 301.
 Полевой Н. II 263.
 Поляковъ С. С. I 213. II 72.
 Порошинъ II 317.
 Порталнсъ II 43.
 Португаловъ II 169.
 Посъетъ гр. I 34, 71.
 Потаповъ I 133.
 Потемкинъ Таврич. св. кн. I 184.
 Посошковъ I 312. II 93.
 Пренсъ I 224, 225.
 Прудонъ II 219, 220.
 Приклонскій I 32.
 Прокофьевъ II 210.
 Птоломей II 42.
 Путятинъ гр. I 68.
 Рагозинъ В. I 257.
 Рагозинъ Е. I 232.
 Разумовскій гр. II 4.
 Рафаловичъ II 45, 168.
 Рашель II 35, 258.
 Редереръ гр. II 270.
 Редстокъ лордъ I 296.
 Рембрандтъ II 305, 306.
 Ремизовъ Н. I 171.
 Ренанъ II 335, 336.

Рейтернъ I 66, 201, 260.
 Ржевскій II 272.
 Рикардо II 299.
 Римскій-Корсаковъ II 313, 314, 318.
 Ришаръ дю-Канталъ II 250.
 Ришиль герц. I 130, 168.
 Ришилье кард. I 139. II 214, 222.
 Рiego I 319.
 Робеспьеръ I 320. II 213.
 Роберти де II 146.
 Розенъ бар. I 203, 205.
 Розенталь II 72.
 Романовскій II 279.
 Ромбергъ II 290.
 Ростопчинъ гр. I 319.
 Ротшильдъ I 222.
 Рошфоръ I 196, 197.
 Рубенсъ II 306.
 Рубинштейнъ II 313, 314, 315.
 Руксель II 307.
 Руннъ I 31, 294.
 Руссо Ж. Ж. II 79, 266, 307.
 Рѣпинъ II 303.
 Рѣпинъ кн. I 191.
 Рыкаловъ II 306.
 Рыковъ I 260, 261, 263.

Сабаконъ II 212.
 Саблуковъ I 33.
 Савина II 319.
 Сакенъ бар. II 15.
 Салтыковъ (Щедринъ) II 260.
 Самаринъ Д. II 149.
 Самаринъ Ю. II 5, 149, 266.
 Самойлова II 319.
 Самойловъ В. 319.
 Самойловъ II 320.
 Самбурскій I 32.
 Сандунова II 320.
 Санъ-Галли I 243.
 Сарретъ II 310.
 Сахарова II 319.
 Секретанъ II 304, 305.
 Семевскій М. I 252.
 Семенова II 319.
 Семенова пѣв. II 320.
 Семеновъ Н. II 266.
 Семеновъ П. I 200 266.
 Сергѣевичъ I 227, 228.
 Сердюкова II 13.
 Серена I 192.
 Сиверсъ гр. I 162. II 16.

- Симеонъ Полоцкій II 317.
 Скалонъ I 229.
 Скальковскій К. I 58, 258. II 27.
 Скайлеръ I 85. II 27, 28, 29, 30,
 31, 32, 33.
 Скобелевъ М. II 12, 302.
 Скобелевъ Д. II 15.
 Скрыбинъ II 207.
 Смирнова II 320.
 Смирновъ II 100, 102.
 Смитъ Адамъ II 94, 97, 298.
 Смолка I 223.
 Снегиревъ II 262.
 Снѣткова II 319.
 Сокальскій II 314.
 Соколова II 319.
 Соловьевъ С. I 193, 227, 291.
 Соловьевъ II 314.
 Солодовниковъ I 296.
 Соломонъ II 40, 55.
 Сосницкій II 319.
 Софья царев. II 316.
 Соймоновъ II 323.
 Спенсеръ Гербертъ I 221. II 264,
 265, 266.
 Сперанскій гр. I пред. XVI, 2, 12,
 18, 23, 28, 31, 130, 144, 145,
 158, 165, 291. II 94, 215.
 Спинноза II 35, 42.
 Стасовъ В. II 303, 314, 318.
 Стратфордъ Радклифъ I 81. II 158.
 Стренспортенъ I 143.
 Струве В. II 286, 289.
 Струве О. II 289, 290.
 Струве II 290.
 Стрѣшневъ I 40.
 Стрѣльбицкій II 122.
 Субейранъ бар. I 52, 53.
 Суворовъ-Рымникскій свѣт. кн. А.
 I 32. II 15, 16, 19.
 Суворовъ кн. А. А. II 17.
 Сухаровскій II 303.
 Сѣровъ II 314.
 Сѣченовъ II 260.
 Сэй Ж. Б. II 94, 298.
 Сэй Леонъ I 52, 222. II 90.
 Танѣевъ II 325.
 Танѣевъ С. А. I 174.
 Тараваль II 304.
 Татаринновъ II 111, 119.
 Татищевъ
 Татищевъ С. С. I 192, 193.
 Тацитъ II 40, 41.
 Тезекъ султанъ II 30.
 Телешева II 320.
 Тенгоборскій I 199, II 97, 98.
 Тенъ I 206, II 264.
 Теренцій I пред. XVI.
 Тимашевъ II 19.
 Титовъ I 314, 315, 316, 317.
 Тиціанъ II 306.
 Толстой гр. Д. А. I 5. 312. II, 22.
 Толстой гр. Л. Н. I 296. II, 260.
 307.
 Толстой О., 314.
 Треповъ I 266.
 Трошинскій II 4.
 Трубецкой кн. I 319.
 Тургеневъ А. И. I 190.
 Тургеневъ И. С. I 255.
 Тургеневъ Н. II 95, 107.
 Турола II 325.
 Трюфякинъ кн. II 322, 323.
 Уайненсъ I 212, 214.
 Уваровъ гр. I 125, II 270.
 Уичерли II 335.
 Умисса II 47.
 Устряловъ I 199.
 Утинъ Я. II 131.
 Уэльсъ II 90.
 Фавръ Жюль I 81.
 Фадѣевъ Р. I 141, 229.
 Фиганьеръ гр. II 90.
 Филаретъ митр. I 294.
 Филаретъ патр. I 41.
 Филапаторъ I 42.
 Философовъ Д. I 3.
 Фитингофъ-Шель бар. II 314.
 Фишерингъ II 91.
 Фодоръ II 320.
 Фонвизинъ II 78, 262.
 Фонтанъ II 38, 39.
 Форстеръ II 90.
 Фойницкій II 193.
 Фрагонаръ II 305.
 Франкевилъ II 90.
 Франклинъ II 298.
 Фредериксенъ II 89.
 Фредро гр. II 334.
 Френкель бар. I 62.
 Фрейсине I 214.

Фридрихъ II 14, 16.
 Фукэ Жакъ II 304.
 Фурье Шарль I 320.
 Фуксъ В. II 202.
 Фуксъ II 272.
 Фуссъ II 17.

Хмельницкій Богданъ II 2, 5.
 Хованскій кн. I 135.
 Храповицкій II 323.

Цезарь Юлій II 41.
 Цез II 272.
 Цитовичъ II 265.
 Цицеронъ II 40, 41.
 Цукки II 258.

Чайковскій II 313.
 Чевкинъ I 212.
 Черкасскій кн. II 266.
 Черняковъ II 320.
 Чернышевъ гр. I 319.
 Чернышевъ кн. А. И. I 31, 141.
 II 166.
 Чижевъ II 297.
 Чичеринъ I 227. II 149, 150.
 Чубинскій II 74.

Шальмель-Лакуръ I 195.
 Шамфоръ I 189.
 Шатиловъ II 149.
 Шаховской кн. II 321.
 Шайкевичъ II 208.
 Шевалье Мишель II 97, 300.
 Шекспиръ I 284, 302, 317.
 Шереметьевъ I 61.
 Шидловскій II 191.

Шитковъ I 33, 262.
 Шопенгауэръ II 231, 232.
 Шницедеръ Адель I 293.
 Шпонекъ II 89.
 Шредерсъ-фонъ II 172.
 Штейнъ II 134.
 Штиглицъ бар. I 121. II 103.
 Штомфъ-фонъ I 212, 214.
 Шторхъ II 95.
 Штюрмеръ II 271.
 Шуваловъ гр. П. А. I 81, 97.
 Шуманъ II 313.
 Шумскій Я. II 319.
 Шушеринъ II 319.

Щегловитовъ I 272.
 Щепкинъ I 248. II 257, 319.
 Щербатовъ кн. II 149.
 Щербина I 200, 320.

Эбраръ I 197.
 Эдуардъ I-й II 44.
 Эккерманъ I прод. XX
 Энгельгардтъ I 303.
 Эрскинъ-Май II 91.

Яковлевъ II 319.
 Янжулъ II 133.
 Янсонъ I 273, 303. II 149.
 Ярославъ Мудрый II 21.

Оедоровъ Иванъ II 260, 261, 262.
 Оедоровъ П. С. II 325, 330.
 Оедоръ Алексѣевичъ I 226, 227.
 II 13.
 Оеоктистовъ II 272, 273.
 Оеофанъ Прокоповичъ I 293.

ОКОНЧАНИЕ ВТОРАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.